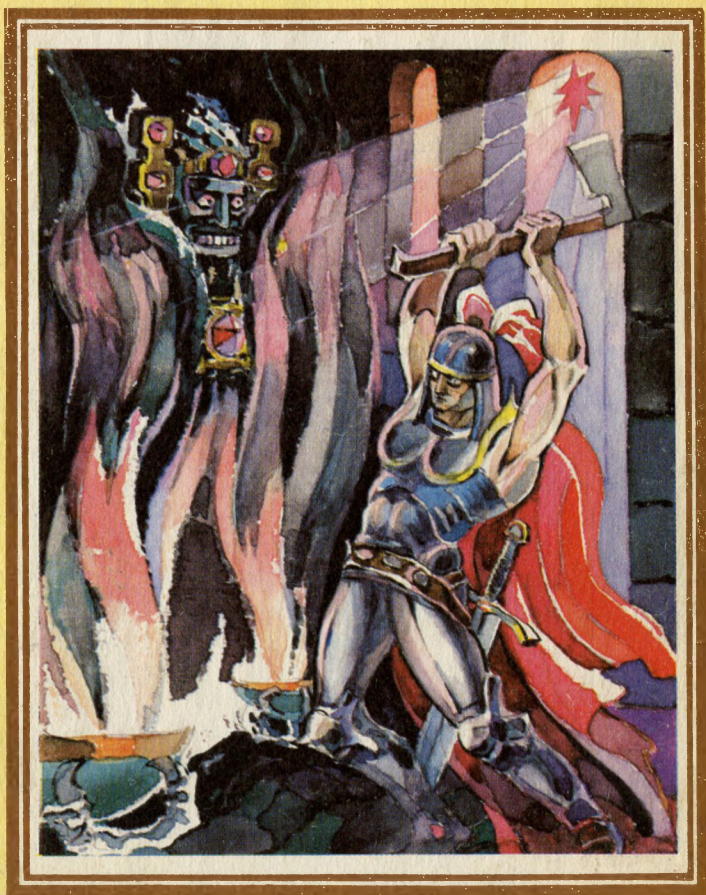

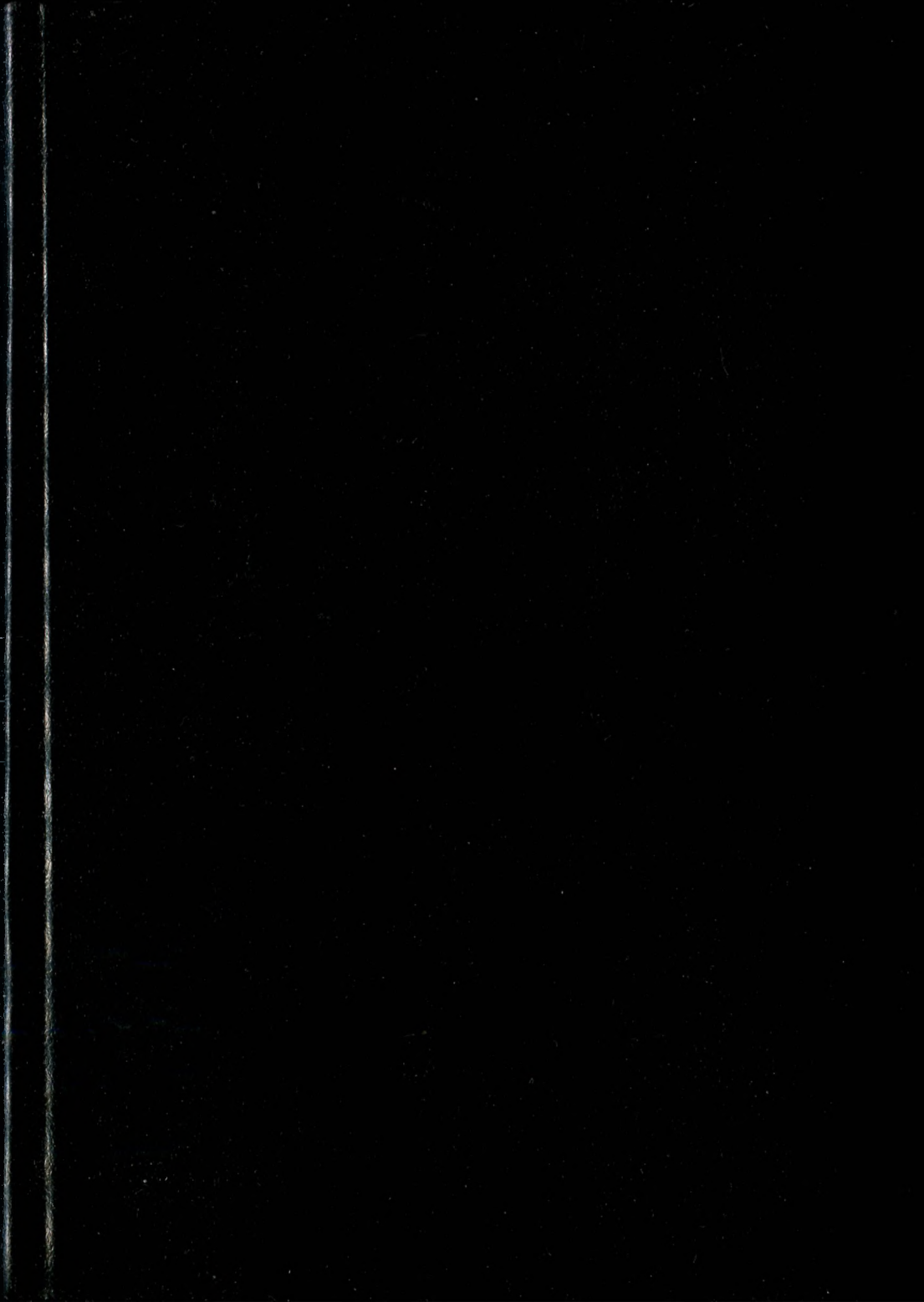
Э. Э. „Док“ СМИТ

КРОВАВОЕ ОКО САРПЕДИОНА

fantasy

Сарлонский
залив

Фатх

Л О Н

река Сарл

Западный
рыкав

река Мегула

Нижний
Брод

Нижняя
Марка

Хребет

река Лотаро

Ломпор

Прибрежный

М И

С Т И Р

Семедичули

Ж

ТАРК

Южный

Сольмощу

Д Е В О С С

Э. Э. «ДОК» СМИТ

КРОВАВОЕ ОКО САРПЕДИОНА

Санкт-Петербург
АО «Спикс»
1993

Перевод с английского М. Нахмансона, Т. Старшиновой

Смит «Док» Э. Э.
М15 Кровавое Око Сарпедиона. Фантастические
романы и повести. Пер. с англ. — СПб.: АО «Спикс»,
1993 — 384 с.

ISBN 5-7288-0008-4

Книга «Кровавое Око Сарпедиона» открывает собрание сочинений классика американской научной фантастики Эдварда Элмера «Дока» Смита. В данный том вошли лучшие новеллы писателя, созданные в жанре исторической фантазии и «космической оперы». Первая из них («Кровавое Око Сарпедиона») повествует о попытке людей будущего избавиться от некоей таинственной мистической опасности, грозящей им миру, путем изменения исторического прошлого. Во второй («Звезды Империи») описываются головокружительные приключения двух космических агентов-суперменов, уроженцев планеты с тройной силой тяжести, разыскивающих, по велению правителя Земной Империи, его неведомых и анонимных противников, претендующих на трон. Остальные произведения, написанные в живой и увлекательной манере, крайне разнообразны по тематике — здесь и война с роботами, и схватки с космическими пиратами, и прочие удивительные и очаровательные фантазии, сотворенные талантом «Дока» Смита, писателя и ученого.

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

«Док» Смит — летописец галактических цивилизаций

Эдвард Элмер Смит, известный миллионам англоязычных читателей как Э. Э. «Док» Смит, родился в 1890 году в небольшом городке штата Висконсин. Его отроческие годы прошли на ферме в Айдахо; затем он поступил в университет и с 1914 года начал специализироваться в области химии пищевых продуктов. Женившись в 1925 году, он поселился в Вашингтоне и приступил к подготовке диссертации. По-видимому, это были нелегкие годы для четы Смитов; жене будущего «дока» пришлось работать стенографисткой, чтобы он получил возможность обзавестись ученой степенью. После того, как Смицу было дано право прибавить к своей фамилии почетную приставку Ph. D — доктор философии (напомним российскому читателю, что в данном случае речь идет о степени доктора натуральной философии, т. е. степени в области естествознания — химии, физики и т. д.), он около семнадцати лет занимал должность главного химика некой фирмы в штате Мичиган, производившей хлебобулочные и кондитерские изделия. В 1936 г. он перешел в другую фирму, но через пять лет потерял место в связи с разразившимся в начале войны кризисом. В пятьдесят один год ему пришлось пойти работать на артиллерийский завод; только после войны он смог вернуться в хлебопекарную промышленность — на этот раз в Чикаго. Наконец, в 1957 году Смит вышел в отставку и переехал во Флориду, где жил до своей смерти, последовавшей в 1965 г.

Смит начал писать довольно рано, но его первое произведение — «Жаворонок пространства» — увидело свет только в 1928 г. на страницах журнала «Amazing stories» («Удивительные истории»). В анналы американской и вообще англоязычной фантастики он вошел как один из основателей жанра «space opera» («космическая опера»), в котором работал всю жизнь. Для того, чтобы читатели лучше представили себе место «Дока» Смита в том бурном потоке, в который в наши дни превратился скромный ручеек научной фантастики начала века, напомним следующее. Смит является ста-

рейшиной и патриархом; в хронологическом смысле рядом с ним можно поставить, пожалуй, лишь Хьюго Гернсбека (1885—1967) и Мюррея Лейнстера (1896—1975). Великий Эдгар Райс Берроуз (1875—1950), автор историй о незабвенном Тарзане, Джоне Картере, герое Марса, и Карсоне Нейпире, герое Венеры, был на пятнадцать лет старше его и умер на пятнадцать лет раньше. Все остальные хорошо известные нам классики англо-американской фантастики младше или намного младше «Дока» Смита. К их числу относятся и Роберт Говард (1906—1936), создавший мир Конана-Варвара, и Эдмонд Гамильтон (1904—1977), еще один яркий представитель жанра «космической оперы», и столь любимые нами Клиффорд Саймак (1904—1988), Альфред Ван Вогт (род. 1912), Артур Кларк (род. в 1917), Фредерик Пол (род. в 1919), Айзек Азимов (1920—1992) и многие, многие другие.

Итак, в данном случае речь идет о писателе, который стоял у самых истоков современной НФ и, следовательно, интересен уже в силу одного этого обстоятельства. Однако он интересен и по другим причинам, о которых речь пойдет ниже. Предварительно я только прошу читателей ни сейчас, ни впредь не путать нашего старейшину Э. Э. «Дока» Смита с прочими Смитами из клана фантастов Смитов. Чтобы подчеркнуть это, перечислю нескольких известных мне Смитов: Джордж (Георг) Генри Смит (автор прелестной фэнтези «Королева ведьм Лохлэнна»; переведена на русский), Корд-вайнер Смит, Кларк Эштон Смит, Дэвид К. Смит, Торн Смит, Джордж (Георг) О. Смит (автор романа «Космическая чума»; переведен на русский). Несомненно, наш «Док» Смит не является лучшим писателем из всей этой когорты: лучшим, безусловно, был Корд-вайнер Смит, творец «Инструменталитета человечества». Но вот что забавно: «Док» Смит, не являясь лучшим, в то же время самый великий из всех Смитов — хотя бы потому, что он был первопроходцем.

Итак, обратимся к Эдварду Элмеру Смиу, патриарху.

Его книги — воистину «космическая опера»; они рисуют грандиозные события, противоборство галактик, столкновения могущественных цивилизаций; на их страницах сверкают вспышки бластеров, быстрее света мчатся межзвездные корабли километровой длины, свирепствуют роботы и космические пираты, происходят жестокие схватки в пространстве и времени, которые всегда

заканчиваются неизбежной победой землян.

Как отмечают современные американские критики, литературный стиль Смита почти не поддается описанию. Созданные им характеры схематичны и тяжеловесны; положительные герои — нестигаемы и благородны; злодеи — отвратительны и ужасны. Его персонажи — необыкновенные ученые или изобретатели, астронавты-супермены или, в крайнем случае, великие воины; всю компанию этих героев можно охарактеризовать емким и кратким английским словом «бест» («best») — наилучшие в превосходной степени. По выражению одного из критиков «диалоги Смита напоминают разговор мальчиков из колледжа» (Уолтер Гиллингс, предисловие к сборнику «The best of E. E. «Doc» Smith» — Wlter Gillungs, Foreword «Edward E. Smith, Ph. D civilization's historian»); другие отмечают, что у Смита «величайший физик, высокообразованный человек... говорит подобно преступнику из банды Аль Капоне» («Справочник читателя научной фантастики» «Reader's Guide to Science Fiction» by B. Searles, M. Last, B. Meachaw, M. Franklin, Avon Books, 1979, N. Y.). Правда, в этом случае речь идет о «Блэки» Ду-Квесне, который хотя и является гениальным ученым, склонен к злодейству и не брезгает торговлей наркотиками. Однако, несмотря на наивность произведений «Дока» Смита (вполне естественную для патриархальных довоенных времен), несмотря на мелодраматизм созданных им ситуаций и угнетающую однозначность характеров, его имя и его творчество несомненно принадлежит мировой истории развития научной фантастики.

Смит приобрел наибольшую известность как создатель двух сериалов — «Жаворонка» (четыре книги, 1928—1965 гг.) и эпопеи о Ленсманах — людях Линзы (семь книг, 1934—1951 гг.). «Жаворонок» — космический корабль, экипаж которого включает четырех неустрашимых астронавтов. Капитан «Жаворонка», отважный и благородный Дик Ситон, вместе со своими людьми борется с упоминавшимся выше злодеем «Блэки» Ду-Квесном, устанавливая попутно контакты с различными галактическими расами, спасая целые цивилизации и совершая прочие космические подвиги. Интересно отметить, что данный сериал начал и завершил литературную деятельность «Дока» Смита. Первый роман, вышедший в 1928 году, завоевал такую популярность читателей, что Смит еще дважды обращался к этой

теме — в 1930 году («Жаворонок Три») и в 1934 году («Жаворонок Валерона»). Особенно полюбился читателям мерзавец «Блэки»; в четвертой книге сериала Смиту пришлось его перевоспитать и даже включить в состав экипажа «Жаворонка» («Жаворонок Ду-Квесн», 1965 г.).

В эпопее о Ленсманах описывается противоборство двух могущественных рас, каждая из которых доминирует в своей Вселенной. Мудрые обитатели планеты Аризия («хорошие парни») занимаются цивилизаторской деятельностью в нашей галактике; они причастны к возникновению земного человечества, так как засевают жизнью необитаемые миры. Мерзкие и хитрые жители планеты Эддор («скверные парни»), властвующие над галактическими просторами в другом пространственно-временном континиуме, решают захватить нашу галактику. Аризияне, организовавшие союз разумных рас, названный Трипланетием, противодействуют коварным замыслам интервентов. Они выбирают наиболее выдающихся представителей галактических народов и создают из них отряд Ленсманов — носителей Линзы, чудесного прибора, высвобождающего скрытые способности разумного существа. Линза позволяет своему владельцу вступать в связь с любой формой жизни; однако использование этого прибора неподготовленным существом сулит ему быструю смерть. Ленсманы борются с эддорианами; их ведут вперед такие герои, как Первый Ленсман Вирджил Сэмс, при котором Земля вступила в лигу Трипланетия, Серый Ленсман Кимбел Киннесон, чьи подвиги потрясают две галактики, Кларисса Макдугал, рыжеволосая подруга Киннесона. Наконец, второе поколение Ленсманов наносит Эддору решительное поражение и вручает судьбы обеих галактик в надежные руки аризиан. На фоне титанической борьбы двух цивилизаций происходит множество событий, связанных с уничтожением вражеских баз, ликвидацией межзвездных торговцев наркотиками, сражениями в космосе и контактами с бесчисленными и разнообразными обитателями других миров.

Несмотря на критические замечания специалистов относительно «неописуемого стиля» «Дока» Смита, необходимо отметить, что в послевоенный период своего творчества ветеран американской фантастики писал на гораздо более высоком и практически современном уровне. Для подобного вывода достаточно сравнить

опубликованные в сборнике «Месть роботов» (сериал «НФ повести и рассказы англо-американских писателей», 1992 г.) новеллы «Месть роботов», «Тедрик» и «Лорд Тедрик». Первая из них относится к раннему периоду творчества «Дока» Смита (1934 г.) и сейчас представляет интерес скорее в качестве исторической реликвии, чем полноценного литературного произведения. Небольшой сериал о Тедрике, написанный в 1953—1954 гг., несомненно демонстрирует рост писательского мастерства Смита. Эти истории, немного наивные, но полные динамизма, читаются с неослабевающим интересом и имеют определенное значение в плане развития фантастического жанра. По-видимому, в цикле о Тедрике впервые изложена концепция незамкнутой временной петли, когда вмешательство из Будущего изменяет Прошлое, что, в свою очередь, переключает Будущее на другую линию времени.

Приведем еще одну цитату из «Справочника читателя научной фантастики», подводящую итог почти сорокалетнему творчеству «Дока» Смита:

«Никто, находясь в здравом уме, не назовет «Дока» Смита великим писателем; он был наивен, не очень аккуратен и полностью лишен понятия о правильном построении фабулы. Он постоянно находился в ловушке собственного сюжета, который требовал непрерывного и все более напряженного действия, чтобы сохранить динамизм его книг. Но как создатель литературы «чистых приключений» в рамках той наивной эпохи, в которой он жил и творил, Смит не был превзойден».

Итак — «Никто, находясь в здравом уме, не назовет «Дока» Смита великим писателем...» Но я уже сделал это — в самом начале данной статьи! И хотя я готов согласиться, что Эдвард Элмер Смит действительно не был великим литератором, он, по моему мнению, был великим фантастом. Дело, как говорится, за малым — искупить в русском переводе его недостатки и усилить достоинства.

Открою читателям небольшой секрет нашей переводческой группы. Когда мы переводим Филипа Фармера, это — Филип Фармер. Его романы из цикла «Мир Реки» трансформируются с английского на русский почти «один в один»; нечего добавить, и нечего убавить. Потому что Филип Фармер — и фантаст, и литератор; этим сказано все. Столь же прямому и непосредственному переложению на русский поддается и диалогия

Стерлинга Ланье об Иеро Дистине («Путешествие Иеро» и «Иеро не дают покоя»), и тетралогия Блиша «Города в полете», и романы Эрика Рассела.

Совсем иная ситуация возникает при работе с произведениями Энн Маккефри, с ее романами из Перинитской серии; многие, вероятно, читали их — «Полет дракона», «Странствия дракона», «Белый дракон» (изд-во «Артлик»), «Древний Перн», «Арфистка Менолли», «Отщепенцы Перна» и так далее. Здесь необходима глубокая переработка исходного авторского текста, иначе на русском эти вещи будут читаться как сентиментальные сказки для детей дошкольного возраста. Еще более глубокой переработки — фактически, на уровне пересказа — потребовал героико-эротический сериал Джеффри Лорда «Приключения Ричарда Блейда в иных мирах»; у этого автора все в порядке и с языком, и с гладкостью литературного стиля, однако фантазия бедновата — одни и те же коллизии кочуют из романа в роман.

Из вышеизложенного следует очевидный вывод — «Док» Смит будет хорош, очень хорош на русском языке, если его в процессе перевода осовременить, переписать нормальным языком и постараться сохранить не букву, но дух его романов. Что мы и попытаемся сделать, предложив российским любителям фантастики все сериалы и все лучшие вещи Эдварда Элмера Смита в шести-восьми томах.

В том первый включены лучшие повести «Дока» Смита, причем две новеллы, «Тедрик» и «Лорд Тедрик», объединены и переработаны мной в полнометражный роман «Кровавое Око Сарпедиона». Может быть, Смит сам написал бы его — проживи он лишние два-три года.

Мы, коллектив переводчиков, приступивших к работе над собранием сочинений Эдварда Элмера «Дока» Смита, посвящаем свой труд его памяти. Мы искренне надеемся, что через год этот автор будет столь же известен и любим в России, как Гамильтон, Андерсон и Гаррисон — его младшие современники, представители жанров фэнтези и «космической оперы». И пусть никто, находясь в здравом уме, не назовет великого фантазера «Дока» Смита плохим писателем с «неописуемым стилем»...

Михаил Нахмансон,
составитель и переводчик

КРОВАВОЕ ОКО САРПЕДИОНА

Часть 1

КУЗНЕЦ

1

Восточный небосклон светлел, наливался алым золотом, отодвигавшим чернильно-фиолетовый мрак ночи. Над снежными пиками древнего Ампассера, над бездонными ущельями, каменистыми склонами, остроконечными клыками скал и голубоватой толщей ледников вставало солнце. Звезды гасли друг за другом, растворяясь в его победном сиянии, и лишь одна из них — яркая, багрово-красная — продолжала упрямо карабкаться к зениту, не страшась наступающего дня.

— Критическая точка в развитии нашей цивилизации — здесь, именно здесь! — Скандос, хронофизик, коснулся ладонью экрана, на котором мерцали зеленые зубцы темпорального спектра. С минуту он пристально вглядывался в глубокий провал, уходивший за нижний обрез округлого глаза хроноскопа, потом выпрямил спину и повернулся к ассистенту. — Почему человек так глуп, Фурмин? Любое создание, любая тварь с самым примитивным мозгом, понимает: жизнь лучше смерти! Лучше радоваться свету и теплу, чем истекать кровью в отчаянии и мраке! И самые юные, цвет и надежда расы, должны приносить потомство, а не погибать на жертвенном камне во имя вымышленных богов! — Скандос снова посмотрел на экран, потом перевел взгляд на сверкающий прозрачный шар темпорального передатчика, висевший в центре лабораторного зала. Усталое прикрыв глаза, он тихо произнес: — И ведь это можно исправить... Одно путешествие туда, к этому кузнецу из древней Ломарры. Нигде в достижимом для нас

промежутке времени нет другого человека, который занимал бы столь уникальную ключевую позицию!

— Да, верно, — согласился Фурмин. Запустив пальцы в свои густые рыжие кудри, перехваченные обручем из серебристого металла, он, морщась, глядел сквозь широкий оконный проем на полукруг солнечного диска, срезанного вершиной хребта, и багровую звезду над ним. — Можем ли мы позволить Тедрику встретиться со смертью — с ужасной смертью! — в тридцать лет, когда его огромные способности не реализованы и на десятую часть? Все так просто исправить... И этот удивительный метеорит, что попал ему в руки, наполовину облегчает дело... Однако, — со вздохом заключил Фурмин, — технология выработки настоящей стали будет открыта только через два века, другим мастером, в другой стране... — Он опять поморщился, словно от головной боли, и сильно потер виски. — Соблазн велик, учитель, но вы же знаете мнение Консулата... любое, даже самое незначительное вмешательство в события прошлого может привести к непредсказуемым и катастрофическим последствиям.

— Катастрофические последствия! — фыркнул Скандос, нахмутив брови. Его худощавая невысокая фигура внезапно напряглась как согнутый клинок рапиры, глаза раздраженно блеснули. — До истинной катастрофы осталось двадцать три года, что прекрасно понимают все специалисты, кроме ископаемых старцев из Консулата! Вот она — висит над нами словно топор над шеей обреченного! — он вытянул тонкую жилистую руку к окну, к багровевшей в небе звезде.

Фурмин покачал головой и осторожно, с какой-то трепетной нежностью коснулся плеча ученого. Его большая ладонь скользнула по рукаву просторной туники Скандоса, не то поглаживая его, не то успокаивая, будто обиженного ребенка.

— Я с вами, учитель, вы же знаете, — негромко сказал он. — И я выполню любой ваш приказ. Однако... однако каждый из нас рискует головой... и не моя в данном случае представляет главную ценность.

Скандос усмехнулся, на его худом решительном лице вдруг четко обозначились выдававшие возраст морщинки. Этот Фурмин умен, весьма умен, невзирая на молодость! Умен, предан и преисполнен веры в своего учителя... Но в дни, когда над землей восходит Око Сарпедиона, важна преданность не людям, а идеям.

— Послушай, мальчик, — с неожиданной мягкостью произнес физик, — я не хочу принуждать тебя... хотя, конечно, мне нужна помощь. Ведь я не могу одновременно находиться у пульта управления и в темпоральной кабине. Но ты должен принять решение сам! — он откинул голову, всматриваясь в лицо Фурмина, высившегося рядом, как скала — ростом ассистент на целый фут превосходил своего хрупкого шефа. — Да, опасность существует, и многие хронофизические феномены пока что остаются для нас загадкой. Мы не представляем, что именно может произойти. Уже сотню лет мы умеем влиять на прошлое, но боимся действовать — и потому топчемся на месте. Мы провели сотни бесполезных опытов — и что они дали для развития темпоральной теории? Ничего! — Скандос резко взмахнул рукой. — И такая же ситуация везде — в исследованиях околопланетного пространства, в проектировании аналитических машин, в изучении ментальной связи... Медленное эволюционное развитие, навязанное Консулатом, его бесчисленные запреты душат нас!

Он замолчал, затем снова заговорил с нарастающей страстностью:

— Может быть, лучший выход заключается в том, чтобы наша темпоральная линия мгновенно и безболезненно исчезла. Или мы должны беспомощно заламывать руки, с отчаянием наблюдая, как наша цивилизация идет к гибели? Мы теряли время — десятилетия, века, — не понимая, что жуткий монстр приближается к нам с каждой минутой! Фактически, мы безоружны и беззащитны — ибо что мы можем сейчас противопоставить той неведомой и страшной мощи, которая способна зажигать и гасить звезды?

Скандос бросил взгляд за окно — золотистая тарелка солнца уже поднялась над иззубренным хребтом; над ней, чуть поблекнув в потоке яркого света, плыла багровая звезда, гневное Око Сарпедиона.

— Ни Консулат, ни Академия не разрешат вмешательство в прошлое, — уставившись в пол, пробормотал Фурмин.

— Это мне известно. Хотя не все в Академии единодушны... Скажем, Пайрот, астроном... вычислитель Винг... и другие... Возможно, придет час узнать их мнение... Но сейчас я не собираюсь спрашивать их. Я спрашиваю тебя! Ты, мой ученик, уже знаешь о времени больше, чем все остальные физики планеты. За пять лет совместной работы я убедился, что твои

суждения всегда были здоровыми и беспристрастными. Если ты готов встать там, — Скандос кивнул в сторону пульта, — я буду действовать. Если нет — мы можем еще двадцать три года продолжать свои осторожные и бесцельные эксперименты. Вряд ли я доживу до их конца...

— Учитель! Вы возлагаете на меня ответственность за это решение?

— В определенном смысле — да, Фурмин. Ведь любой человек должен отвечать за свои поступки... — физик грустно усмехнулся. — Но, с другой стороны, я уже решился — так что за тобой лишь половина дела.

Встряхнув рыжей гривой, Фурмин лихо сдвинул на лоб свой серебристый обруч и твердо встретил взгляд учителя.

— Тогда — вперед!

— Пусть будет так.

2

— Тедрик, проснись!

Кузнец открыл глаза. Его пробуждение не было постепенным и долгим, как у изнеженного цивилизацией сибарита будущих веков; он проснулся сразу, подобно почуявшему опасность горному барсу. Еще секунду назад он лежал на гряде шкур, расслабившись и тихо похрапывая в глубоком сне; в следующий миг он вскочил с постели, схватил свой меч и метнулся к стене. Он стоял, изготавившись к бою — мышцы напряжены, суровые серые глаза полны тревоги, рука, стиснувшая клинок, тверда как камень. Его огромное полуобнаженное тело — шесть футов четыре дюйма, больше двухсот фунтов могучей плоти, — казалось застывшей статуей из темного камня. Пристальный взгляд кузнеца был прикован к странному, смутно различимому существу, неподвижно висевшему в воздухе. Мерцающий сферический ореол окружал эту неясную тень — бесспорный признак нечеловеческого могущества и власти.

— Я восхищен тобой, Тедрик. — Этот непостижимый пришелец, бог или демон, не издавал ни звука; слова будто сами рождались в голове кузнеца. — Вероятно, ты немного испуган, но сохранил полное самообладание. Любой другой человек лишился бы разума от страха и неожиданности.

— Ты не из нашего мира, Повелитель, — Тедрик опустился на одно колено. Он знал, конечно, о существовании богов и демонов; и, хотя его самого впервые почтил визитом представитель потусторонних сил, за свою жизнь он не раз слышал о таких случаях. Так как пришелец не убил его немедленно, не выпил кровь и не пожрал печень, это, вероятно, не входило в намерения божества — во всяком случае, в данный момент.

Почтительно склонив голову, но не выпуская меча из рук, кузнец с удивлением произнес:

— В Ломарре нет богов, у которых я вызывал бы восхищение. Кроме того, наши боги — твердые и тяжелые, а ты паришь в воздухе, как пушинка. Что ты хочешь от меня, Повелитель?

— Я не бог. Если бы ты сумел проникнуть сквозь эту мерцающую завесу и снести мне голову своим мечом, я бы умер.

— Конечно. Так же, как Сар... — Тедрик прервал фразу на середине, будто слова застряли у него в глотке. Божественный пришелец с недоумением взглянул на кузнеца, потом медленно кивнул.

— Я понимаю... Ты боишься говорить?

— Да. Человек никогда не бывает один... Глаз бога горит в небесах и видит все, сквозь стены и крыши. Если он знает, то узнают и жрецы... Тогда конец... я лягу на плиту из зеленого камня и потеряю свое сердце, печень и мозг.

— Нас никто не услышит, не тревожься. Я обладаю властью, вполне достаточной, чтобы твои речи не дошли ни до богов, ни до их слуг.

Тедрик безмолвствовал.

— Я понимаю твои сомнения. Хорошо, давай оставим эту тему. Скажи, чтобы ты хотел спросить у меня?

— Я желал бы разобраться, откуда я слышу твои слова, хотя ты не произносишь ни звука... но людям не понять путей богов! — Тедрик склонил голову, помолчал, собираясь с мыслями. — Я кузнец, мой Повелитель; мой отец, мой дед — весь наш род — были кузнецами. — Он задумчиво провел пальцем по своему клинку, тусклому и темному, как обломок ампассерского гранита. — Много лет я пытаюсь выплавить прочный металл — очень прочный, но не хрупкий. Медь не годится, я не могу закалить ее ни в воде, ни в снегу. Железо получается у меня либо слишком мягким, либо твердым,

но ломким. Все смеси и сплавы, в которые я бросаю разные добавки — олово и свинец, чешую горного дракона, волчьи клыки и красные камни из Тарка — тоже выходят или мягкими, или слишком хрупкими. Мне удалось получить темную бронзу — чуть прочней, чем обычная. И это — все.

— Что ж, я попробую помочь тебе. Ты умеешь выплавлять железо — плохое железо и серый чугун невысокого качества; чешуя, клыки и красные камни не сделают их лучше. Тебе нужна сталь — гибкая, прочная, ковкая... и в обычной ситуации ты никогда бы не получил ее. Да, сталь — то, что тебе надо, Тедрик.

— И ты можешь, Повелитель?.. — глаза кузнеца вспыхнули. — Ты научишь меня?

— Для того я и прибыл в Ломарру. Однако стану ли я учить тебя или нет, зависит от некоторых обстоятельств...

— Назови цену, Повелитель! — казалось, Тедрик был готов расплатиться не только своей душой, но и сердцем, печенью и мозгом впридачу. Он поднялся с колен, отшвырнул меч и сделал шаг к мерцающей посреди комнаты сфере.

— Плата мне не нужна, кузнец, — раздался беззвучный божественный глас. — Ты должен ответить лишь на один вопрос — зачем тебе этот металл? В чем заключается твоя главная цель?

Тедрик заколебался. Страшно было вымолвить вслух то, о чем он думал; казалось, горящее в небесах ненавистное Око пронзает его от макушки до пят грозным взглядом. Но от этого нового божества, способного проникать в голову человека, как нож в масло, не утаишь секрета; несомненно, это могущественное, окруженное небесным светом существо знало каждую его мысль, каждое намерение и каждое невысказанное слово. К чему же тогда вопросы? Может быть, странный бог испытывал его храбрость?

Мудрое решение! Тайну божественного металла, гибкого, прочного и ковкого, нельзя доверить первому встречному! Недаром этот бог пришел в Ломарру, а не к проклятым сарлонцам и не к жадным недоумкам из Тарка! Он, Тедрик, первый кузнец в Ломпоре и должен доказать, что его мужество равно его искусству... Даже если в небе вспыхнет дюжина сарпедионовых глаз!

Сделав еще один шаг вперед, Тедрик глубоко вздохнул и произнес:

— Величайший из наших богов, Сарпедион, — злобный, мерзкий бог, мой Повелитель. И я... я собираюсь убить его!

Он стоял теперь совсем близко к сфере, и сквозь двойной туман — невольного гнева, который вызвало ненавистное имя, и мерцающего сияния — мог более ясно различить лицо и фигуру своего бога. Бог улыбался.

— Значит, злобный и мерзкий? В чем же это выражается?

— Во всем! — взволнованный кузнец повысил голос. — Что хорошего можно ждать от бога, который умеет только убивать и сводить людей с ума? Народ прекрасной Ломарры, Повелитель, хочет жить спокойно и не бояться зеленых алтарей Сарпедиона. Но откуда взяться покою и счастью, когда в любой год больше смертей, чем рождений? Ломпор обезлюдел... безумцы бродят по его улицам... и в провинциях тоже... Нас осталось слишком мало! И нам всем — кроме жрецов, конечно, — приходится тянуть из себя последние жилы, чтобы не сдохнуть с голоду!

— Я догадывался об этом, добрый кузнец... Вся Ломарра брошена на алтарь чудовища... — лицо неведомого бога стало грустным. — Скажи же мне, если ты получишь обещанный дар... эту сталь... что ты станешь с ней делать?

— Из твоего божественного металла, Повелитель, я выкую меч и доспехи — острый меч, способный рассечь медь и обычное железо; прочный панцирь, который не смогут повредить медные и железные клинки. И тогда... тогда я смогу пробиться сквозь толпы вооруженных жрецов и крыс из Тарка, их наемников! Пробиться к алтарю Сарпедиона!

— Один? Но почему! Разве у тебя нет надежных друзей?

— Потому, что я не могу просить их о помощи... не могу даже поведать кому-нибудь то, что сказал тебе. Любой, кто узнает и не донесет, скоро ляжет на зеленый жертвенный камень. Или лишится разума... Жрецы давно подозревают... ищут на мне вину... — Тедрик судорожно сглотнул.

Нет, он не боялся честной смерти, но гнусная смерть страшила даже его. Подняв глаза к божественному лику, к этому сухому, костистому и немолодому лицу, он понял, что бог взирает на него с явным сочувствием. Это подбодрило Тедрика, и он сказал:

— Я — лучший кузнец в Ломпоре и, наверно, во всей Ломарре... Лишь это — да милость короля Фагона — хранит меня... вот почему я еще жив. И я буду жить, пока не найду того, что ишу!

— Полагаю, что для сражения с целым отрядом солдат нужно что-нибудь посолиднее, чем хороший меч и панцирь, — задумчиво произнес бог. — Ты большой оптимист, мой юный дикарь.

— Божественный металл — все, что я прошу, Повелитель, — упрямо возразил кузнец. — Остальное — моя забота.

— Пусть будет так. Значит, ты сделаешь доспехи и выкуешь меч. Что же дальше?

— Как ты, наверно, знаешь, мой Повелитель, изображение Сарпедиона высечено из камня — с добавками из дерева, меди и золота. Я разобью его молотом в пылы! — Тедрик скрипнул зубами. — Я вырву его сердце, печень и мозг, полью горячим маслом и принесу в жертву...

— Подожди! Статуя Сарпедиона — не живое существо! Ты же сам сказал, что его изображение сделано из камня, меди и...

— Не будь наивным, мой Повелитель! Или ты про-
веряешь меня? Каждому известно, что боги — нетленные духи. Они связаны со своими изображениями и с жрецами, которые служат им, духовной силой. Жизненной силой, можно сказать... Если разорвать эту связь с помощью огня и жертвоприношения, Сарпедион, конечно, не умрет, и даже Глаз его не погаснет в небе, но он не сможет мстить. Он будет бессилен, пока его жрецы не изготовят новую статую и не проведут много времени в молитвах, чтобы восстановить связь... А если заодно прикончить и жрецов... — Тедрик свирепо оскалился и стиснул могучие кулаки. Затем, прищутив глаза, пристально осмотрел свое божество сквозь мерцающую невесомую завесу. — Я сделаю твое изображение, Повелитель, чтобы ты мог обитать в нем. И я принесу Сарпедиона в жертву тебе, мой странный новый бог. Клянусь холмами Ломарры, пока я жив, ты будешь моим единственным богом!

Он на мгновение призадумался, потом спросил:

— Но как твое имя, мой Повелитель? Я не могу всегда называть тебя «странный бог».

— Меня зовут Скандос.

— Ск... Скн... Прости, мой язык не в состоянии выговорить это слово. — Кузнец снова погрузился в раз-

мышления, решая какую-то сложную проблему; губы его беззвучно шевелились. Наконец он произнес: — Отец говорил мне, пока был жив... На севере, в Средней Марке, откуда мы ведем свой род, в старые времена был другой бог. Его звали... звали... Ллосир, вот как!

— Подожди! Ты знаешь, когда воцарился Сарпедион?

Кузнец пожал плечами.

— Это было давно... много поколений назад. В небе вспыхнул кровавый глаз злого бога — такой же, как горит сейчас. Людей беспокоили странные видения... странные и страшные! Их обуял ужас! Многие начали поклоняться Оку Сарпедиона, приносить жертвы — даже собственных детей... Тогда великий Ллосир в печали покинул холмы Ломарры, и удача отвернулась от нас... — голова Тедрика поникла, голос стал глухим и невнятным. — Говорят, — пробормотал он, — что Око пылало в небе пять лет, потом угасло... потом вспыхнуло вновь, но в другом месте... и так повторялось много раз... Сарпедион словно следит за нами!

Бог за сияющей завесой молчал.

— Отец рассказывал, что у Ллосира были четыре руки и в каждой — по грозному молоту... — нерешительно произнес Тедрик. — Ты совсем не похож на него, Повелитель, но я хотел бы называть тебя Ллосиром.

— Зови меня как угодно, но запомни — я не бог.

— Ты смеешься надо мной, Повелитель Ллосир, — кузнец обиженно поджал губы. — То, что человек видит своими глазами, слышит своими ушами, и есть правда. Любой, увидевший тебя в этом светлом сиянии, услышавший твой беззвучный голос, признал бы в тебе бога!

Скандос сдался. Он мог бы спорить неделю с упрямым кузнецом без всякого успеха. Этот крепкоголовый Тедрик хорошо знал, где лежит истина; его душа не ведала сомнений, обуревавших более цивилизованных потомков.

— Но договоримся еще об одном, Повелитель, — продолжал Тедрик. — Понял ли ты, что я хочу прекратить человеческие жертвы? Их больше не будет — даже во славу твоего имени. Я готов предложить тебе все, что пожелаешь — кроме человеческих жизней. И я не изменю своего слова, даже если ты откажешься дать мне божественный металл.

— Хорошо! Пусть твое решение будет твердым и

окончательным. Мне не нужны никакие жертвы — ни сейчас, ни в будущем. Ты понял меня, кузнец?

Будто подтверждая слова странного божества, сфера, окружавшая его, вспыхнула, на миг осветив серебристый обруч, полуприкрытый прядями темных волос.

— Да, Повелитель, — Тедрик почесал в затылке. — Конечно, Сарпедион — грозный и могущественный бог, и когда я принесу его печень на твой алтарь, между нами установится крепкая связь. Но хватит ли этой единственной жертвы на все будущие времена? Может быть, пара барашков и бочонок вина окажутся не лишними?

Скандос выругался про себя. Он не хотел снова ввязываться в спор. В конце концов, если Тедрик желает принести такую жертву, это его дело.

— Уверяю тебя, печени Сарпедиона будет вполне достаточно. Что касается моей статуи, которую ты собираешься изваять... в этом нет никакой необходимости.

— Иначе нельзя, мой Повелитель. Если у тебя не будет изображения и своего алтаря, все подумают, что ты — маленький и слабый бог. Кроме того, изображение поможет мне вызвать тебя в случае нужды.

— Ты не сумеешь меня вызвать. Даже если б я ухитрился услышать твой зов, что очень сомнительно, я не смог бы ответить. Если ты когда-нибудь снова встретишься со мной, то это произойдет по моей воле, а не по твоему желанию.

— Замечательно! — воскликнул Тедрик. — Все боги действуют подобным образом и, несмотря на это, они говорят — через своих жрецов, конечно. Я рад, что ты откровенен со мной, Повелитель Ллосир. И если мы договорились насчет печени Сарпедиона, барашков и вина, то не пора ли нам перейти к божественному металлу?

— Да, ты прав. Итак, возьми тот большой камень, упавший с неба, что хранится в твоей мастерской...

— Твое всеведение поразительно, мой Повелитель. Только я сам и Силтен, старший подмастерье, знаем про него... Но я ничего не могу поделать с небесным камнем. Я уже пытался.

— Меня это не удивляет. Обычные метеориты — железо-никелевые, но этот включает два тугоплавких элемента — вольфрам и ванадий, которые необходимы для наших целей. Чтобы расплавить метеорит, ты должен раздуть огонь в своем горне сильнее, кузнец.

Тебе понадобятся еще древесный уголь, металлургический кокс и разные добавки. Этот зеленоватый минерал, из которого делают жертвенные алтари — ты можешь добыть несколько кусков?

— Сколько угодно, Повелитель.

— Достаточно меры, равной твоему весу. И еще нужна черная руда, которую ты обычно используешь — четверть твоего веса...

Инструктаж продолжался — подробный, со всеми деталями, начиная от исходного сырья и до конечного продукта. В заключение Скандос добавил:

— Если ты аккуратно последуешь всем моим советам, то получишь высокоуглеродистую сталь с добавками хрома, никеля, ванадия, молибдена и вольфрама. — Эти слова прозвучали для Тедрика словно колдовские заклинания; морща лоб, он упрямо шевелил губами, заучивая их наизусть. — Сталь — вот то, что тебе нужно. Ты хорошо запомнил мои слова?

— Я запомнил, Повелитель. У меня хорошая память, я никогда ничего не записываю. Я запомнил все — каждый вес руды и угля, время плавки и время закалки, и те волшебные слова, которые надо шептать при этом. Все — в моей голове.

— Хорошо. Тогда я ухожу. Прощай, кузнец, и да поможет тебе четырехрукий Ллосир со своими молотами.

— Прощай, мой Повелитель. Благодарю тебя.

Ломарианин склонил голову, и когда он выпрямился, его странный посетитель уже исчез.

3

Тедрик лег обратно в постель и, несмотря на охватившее его возбуждение, почти мгновенно уснул. Утром, поглотив на завтрак чудовищное количество мяса и ячменной каши, он вышел во двор и вызвал из мастерской своего помощника, Силтена, и всех подмастерьев — прежде, чем они начали дневную работу.

— Ллосир, бог наших предков, явился ко мне этой ночью и научил, как делать хорошее железо, — сказал Тедрик своим людям. Тон его заявления не допускал возражений. — А посему бросайте ваши обычные дела и разберите трубу и весь верх большого горна. Я покажу вам, как надо его перестроить.

Работа закипела. Подмастерья и молотобойцы питали

глубокое уважение и к своему мастеру, и к его кулакам, благодаря чему программа, изложенная Скандосом, выполнялась быстро и без задержек. Наконец в перестроенном горне загудело пламя, раскалившее докрасна бесформенную глыбу метеорита. Тедрик махнул рукой, приказывая качать меха еще сильнее. Но тут запротестовал его помощник, который сам являлся искусным кузнецом. Его преданность Тедрику была безграничной — как и вера в здравый смысл своего хозяина — однако эта новая технология казалась такой необычной...

— Заткнись, Силтен! Делай, что я говорю! — рявкнул Тедрик и кивнул на дюжих парней, бросавших испуганные взгляды на адский огонь, бушевавший в печи. — Велика этим четверем олухам притащить побольше воды! После плавки мы накроем горн мокрыми шкурами, чтобы удержать тепло — металл должен остывать медленно. Вы, двое, бросайте побольше угля! Поворачивайтесь живее! Я сам встану у мехов — сейчас надо качать в полную силу!

Ухватившись за деревянную рукоять, отполированную еще руками отца и деда, Тедрик напряг могучую спину. Пламя ярко вспыхнуло, загудело, заревело, бросая яркие отблески на потные мускулистые тела кочегаров, шуровавших у топки. В кузнице царил дьявольская жара; тело Тедрика тоже покрылось потом, в горле пересохло, но, не прекращая работы, он бросил Силтену:

— Ты помнишь, парень, мой меч — мой лучший меч, с алыми рубинами из Тарка на рукояти?

Помощник кивнул. На лице этого достойного мужа промелькнуло страстное вожеление — и, в то же время, он испустил тоскливый вздох. Цена хозяйского меча равнялась его полугодовому заработку.

— Слушай внимательно, Силтен. Горн должен оставаться горячим весь день и всю ночь; кроме того, тебе придется еще кое за чем последить. Но работа не займет много времени — дней десять, не больше. — На самом деле, процесс требовал семи дней, но Тедрик не хотел, чтобы его люди знали лишнее. — Десять дней, запомни, Силтен. Десять дней ты должен в точности выполнять все, что я говорю — и без возражений! Тогда получишь мой меч с рубиновой рукоятью! И все остальные — кто не будет увиливать от работы — получают по железному мечу сверх обычной платы! Ну, кого не устраивает такая сделка? — Тедрик окинул своих людей суровым взглядом.

Сделка устраивала всех.

Наступили относительно спокойные дни, когда требовалось только поддерживать огонь в большом горне. Положившись в этом на верного помощника, Тедрик приступил к созданию статуи своего нового божества. Хотя ломарианин не мог тягаться с искусными скульпторами из древнего и богатого Тарка, чьи мраморные шедевры спустя тысячелетия поражали людское воображение, он, все-таки, был одним из лучших ремесленников своего времени. К несчастью, мерцающий божественный ореол не позволил ему как следует рассмотреть черты Скандоса. В результате голова статуи являла больше сходства с физиономией достойного Силтена, чем с худощавым костистым лицом великого хронофизика.

И все же эта, наиболее замечательная часть скульптуры, имела хоть какое-то отношение к оригиналу. Однако на голове, увенчанной массивным обручем наподобие королевского венца, всякое сходство с реальным Скандосом заканчивалось. Прочие члены тела странного ночного посетителя были слишком малы и слабы, чтобы стать надлежащими прототипами для статуи любого ломарианского божества. Сверкающее изображение из красной меди должно было повергать в трепет, поэтому торс и конечности своего нового бога Тедрик изваял невероятно мускулистыми, толстыми и огромными. Внутри фигура была поллой, засыпанной песком — кроме размещенных в надлежащих местах грубых копий мозга, сердца и печени, вырезанных из твердого дерева и раскрашенных.

Закончив работу, кузнец втащил идола в дом, установив у западной стены своего просторного жилища. Бесстрастный бронзовый лик бога был обращен на восток — туда, где, обгоняя солнце, всходила по утрам багровая звезда, Око ненавистного Сарпедиона. Ллосир словно мерялся с ним взглядами, выставляя напоказ массивные, прижатые к могучим бедрам кулаки. Это успокаивало и вселяло надежду — Тедрик чувствовал, как с каждым часом крепнет его связь с новым божеством. Его огорчало лишь то, что новоявленный Ллосир имел всего две руки; он предпочел бы, чтоб их было четыре, и в каждой — по огромному молоту. Но тут Скандос ничем не мог ему помочь.

— Они идут, хозяин, они идут! Одиннадцать человек! — Хирт, мальчишка, стороживший у дороги, стремительно влетел в кузницу. Седьмой день с начала плавки перевалил за середину; солнце еще стояло высоко, багровая звезда, Око Сарпедиона, склонялась к горизонту. — Один жрец в бронзовом панцире, десять тарконцев в железе, — выпалил мальчик, — пять лучников и пять копьеносцев!

Тедрику не надо было говорить пареньку, куда идти и что делать; оба устремились в дом, к стойке с оружием, причем младший на пару шагов опережал старшего. Это доказывало, что мальчишка не раз выполнял функции сторожа и оруженосца; с его помощью полунагой кузнец за считанные минуты облачился в железо.

Итак, когда одиннадцать незваных посетителей подошли к мастерской, Тедрик уже поджидал их у ворот, небрежно опираясь на рукоять пятидесятифунтового молота. За плотно закрытыми дверьми кузницы, бессильно сжимая кулаки, толклись подмастерья. Хозяин велел им не высовывать носа во двор, предпочитая справляться с неприятностями в одиночку.

С нарастающей яростью Тедрик подумал, что сейчас он не смог бы защитить ни одного из своих людей — как и всякого в Ломарре, кто вызвал гнев Сарпедиона. Правда, крестьяне и мастеровые являлись лишь пылью под стопами грозного бога; как утверждали жрецы, он предпочитал более благородную пищу. И многие лорды королевства не спали по ночам, в страхе ожидая, когда к их порогу приблизится жрец с отрядом смуглолицых наемников. Впрочем, Сарпедион не брезговал и кровью простонародья — особенно тех, кого лишал разума.

Тедрик прищурил глаза, разглядывая вымпел, развевавшийся над остроконечными навершиями шлемов. Узкое треугольное полотнище с грубо намалеванным багряным глазом принадлежало жрецу-офицеру низшего ранга, и это было хорошо: значит, отродья Сарпедиона не воспринимают его всерьез, раз не удосужились послать кого-нибудь посолиднее. И всего десять наемников! Эти невысокие, смуглые и жилистые тарконцы с охотой шли на службу к Дивейну, верховному жрецу Ломарры. Над их империей, лежавшей за Южным хребтом, тоже багровело страшное Око гневного божества; там тоже лилась кровь и бродили по

дорогам толпы пораженных священным безумием. Конечно, лучше служить Сарпедиону с мечом в руке, чем ложиться на его алтарь; и тарконцы служили. Они были неплохими солдатами, храбрыми и упорными в бою — но только в тех случаях, когда имели дело с противниками своего роста и веса.

В нескольких шагах от ворот отряд остановился. Раскормленный рослый жрец выступил вперед.

— Ты вооружен, кузнец? — обескураженно спросил он, будто не доверяя собственным глазам. — Но зачем?

— Почему бы и нет? Такая у меня привычка — встречать гостей в том же наряде, в котором они пожаловали.

Они смерили друг друга вызывающими взглядами. Затем, после краткой паузы, кузнец спросил с едва скрытой насмешкой:

— Чему я обязан честью видеть тебя, жрец? Разве я не заплатил уже — как платил всегда — налог великому богу?

— Да, так. Но я пришел сюда не из-за налога. До владыки нашего Дивейна дошел слух, что тебе явилось странное божество... Этот демон якобы говорил с тобой и наставлял в ремесле; и ты сделал его изображение. Правду ли говорят люди?

— Я не делаю из этого тайны. Я ничего не скрываю от великого Сарпедиона и его слуг. Не демон — Ллосир, бог моих предков, посетил меня. Тут нет ничего дурного.

— Возможно, возможно... Но такое поведение не подобает божеству, решительно не подобает... Почему бог явился тебе, а не одному из нас, служителей Храма?

— Это божество не похоже на великого и грозного Сарпедиона; оно покровительствует лишь кузнецам, — Тедрик погладил рукоять своего молота; разговор начинал раздражать его. — Все, что я прошу у Сарпедиона и его слуг — оставить меня в покое. Я немало плачу за это.

Но жрец не собирался заканчивать допрос.

— Какой договор заключил ты с этим Ллосиром? Какую цену ты должен заплатить? Каких он требует жертв?

— Никаких. Это удивительно, согласен; но, с другой стороны, кто я такой? Простой человек, кузнец... Мне ли понять пути бога? Но я думаю, что когда-нибудь он назначит цену. И, какой бы она не была, я заплачу с радостью.

— Заплатишь, можешь не сомневаться. Но не этому Ллосиру, а великому Сарпедиону! — Жрец угрожающе вытянул руку к западу, где над черепичными крышами пригородных усадеб по другую сторону дороги низко висела багряная звезда. — Теперь же я приказываю тебе, кузнец, — немедленно уничтожь статую ложного бога!

— Ты приказываешь? Но почему? Разве я преступил закон? Разве теперь запрещается иметь своего личного бога? Ведь у многих семей и знатных родов в Ломпоре есть свои боги-покровители!

— Боги, а не демоны! Не такие, как твой! Великий Сарпедион не желает, чтобы этот Ллосир мучил воду в королевстве! Ему нет места ни в Ломарре, ни в Сарлоне и Девоссе, ни в империи Тарк, ни даже в странах далекого Са-Ирта!

— Но он уже здесь! Неужели твой великий бог так испуган, так слаб, что боится...

— Остерегись, кузнец! Не кощунствуй — иначе погибнешь! Бог найдет на тебя безумие!

Тедрик невольно содрогнулся. Иных людей сияние грозного Ока сводило с ума, вселяя ужас и мучительную головную боль. Этих несчастных в Ломарре имелось с избытком — пятеро из сотни, а в южных странах — еще больше. Правда, жрецы с успехом сокращали их число — безумие, как явный признак божественного гнева, служило поводом отправить человека на алтарь. Никто не знал, почему оно так часто поражает невинных — детей и молодых девушек. Но в роду Тедрика никто не страдал губительными припадками, хотя кровавая звезда пылала над миром уже восемь лет. Может быть, в том проявлялись защита и милость Ллосира? Возможно, незримый и всеведущий, он давно уже охраняет ломариан от злобного соперника? Пусть не всех, а лишь некоторых, избранных?

Почерпнув уверенность в этой мысли, Тедрик крепче сжал свой молот и насмешливо произнес:

— У кузнецов крепкие головы, жрец, даже для Сарпедиона. Я думаю, бог не тронет меня. По крайней мере, до тех пор, пока я исправно плачу налог отличным железом и темной бронзой.

— О, да, еще ходили слухи о каком-то новом металле! Расскажи-ка, как нужно его делать.

— Ты знаешь, что я отвечаю на этот вопрос, жрец. Эта тайна будет известна только моему богу и мне.

— У нас есть способы, чтобы заставить разгово-

риться любого упрямца и богохульника! — Жрец резко взмахнул рукой, и солнечные лучи сверкнули на оплечье его панциря. Эй, люди, хватайте его! И разбейте дьявольское изображение!

— Стоять! — взревел Тедрик таким голосом, что ни один человек не двинулся с места. — Если кто-нибудь сделает хотя бы шаг или шевельнет копьем, твои мозги, жрец, будут размазаны по воротам моей кузницы! Думаешь, медный горшок на твоей башке выдержит удар этого молота? Или ты, толстобрюхий, надеешься вернуться от него? — он презрительно сплюнул, наблюдая, как багровеет мрачное лицо противника. — И, клянись печенью Ллосира, крысы, которых ты привел, умрут прежде, чем собьют меня с ног! А если даже меня прикончат — что хорошего в том, что Сарпедион лишится своей доли доброго железа? Подумай об этом, жрец!

Минуты две божий слуга пристально глядел на рассвирепевшего мастера. Затем, решив, что намеченную жертву не удастся взять живьем, он развернулся и повел свой отряд к дороге. Сарпедион был грозным богом, но в данном случае его волю стоило подкрепить по меньшей мере тремя десятками воинов. К тому же, молот кузнеца выглядел таким тяжелым... Вряд ли гнев старого Дивейна, верховного жреца, окажется тяжелее!

5

На ходу стягивая кольчугу, Тедрик поспешил в свою мастерскую. Он хорошо понимал, что угрозы жреца не являются пустым сотрясением воздуха. Сегодня ему удалось выкрутиться, но следующий визит мог кончиться иначе — совсем иначе! К счастью, он принял все необходимые меры предосторожности. Ни один из его людей не знал, что в закрытых глиняных сосудах, которые они подвергали осторожному нагреванию, находились только древесный уголь и кокс. На самом деле, панцирь и шлем, меч и щит, топор и молот в настоящий момент закаливались в масле при температуре кипящей воды. Ванна с маслом стояла на очаге в святая-святых — маленькой каморке позади спальни Тедрика, в которой он обычно совершал магические обряды кузнецов, придающие прочность железу.

Грозное Око Сарпедиона закатилось, чтобы на рассвете вновь взойти над миром; вслед за ним начало садиться солнце. Поздним вечером, когда старшие подмастерья разошлись по домам, а молодежь, оби-

тавшая при кузнице, угомонилась, после тяжелого дня, Тедрик перешагнул порог маленького святилища. Он вытащил из масла меч, протер его ветошью и, выбрав мелкозернистый наждачный камень, начал затачивать режущие кромки своего нового клинка. Затем кузнец тщательно закрепил двуручную рукоять с массивной поперечиной гарды.

Его трепещущие пальцы, искусные пальцы мастера, снова и снова гладили и ощупывали меч, изучая каждый дюйм стального лезвия. Он ласкал ладонью холодную поверхность клинка, чувствуя скрытую в нем мощь, яростную сокрушительную силу, перед которой не мог устоять никто — ни в Тарке, ни в Сарлоне, ни в далеких легендарных странах Са-Ирта, лежавших на востоке, за скалистой стеной хребта Ампассер. Да, это был новый, невиданный ранее сплав! Настоящий божественный металл, благословенный Ллосиром! Бог не обманул его!

На столе, на бруске из твердого дуба, уже лежала полоса черного железа пятидюймовой ширины и толщиной в палец. Тедрик слегка стукнул по ней лезвием меча. Клинок зазвенел, подобно колоколу, и на темной поверхности железа появилась зарубка; это было все. Затем, сжав рукоять обеими руками, он нанес удар средней силы и внимательно осмотрел только что заточенную кромку. На ней по-прежнему не было никаких отметок. Тогда, глубоко вздохнув, он подверг божественный металл последнему испытанию — ударил со всей силой, на которую был способен. Раньше он никогда так не действовал мечом; бить с такой мощью можно было только кузнечным молотом или массивным боевым топором. Раздался резкий звенящий звук, половинки перерубленной железной полосы полетели в разные углы комнаты, ужасный клинок на дюйм вошел в дубовый брус.

Он освободил блестящее лезвие и устался на него. Никаких повреждений! Никаких! На мгновение он замер, потрясенный; затем ликование затопило сердце кузнеца.

Теперь оставалось только приладить застёжки и кожаные петли к панцирю. Тедрик усердно занимался этой работой два следующих вечера, прилепывая широкие ремни к поножам, кирасе, налокотникам и набедренникам. На третий вечер, когда служители Сарпедиона пожаловали снова — в немалом количестве, облаченные в тяжелое вооружение из лучшего железа, намереваясь сокрушить упряма числом и живым весом, — он был полностью готов к схватке.

На этот раз никто не вступал с Тедриком в переговоры. Наружная дверь с грохотом распахнулась, нападающие увидели кузнеца и бросились на него, звеня оружием. Наемников было человек двадцать; наверняка, во дворе толпилось не меньше — он слышал хриплые выкрики на тарконском, когда солдаты подпирали бревном двери сарая, в котором спали молодые подмастерья и молотобойцы.

Тедрик, впрочем, не надеялся на их помощь. Место сражения он выбрал весьма предусмотрительно, памятуя, что дома и стены помогают. Он находился в углу большой нижней горницы, спиной к лестнице, выложенной из камня, которая вела на второй этаж. Справа сплошная стена простиралась на тридцать футов; посередине, угрожающе стиснув кулаки, стоял бронзовый Ллосир. Слева, за лестницей, тоже была стена — с окном, заложённым сейчас ставнем. Пока его не выбьют с этой позиции, решил Тедрик, ему ничего не грозит; одновременно к нему могли подступить не более двух-трех человек.

Кузнец нанес первый удар — горизонтальный, на уровне шеи, и такой же яростно-стремительный, как тот, которым он развалил железную полосу несколько дней назад. Клинок из божественного металла почти не замедлил движения, рассекая железный панцирь, плоть и кости. Какие-то доли секунды увенчанная шлемом голова и правый наплечник тарконца оставались на положенных местах; потом тело врага рухнуло на пол, заливая дубовые доски кровью из ужасной раны.

Тедрик понял, что нет нужды вкладывать столько сил в каждый выпад; все равно, никто не сможет долго противостоять ему. Поэтому следующим ударом, нанесенным сверху вниз, он рассек своего противника только до подбородка, хотя сумел бы развалить его тело надвое. Затем, возвратным движением меча снизу вверх, он смахнул голову третьему наемнику и скосил глаза направо, на статую Ллосира. Пустые глаза бронзового истукана словно ожили; казалось, он одобрительно ухмыляется, глядя на побоище. Тедрик, вдохновленный первым успехом, шагнул вперед.

Он быстро сообразил, что ответные удары, нацеленные в голову, шею и грудь, бессильны перед его защитным вооружением. Пожалуй, его беспокоил только грохот. Не первый год он ковал кирасы и шлемы, набирал звенья кольчуг, гнул налокотники и поножи, достигнув в своем деле высшего мастерства. Его шлем,

глубокий, опирающийся на плечи, был подбит многими слоями мягкой кожи — так же, как и панцирь, защищавший плечи и грудь. Ему пришлось несколько пожертвовать мобильностью — он не мог свободно вертеть головой — зато силу любого удара по шлему принимали на себя его могучие плечи.

Оружие наемников скользило по доспехам Тедрика, не оставляя ни вмятин, ни царапин. Гнулись и ломались мечи, со звоном отскакивали боевые молоты и секиры; копыя, словно наткнувшись на каменную стену, отлетали назад. С полдюжины трупов уже устилали пол, однако атакующие постепенно продвигались вперед. Хотя каждый удар кузнеца уносил жизнь врага, шаг за шагом его оттесняли к ступеням лестницы.

Но вот, наконец, случилось то, чего он ждал, на что надеялся: облаченный в бронзовые доспехи жрец показался в тылу наемников. Слуга Сарпедиона смотрел куда-то за спину Тедрику, делая повелительные знаки руками; он даже не пытался скрыть эти жесты. Несомненно, жрец разделил свои силы и послал часть тарконцев обходным путем на второй этаж, чтобы зажать непокорного богохульника между двумя группами; и сейчас, стоя за поредевшим строем своих солдат, он наблюдал, как захлопнется ловушка.

Верный тактический ход — если бы дело касалось одного кузнеца. И, согласно древним историческим хроникам, он был смят, пленен, подвергнут жутким пыткам, а затем расстался с жизнью на жертвенном алтаре. Однако сейчас за плечами бунтовщика смутной тенью маячил призрак Скандоса-Ллосира, и сам он, в бронзовом обличье, подпирал стену, наблюдая за битвой. Иная ситуация, иная расстановка сил, иной результат; темпоральный баланс был нарушен, хронолиния изменилась, история Ломарры — а с ней и всего мира — пошла по другому пути.

Тедрик, словно отступающий перед волчьей стаей тигр, быстро взлетел на три ступеньки; сзади, гремя доспехами, уже спускались тарконцы. Он присел и, напрягая ноги, прыгнул — вперед и вверх. Двести тридцать фунтов живого веса и почти сто фунтов покрывавшей кузнеца стали рухнули на врагов; на ногах не устоял никто.

Но первым вскочил Тедрик. Он рванулся к жрецу, поднимая меч; он размахнулся и ударил — ударил со всей чудовищной силой, помноженной на скорость его прыжка, ударил так, будто перед ним стоял сам нена-

вистный Сарпедион. Свистнула стремительная сталь, и слуга божий мешком рухнул на пол.

Кузнец наступил ногой на залитый кровью бронзовый панцирь и повернулся к солдатам. Ужас был написан на их лицах; они колебались, словно ждали чего-то — приказа, грома небесного или иного знамения свыше.

— Не двигаться! — проревел Тедрик, угрожая мечом.

— Но... но... ты должен... должен умереть... — заикаясь, с гортанным акцентом пробормотал сержант наемников; его люди, опустив оружие, толпились сзади. — Ты убил святого жреца... Страшный грех! И великий Сарпедион должен... должен поразить тебя...

— Я не похож на труп, верно? И нахожусь пока что в здравом уме! — Тедрик издевательски усмехнулся. — Твой Сарпедион, бог-кровопийца, — ничтожество, пустой горшок перед грозным ликом моего нового бога! — Он простер левую руку к бронзовому идолу. — Вот Ллосир, который защищает и ведет меня! Наступит день, когда с его помощью я прикончу твоего мерзкого демона и пошлю его обратно в преисподнюю, откуда он вылез!

Тарконцы отшатнулись, потрясенные удивлением и страхом. Но великий бог молчал; возможно, потому, что его кровавое Око взирало сейчас на другую половину мира. Или же он на самом деле был бессилен перед бронзовым исполином, что высился у стены и так грозно взирал на врагов кузнеца?

— Я хочу спросить тебя, парень, тебя и твоих людей, — продолжал Тедрик, почувствовав замешательство сержанта. — Вы сражаетесь за плату или из любви к дракам? Может быть, Сарпедион и эта падаль, — он ткнул ногой труп жреца, — вам дороже собственной печени?

Только неясное ворчание раздалось в ответ, но и этого было достаточно; наемники не хотели вступать в распрю богов.

— Я не просил вас сражаться со мной, и не я первый поднял меч, — голос Тедрика глухо звучал из-под забрала шлема. — Это Сарпедион и его лживые слуги заплатили вам смертью вместо золота. Но я обещаю, что завтра все они будут мертвы — мертвы еще до заката солнца! И я не советую вам сражаться, пока неизвестно, кто и как заплатит. Разве вы хотите, чтобы вас раскололи напополам как поленья — вроде тех парней, до которых добрался мой меч! — Он повел вокруг

себя сверкающим клинком и закончил: — Впрочем, я готов продолжать, пока есть желающие познакомиться поближе с божественным оружием, которое Ллосир вложил в мои руки.

Желающих, однако, не оказалось.

6

Лаборатория Скандоса в горах Ампассера, семь часов вечера.

В просторном зале с широкими окнами, смотревшими на восток, в сторону бескрайних равнин Мидвела, и на запад, на перевал и громоздившиеся за ним остроконечные пики в ледяных шапках, собрались пятеро. Скандос и молодой Фурмин, на правах хозяев, устроились на металлических табуретах с вращающимися сиденьями у пульта хроноскопа, рядом с его мерцающим круглым экраном, похожим на гигантский птичий глаз; гости расположились напротив, в удобных креслах около небольшого низкого стола. На нем дымились чашки с ароматным напитком и холодно поблескивали хрустальные бокалы. Скандос, наклонив бутылку из темного стекла, осторожно наполнил их.

— За наш союз, коллеги, — провозгласил он. — И за будущие совместные труды!

Пятеро мужчин выпили в торжественном молчании. Затем Пайрот, астроном, отставив бокал, в котором еще плескалась рубиновая жидкость, обвел собравшихся серьезным взглядом и произнес:

— Думаю, эти труды будут нелегкими. Пока же хочу заметить, что доклад, сделанный нам Скандосом, весьма впечатляет, весьма... Кое-кто, пожалуй, назвал бы его действия преступными, но мы-то не относимся к числу ортодоксов, — он раздраженно поджал губы, затем, пошарив в кармане, вытащил мемор — памятный магнитный цилиндрик величиной с мизинец. — Итак, будем считать, что хронофизика сказала свое слово, и теперь очередь за астрономией, — Пайрот протянул мемор вычислителю Вингу, мрачноватому мужчине лет сорока пяти. — Коллега Винг, прошу... Вам наверняка не составит труда разобраться с аналитической машиной наших хозяев.

— Минутку, — запротестовал Тхар, хранитель архивов и историк; на его круглом улыбчивом лице было написано нетерпение. — Возможно, вам с Вингом, как представителям точных наук, все уже ясно, но я -- увы! --

всего лишь жалкий книгочей, мало смыслящий и в математике, и в физике. А посему — пару вопросов, если можно...

— Потом, — взмахнул рукой астроном. — Как избранный вами председатель этого семинара, объявляю дальнейшую программу: вначале — доклады, затем — вопросы.

— Резонно, — согласился Скандос. — Сообщение Пайрота может кое-что прояснить для вас, коллега Тхар.

Повинуясь кивку астронома, Винг поднялся и подошел к счетно-аналитическому блоку, стоявшему справа от пульта хроноскопа — массивному кубу с трехфутовым экраном, под которым на узкой горизонтальной консоли тянулись три ряда клавиш. С минуту вычислитель разглядывал машину, затем сдвинул боковую панель, обнажив переплетение проводов, и присел рядом. Ни Скандос, ни Фурмин не пытались ему помочь; о конструкторском таланте Винга ходили легенды.

Его просторная куртка сильно оттопыривалась на груди слева. Вычислитель сунул руку за пазуху; раздалось звяканье металла, словно он наощупь искал нужный инструмент, и в его длинных ловких пальцах появился миниатюрный электрический резак. Сверкнуло голубоватое пламя — раз, другой; точными скупыми движениями Винг перепаял несколько соединений, затем довольно мотнул головой и задвинул панель.

— Похоже, наш блок теперь несколько реконструирован? — вопросительно заметил Скандос. — Что вы там наколдовали, Винг?

— Он будет считать быстрее — и только, — буркнул в ответ вычислитель. — Ублюдочная система десятилетней давности! Если бы мне разрешили... — Винг нахмурил брови, бросив презрительный взгляд на громоздкий прибор.

— Если бы вам разрешили работать в полную силу, эту штуку через месяц можно было бы таскать в кармане, — усмехнувшись, хранитель архивов отхлебнул вина. — Верно, Винг?

Вычислитель упрямо пожал плечами и потянулся к консоли. Сухо щелкнул мемор, утонув в проеме вводного устройства; привычными движениями, почти не глядя на клавиши, Винг отстукал несколько команд, и монитор осветился. На темном фоне сверкали

сотни разноцветных точек; одна из них, яркая, золотистая, находилась в левом нижнем углу экрана.

— Карта звездного сектора, лежащего над плоскостью галактики в направлении туманности Гильрата, — прокомментировал астроном. — Ширина — около пятнадцати градусов. Там, внизу золотистая точка... видите? Это наше солнце. Теперь, Винг, — он перевел глаза на вычислителя, — надо запустить трансформирующую программу. Начните, пожалуйста, с пятьсот двадцать второго сегмента мемора.

Вычислитель опять быстро застучал по клавишам, невнятно бормоча про себя что-то вроде: «Большой экран... разрешение неплохое... но внутри... внутри — мусор... помой... хлам...» Наконец, его рука замерла над клавиатурой — с указательным пальцем, нацеленным вниз, на кнопку пуска. Он бросил вопросительный взгляд на Пайрота.

— Сейчас Винг даст последнюю команду, и мы увидим результаты моих шестимесечных трудов, — произнес астроном. — Вычисления оказались довольно сложными, хотя меня консультировал коллега Тхар. Предупреждаю, — добавил он с кривой усмешкой, — зрелище не для слабонервных.

Рука Винга опустилась. Монитор на несколько секунд затянула голубоватая молочная дымка — машина вела расчеты. Затем голубой туман рассеялся, сменившись прежней картиной — разноцветные искорки звезд на темном бархатном фоне космоса. Внезапно одна из точек — справа, в самом верху экрана, — замигала и ярко вспыхнула, превратившись сначала в багряное пульсирующее пятнышко, потом — в тусклый ржаво-красный кружок диаметром в четверть дюйма. Через секунду последовала новая вспышка, левей и ниже; затем — третья, четвертая, пятая... Казалось, нечто невидимое мчится в этой крохотной модели частички галактики, заложенной в памяти машины; мчится, поджигая звезды одну за другой.

И это нечто явно нацеливалось на золотистую точку! Кружки все уменьшающейся величины располагались сверху вниз по диагонали экрана; последняя искорка вспыхнула багровым на расстоянии дюйма от звезды, служившей солнцем мира Скандоса.

— Клайрот, — произнес астроном, — двадцать восемь световых лет от нас.

— Око Сарпедиона... — с нескрываемым страхом прошептал Тхар, его глаза округлились.

— Да, последние пять лет мы называем эту звезду Оком Сарпедиона, — подтвердил Пайрот. — До того, сто сорок два года назад, вспыхнул голубой гигант Рисс и светил четверть столетия.

Историк кивнул головой.

— Тогда, в предыдущую Эру Кровавого Глаза, начались страшные войны, — припоминая, он потер лоб. — Если не ошибаюсь, погибло полмиллиарда... Но мы пережили то страшное время! И сумели объединить планету!

— А потом к власти пришла технократия, был создан Консулат, и восторжествовала идея медленного эволюционного развития, — хмуро добавил Скандос.

— Ну, все еще может перемениться...

— Нам не успеть, Тхар, — Пайрот повернулся к хранителю. — Нам просто не успеть. ЭТО, — он вытянул руку к экрану, — движется со скоростью света и через двадцать три года будет здесь! Смотрите!

Он поднялся, стремительно шагнул к аналитической машине и, отодвинув Винга, ткнул пальцем клавишу. По экрану будто проскочил электрический разряд. Он пролетел и застыл — багровый зигзагообразный след, соединивший погибшие звезды; молния, готовая вот-вот поразить золотистое солнце, опускавшееся сейчас над равнинами Мидвела.

Табурет под Фурмином резко скрипнул, Скандос подался вперед, вычислитель же отступил на пару шагов, взирая на монитор. Все трое знали, чего следовало ждать; однако неизбежное будущее, с такой потрясающей реальностью представшее их глазам, невольно ужасало.

— Великие боги! — прохрипел Тхар. Дрожащей рукой он плеснул в бокал вина и выпил залпом. — Молния Сарпедиона!

— Можно сказать и так, — кивнул астроном. — Нечто чудовищное и неведомое тысячелетиями несется в космосе, поджигая встречные звезды, высасывая их энергию, посылая перед собой конус губительного ментального излучения. И теперь мы находимся на Его пути! Мы — следующие! И мы не знаем, кто Он и чего ему надо!

Скандос повернул голову к восточным окнам, к гигантскому горному хребту, над которым утром должна была взойти кровавая звезда, и медленно произнес:

— Что там, за ветхой занавеской тьмы?

В гаданиях запутались умы...

Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидят все, как ошибались мы...*

7

Дивейн, верховный жрец великого Сарпедиона, пребывал в невеселых раздумьях. Точнее, он был в отчаянии. Он искренне верил в своего бога. Но, столь же искренне, он верил в существование и грозную мощь нового божественного покровителя Тедрика. Этот бог совершил чудо, в реальности которого нельзя было сомневаться — он явил свой лик кузнецу, передав ему достаточно могущества и силы, чтобы простолюдин осмелился противостоять слугам Сарпедиона. И как противостоять! Дюжина трупов — и младший жрец среди них! А бунтарь остался неуязвимым и безнаказанным!

Да, у Сарпедиона были причины для гнева!

За всю жизнь Дивейна великий Сарпедион ни разу не показывался на глаза смертным, хотя в далеком прошлом, как гласили легенды, он иногда соизволял жрецам услышать свой грозный глас. Обычно это случалось в те времена, когда его кровавое багряное Око светило над миром. Такие эпохи разделялись десятилетиями или столетиями — как было угодно боже-ству; но рано или поздно они наступали с той же неотвратимостью, с которой подымается на востоке солнце. Глаз Сарпедиона неожиданно вспыхивал в небе, повергая людей в трепет, и пылал пять, десять или пятнадцать лет; никто не мог заранее предвидеть, сколько времени на сей раз бог решит созерцать прегрешения человеческие и карать отступников и святотатцев. Он мстил сам, насылая безумие, и руками жрецов пускал потоки крови из грешников.

Великие и страшные времена — дни Кровавого Ока! Звездный час верных слуг Сарпедиона! Года, когда их могущество, сила и власть были неоспоримы; эпохи, когда они правили миром, попирая земных владык! И ему, Дивейну, выпала честь возглавить в такой период жрецов Ломарры... Это было огромной удачей. Однако бог ревнив и не терпит соперников; горе тому, кто его разгневал — глупый ли простолюдин или сам верховный жрец, промедливший покарать отступника. Правда, сей отступник имел могучего покровителя...

* Рубан Омара Хайяма (прим. переводчика).

Дивейн огорченно покачал головой. Нет, ему не справиться с Ллосиром... Нужно молить бога о том, чтобы он показался снова и заговорил; чтобы он сам дал указания, как уничтожить вредоносного демона и защитить его, Сарпедиона, непререкаемую власть. Древняя процедура общения с божеством была хорошо известна верховному жрецу — несмотря на то, что за свою долгую жизнь он никогда к ней не прибегал, да и не стремился прибегнуть; дело это казалось страшноватым и малоприятным. Но ситуация требовала экстраординарных мер.

В Ломпоре, столице Ломарры, Сарпедион обитал сразу в двух местах — в своем огромном, величественном и мрачноватом Храме, что высился в центре города, и в подземном лабиринте под усыпальницей Скина — древнего властителя, под водительством которого ломариане, хлынув некогда из Верхней и Средней Марки, исконных своих территорий, захватили плодородные равнины Мидвела и Побережье. В Храме располагался главный алтарь, рядом с которым стояла десятифутовая статуя бога, высеченная из гранита и, как и положено, полая внутри — чтобы разместить наиболее важные органы. Здесь производились торжественные жертвоприношения на глазах народа, знати и короля; здесь же были покои Дивейна и большинства высших жрецов, а также караульный пост с сотней наемников.

Гробница Скина, выстроенная в форме усеченной пирамиды, на вершине которой находился второй алтарь, черной каменной громадой торчала на северной окраине столицы — прямо напротив парков, окружавших королевский дворец. Это массивное строение, на сотню футов возносившееся к небесам, будто бы напоминало светскому владыке, что в Ломарре существует более грозная и могучая сила, чем та, которую олицетворял король. В подкрепление данной ситуации, гробницу окружали казармы тарконцев — не менее тысячи человек. Вся королевская гвардия, охранявшая порядок в городе и покой его величества Фагона Третьего, насчитывала не больше пяти сотен бойцов.

В подземелье под каменной пирамидой хранилась казна Храма, а в самой далекой и тайной камере сокровищницы — Скрытый Лик, второе изображение Сарпедиона довольно скромных размеров (в человеческий рост, насколько помнил Дивейн), которое извлекали раз в десять-двадцать лет в особо важных слу-

чаях. Этот идол, неимоверно древний и грубо вырезанный из черного мрамора, считался более могущественным и священным, чем статуя в главном Храме; его не стоило беспокоить по пустякам. Ежегодно Кайтор, старший жрец усыпальницы Скина и будущий преемник Дивейна, осматривал скрытый Лик бога и делал пророчество, поражавшее своей неизменностью: да будет всяк в Ломарре покорен Сарпедиону и его слугам, иначе жизнь нечестивца пресечется быстро и болезненно. Никаких благ покорствующим Сарпедион не обещал; он только грозил и карал.

Кроме золота и древней статуи, в лабиринте Скина скрывались и другие ценности — десятка три наиболее важных узников. Одни, некогда благородные и значительные персоны, приберегались для торжеств и публичного устрашения воинственных баронов Ломарры; другие... другие как раз и были предназначены для того, чтобы в случае крайней необходимости получить указание божества.

Но одновременно с этим требовалось совершить жертвоприношение. Несомненно, то был самый надежный способ привлечь внимание Сарпедиона — принести ему достойную жертву. Конечно, не раба и не сотню рабов. И не девственницу из простой семьи. Эта жертва должна доказывать глубочайшее уважение к богу, размышлял верховный жрец. Может быть, настала очередь самого короля? Нет... Слишком стар и обременен грехами... Однако, его дочь... его старшая дочь... При этой мысли Дивейн ощутил холод где-то в глубине живота. Но отчаянная ситуация требовала экстраординарных мер. Он вызвал младших жрецов и отдал приказ.

8

Лаборатория Скандоса в горах Ампассера; тот же день, девять часов вечера.

Тхар, историк и хранитель архивов, прикончив бутылку рубинового мидвелского вина, оправился от потрясения и начал проявлять свою обычную жизнерадостность и любопытство. Ткнув пальцем в экран аналитического блока, на котором зловещим зигзагом продолжала пылать молния Сарпедиона, он спросил:

— Похоже, размеры кружков, изображающих сгoreвшие звезды, уменьшаются по мере приближения к нашей системе. В этом есть какой-нибудь смысл?

— Не больший, чем заложен мной, — пожал плечами астроном. — Если помните, Тхар, я запрашивал у вас сведения по всем документально зафиксированным вспышкам за два последних тысячелетия. Порывшись в старых хрониках, вы представили необходимые даты, но с некоторым допуском — тем меньшим, чем ближе находилось интересующее нас событие к современности. Вот, скажем, эта звезда, загоревшаяся во времена Тедрика, — Пайрот коснулся пятнышка в почти в самом начале красного зигзага, — превратилась в очередной Глаз Сарпедиона в месяце Скрещенных Мечей. Согласно вашему же комментарию, Тхар, сейчас никто не знает точно, какой это месяц по счету; известно лишь, что он соответствовал концу весны или началу лета. Поэтому я считаю, что дата известна нам с точностью до тридцати дней. В моей модели, — ученый окинул задумчивым взглядом экран, — размеры изображающего звезду пятна пропорциональны ошибке, с которой мы можем установить дату ее возгорания. Чем в более древние времена это случилось, тем больше допуск и тем больше кружок.

— Вот как! — произнес хранитель, криво усмехнувшись. — Ваша диаграмма, друг мой, отражает глубину моего невежества... в строгой математической форме!

Астроном молча развел руками, молодой Фурмин фыркнул, а Винг со Скандосом переглянулись. Тхар в нерешительности потер лоб; было заметно, что историка обуревают сотня вопросов одновременно. Что ж, превосходно! Для того его и пригласили сюда. Если Скандос и Пайрот, каждый в своей области, являлись великими учеными, а Винг был гениальным конструктором аналитических машин, Тхар прославился своим острым, критическим умом. Этот человек умел задавать вопросы! К тому же, его познания были поистине энциклопедическими. Но сейчас он явно колебался.

— Значит, даты, даты... — пробормотал он. — Но ведь с помощью хроноскопа можно... Нет, с этим успеется, — историк повернулся к Скандосу. — Объясните-ка лучше, коллега, как вы общались с нашим кузнецом? Только не надо уверять меня, что вы за пару дней овладели разговорным ломарианским! — Тхар с улыбкой покачал головой. — Я изучаю его двадцать лет, но это невозможное древнее произношение... Нужно иметь луженую глотку! Люди сейчас не способны так реветь, рычать и хрипеть, как полтора тысячелетия назад.

Скандос обратил взгляд на своего ученика; оба они выглядели смущенными.

— Ну, говоря по правде, я использовал малоомощный ментальный усилитель...

— О! Еще одна запретная тематика! Еще одно преступление, помимо вмешательства в историю! — на губах астронома мелькнула довольная усмешка. — Тхар, дружище, вы не только специалист по древним временам, но и знаток современных законов. Так что же нас ждет? Всю нашу компанию четвертуют?.. посадят на кол?.. или за ребро — и на крюк?

— Хмм... — задумчиво протянул историк. — Параграф Пятый главы Седьмой Кодекса Академии, если не ошибаюсь... — он на миг прикрыл глаза. — Цитирую: «...проведение особо опасных исследований без санкции Консулата карается ссылкой на десятилетие... Соккрытие информации о таковых приравнивается к пособничеству — ссылка на десятилетие... Если оные исследования привели к губительным последствиям, ссылка бессрочная...» Вот так, мой дорогой.

— И куда ссылают? — в тоне Скандоса слышалась несомненная заинтересованность.

— На Астероидное Кольцо, в рудники, — внезапно раздался хриплый голос вычислителя Винга, который по причине мрачности характера предпочитал больше слушать и меньше говорить. — Живут там от силы года три.

Наступило гнетущее молчание.

— Да, правильно, — подтвердил Тхар. — В нашем гуманном, демократическом и цивилизованном обществе, процветающем под властью Консулата, смертной казни не существует. Однако...

Фурмин нерешительно откашлялся.

— Учитель тут не при чем, — молодой физик сидел, уставившись взглядом на свои большие руки, сцепленные на коленях. — Это была моя идея. Я дал ему свой обруч ментальной защиты — конечно, слегка переделанный. Обруч зарегистрирован, и я ношу его вполне законно. Есть заключение правительственных медиков... ну, вы понимаете... — он запнулся и покраснел.

— О! Так вы, юноша, из сенсов! — удивленно произнес астроном, тогда как хранитель архивов посмотрел на Фурмина с нескрываемым любопытством. — А я думал, что всех Чувствующих выбили еще в Кровавые Века!

— Нет, — историк покачал головой. — Правда, по

официальным данным, их осталось очень и очень немного...

— Вы так полагаете? — сухо поинтересовался Винг; он глядел на Фурмина с состраданием. — Через сколько минут после восхода Ока у тебя начинает гудеть в голове, сынок? — неожиданно спросил он. Помощник Скандоса молча показал раскрытую пятерню.

— Ну и дела! — историк прикусил губу. — Значит, и вы, Винг?..

Вычислитель откинул полу своей просторной мешковатой куртки. С изнанки на уровне груди был нашит кожаный патронташ со множеством карманчиков, из которых торчали рукоятки миниатюрных инструментов; поверх них в петле висел серебристый обруч.

— Сенсов не так уж мало, — буркнул Винг, отвернувшись и застегивая куртку. — Просто мы стараемся скрывать свой порок...

— Порок? Не почему — порок? — астроном возмущенно приподнял брови. — С каких это пор особая чувствительность к ментальному излучению стала пороком?

Винг беспомощно пожал плечами, историк же пояснил:

— Сенсов всегда считали тронутыми. В эпоху Тедрика им просто пускали кровь на алтарях, а в наше гуманное время регистрируют и держат под наблюдением. Тем, кто стоит на учете, дозволяется носить защитный обруч, частично экранирующий излучение Ока... — Тхар печально покачал головой, потом повернулся к Скандосу. — Однако я хотел бы задать еще пару вопросов нашему гостеприимному хозяину...

9

Мерно гроыхали доспехи, утреннее солнце играло на полированной стали шлема, огромный меч за спиной покачивался в такт широким шагам кузнеца; вздымая пыль, Тедрик двигался по дороге к Храму. Через несколько минут его догнал Хирт, юный оруженосец. Мальчишка дышал тяжело; на плече он тащил топор и боевой молот из божественного металла.

Они миновали предместья, застроенные усадьбами ремесленного люда — бондарей и шорников, гончаров и плотников, каменщиков, оружейников, ткачей, корабельщиков и парусных дел мастеров. Дома, то добротные, каменные, то сложенные из кривоватых бревен, щели

меж которыми были обмазаны глиной, притихли; сотни глаз провожали могучую фигуру в невиданном сверкающем панцире и семенившего рядом подростка.

Гвардейцы, дежурившие у городских ворот, тоже с удивлением уставились на кузнеца. Многие из них слышали о явлении нового бога, дерзнувшего бросить вызов Сарпедиону; ходили сплетни, что этот Ллосир обучил Тедрика неким секретам, сделавшим его неуязвимым как для обычного оружия, так и для жертвенного жреческого ножа. Но одно дело — слышать, другое — видеть. Блеск стального клинка и мерцание лезвия огромной секиры внушали трепет; казалось, эти ужасные орудия смерти жаждут впиться в плоть жестокого божества и растерзать его на части. Впрочем, воины короля, несмотря на страх перед Сарпедионом, были готовы приветствовать такой поворот событий; они не любили ни кровавого бога, ни его жрецов.

Кузнец, словно сказочный железный великан, проследовал под каменным сводом ворот и по крутой улочке, носившей название Торгового въезда, вышел на площадь. Хирт, изнемогавший под тяжестью молота и топора, сопел и хватал воздух широко раскрытым ртом. Тедрик вытащил меч и, протянув левую руку, снял с плеча мальчишки секиру. Храм Сарпедиона нависал над ним темной громадой; к огромной двери, сейчас широко распахнутой, вела наружная лестница, далеко вынесенная вперед. Она тянулась до площадки перед гранитным фасадом здания, укрепленного титаническими колоннами, которые обрамляли вход. За ним простирался обширный зал с прорубленными у самого потолка оконцами, похожими на бойницы; в конце его находилась камера с жертвенным алтарем и статуей бога.

Ступени храмовой лестницы заполняла плотная масса наемников; кое-где среди тусклых железных доспехов тарконцев поблескивали полированные бронзовые панцири жрецов. Сколько бойцов охраняло эту обитель Сарпедиона? Пятьдесят? Сто? Или больше? Тедрик не собирался их пересчитывать. Вокруг него замер в тревожном ожидании Ломпор, столичный град королевства Ломарра, в изумлении и страхе взирая на грядущую битву двух божеств.

Тедрик достиг подножия лестницы, снес мечом голову первого тарконца и разрубил секирой щит и панцирь второго. Он начал упорно пробивать путь к двери храма; наемники валились вокруг словно спелые колосья под серпом усердного жнеца. Это была тяжелая работа, и он старался не слишком утомляться, отводя

душу молодецким ударом лишь тогда, когда на глаза попадался пышный султан над жреческим шлемом. Неизвестно, что ожидало его у алтаря, и он хотел на всякий случай сохранить побольше сил; вступив в свару с отродьями Сарпедиона лучше иметь кое-что в запасе.

Он карабкался все выше и выше, с удивлением замечая, что врагов становится все меньше и меньше; хотя следовало ожидать обратного. Жрецов больше не попадалось; не то он прикончил их всех, не то они разбежались — уже минут пять Тедрик не видел ни одного бронзового панциря, ни одного плюмажа и выпмела. Он добрался, наконец, до главного зала и алтарной камеры, где, по его предположениям, сплошная фаланга слуг Сарпедиона должна была бы преграждать путь дерзкому святотатцу. Однако там находилось только с полдюжины тарконцев, которые быстро ретировались при виде кузнеца.

Тедрик вышел из Храма и, встав на верхней ступени лестницы, помахал рукой.

— Путь свободен! Поторопись! — крикнул он своему юному помощнику, вытирая со лба пот. Мальчишка рванулся вверх по ступеням, огромный молот подпрыгивал на его плече. И с помощью этого прочного орудия из божественного металла, кузнец Тедрик обратил в пыль и прах каменную статую Сарпедиона.

10

Лаборатория Скандоса в горах Ампассера; тот же день, одиннадцать часов вечера.

— Итак, — произнес Тхар, историк и хранитель архивов, — я хотел бы задать несколько вопросов коллеге Скандосу...

Он долго смотрел сквозь широкий оконный проем на темное небо — черный бархат, усеянный самоцветами безмерно далеких звезд; потом взгляд историка переместился на монитор аналитической машины, словно он сравнивал реальность с изображением, истинный мир с его моделью, хранившейся в магнитной памяти мемора.

— Да, я хотел бы задать несколько вопросов, — повторил Тхар, — и первый из них касается дат — точных дат, когда вспыхивали звезды, оказавшиеся на Его пути, — он вытянул руку к экрану, — или происходили любые другие события. Разве хроноскоп не позволяет определить время их наступления? Простите мое неве-

жество, Скандос, но для историка исследование древности с помощью хронофизических методов такое же запретное деяние, как для вас — вмешательство в реальность прошлого. И я не знаю ничего о сути ваших методов.

Физик покачал головой.

— Вы совершаете распространенную ошибку, путая хроноскоп с темпоральной капсулой, — произнес он. — Вот та установка, которая позволяет нам погружаться в прошлое, — Скандос кивнул в сторону прозрачной сферы в дальнем конце лаборатории. — Совершив путешествие во времени, мы можем, конечно, установить дату любого события; более того, мы способны вмешаться в него, изменить ход истории и повлиять на будущее — то есть, на текущую темпоральную реальность.

— Так, как это сделали вы в случае с Тедриком?

— Совершенно верно, Тхар. В прошлом номер один бунтарь Тедрик кончил жизнь на алтаре Сарпедиона, и три великих западных государства — Ломарра, империя Тарк и Сарлон, оплот грядущей цивилизации, — долгие столетия истощали друг друга в нескончаемых войнах... не считая того, что культ жестокого божества век за веком уносил сотни тысяч жизней. В результате наш мир потерял время — драгоценное время, необходимое для развития мощной технологии и средств защиты от космического монстра... Мы даже не в силах понять, что Он собой представляет! — Скандос сжал кулаки и на его виске запульсировала, забилась голубоватая жилка. — Да, в конце концов мы пришли к всепланетному объединению, но слишком поздно! И слишком неэффективным оказался этот мировой союз! Сейчас власть Консулата означает только одно — стагнацию и гибель...

— Какова же, по-вашему, альтернатива? — тихо спросил Тхар.

— В прошлом номер два, от которого, как я надеюсь, произойдет текущая реальность, Тедрик, овладев секретом производства стали, свергнет власть Сарпедиона. Он займет главенствующее положение в Ломарре, его походы будут победоносными, власть — неоспоримой... Он объединит Запад и станет родоначальником династии выдающихся правителей... И наш мир начнет прогрессировать с гораздо большей скоростью; наше настоящее изменится — и кто знает, каких вершин мы достигнем, какими знаниями овладеем уже сегодня! Я надеюсь...

— Минуту! — историк взмахом руки прервал Скандоса. — Ведь вмешательство уже произошло — вы открыли Тедрику секрет изготовления стали. В настоящий момент все последствия вашего поступка являются событиями далекого прошлого. Тедрик объединил Запад; Тедрик стал родоначальником новой династии! Следовательно, все вытекающие отсюда факты должны быть нам известны уже сейчас! Однако, — Тхар кивнул на звездное небо за окном, — я что-то не замечаю там флота межзвездных крейсеров, утыканных, скажем, аннигиляторами пространства. В лучшем случае — пара тихоходных планетолетов... все, чего достигла наша астронавтика!

Поймав вопросительные взгляды Пайрота и Винга, Скандос улыбнулся и покачал головой.

— Еще одна ошибка, Тхар. Вы считаете, что любое вмешательство в прошлое должно приводить к немедленным изменениям в будущем. Однако ни один из основных атрибутов физического мира — материя, энергия, пространство, время — не отвечает на воздействие немедленной реакцией; они обладают неким свойством, которое мы, физики, называем инерцией. Да, вмешательство произведено и наша темпоральная линия начала меняться, плыть, перетекать в другую форму! Однако это произойдет не сразу. Сравнительно медленно и незаметно изменится мир вокруг нас, изменимся мы сами... действительность станет иной, и я надеюсь, что в ней не останется места для Консулата, но межзвездный флот станет реальностью.

Историк задумчиво наморщил лоб, его круглое лицо внезапно посерьезнело, пухлые губы сжались; пожалуй, только теперь можно было заметить, что он не молод — ровесник Скандоса, если не старше. Подняв на хронофизика глаза, он с расстановкой произнес:

— Итак, мир уже начал меняться... медленно и незаметно... Когда же почувствуем это?

— Кто знает... — Скандос пожал плечами. — Часы, дни, месяцы... У нас нет никакого опыта в подобных делах. Мне, например, казалось, что кое-какие изменения уже должны были бы наступить. Однако хроноскоп... — внезапно он замолчал, уставившись на круглый экран у своего локтя.

— Хроноскоп? Так что же хроноскоп? — с любопытством переспросил хранитель архивов. — Я всегда считал, что этот прибор позволяет рассматривать кар-

тины прошлого, уточнять некие события... Но вы, Скандос, кажется заметили, что я ошибаюсь?

— Увеличьте изображение... вот эту часть, — бросил физик своему ассистенту, постучав согнутым пальцем по мерцающему стеклянному глазу хроноскопа, посередине которого светилась яркая зеленая черта. Фурмин что-то подкрутил на пульте, щелкнул парой переключателей, и зеленая линия вдруг распалась на две, разделенные узкой темной щелью. Они шли параллельно и были ровными — за исключением того, что примерно посередине верхней бился, трепетал крохотный изумрудный язычок, похожий на вспышку пламени.

— Мне показалось, что этот пик стал больше... — задумчиво произнес Скандос. Он резко повернулся к историку: — Простите меня, коллега. Так вот, о хроноскопе. Это устройство позволяет не разглядывать, но анализировать прошлое. Мы не можем с его помощью увидеть отдельных картин — например, Тедрика, полирующего свой меч, или королевский прием во дворце Фагона Третьего; однако всплески этой зеленой линии соответствуют важнейшим событиям анализируемого периода времени и дают возможность выбрать наиболее существенные моменты. Именно так мы и обнаружили нашего кузнеца.

— Но сейчас я вижу на экране только две линии, совсем ровные, если не считать этого небольшого излома на верхней, — историк был настойчив.

— Да, да, Скандос, объясните же, что это значит! — видимо, астроном тоже заинтересовался. Даже на лице Винга, по-прежнему угрюмом, промелькнуло нечто похожее на любопытство.

— Хмм... — Скандос нервно потер висок. — Видите ли, сейчас хроноскоп настроен на режим сравнительного анализа... Вот эта нижняя темпоральная линия соответствует базовому варианту истории — тому, в котором Тедрик лег на алтарь, обрекая на гибель и нас с вами... Верхняя линия — это новый вариант развития событий. Если она идет параллельно нижней, это означает, что никаких отклонений не произошло; но если появляются пики... пики показывают, что реальность начала меняться! Фурмин, — физик бросил взгляд на своего ассистента, — сидит у этого экрана уже двое суток. И все, что он заметил — слабые, весьма слабые колебания в той части временной шкалы, которая соответствует эре Тедрика, и вот этот пик — в на-

шей эпохе! Что-то начало изменяться в настоящем, но мы не знаем, что!

— Возможно, стражи Консулата уже стоят у дверей лаборатории с ордером на арест, — мрачно заметил Винг. — Рудники на астероидах! Это было бы весьма серьезным изменением реальности для всех нас! И для нашего мира тоже!

— Только в том случае, если подобное событие действительно повлияет на ход истории, — с улыбкой заметил Фурмин.

— Юноша! Вы цените нас — и себя тоже — так мало? — воскликнул хранитель архивов.

— Нет, конечно... Но пока рано делать какие-либо выводы, — молодой физик пожал плечами. — Слабые всплески, наблюдаемые нами во времена Тедрика, свидетельствуют, что там идет борьба, исход которой неясен. Ткань времени словно застыла в неустойчивом равновесии... либо кузнец потерпит поражение, и все вернется на круги свои... либо... — Фурмин снова пожал плечами, пряча глаза от острого пронзительного взгляда историка. — Во всяком случае, этот крохотный излом на верхней темпоральной линии показывает, что и в нашей эпохе нечто изменилось...

— Он растет, Фурмин, он растет! — внезапно закричал Скандос, склонившись к экрану хроноскопа. — Что-то происходит, что-то меняется — прямо сейчас, на наших глазах! Великие боги космоса! Что же это!

— Консулат пал? Академия разогнана? Или планета сейчас треснет под нашими ногами? — с улыбкой предположил астроном.

— Ни первое, ни второе, ни третье, — медленно произнес историк. Он поднялся, подошел к окну и поднял лицо к усыпанному яркими звездами небу. — Я знаю, что это такое, друзья... — Тхар ненадолго замолк, потом повернулся к хронофизику и сказал, обводя одновременно рукой небосвод: — Какое прекрасное четверостишие вы процитировали, коллега... Что там, за ветхой занавеской тьмы... В гаданиях запутались умы...

— Это слова древнего поэта, — Скандос недоуменно сморщился. — Но какое отношение они...

— Самое прямое, самое прямое, друг мой! — хранитель архивов стремительно шагнул к стеклянному глазу хроноскопа и показал пальцем на подрастающий на глазах зеленый треугольник. — Это мы с вами, коллеги! Это наше сегодняшнее совещание! Это реше-

ния, которые мы примем! Это мысли, идеи, которые зародились сейчас в голове у каждого, и которые начинают прорастать подобно зерну, под весенним дождем! Это залог грядущих перемен! — Он выпрямился и с торжествующей улыбкой оглядел своих пораженных слушателей. — Когда же с треском рухнет занавеска, увидят все, как ошибались мы! Забавно, правда?

11

На пороге Храма появилась высокая дородная фигура в сверкающих золотом доспехах. Король Фагон! Монарх Ломарры ринулся к алтарю, когда Тедрик с торжествующим воплем выдрал из груди каменных обломков печень Сарпедиона — деревянную, огромную, окрашенную в багряный цвет. Снизу, с лестницы, доносился грохот сапог — прыгая через несколько ступеней, вслед за своим повелителем торопились полдюжины придворных и гвардейцы охраны.

— Тедрик, скорее! — задыхаясь, прохрипел король. — Эти мерзавцы схватили Роанну... Дивейн повелел отдать ее Сарпедиону!

— Они не смогут, мой господин, — кузнец подбросил на широкой ладони деревянную печень. — Я убил Сарпедиона — смотри!

— Они смогут! Они достали Скрытый Лик бога из тайной гробницы в подземелье Скина! Прикончи этих предателей прежде, чем они убьют Роанну, и ты станешь...

Тедрик не слышал щедрых посулов; сейчас даже бедственное положение принцессы не слишком его занимало. Сарпедион! Кровожадный демон проскользнул у него меж пальцев, словно десяток медяков у стойки кабака! С проклятием кузнец швырнул печень на пол и бросился к лестнице. Недостаточно уничтожить только одну статую Сарпедиона; он должен расколотить в пыль обе — причем в первую очередь Скрытый Лик, который считался главным изображением бога. Скрытый Лик... Этого идола до сих пор никто не видел, кроме жрецов самого высокого ранга... и, конечно, только на алтаре подобной святыни может быть принесена в жертву королевская дочь! Он должен был подумать об этом раньше, проклятый глупец! Надо торопиться... Еще есть время... Однако, чем раньше он будет там, тем больше шансов на победу.

Бросив взгляд на паланкин короля и скакунов свиты, Тедрик презрительно сморщился. Нет, такой транспорт его не устраивал — кони придворных щеголей слишком тонконоги, ни один не выдержит воина в броне. Он забросил меч на спину, взвалил на плечо секиру с молотом и побежал; мальчишка-оруженосец мчался следом. Позади, отставая с каждым шагом, пыхтел окруженный придворными монарх Ломаарры.

Промчавшись под аркой северных ворот, Тедрик выскочил на примыкавшую к городской стене обширную площадь, на которой мрачно темнела пирамидальная усыпальница, и с облегчением убедился, что ему не придется штурмовать эту твердыню в одиночку. Древнее святилище было окружено отрядом королевских гвардейцев — человек триста, не меньше. Растянувшись длинной цепочкой, они то наступали на плотные ряды тарконских наемников, перекрывавших подход к лестницам, то откатывались назад. Несомненно, сражение шло без особых успехов и Тедрик знал, почему. Солдаты, которые бились с тяжеловооруженными и многочисленными защитниками великого бога, заранее считали себя побежденными. Первым делом следовало поднять их боевой дух.

Но хватит ли на это времени? Вероятно. Важное жертвоприношение не совершают в спешке — это может оскорбить Сарпедиона, чье кровавое Око взирает сейчас на мир. Необходимо соблюсти все тонкости церемонии — освятить жертвенный нож и алтарь, пропеть двенадцать молитв Гнева и семь молитв о Пощаде, тридцать три раза преклонить колени перед идолом... Долгая процедура, до самого полудня. Впрочем, солнце уже приближалось к зениту.

— Лорд Тедрик? — рослый капитан гвардейцев вытянулся перед ним, вскинув руку в воинском салюте.

— Я — Тедрик, кузнец. Ты знал, что я приду?

— Да, мой господин... — капитан смотрел на закованного в сверкающую сталь воина так, словно с небес к нему на помощь спустился один из легендарных героев-полубогов, обитавших некогда в Средней Марке. Он смущенно откашлялся и сообщил: — Только что солнечными зеркалами передали приказ... Мы в твоём подчинении; твоё слово — слово самого короля Фагона. Что повелишь, лорд?

— Собери своих людей. Мне будут нужны двенадцать или пятнадцать бойцов — самых сильных.

Через десять минут Тедрик стоял перед плотным строем гвардейцев, шагах в пятидесяти от стен святилища. Тарконцы мрачно поглядывали на королевских солдат, однако продолжать схватку явно не собирались. Их было втрое больше, и жрецы, командовавшие этим войском, хотели лишь одного — не допустить людей короля к лестнице, что вела на самую вершину пирамиды, к жертвенному алтарю. Сегодня им не требовались иные жертвы кроме той, драгоценной, что распростерлась сейчас на плите зеленого камня.

— Королевские воины! — Тедрик напряг голос — так, чтобы его слышали не только гвардейцы, но и замершие в ожидании враги. — Кто среди вас лучше всех владеет мечом? Ты? Ну-ка, выходи вперед, парень... — он вытащил из строя здорового солдата лет двадцати. Погляди: панцирь, который на мне — не из железа... видишь, как сверкает? Он сделан из божественного металла Ллосира, всемогущего бога, врага кровопийцы Сарпедиона и моего покровителя! И чтобы все могли в этом убедиться, ты, парень, сейчас нанеешь мне удар мечом... Я так приказываю! Самый сильный удар, какой сможешь!

Гвардеец пару раз взмахнул своим широким прямым клинком и вполсилы рубанул по оплечью Тедриковой кирасы. Раздался протяжный звон, меч соскользнул, задев острием локоть кузнеца.

— Я велел бить со всей силы! — взревел Тедрик. — Думаешь, твоя ржавая железка может разрубить металл бога? Ударь так, чтобы убить! Бей!

Солдат стиснул зубы, быстро шагнул вперед и нанес удар, стремительный и сильный; обращаться с мечом он умел. Панцирь снова отозвался долгим протяжным звоном, а в руках ошеломленного гвардейца осталась рукоять с обломками клинка. Волна видимого облегчения прокатилась по рядам королевского воинства; их противники были поражены и испуганы.

— Молю о прощении, мой лорд, — сказал солдат, отбросив сломанный меч и опускаясь на одно колено.

— Встань, парены! Ты выполнил мой приказ — и выполнил хорошо. Как твое имя?

— Фристал, сын Троота, мой господин... Мы — потомственные воины, из Средней Марки...

— Я запомню тебя, Фристал... — Тедрик повернулся к строю гвардейцев и обвел взглядом их суровые лица. — Слушайте, воины, я хочу кое-что сказать вам.

Только что я уничтожил статую Сарпедиона в его Храме, и гнусный трусливый бог не посмел коснуться меня. Половина его могущества обращена в прах! И скоро вы увидите, как я разделаюсь с другой половиной — здесь, в гробнице Скина! Бог он или демон — не важно; вы не должны бояться, потому что меня и всех, кто пойдет со мной, охраняет Ллосир. Мы, люди короля, будем иметь дело только с крысами из Тарка, с их плотью и кровью.

Он склонил голову к плечу, размышляя и оценивая силы врага. Копьеносцы у подножья широкой лестницы выстроились плотной фалангой: щиты сдвинуты, тупые концы копий уперты в землю, острия торчат на шесть футов перед строем. Сильная позиция, но рассчитанная только на пассивную оборону; когда гвардейцы отступили от наклонных стен пирамиды, ни один наемник не бросил за ними, ни один дротик не полетел следом.

— Мы будем наступать клином, — Тедрик коснулся мускулистой руки капитана, будто хотел передать ему свою уверенность. — Я встану впереди с топором. Этот парень, Фристал, — он ткнул пальцем в грудь рослого здоровяка, — понесет мой меч и молот. За нами поставь лучших бойцов, а остальные пусть подпирают их сзади и прикрывают с боков. Мы пройдем через ряды этого сброда как корабль по волнам. Ну, стройтесь, ребята! Вперед!

Звения оружием и взбивая пыль тяжелыми сапогами, гвардейцы быстро перестроились; затем их колонна ринулась вперед подобно тарану с наконечником из закаленной стали. Тедрик врезался в плотный строй тарконцев — их копья не могли пробить его стальную кирасу. Несколько наемников упали при столкновении, теперь в рядах фаланги зияла брешь. Прижатый мощным напором сзади к вражеским щитам, кузнец едва мог пошевелить ногами, чтобы сделать очередной шаг; его тело как будто попало в тиски. Однако могучие руки Тедрика были свободны — и резкими, яростными ударами боевого топора он начал пробивать путь к наклонной стене гробницы. За ним двигались самые сильные бойцы королевской гвардии. Их щиты были плотно сдвинуты, мечи и секиры разили врагов, оставляя за собой вал мертвых тел.

Смертоносный клин пробивался все дальше и дальше: сначала — к подножию лестницы, что вела на крышу свя-

тилица, затем — вверх по широким ступеням. Когда гвардейцы достигли плоской площадки на вершине пирамиды, сопротивление почти прекратилось. Тут, на стофутовой высоте, гулял свежий ветер, посвистывавший меж колонн, окружающих алтарь. Бросив взгляд сквозь их каменный частокол, Тедрик понял, что жертвоприношение еще не закончено. Старого Дивейна нигде не было видно; церемонией руководил Кайтор, его помощник. Сейчас он в пятый раз поднял вверх, к Оку Сарпедиона, жертвенный нож из темного обсидиана, одновременно обращаясь к богу с молитвой о Пощаде; согласно священному ритуалу, эту операцию следовало повторить еще дважды.

— Выпусти кишки из этих собак! — крикнул Тедрик капитану, кивая на две сверкающие бронзой фигуры, загородившие проход к алтарю. — Я возьму на себя тех троих у плиты, а твои парни пусть разберутся с остальными!

Когда кузнец достиг зеленого алтарного камня, нож был поднят в шестой раз. Но за ударом, лишившим Кайтора правой руки, последовал второй, которым Тедрик снес его голову и левое плечо жреца. Еще два быстрых взмаха клинка, два предсмертных вскрика — и можно было гарантировать, что в этот день жертвоприношение не состоится.

Тедрик молча протянул руку и Фристал, следовавший за ним по пятам, вложил в нее молот. Кузнец повернулся к Скрытому Лику, в злобном бессилии скалившему зубы, и принялся за работу. Древняя статуя оказалась хрупкой; за пять минут он извлек раскрашенные деревяшки — мозг, сердце и печень, а остальное превратил в груды бесформенных обломков и мелкой каменной крошки.

Теперь настало время побеспокоиться о жертве. Тедрик снова бросил взгляд на алтарь из-под низкого забрала шлема. Принцесса Роанна Ломарианская, с растрепанными волосами, с лодыжками и запястьями, прикрученными веревкой к массивным медным кольцам по углам квадратной плиты, была растянута на грязной, пропахшей мертвой плотью поверхности камня. Ее взгляд метнулся от обломков божественной статуи к гиганту в сверкающем панцире, залитом вражеской кровью; выражение радости, смешанной с изумлением и ужасом, появилось на лице девушки.

Тедрик перерубил веревки.

— Тебе не причинили вреда, леди Роанна? — голос его внезапно стал хриплым.

— Нет. Я только зачоченела.

Взявшись за его протянутую руку, она села, оправляя разорванный ворот платья. Затем, наклонившись, начала растирать лодыжки. Длинные каштановые волосы рассыпались по ее плечам и полуобнаженной груди. Высокая, крепко сбитая, но стройная — истинный отпрыск древней королевской крови! «Какая женщина, во имя святой печени Ллорсира!» — промелькнуло в голове у Тедрика. Мысленно кузнец раздел ее — но его видение было только жалким отблеском представшего наяву величия. Какая женщина! Девственница? Несомненно, иначе Дивейн не выбрал бы ее... Тем больше позора этим малодушным ничтожествам при дворе, которые не смогли защитить дочь своего повелителя! О, если бы он, Тедрик, был рожден благородным...

Роанна соскользнула с алтаря, ее глаза внезапно потемнели, как море перед бурей. Обняв гибкими руками шею кузнеца, она прильнула щекой к его панцирю, не обращая внимания на кровь, пачкавшую полунагую грудь и лицо. Тедрик осторожно обхватил девушку закованной в сталь рукой; ее глаза цвета океанской волны были почти на уровне его лица. О, вечные холмы Ломарры! Страсть бушевала в нем. Какая женщина! Настоящая подруга для мужчины приличного роста!

— Хвала богам! — дыхание с шумом вырвалось из груди короля Фагона, но для человека под пятьдесят, пробежавшего две мили в тяжелом золотом панцире, он еще сохранил приличную форму. — Хвала всем богам, ты успел вовремя!

— Вовремя, сир, хотя едва-едва не опоздал.

Король шумно перевел дух и оттолкнул двух придворных, пытавшихся поддержать его под руки. По его багровому лицу катился пот, темная борода с нитями седых волос была растрепана. Выпрямившись и приняв подобающую позу, он провозгласил:

— Назови свою награду, лорд Тедрик! Клянусь, сегодня я был бы рад назвать тебя своим сыном!

— Только не это, сир, только не это. Меньше всего я хотел бы оказаться братом леди Роанны.

Девушка зарделась — намек был достаточно ясным.

— Сделай его лордом всей Марки, отец, — быстро сказала она. — Там слишком много мелких баронов, своевольных и неуживчивых... Им нужна твердая рука! И потом... помнишь, что гласят саги? — Роанна под-

няла глаза к небу, на котором сверкало гневное Око Сарпедиона. — Неуязвимый воин, могучий боец, дерзнувший руку поднять на злобного бога... Он — тот, кто рати Ломарры победоносные в бой поведет на север и юг... Он...

— Хватит, дочь, ты меня убедила. Да, это будет мудрым решением, — согласился монарх. Затем Фагон пригладил бороду, и лицо его приняло величественное выражение. — Тедрик, кузнец, потомок древнего ломарианского рода! Я, властитель сей страны, ее король и владыка, объявляю тебя лордом и повелителем Верхней, Средней и Нижней Марки, пэром королевства Ломарры!

Тедрик опустил на одно колено.

— Благодарю, сир, — он склонил голову. — Будут ли одобрены мои намерения и действия по уничтожению власти Сарпедиона? Могу ли я покончить с его жрецами, как того желает великий Ллосир?

— Если ты станешь поддерживать Трон Ломарры со всей силой и мужеством, которые я вижу в тебе, то обещаю, что Трон одобрит и поддержит тебя во всем, что ты пожелаешь совершить.

Тедрик снял шлем. Ветер развеивал гриву его светлых волос, серые глаза пристально смотрели в лицо короля.

— Клянусь, мой повелитель, что буду поддерживать тебя и сражаться за твой Трон, пока жив и имею силу в руках! — Я — твой вассал и верный слуга с того мига, когда кровь впервые заструилась в моих жилах. Мой мозг, моя печень, мое сердце — твои.

— Благодарю тебя, лорд Тедрик. Встань и закончи свое дело.

Кузнец вскочил на ноги, и в воздухе блеснула холодная сталь клинка. Громкий голос Тедрика наполнил площадь перед усыпальницей и полетел дальше, к городским воротам и стенам, к замершим в тревожном ожидании улицам.

— Люди Ломпора, слушайте Тедрика, глашатая Трона Ломарры! Сарпедион мертв; Ллосир жив. Никто из вас больше не станет жертвой на алтаре из зеленого камня. Таков новый закон — закон Ллосира! Никогда жрецы-воины не станут служить богам; только молодые женщины и юные девушки. Слушайте! Слушайте! Я говорю как глашатай Трона Ломарры, великого королевства Запада!

Он повернулся к принцессе, все еще державшей его за руку, и шепнул:

— Наверно, леди Роанна, ты была бы хорошей верховной жрицей, однако...

— Нет, нет! — энергично запротестовала она, — я вовсе не хочу быть жрицей, лорд Тедрик!

— Во имя Ллосира, девушка, ты права! Ты и так потеряла зря столько времени!

Щеки Роанны порозовели; она открыла рот, собираясь ответить, но тут раздался громкий возглас короля.

— Проклятье! Это же Кайтор! — Владыка Ломарры стоял у алтаря, вглядываясь в распростертое на каменных плитах тело. — А где Дивейн? Где этот старый колдун? — Фагон Третий устремил пронзительный взгляд на кузнеца. — Лорд Тедрик, сейчас я преподам тебе первый из уроков мудрого правления: воюя с богами, не забывай об их слугах! Ты понял меня?

С минуту Тедрик размышлял, уставившись глазами в пол, потом кивнул головой.

— Я понял, сир, и благодарю тебя за это напоминание. Дело еще не кончено, ты прав! — он повернулся к капитану гвардейцев. — Собери своих людей! Мы пойдем вниз, в лабиринт, и прикончим старую крысу в ее норе!

12

Дивейн уперся подбородком в сухие сморщенные руки, не спуская немигающего взгляда с Лейи, распростертой на деревянном топчане посередине камеры. Прямо над головой девушки в потолке зияла шахта, длинная и широкая, выходившая на одну из боковых поверхностей пирамиды Скина. Сейчас ее жерло было направлено в то место небосвода, где в этот час багровела далекая яростная звезда. Ни камень, ни металл не мешали прямому общению божества с разумом жертвы, которой предстояло поведать верховному жрецу волю Сарпедиона.

Да, Лейя тоже была жертвой, ибо такие сеансы связи обычно заканчивались для человека либо смертью, либо безумием, более страшным, чем смерть. Естественно, речь шла о людях, особо чувствительных к ментальному излучению, как сказали бы просвещенные современники Скандоса. Но для Дивейна все они

являлись проклятыми, отмеченными яростным богом; и проклятье было тем сильнее, чем большими телепатическими способностями обладали эти нечестивцы.

Многие в Ломарре, Сарлоне и Тарке ощущали головную боль и гул в ушах, когда Око Сарпедиона плыло по небу. Кое-кто из страдальцев днем почти доходил до сумасшествия, но вечером, когда кровавый Глаз прятался за горизонт, готовый терзать другую половину мира, разум возвращался к несчастным. Они были верными кандидатами на алтарь Сарпедиона, и те, кого близкие не могли удержать дома, попадали в лапы жреческих патрулей. К сожалению, безумие чаще всего поражало целые семьи и роды; отцы и матери были не в силах помочь детям, дети — спасти родителей. Наиболее благо-разумные селились в глубоких пещерах, ибо только многие и многие футы камня и земли могли ослабить карающую десницу божества.

Наемники, под командой младших жрецов, регулярно обыскивали все пещеры, все старые шахты и любую доступную щель в горах и холмах, которая была способна послужить убежищем. Большинство пленников попадали на алтарь, но некоторые являлись весьма ценной добычей, предназначенной для подземных камер усыпальницы Скина. Под божественным воздействием они впадали в транс и, подстегнутые наркотическим снадобьем, могли говорить, изрекая волю Сарпедиона. Девушка Лейя была из таких.

Она застыла на грубом топчане: руки и ноги стянуты ремнями, пропущенными под ложем, виски зажаты в специальных деревянных тисках в изголовье. Рядом — двое жрецов; они только что закончили вливать темную жидкость в горло девушки. Жрецы были пожилыми, но крепкими людьми, и относились к числу особо доверенных; другим не стоило слушать смутные речи оракула. Один из них уже держал дощечку с пергаментным листом, в руках второго были кисть и пузырек с краской.

Внезапно лоб Лейи покрылся испариной, она беспокойно дернулась, беспомощная в стягивавших ее тело путах. Снадобье подействовало! Дивейн лишь в древних хрониках читал, как надо вопрошать бога, но прочитанное помнил отлично. Сейчас она заговорит — быстро, сумбурно... Надо слушать, записывать и отмечать на полях пергамента время, отсчитанное по песочным часам. Важно все, что будет сказано; но главная часть пророчества содержится в тех словах, которые произ-

несены в момент смерти жертвы на алтарном камне — там, высоко на крыше. Кайтор опытен и сделает все, как надо... И если великому богу угодна кровь королевской дочери, он сообщит об этом. Возможно, он потребует еще жертв...

— Страшно... — прошептала Лейя, — как страшно...

Дивейн кивнул. Так и должно быть, когда бог касается разума человека. Он и сам испытывал страх, но знал, что не должен этого показывать. Один из жрецов торопливо подставил кисточку, второй черкнул ею по листу. По лицам обоих катился пот.

— Бог гневается... Жаждет плоти... крови... — шепот девушки был едва слышен.

Дивейн опять кивнул. Все правильно. Бог всегда гневался, всегда жаждал крови. Об этом ему, верховному жрецу, было известно и без пророчеств. Но в древних свитках написано, что каждый из оракулов говорил такие слова. С них все начиналось. Страх, ужас перед божеством, вечно алкавшим человеческие жизни...

— О! — несмотря на крепкие ремни, тело Лейи вдруг выгнулось дугой. — Он говорит... говорит, что демоны из будущего вмешались в Его планы... демоны из будущего, способные пересекать реку времени... Я не понимаю! Не понимаю! — девушка застонала, что-то несвязно бормоча.

Дивейн тоже не понимал. Конечно, демоны могли построить какую-нибудь пакость... тот же проклятый Ллосир, якобы посетивший мятежного кузнеца... Но демоны из будущего, перебравшиеся через реку времени? Что это могло значить?

Подождем, решил верховный жрец; возможно, бог соизволит высказаться яснее. Он склонил голову, смутно ощущая, что издалека доносится какой-то шум. Это отвлекало. О чем только думает охрана у входа? Ну, он с ними еще разберется...

— Убить... — снова заговорила Лейя. — Убить всех... Демонов, кузнеца... всех, кого найдут в его мастерской... Убить... — голос ее снова упал до шепота, и Дивейн напряг слух. — Убить короля! — внезапно выкрикнула девушка. — Убить всех во дворце!

Определенно, в коридорах лабиринта что-то происходило — Дивейн слышал топот и лягз. Этим стражам придется завтра же лечь на плиту зеленого камня! Тысяча воинов вокруг святилища — и что ж, они не могут обеспечить покоя в такой важный момент?

— Убиты! Убиты! — кричала Лейя. — Убить короля, кузнеца... Всех, всех!

Дивейн бросил взгляд на большие песочные часы, освещенные тремя факелами. Их перевернули в тот момент, когда Кайтор начал творить первую молитву над телом жертвы, и сейчас песок почти доходил до красной черты. Скоро опустится обсидиановый нож... Надо слушать, внимательно слушать! Возможно, бог пожелает, чтобы был уничтожен весь Ломпор? Или вся Ломарра? Тогда придется просить о помощи святых братьев из Сарлона и Тарка...

Но что там за шум? Кто посмел...

Дверь, выбитая могучим ударом, с грохотом рухнула на каменные плиты, и в подземную камеру шагнул закованный в сияющий панцирь великан. Дивейн в страхе отшатнулся. Неужели сам проклятый Ллосир, древний бог Ломарры, явился сюда? Или...

Последнее, что видел верховный жрец — огромный молот, стремительно опускающийся ему на голову.

13

В другой реальности другой Скандос и другой Фурмин, почти такие же, но чуть-чуть отличные от обитателей первой темпоральной линии, внимательно изучали хронограмму.

— Первая критическая точка пройдена, — задумчиво сказал хронофизик, указывая концом карандаша на острый зубец хронограммы. — Он победил! Теперь ключевой фигурой является не кузнец Тедрик, а властитель Ломарианской Марки, открывший способ производства высокоуглеродистой стали. Ему можно помочь... но, возможно, в этом нет необходимости. Изменения в нашем мире еще не закончились, и неосторожное вмешательство в события прошлого способно только ухудшить ситуацию... — Скандос поднял голову и посмотрел на своего молодого помощника. — За годы совместной работы я убедился, Фурмин, в объективности ваших суждений. Что вы думаете по этому поводу?

— Я полагаю, мы должны подождать — как минимум, несколько недель или месяцев, — произнес ассистент. Хотя багровая звезда стояла в самом зените, на голове его не было серебряного обруча — стены лаборатории, покрытые специальной обшивкой, надежно защищали от излучения Ока. — Проследим за развитием

событий и тогда решим, следует ли предпринимать активные действия. В конце концов, мы всегда можем вмешаться еще раз — никто не запрещает этого.

Скандос подошел к окну. С высокого горного склона, на котором стояло здание его лаборатории, открывалась широкая перспектива мидвелской равнины — поселки, разбросанные меж озер и холмов, желтеющие квадраты полей, темно-зеленые рощи — и, далеко за ними, у самого горизонта, огромная бетонная площадка астродрома с колоссальными башнями космических крейсеров.

— Стоило бы посоветоваться с нашими друзьями, — физик прислонился лбом к толстому стеклу, обозревая величественный пейзаж, над которым нависла кровавая звезда. — Через неделю-другую мы опять пригласим сюда Пайрота, Винга и этого умницу Тхара... А пока пусть будет так, как предложили вы. Подождем, Фурмин.

Часть 2

ЛОРД

1

Огромный, во всю стену, экран играл и переливался многоцветьем красок. Трое мужчин — астроном Пайрот, вычислитель Винг и Тхар, историк и хранитель архивов, — расположились перед ним в глубоких креслах. Скандос стоял у окна, с довольной усмешкой поглядывая на пораженных гостей; Фурмин колдовал у пульта новой установки, занимавшей целый угол просторного зала справа от экрана.

— Поразительно! — Тхар шумно вздохнул. — И вы спроектировали это всего за месяц?

— За месяц и пять дней, — уточнил хронофизик. — Правда, такого рода идеи бродили у меня давно... И вы, Тхар, дали им последний толчок. Помните, как вам хотелось узреть своими глазами картины прошлого с помощью хроноскопа? Но хроноскоп не позволяет визуализировать изображения, выловленные нами в океане времени. Зато этот прибор, темпоральный интра-

визор... — Скандос простер руку к экрану и закончил: — Впрочем, что говорить! Вы все видите сами!

В трехметровой проекции цветного монитора возникло изображение Тедрика, ломарианского кузнеца, оружейника и лорда, уничтожившего культ чудовищного Сарпедиона, разогнавшего его жрецов, навсегда покончившего с человеческими жертвоприношениями. Он спас леди Роанну, старшую дочь короля Фагона Третьего, от смерти на алтаре. И король сделал его лордом Верхней, Средней и Нижней Марки, властелином важнейшей пограничной области страны.

— Вот он, наш герой, — с невольной гордостью произнес Скандос. — Вот человек, который смог получить сверхпрочную высокоуглеродистую сталь, этот сложнейший сплав железа с хромом, никелем, ванадием, молибденом и вольфрамом. Сталь, которую никто не сумел выплавить в последующую тысячу лет!

— Что вас удивляет? Это знание передал ему божественный Ллосир, — лукаво усмехнулся Фурмин.

— Возможно, возможно... — на тонких губах физика тоже мелькнула улыбка. — То, что для нас с вами, коллеги, является нелепостью или историческим анекдотом, выглядит совсем иначе для нашего кузнеца.

— Конечно, — подтвердил Тхар; наклонившись вперед, он напряженно всматривался в суровое лицо кузнеца. — Вы создали изумительный прибор, друзья мои... но как бы мне хотелось теперь познакомиться с этим лордом Марки поближе! Изучить его, так сказать, из первых рук! Ведь во всей Кровавой Эпохе нет другой исторической фигуры, занимавшей такую ключевую позицию!

— Да, вы правы. Но давайте продолжим исследования — может быть, нам удастся обнаружить какие-нибудь мелкие, но важные детали событий. — Скандос кивнул своему ассистенту, и тот щелкнул переключателем. — Этот эпизод я люблю больше всего, — прокомментировал физик, когда на экране возник гигант в залитых кровью доспехах, обнимавший высокую полуобнаженную девушку. Позади них возвышался алтарь из зеленого камня.

— Их как будто специально предназначили друг для друга! — восхищенно воскликнул астроном.

— Да, поразительно сходство — и в характеристиках, и в габаритах, — ухмыльнулся Тхар. — На глаз в нашем кузнеце шесть футов четыре дюйма, и весит

он, я полагаю, фунтов двести тридцать — двести пятьдесят. Прекрасная леди Роанна отстала от него не на много: гарантированных шесть футов и сто девяносто фунтов! — Он хихикнул: — В наши дни эта красotka выглядела бы довольно устрашающе... при таких-то размерах!

— Что за пара! — повторил Пайрот, пристально глядя на экран монитора. — Сейчас уже нет подобных людей, Тхар...

— Вы правы. Если верить историческим хроникам, он мог рассечь мечом надвое воина в полном вооружении... ну, а она была способна задушить голыми руками тигра.

— И что с того? — пробурчал вычислитель. — Если сплавить вместе мозги всего ломарианского племени, их едва ли хватит, чтобы начинить голову современного инженера средней руки.

— О, я бы не стал бы утверждать подобное столь безапелляционно, — историк покачал головой. — Возьмите, к примеру, Фагона... Король был проницательным человеком и весьма умелым правителем.

— Вы полагаете? — Винг приподнял брови. — А этот его пресловутый королевский наряд? Вспомните, даже в бою он носил золотой панцирь вместо стального! За что и поплатился жизнью.

— Да, Фагон всегда строго следовал этому самоубийственному обычаю, — кивнул Тхар, — и я согласен, друг мой, что у вас могут возникнуть серьезные сомнения насчет его здравого смысла. Но не стоит подобным образом трактовать их обычаи... это были тяжелые времена... тяжелые и страшные!

— Но, с другой стороны, кто может предсказать, как бы развернулись события, будь на Фагоне стальной панцирь во время той злополучной битвы у замка Лор-имер? — вмешался астроном. — Возможно, он прожил бы еще лет десять-пятнадцать... И в этом случае Тедрик сумел бы изменить карту мира — и наше будущее! — Пайрот бросил взгляд за окно — на густо-синем небе грозным напоминанием о грядущем сияла багровая звезда. — Ведь Тедрик вовсе не был глуп — всего лишь упрям... Он нуждался в умном руководителе вроде Фагона, который сумел бы вложить немного хитрости и здравого расчета в его голову.

— Однако Фагон погиб, — сухо констатировал Скан-дос, — и с тех пор каждое решение Тедрика было

неудачным. Он мог стать великим королем, мог объединить все страны Запада и на сотни лет приблизить наступление технологической эры, спасти цивилизацию... Ведь для того, чтобы бороться с этим, — Скандос в свою очередь бросил взгляд на небеса, — недостаточно космических кораблей и лазерных орудий. Мы должны в два ближайших десятилетия овладеть энергией звезд!

— И не только это, — Винг, обычно молчаливый и угрюмый, вдруг стал словоохотливым. — Подозреваю, коллеги, что человеческий разум не в силах объять природу монстра, тысячелетиями странствующего в пустоте и пожирающего звезды словно спелые плоды дерева анг... Нам нужен помощник — могучий искусственный интеллект, способный конкурировать на равных с чудовищем. Конечно, не такой, как этот жалкий шкаф, — вычислитель пренебрежительно махнул рукой на куб аналитического блока, сверкавший полированными боками у противоположной стены, рядом с пультом хроноскопа. — Я мог бы сконструировать действительно разумную машину... способную учесть миллионы факторов и сделать правильные заключения... передать их человеку... Понимаете — передать не звуками и символами, а прямо в мозг...

— Вы имеете в виду телепатическое общение с механизмом? — воскликнул пораженный хранитель архивов.

Винг молча кивнул, потом тихо произнес:

— Это был бы уже не совсем механизм, Тхар... Помните, вы повторили слова коллеги Скандоса: что там, за ветхой занавеской тьмы... в гаданиях запутались умы... Я думаю, только союз человеческого и электронного разумов мог бы развеять эту тьму. И тогда мы бы знали, что нас ждет, и...

— ...приготовились бы заранее! — подхватил историк. — Великолепная мысль, Винг! Мечта, вполне достойная сенса! Но что же мешает ее исполнить?

Скандос кашлянул, и взгляд Тхара переместился на физика, по-прежнему стоявшего у окна.

— Видите ли, коллега, — сказал хронофизик таким тоном, словно читал лекцию студентам первого курса колледжа, — чтобы Винг мог не только сконструировать, но и построить свою волшебную машину, необходимо многое, чего пока у нас нет... Например, молекулярные запоминающие устройства фантастической емкости... новые материалы... гораздо более совершенные приборы ментальной связи... Не так ли, Винг?

Вычислитель угрюмо кивнул.

— Мы могли бы уже иметь все это, если бы... — задумчиво продолжал Скандос, глядя на экран, где будущий лорд Марки обнимал королевскую дочь, — если бы Тедрик выполнил вторую часть задачи — не только уничтожил культ Сарпедиона, но и создал бы великую Западную империю...

Фурмин, подняв голову от пульта, резко обернулся.

— Вы хотите сказать, учитель, что вам опять нужно появиться там? — ассистент протянул руку к экрану. — Необходимо еще одно вмешательство?

— Возможно, и не одно... Только на этот раз я должен появиться в Ломарре в подобающем виде, — сказал физик. — Не будем обманывать ожидания нашего лорда-кузнеца. В конце концов, разве трудно сделать из пластика копию того бронзового истукана, которого он изваял?

И Скандос, усмехнувшись, продекламировал:

— Пусть рухнет занавеска тьмы,
Пусть мир увидит, как ошиблись мы,
Но если вовремя исправлена ошибка,
Кто в нас метнет презрения громы?

2

Три человека, словно живая картина, на мгновение застыли у страшного алтаря Сарпедиона. И мужчины, и полуобнаженная девушка глядели на окровавленную, страшную голову Дивейна, которую секундой раньше Тедрик швырнул на зеленоватую каменную плиту. Наконец, король Фагон первым сообразил, что этот период истории его Ломарры закончен — и закончен навсегда. Взгляд его переместился на принцессу.

— Эй, Флайснир, твой плащ! — кратко приказал он, и леди Роанна, подарив Тедрику нежную улыбку, набросила на плечи голубое, расшитое серебром одеяние. Только с большой натяжкой можно было считать, что приличия соблюдены; короткий плащ не доставал Флайснiru до середины бедра, а принцесса была повыше его на добрых семь дюймов.

— Капитан Скайр, — быстро продолжил король, повернувшись к командиру гвардейцев, — отвези эту падаль к реке и брось в воду. — Он указал на обломки статуи и валявшиеся вокруг алтаря трупы. — Прикажи своим людям все очистить и привести в подобающий

вид. Тут больше не святилище Сарпедиона, а усыпальница моего почитаемого предка, великого Скина.

Капитан рывкнул команду. Тедрик снял шлем и повернулся к девушке, стоявшей рядом с ним; благоговение, восторг и удивление смешались на ее выразительном лице.

— Я не понимаю, откуда ты знаешь обо мне, леди Роанна, — тихо произнес кузнец. — Ты ведешь себя так, будто я, — твой старый, испытанный друг. Это великая честь... Но чему я обязан ей? Конечно, я знаю тебя, дочь нашего повелителя; но как могла ты слышать обо мне, простом человеке, каких в Ломпоре тысячи и тысячи?

— Ты не прав, лорд Тедрик... Нет, не лорд; отныне ты и я — просто Тедрик и Роанна, — голос девушки был столь же негромок, и ее слова явно не предназначались для чужих ушей. — Ты не прав — я знаю о тебе давно. Те немногие, в чьих жилах течет древняя чистая кровь, всегда выделяются над толпой — а ты выделяешься даже среди них... Кто еще обладает подобной мощью, такой же силой рук и духа? — На мгновение принцесса сделала паузу; лицо ее вдруг побледнело. — Я не труслива, поверь, но на этом алтаре мужество покинуло меня. Я... я не смогла бы сопротивляться богу и его слугам, поднять на них оружие... Я трепетала при одной мысли о том, что ты сделал; я не знаю, как ты сумел это совершить.

— Ты боишься Сарпедиона, леди Роанна, как и многие в Ломарре. Я же ненавижу его. Смертельно ненавижу!

— Просто — Роанна... Не забывай, Тедрик...

— Роанна... Благодарю, моя госпожа. Эта честь мне дороже высокого звания, пожалованного твоим отцом... Боюсь только, оно не слишком подходит для меня. Я по-прежнему чувствую себя простым кузнецом...

— Простым кузнецом? Ты шутишь, Тедрик! И я уже забыла об этом. Ты, по заслугам, стал теперь первым среди благородных людей Ломарры! Мой отец, король, знает, каковы твои достоинства; и ему давно нужно было бы опереться на твою сильную руку. Спасибо Сар... спасибо нашим древним богам, что это, наконец, произошло. Чистая кровь выше пустых титулов. Трон властен дать и властен отнять звание благородного, но не может влить чистую кровь в жилы бастарда и вселить мужество в сердце труса!

Смущенный Тедрик не знал, что ответить на эту пыльную речь и решил изменить тему:

— Ты напомнила своему отцу, королю, о сагах и каком-то древнем пророчестве. О чем они говорят?

— Я расскажу тебе как-нибудь об этом, — к леди Роанне быстро вернулось ее обычное холодное спокойствие. — Но нельзя говорить о подобных вещах, когда я стою в проклятом месте, полунагая и грязная. Подождем лучшего времени; сейчас мне нужны горячая ванна и свежая одежда.

Роанна направилась к лестнице с таким достоинством, словно на ней были надеты роскошные придворные одежды. Проводив ее долгим взглядом, Тедрик повернулся к королю. Великому Ллосиру требовалась жрица, и если леди Роанна отказалась от этой чести, то стоило вспомнить, что у Фагона была еще одна дочь.

— Сир, прекрасная и мудрейшая леди Трейси присоединилась к твоей свите?

— Не только присоединилась, — фыркнул Фагон. — Она все видела, все слышала и знает обо всем больше, чем любой из нас и мы оба вместе взятые. Но в чем дело? — Король погладил седоватую бороду и вдруг усмехнулся: — А! Ты думаешь, она будет хорошей верховной жрицей?

— Превосходной! Много лучшей, чем леди Роанна. Она моложе, мягче и... ну... в ней больше святости, верно?

— Может быть, — скептически заметил Фагон и, оглянувшись, позвал: — Трейси, девочка!

— Я здесь, отец, — ответил звонкий голосок. Затем послышались торопливые шаги, и девушка ступила на вершину пирамиды. Она совсем не запыхалась; видимо, стояла на лестнице, наблюдая за тем, как королевские гвардейцы конвоируют наемников обратно в казармы и сваливают на телеги трупы.

Леди Трейси, вторая дочь короля Фагона, была такой же высокой и стройной, как Роанна, но с нежно-голубыми глазами и волосами цвета спелой пшеницы. Черты лица у нее были мягче, чем у старшей сестры, и отличалась она веселым нравом и неистощимым любопытством.

— Подойди сюда, детка. Ты хочешь стать верховной жрицей Ллосира, нашего нового бога?

— О, да! — юная принцесса подпрыгнула, взвизгнув от восторга, но отрезвление наступило быстро. — Хотя...

если подумать... пожалуй, нет... нет, отец. Ведь я собираюсь со временем выйти замуж и завести детей... шесть или семь. — Она глубоко задумалась, сморщив хорошенький носик, потом заявила: Возможно, я могу стать сейчас жрицей... а потом... потом передать эту честь кому-нибудь другому...

— В том нет необходимости, госпожа, — прервал ее Тедрик, пока Фагон, поглаживая бороду, размышлял над этим предложением. — Видишь ли, Ллосир — совсем не такой бог, как Сарпедион. Он не ревнив. Он желает, чтобы люди плодились и жили в изобилии и счастье. А посему жрица Ллосира может выйти замуж, когда пожелает, и иметь столько детей, сколько хочет. Бог благословит ее.

— Тогда — я верховная жрица, сирь! И я немедленно распоряжусь, чтобы мне приготовили священные золотые одежды! И золотой венец! — с этими словами Трейси, пританцовывая, со всех ног бросилась к лестнице, что вела на площадь с вершины храмовой крыши.

За спиной Тедрика раздалось почтительное покашливание.

— Лорд Тедрик, сир, — рослый Скайр, капитан королевской гвардии, почтительно склонив голову, ждал возможности заговорить с кузнецом.

— Да, капитан!

— Мои люди... ну, которым приказано навести тут порядок... они... я хочу сказать... — бравый вояка заикался от смущения. — Эти тела — жрецов и всех прочих — с ними мы управились быстро... и даже собрали почти все обломки от статуи бога. Но... но его сердце... и остальное... мы не знаем, может ты хочешь взять их... и потом, мы... мы боимся...

Тедрик усмехнулся.

— Ты прав, Скайр, это мое дело, только мое. Где там мой парнишка, Хирт? Или может ты сам раздобудешь мне какой-нибудь мешок или сумку?

— Да, сир! — с облегчением рявкнул капитан и махнул рукой, подзывая своих людей. Через минуту уже протягивал Тедрику сумку из прекрасной, мягкой кожи — вполне достойную останков поверженного божества.

Тедрик взял ее и шагнул к постаменту, на котором раньше высилась статуя — Скрытый Лик ужасного и грозного Сарпедиона. Затем, не без некоторого трепета (так как запал битвы уже прошел), он подобрал

сердце, печень и мозг бога и сунул их в сумку — не слишком осторожно, но и не высказывая нарочитой небрежности. Забросив ношу на плечо, он направился к лестнице.

— Пойду соберу людей, — объяснил он королю. — Мы принесем эти останки в жертву нашему новому богу.

— Отлично, Тедрик, отлично! — одобрил Фагон. — Однако мы должны сначала кое-что обсудить. В делах правления не подобает действовать без плана, не отдавая должных распоряжений. Где, к примеру, собираешься ты приносить такую великую жертву? Надеюсь, не в своей кузнице?

— Конечно нет, сир, — Тедрик остановился, соображив, что приступил к делу, не разработав операцию в деталях. — И, конечно, Храм Сарпедиона и эта усыпальница тоже не годятся. Они пока еще пропитаны злом от стен до потолочных балок... а Повелитель Ллосир — чистое, доброе божество. — Он задумался на миг и затем воскликнул: — Котловина! Вот самое подходящее место, сир!

— Котловина? Эта дыра? Что ж, превосходно. До сих пор от нее было не слишком много пользы, но если выстроить там святилище Ллосира, ситуация может измениться. Хмм... Обширное место, удобное для паломников... А их пожертвования пополнят королевскую казну... Хмм... Это идея!

— И ты прикажешь построить?..

— Запомни: лорд и властитель Верхней, Средней и Нижней Марки может отдавать приказы сам. Смотри, как это делается. Эй, Шайлен, ко мне! — вскричал монарх и, когда управляющий королевского двора подбежал к ним, Фагон Третий изъясил свою волю: — Слушай лорда Тедрика и повинуйся его словам.

— Я готов, сир, — склонил голову придворный.

Тедрик почесал в затылке.

— Значит, так... Надо построить — и побыстрее! — алтарь из чистого, только что добытого камня; десять футов площадью и три фута в высоту. Поставь его на полпути к Котловине, на самом краю утеса, чтобы святыню видели издалека. На алтарь пусть водрузят Повелителя Ллосира... на самую середину, — размышляя, кузнец нахмурил густые брови. Все ли он предусмотрел? — Да, еще одно! Пусть статую как следует

закрепят — так прочно, чтобы ни ветер, ни буря не смогли покачнуть ее!

Управляющий опять склонил голову и заторопился прочь. Тедрик с королем тоже последовали за ним к лестнице, что вела вниз; кузнец бережно придерживал сумку со своей добычей. Испросив у властителя Ломарры позволения удалиться, он вначале пошел в мастерскую, где Силтен, Хирт и десяток подмастерьев стащили с него доспехи и пропотевшую одежду. Наконец-то Тедрик получил возможность почесаться, смыть пот и надеть бархатный камзол и плащ с вышивкой, более соответствовавшие его новому званию.

Затем, сопровождаемый Хиртом и четырьмя дюжими молотобойцами в кольчугах и при мечах, он направился в Храм Сарпедиона, где присоединил к своей коллекции деревянные печень, сердце и мозг, выломанные из статуи великого бога, которая пала жертвой его молота ранним утром. Путешествие это оказалось довольно утомительным, ибо славные жители Ломпора, узнав о потрясающих и радостных новостях, высыпали на улицы, приветствуя героя. Наконец, утомленный и взволнованный, Тедрик отправился домой и рухнул на кровать.

Немного позже, когда новый лорд Марки уже похрапывал в глубоком сне, королевские гонцы выехали из ворот города. Они мчались по дорогам страны, распространяя весь о том, что на четвертый день после полнолуния, в Котловине близ Ломпора, великий Сарпедион будет принесен в жертву Ллосиру — новому могущественному богу Ломарры. Все видели и слышали этих вестников — даже несчастные безумцы, которых коснулся гнев кровожадного бога. И сердца людей наполнились надеждой.

3

Город Ломпор, столица славного королевства Ломарры, лежал на южном побережье большого острова, миль пятьдесят длиной, расположенного в огромной бухте, куда изливался полноводный Лотар. На север и на юг от столицы возвышались суровые пики Прибрежного Хребта. Пересекая остров, он все так же тянулся на север и на юг вдоль побережья — каменный барьер, прикрывавший плодородные равнины Нижней Марки, Мидвела и Стирдея от сырых океанских ветров.

В четверти мили от городской черты, нависая над

улицами окраины, вздымал трехглавую вершину Сирт — гигантский базальтовый конус, уходивший в вышину на пять тысяч футов. Некогда его склон прорезал водопад, выдолбивший за тысячелетия в твердом камне обширную впадину в форме половинки чаши. И водопад, и горное озеро, куда неслись стремительные воды, исчезли в незапамятные времена, оставив похожую на амфитеатр Котловину. Сейчас над ней, на самом краю огромного утеса, отвесно спадавшего вниз, к реке, на платформе из полированного базальта гордо возвышалась бронзовая статуя Ллосира.

— На мой вкус, он немного простоват для божества, — король Фагон, облаченный в затканное золотом одеяние, с сомнением воззрелся на сверкающую фигуру, чье лицо странным образом соединило сухие строгие черты Скандоса с простодушной физиономией Силтена, Тедрикова помощника.

— Он точно такой, каким я его увидел, сир, — уверенно ответил кузнец. И это утверждение не слишком отклонялось от истины; теперь сам Тедрик искренне верил, что его бог именно таков, каким его он изобразил. — Вспомни, повелитель, Ллосир — не звероподобный бог с волчьими клыками, как Сарпедион; нет, Ллосир добр и похож на человека. Но он могуч и владеет тайным знанием... он говорит, не разжимая губ, и окружен божественным ореолом. Конечно, — кузнец сокрушенно развел руками, — я не мог передать в этом изображении и сотой доли его величия... Но мы теряем время, сир. С твоего разрешения, я начну.

Фагон милостиво кивнул, и Тедрик окинул взглядом огромную чашу амфитеатра. Вблизи них — но не слишком близко — стояла верховная жрица в золотистом хитоне, окруженная десятком облаченных в белое пятнадцатилетних девушек; одна из них держала золотой кувшин с благовонным маслом, другая — пылающий факел. С другой стороны располагались королевская семья и двор; в ярко разодетой толпе придворных выделялась величественная фигура леди Роанны. Наконец, на изрядном расстоянии от статуи Ллосира, поперек Котловины протянулись плотные ряды тех, кто имел время и желание насладиться торжественным актом смены божественной власти. Большинство зрителей прибыли вовремя; однако по узкой дороге, поднимавшейся от города к утесу, все еще тянулся ручеек пешеходов.

— Начиная же, лорд Тедрик, — поторопил ко-

роль. — Мои подданные жаждут услышать добрые вести! И пусть Ллосир, если он так могуч, защитит тебя и всех нас! — его величество бросил опасливый взгляд на небо, где горела багровая звезда. Как утверждали придворные астрологи, за неделю, миновавшую со дня уничтожения Сарпедионовых статуй, ее свет несколько померк.

Тедрик с усилием поднял тяжеленный железный ковш на длинной рукояти, в котором находилась жертва, и грохнул его на каменный цоколь к ногам Ллосира. Затем он повернулся к верховной жрице.

— Масло, леди Трейси! Масло и огоны!

Взяв кувшин из рук своей помощницы, девушка передала его Тедрику. Самозванный жрец тщательно полил маслом два алых деревянных сердца, два мозга с грубо намеченными серовато-белыми полушариями, и две печени коричневого цвета. Казалось, свергнутый бог не возражал — или был не в силах остановить подобное святотатство. Тедрик поднес к ковшу факел, и пламя высотой в ярд рванулось к небесам. Он отступил назад и поднял глаза на равнодушный лик своего истукана. Затем кузнец заговорил — не обычным своим тоном, но торжественно и приподнято, что соответствовало важности момента.

— Поглоти, Повелитель Ллосир, всю мощь, власть и силу гибнущего Сарпедиона. Молим тебя, используй их во благо и не твори нам зла!

Он ухватил пылающий ковш за рукоять и шагнул к краю пропасти; языки огня и клубы дыма извивались вокруг его мощной, закованной в стальной панцирь фигуры. Напрягая голос, Тедрик проревел:

— А теперь, в знак полного и окончательного уничтожения Сарпедиона, я бросаю пепел его сердца, уголья его мозга, прах его печени в пропасть! И пусть закроется его кровавый глаз, и его последние следы исчезнут в пучине забвения! — с этими словами он швырнул вниз ковш со всем содержимым.

Согласно планам Тедрика, утвержденным высочайшей волей короля Фагона, этот торжественный акт исчерпывал программу. Однако случилось так, что Проведение — или божественная сила — судили иначе. Еще до того, как пылающая масса ударилась о поверхность воды, за спиной кузнеца раздался долгий глухой многоголосый стон, вопль удивления и ужаса, вырвавшийся одновременно из тысяч глоток. Тедрик резко обернул-

ся — и увидел могучую фигуру, восседавшую внутри странной мерцающей сферы. Она была настолько похожа на изготовленную им бронзовую статую, что, казалось, обе они вышли из одной литейной формы.

— Сам Повелитель Ллосир! Он явился нам во плоти! — воскликнул Тедрик, опускаясь на одно колено.

Его примеру последовал король, королевская семья и наиболее храбрые из придворных. Большинство же из них, а также юные жрицы и тысячи наводнивших Котловину зрителей, распростерлись во прахе. Они, однако, не уткнулись лицами в землю — наоборот, каждый напирал глаза, стараясь получше рассмотреть и запомнить божественный лик.

Губы Ллосира зашевелились и, хотя никто не услышал ни единого звука, все поняли слова бога, возникавшие словно в самой глубине человеческого сознания.

— Я принимаю мощь, власть и силу Сарпедииона — все то, что сделало его богом вашего народа, — начал Ллосир. Его беззвучный голос гремел в каждой склоненной голове подобно мощному колоколу. — Я буду использовать свою власть для добрых дел и никогда не причиню вам зла. Я рад, Тедрик, что принесенная тобой жертва — первая и последняя жертва, которую я потребовал, — не осквернила моего алтаря кровью. Но помни — на юге и севере, в Тарке и Сарлоне, над людьми еще властвует жестокий демон! — На мгновение он замолк, потом божественный взгляд скользнул по группе юных жриц, распростертых на камнях, и губы Ллосира снова зашевелились: — Ты, Трейси, принцесса Ломарры, стала моей верховной жрицей?

Девушка, напуганная явлением божества, приподняла голову в золотом венце и несколько раз судорожно сглотнула, прежде чем смогла вымолвить хотя бы слово.

— Да... да, мой... мой Повелитель... мой Владыка, — выдавила она наконец, — это... это я... если я... угодна тебе, Повелитель.

Она склонилась в глубоком поклоне, и на губах Ллосира заиграла благосклонная улыбка.

— Ты угодна мне, Трейси, дочь Фагона Ломарианского. Твои обязанности не будут сложными: ты должна следить только за тем, чтобы твои девушки убирали мой алтарь цветами, и чтобы моя статуя всегда была чистой и блестящей.

— Спа... спасибо, сир, мой Повелитель. Обещаю следить... — Трейси подняла свой потупленный взгляд и

замерла с открытым ртом; глаза ее округлились от изумления. Воздух над зияющей пучиной был пуст; бог, явившийся во плоти и крови, исчез так же внезапно, как и возник.

Громкий голос Тедрика разорвал нависшую над Котловиной тишину.

— Это все! — провозгласил он. — Конец! Я не надеялся, что Повелитель Ллосир покажется на этот раз; и я не могу сказать, соизволит ли он в будущем явиться нам снова. Но я знаю — как и вы теперь — что наш великий бог действительно существует. Разве не так?

— Так! Так! Вечной жизни Повелителю Ллосиру! — ликующие крики поднялись над амфитеатром. Люди, с испуганными и счастливыми лицами, поднимались с колен, вставали с земли; многие женщины плакали.

— Хорошо, — кузнец кивнул и повысил голос. — Слушайте! Сейчас мы покинем это святое место. Каждый из вас пройдет между мной и алтарем Ллосира — сначала наш милостивый король, затем леди Трейси и ее девушки, королевская семья, двор и все остальные. Мужчины будут приветствовать великого бога, поднимая вверх ту руку, в которой они держат меч; женщины будут склонять голову. Король Фагон, сир, вы готовы?

Король шагнул вперед, снял расшитую золотом шляпу и поднял правую руку в воинском салюте.

— Благодарю тебя, Повелитель Ллосир, за то, что ты сделал для меня, моего рода и моей страны. Я, Фагон Третий, король Ломарры, прошу тебя лишь об одном — не покидай нас никогда.

Теперь настала очередь Трейси и ее девушек.

— Мы обещаем, наш Повелитель... — юная принцесса запнулась, потом стала громко повторять слова, которые шептал ей Тедрик: — Мы обещаем, что твой алтарь всегда будет усыпан цветами, а статуя — сверкать ярче солнца.

Потом мимо святилища проследовала королева с леди Роанной, члены королевской фамилии, придворные, тысячи восхищенных зрителей — и, наконец, сам Тедрик. Прижав шлем левым локтем к панцирю, он высоко поднял правую руку и, повернувшись, с гордым видом пристроился в хвост длинной процессии, тянувшейся к северным городским воротам.

Люди спустились вниз, прошли по улицам Ломпора и растеклись по большим и малым дорогам страны, возвращаясь в свои грады, селения и фермы. Всем было ясно, что Ллосир установил свою власть над Ломаррой

окончательно и бесповоротно — и сделал это так, как никогда не делало ни одно божество за долгую историю мира. Великий Ллосир явился своему народу. Все видели его своими собственными глазами в ореоле божественного сияния. Все слышали его глас — голос, который не мог принадлежать смертному существу, голос, воспринимаемый не ушами, но человеческим разумом. Воистину, одного этого было достаточно, чтобы признать в нем бога! И все слышали, как обратился он к лорду Марки и к верховной жрице, назвав их по именам.

Другие боги тоже являлись... в прошлом. Никто не видел этих богов — кроме их собственных жрецов... жрецов, которые совершали кровавые жертвоприношения и требовали долю от всякого имущества... Ллосир не хотел ни жертв, ни доли для себя; могучий и добрый, он появился перед народом и говорил со всеми — с высокими и низкими — со всеми, кто находился в огромном амфитеатре. Со всеми! Не только со своей жрицей; не только с людьми чистой крови; не только с исконными ломарианами; он говорил со всеми — с каждым простолюдином, слугой, наемником!

Долгой жизни Повелителю Ллосиру, нашему новому могущественному богу!

4

Король Фагон и Тедрик стояли у большого стола в тронном зале, изучая карту. Он был нарисован грубо и неумело, этот портулан на желтоватом пергаменте, пестрящий фигурками фантастических чудовищ и белыми пятнами неведомых земель; но, говоря по правде, столетие Тедрика не относилось к векам расцвета картографии.

— Тарк, вначале — Тарк, сир, — упрямо настаивал Тедрик. — Империя ближе, дорога — короче, и победа воодушевит наших людей. Мы нанесем внезапный удар! — он так грохнул кулаком по столу, что дубовая доска прогнулась. — Никогда еще Ломарра не вздымала меч свой на империю, поскольку отец твоего королевского высочества, и его отец тоже, пытались вырваться из тисков Сарлона. Но они погибли, а их походы только увеличили тяжесть дани и контрибуций.

— Тарк нам не по зубам, — король отхлебнул вина из внушительного кубка; лицо его покраснело.

Тедрик пожал плечами.

— Что ж, если нас постигнет неудача, то в одном переходе — Большое Ущелье Лотара, там можно отразить ответный удар. Конечно, двигаясь на юг, мы оставляем незащищенной Марку, но в таком состоянии пограничье пребывает уже четыре года... И потом — вспомни, мой господин, — Повелитель Ллосир назвал сначала юг и Тарк!

— Нет! Думай своей головой, парены! — Фагон сердито фыркнул. — Мы проиграем, без сомнения! — он снова приложился к кубку, гулко глотнул и утер губы ладонью. — В армии четыре отряда наемников из Тарка — ты уверен, что они не повернут против нас? И наши силы меньше, значительно меньше — три к одному, по крайней мере. Нет, сначала — Сарлон, проклятый Сарлон! Затем, возможно, Тарк; но лишь во вторую очередь.

— Сарлонцы тоже превосходят нас числом, сир — особенно если присчитать этих дьявольских варваров из Девосса. Таггад Сарлонский пропускает их через свои земли, когда они идут в набег на Марку — конечно, за долю в добыче! Не сомневаюсь, что они помогут Таггаду, если мы двинемся на север. И, кроме того, сир, твой отец и твой дед... они оба пали под сарлонскими топорами!

Король нахмурился; ему явно не хотелось вспоминать о поражениях, которые сарлонский тигр наносил ломарианскому льву. Кровавый спор с северным соседом тянулся уже больше века, но в последние года, когда на небесах зажегся Глаз Сарпедиона, он стал особенно ожесточенным. В Сарлоне тоже поклонялись жестокому богу, но предпочитали приносить ему в жертву пленных, захваченных в землях Нижней и Средней Марки. Там не прекращались пограничные конфликты — причем с активным участием дикарей из Девосса, обитавших на северо-восток от сарлонских территорий, в лесистых заснеженных горах.

Фагон поднял глаза к стене, у которой на небольшом возвышении стоял трон — внушительное сооружение из темного мореного дуба, инкрустированное серебром. По обе стороны высокой спинки висели два портрета — Скарта, его отца, и Факгона Второго, деда. Они не были шедеврами живописного искусства, но сохраняли достаточно сходства с оригиналами, чтобы навеять неприятные воспоминания. Король обозрел изображения предков и нехотя кивнул головой.

— Не стану отрицать очевидное... Оба погибли, это

правда, — как и то, что они были бездарными полководцами. — Фагон налил себе вина, потом подвинул кувшин Тедрику, но лорд Марки отрицательно покачал головой. — Я — другое дело, — важно произнес король, — я изучал военное искусство три десятилетия. И мой светлейший дед, и отец выбирали очевидные решения; я так не поступлю, — он задумался, поглаживая бороду, потом решительно сказал: — Сарлон будет не только платить нам дань; Сарлон станет провинцией моего королевства, клянусь печенью Ллосира!

Они яростно спорили — два упрямца, старый и молодой, — пока Фагон не проследовал к своему королевскому трону и с его высоты не объявил свою королевскую волю — все должно делаться так, как желает он, король — и никак иначе. Тедрик, конечно, подчинился (собрав остатки терпения) и получил стратегическое задание — обеспечить поддержку армии, когда она прокатится по землям Марки, в трехстах пятидесяти милях к северу от Ломпора.

5

Тедрик орал. Тедрик погонял. Тедрик сыпал проклятиями на ломарианском, тарконском, сарлонском, девоссианском и прочих языках; не всеми он владел в совершенстве, но ругаться мог на любом из них. Однако весь поднятый шум приносил очень мало пользы и не мог ускорить такой, в сущности, медленный процесс, как подготовка военных баз в сотнях миль от столицы.

Когда лорд Марки получал временную передышку от ругани, понуканий и утомительных разездов по северным землям, он рыскал в дворцовом парке, питая некие смутные надежды. В один из таких набегов он наткнулся на короля Фагона и леди Роанну, развлекавшихся стрельбой из лука. Эта семейная сцена смутила кузнеца. Приветствовав воинским салютом своего монарха и вежливо поклонившись девушке, Тедрик хотел проскочить мимо. Но Роанна, заметив, что он ускорил шаги, крикнула:

— Привет, Тедрик! Не хочешь ли посоревноваться с нами?

Кузнец бросил взгляд на мишень — круглый двухфутовый щит, разрисованный разноцветными кольцами. Несомненно, победа была за Роанной — ее стрелы с фиолетовыми черенками торчали либо в центре, либо

совсем рядом с ним, а золотистые королевские рас-сеялись по всему полю мишени. Вид у Фагона был невеселый; его вряд ли обрадовало бы участие в сорев-новании еще одного партнера — тем более, профессиона-ла-оружейника.

— Прощу извинить, моя леди, но важные дела...

— Твои увертки прозрачны, мой лорд, как лед с вершин Ампассера, — Роанна не то насмеялась над замешательством мужчин, не то была в дурном настрое-нии. — Почему бы просто не сказать правду? Не можешь побить меня, не побив заодно короля? Да любого ору-жейника, который не сумеет выиграть у нас обоих, надо с позором лишить его звания!

Тедрик заглотнул приманку.

— Ты позволишь, сир? — он повернулся к королю, лицо которого налилось кровью.

— Стреляй! — взревел Фагон. — Во имя собственной головы, во имя Трона Ломарры, во имя Ллосира, его мозга, сердца, печени и всех кишок — стреляй! Покажи, на что ты способен! Целься лучше, сир — и не вздумай поддаваться, не то... — король сунул Тед-рику свой собственный лук и колчан со стрелами.

— Один пробный выстрел, сир? — спросил кузнец, натягивая тяжелый лук. Никакая сила не заставила бы его положить стрелу ближе к центру, чем самая даль-няя из королевских. Чтобы выполнить это — и, в то же время, не промахнуться по мишени, — требовалось вели-кое мастерство, ибо одно вызолоченное древко торчало в трех дюймах от края.

Его первая стрела царапнула ободок щита; следую-щая воткнулась точно между самой дальней стрелой ко-роля и краем мишени. Затем он стремительно выпустил две стрелы подряд, расщепив древко первой наконеч-ником второй. Еще несколько выстрелов, и он опустил лук; весь участок, в который попали его стрелы, Роанна могла бы накрыть одной ладонью.

— Я проиграл, сир, — сказал Тедрик, возвращая ко-ролю лук и пустой колчан. — У меня нулевой счет.

Хотя Фагон чувствовал себя виноватым за вспышку гнева, королевская гордость не позволяла ему принести извинения. Вместо этого он сделал лучший, по его мне-нию, комплимент искусству оружейника:

— Когда-то и я стрелял не хуже, мой Тедрик... Куда ушло мое мастерство? Возраст, наверно...

— Не мне судить об этом, сир. И я вышибу зубы

любому, кто осмелится толковать о подобных вещах, оскорбляя Трон Ломарры. Однако я думаю, тут виноват не возраст. Скорее — некоторая тучность...

— Что! — взревел монарх. — Да за такие намеки...

— Остановись, отец! — твердо сказала Роанна. — Тедрик прав. Ты король — так будь же королем!

Их гневные взгляды скрестились. Ни Фагон, кипящий яростью, ни раздраженная принцесса не собирались уступать. Наконец, Роанна прервала тягостное молчание.

— Стыдно сказать, Тедрик, но наш властелин готов поджарить в кипящем масле или закопать живьем любого, кто скажет ему неприятное, но правдивое слово. Но меня, отец, ты не бросишь в котел, не закопаешь, и не посмеешь наказать — не то я расколю это королевство, как дыню! — В глазах девушки полыхнули молнии. — Сколько лет прошло с тех пор, как тебе последний раз говорили правду? Послушай ее снова, мой любимый старый негодяй! — она крепко взяла отца за руки. — Слишком долго ты валяешься по утрам в мягкой кровати, слишком часто заглядываешь в винные бутылки и пивные кружки, слишком много девок лезет в твою постель... Стрельба, фехтование и охота в горах Ам-пассера принесли бы тебе гораздо больше пользы!

Потрясенный король пытался дать ответ на эту отповедь, но не сумел выдать ничего вразумительного. Наконец, он жалобно апеллировал к Тедрику:

— Услышать такое от своего дитя! От любимой дочери! О боги! Вот ты — ты мог бы произнести столь поносную речь? Уверен, нет!

— Конечно, нет, сир! — совершенно искренне заверил его Тедрик, стараясь не встречаться взглядом с Роанной. — И даже если все сказанное — правда, дело можно поправить. Мы идем в поход, и прежде, чем войско достигнет замка Лорример в Средней Марке, твоя рука снова будет твердой и глаз — острым.

— Возможно, — заявила девушка с ноткой сомнения в голосе. — Если он последует твоему примеру, Тедрик, в делах с вином и девицами — то да. Иначе — нет. Скажи мне, сколько кружек ты выпиваешь за день?

— Обычно одну — за ужином. Но большую!

— А в походе? Подумай как следует, мой друг.

— О, я имел в виду в городе. Кто же пьет в поле? Разве что промокнув под дождем...

— Вот видишь, отец?

— Что должен я видеть, лиса? Ты прижала меня к

стенке. Ладно, хватит! — Фагон ухмыльнулся. — С этой минуты и до возвращения из похода я клянусь во всем следовать примеру твоего добродетельного приятеля: он — кружку, и я — кружку, он... хмм... девицу, и я — девицу! Такое обещание ты хотела выжать из меня?

— О да, мой король и отец! Я знаю — ты сделаешь так, как сказал! — Роанна так пылко обняла его, что почти оторвала от земли; потом чмокнула пару раз и оттолкнула.

С завистью вздохнув, Тедрик торопливо произнес, прежде чем мысли короля обратились к иным предметам:

— Я хотел бы поговорить с тобой кое о чем, сир — о вооружении. У меня хватит божественного металла, чтобы изготовить мечи, секиры и панцири еще для двух человек. Для тебя, сир, и для капитана Скайра из твоей гвардии. Прошу, мой господин, откажись от старых обычаев и надень стальной панцирь вместо золотого; ты же знаешь, что золото не годится для битвы.

Фагон задумчиво кивал, поглаживая бороду и навивая на палец прядь седеющих волос.

— Боюсь, ты прав, Тедрик, — тихо сказал он, — но существуют вещи, которые мы не в силах изменить. Король Ломарры носит золотой доспех. Понимаешь, сын мой, это... это символ! Король Ломарры сражается в золоте — и, если надо, умрет в золоте.

Тедрик знал, что так оно, вероятней всего, и случится. Это противоречило здравому смыслу, это было глупостью, но это являлось чистой правдой. Ни один ломарианский монарх не нарушал древней традиции. Она стала частью священных королевских обязанностей, и в каждой битве властитель Ломарры дерзко красовался в блестящем золотом панцире среди моря тусклых железных кольчуг и кирас. То печальное обстоятельство, что почтенный родитель Фагона Третьего, равно как и его дед, и еще шесть поколений предков погибли в своем сверкающем, но бесполезном вооружении, ничего не значил для короля — как, впрочем, и для самого Тедрика, окажись он в такой же ситуации. Честь была дороже! Однако теперь можно было кое-что придумать.

— Тебе нужен прочный золотой панцирь, сир, — сказал кузнец. — Так почему бы не покрыть золотом стальные доспехи?

— Хорошая идея, мой лорд, просто отличная! Однако, — тут король печально вздохнул, — вряд ли ты смо-

жешь ее осуществить. Если приклепать к стали толстые золотые пластины, панцирь станет слишком тяжелым. Если же покрыть его тонким слоем золота, то оно отлетит при первом ударе топора и подделка обнаружится. Что здесь можно придумать? Ты — лучший среди кузнецов Ломарры, искуснейший мастер... Сумеешь ли ты выполнить такую работу?

— Не знаю, сир... — Тедрик подумал с минуту. — Я видел, как из золота ковали тонкие листы... однако недостаточно тонкие и ровные, чтобы покрыть доспехи. Можно попытаться расковать его еще тоньше... и укрепить на панцире из божественного металла клеем или смолой... Ты наденешь такое вооружение, сир?

— Да, мой Тедрик, и с радостью! Конечно, если золото не будет отваливаться кусками величиной с ладонь под ударом меча или топора.

— Величиной с ладонь? Хмм... Царапины и трещины неизбежны... но их можно убрать за один вечер... Но большой кусок?.. Я подумаю, сир.

— Попытайся — и пусть великий Ллосир направляет твою руку.

Поклонившись своему властителю и бросив нежный взгляд на леди Роанну, Тедрик отправился во дворец и получил у казначея несколько массивных золотых слитков. Он вернулся в свою мастерскую, вдохновил десятком монет самых искусных из своих подмастерьев и вместе с ними принялся за работу. Семь дней они пытались расковать золото в тонкие гладкие листы, подходящие для покрытия панциря. Драгоценный металл то оказывался под молотом на наковальне, то в горне — снова превращаясь в слиток после очередной неудачи.

— Прошло восемь дней... десять... двенадцать... закончилась вторая неделя... Тедрик ковал — ковал и портил. В конце третьей недели он все еще работал, уже в полном одиночестве — и терпел неудачу за неудачей. Жалкий плод его трудов — комковатый неровный золотой лист — лежал на наковальне. Тедрик осторожно стучал небольшим молоточком, стараясь выровнять его поверхность и добиться равномерной толщины. Вдруг рука кузнеца дрогнула, и от слишком сильного удара золотая пластинка разлетелась на части.

Издав гневный вопль, Тедрик резко выпрямился, изо всех сил запустив молотком в ближайшую стену. И, словно вызванная из небытия его яростным криком, в воздухе возникла знакомая светящаяся сфера, внутри

которой восседала могучая фигура. Неподвижный и молчаливый, Ллосир смотрел прямо на кузнеца.

Прервав витиеватое проклятие на девоссианском, Тедрик переключился на более подходящий для беседы с божеством ломарианский язык.

— Скажи мне, Повелитель, в силах ли человеческое существо сделать что-нибудь с этой мерзкой тягучей желтой дрянью?

Губы Ллосира шевельнулись, и кузнец в третий раз ощутил, как в его голове рождаются беззвучные слова:

— Конечно. С золотом можно сделать все, что угодно, — и совсем легко, если ты овладеешь нужной технологией. — Неслышимый ухом, голос Ллосира гремел в голове Тедрика подобно раскатам гигантского органа. — В твоё время ещё ничего неизвестно о прокатке металла, хотя ты вполне можешь изготовить необходимые приспособления. Твой молот и наковальня не годятся для этой работы. Слушай меня внимательно, кузнец, и запомняй. Ты должен взять...

6

Лаборатория Скандоса в горах Ампассера, полдень.

— Вы были великолепны, учитель! — расхохотавшись, Фурмин лихо сдвинул на лоб свой серебристый обруч.

— В какой из визитов? — тоже улыбнулся хронофизик. — В первый, во второй или в третий?

— Каждый раз! Каждый раз — и в своём роде!

Скандос покачал головой, вглядываясь в оживленную физиономию своего помощника.

— Думаю, при первом посещении я выглядел весьма жалко, — он наклонился к мертвому сейчас стеклянному экрану хроноскопа, в глубине которого отражались сухие черты его костистого худощавого лица. — Эти ломариане... любой из них на полфута выше современного человека! Вот вы, Фурмин, пришли бы там кстати, — физик снова оглядел рослую фигуру ассистента.

— Я не прочь, — молодой человек повернулся к монитору темпорального интравизора, на котором сейчас застыла яркая сцена: обрамленная утесами впадина на склоне горы, толпы народа, блистающая золотом и серебром группа придворных, девушки-жрицы в белоснежных хитонах, король Фагон — величественный, седоборо-

дый, — и Тедрик, лорд-кузнец, швыряющий в пропасть ковш с бренными останками Сарпедиона. Над ним, на фоне голубого неба, виднелся сияющий шар со смутно различимой фигурой внутри. Фурмин тронул верньер, и на экран выплыло милое девичье лицо с полуоткрытыми, не то в изумлении, не то в страхе, алыми губами.

— Да, не прочь, — задумчиво повторил ассистент, вглядываясь в это видение прошлого.

— Кажется, юная леди Трейси тронула ваше сердце? — Скандос покосился на монитор.

— Как и ваше, учитель... Вы оказали ей столь явные знаки божественного благоволения...

— Милая девочка, — кивнул головой физик. — Но нашему кузнецу суждена другая, и он этим ничуть не огорчен. К тому же, Роанна — наследница престола...

— Значит, можно считать, что наши коррекции истории удачны? — Фурмин медленно вращал верньеры интравизора, всматриваясь в плывущие на экране картины.

— Пока что — да. И хроноскоп показывает, что реальность уже начала преобразовываться. Мы плавно переходим на другую временную ветвь, Фурмин, — Скандос щелкнул тумблером, и стеклянный глаз осветился. Как и прежде, по нему шли две зеленые линии, и верхняя из них щетинилась многочисленными зубцами. — Пики все время растут, — задумчиво сказал физик, — все меняется, и меняемся мы сами... незаметно и постепенно... Мы уже не те Фурмин и Скандос, которые начинали этот эксперимент.

— Не все ли равно! — молодой человек беспечно махнул рукой. — Зато наш мир будет жить!

— Гарантий нет, — физик покачал головой и бросил взгляд за окно, на багровую звезду. За последний месяц она несколько потускнела и потеряла свой кровавый отблеск, медленно коллапсируя и превращаясь в красного карлика. — Как ваши головные боли, Фурмин? — неожиданно спросил он.

— Стали меньше. Это известный факт — пять-десять лет, пока пылает Око Сарпедиона, боль сводит с ума, потом постепенно исчезает.

— Значит, Он бережет энергию... Выпил звезду, как кружку вина, облучил звездные системы на своем пути и мчится сейчас к ближайшей... к нам! Невидимое и непонятное чудовище... пришелец из потустороннего мира... дьявол! Да, дьявол, Фурмин! — Скандос подошел к окну, поднял лицо к небосводу. — Чем больше я

размышляю на эту тему, друг мой, тем чаще мне кажется, что существует нечто, лежащее за пределами нашей рационалистичной науки. И это нечто через два десятилетия свалится нам на голову!

— Что ж, мы уже не беззащитны, — пожал плечами Фурмин. — Посмотрим, кто победит — точное знание и мощная технология, или... или злое колдовство, если вы имели в виду именно это, учитель.

— Если мы проиграем, смотреть будет некому, — заметил физик, по-прежнему созерцая небо, словно надеясь разглядеть там за миллионы и миллионы миль своего страшного врага. — Вычислитель Винг прав, — он отвернулся от окна, поглаживая пальцами висок, — прежде всего надо выяснить, с кем — или с чем — предстоит иметь дело. И если мы не можем разобраться сами, то необходим помощник — холодный и могучий разум, стремительный, как луч света... Кстати, как идет у Винга работа? Кажется, вы недавно связывались с ним?

— Вполне успешно. Эти новые молектронные схемы, возникшие словно по мановению волшебной палочки, в свою очередь позволяют творить чудеса. Однако, учитель, — Фурмин поднял руку, будто хотел привлечь внимание Скандоса к чему-то особо важному, — наш гениальный конструктор аналитических машин пошел по иному пути, чем вы полагаете.

— Да? Но разве он не собирался построить супермощную аналитическую машину, превосходящую человеческий мозг?

— Возможно, так было вначале. Но то, что он создает сейчас, не является независимым агрегатом... скорее, это устройство, расширяющее возможности разума человека. И расширяющее их колоссально!

— С телепатической связью, я полагаю? — спросил физик и, когда молодой ассистент утвердительно кивнул, рассмеялся. — Да, сенс всегда остается сенсом! Что ж, тут вам, Фурмин, и карты в руки! Жаль, что я сам начисто лишен ментальных способностей...

Его помощник покачал головой.

— Это не так, учитель. Как показывают последние исследования, телепатическими центрами обладает каждый мозг. Да и вы сами успешно пользовались моим прибором, ведь так? — он коснулся обруча на своей голове. — По словам Винга, вопрос ментальной связи с машиной уже решен — спроектировать нужный для этого усилитель не составило труда. Но вот человеческий

разум, который вступит с ней в контакт, должен отвечать особым требованиям...

— Каким же?

— Знания, вера в успех и могучий интеллект... Пока Винг нашел только одного подходящего кандидата... — Фурмин вскинул глаза на своего учителя.

— Ты хочешь сказать, мальчик... — на миг пораженный Скандос закрыл ладонями лицо. Когда он отнял руки, черты его были спокойны. — Что ж, если мне предстоит встретиться с этим чудовищем и попытаться понять его, я готов, — негромко произнес физик.

7

Ломарианская армия тронулась в поход на рассвете. Первыми, широко рассыпавшись в стороны, двигались разведчики: быстрые, выносливые, прекрасные бегуны, одетые в туники и кожаные сандалии, они несли только кинжалы, легкие луки и небольшой запас стрел. Затем шагали стрелки, набранные среди охотничьих кланов лесистой Верхней Марки и предгорий Ампассера. Они тоже шли широким фронтом; на их обнаженных спинах висели мощные дальнобойные луки и колчаны, полные трехфутовых стрел. За ними пылили густые колонны меченосцев в железных кольчугах и копейщиков с тяжелыми квадратными щитами.

Тяжелую конницу, плотно окружавшую королевский штандарт и самого Фагона в новом, сверкающем золотом панцире, вели Тедрик и Скайр. Королевская гвардия была немногочисленной, но отлично вооруженной; в ее состав входили только чистокровные ломариане. Перед сарлонским походом Фагон велел увеличить ее втрое, и сейчас за ним следовало полторы тысячи всадников. Обычные лошади не могли нести воина в тяжелой броне и полном вооружении; но фермеры Средней Марки разводили скакунов, обладавших необходимыми размерами и силой.

Затем центурия за центурией двигалась легкая кавалерия — конные копьеносцы и метатели дротиков, за которыми опять шли многочисленные отряды пехоты. Среди них — шесть тысяч тарконских наемников, еще полгода назад служивших жрецам Сарпедиона. Королю Ломарры не пришлось опустошать свою казну, чтобы найти средства для оплаты их мечей. Храмовые бо-

гатства были неисчерпаемы, Сарпедион платил за все — и за наемников, и за весь поход.

Наконец, в тылу армии катились фургоны на огромных колесах, нагруженные не только обычными припасами и военными орудиями, но и десятками тысяч хлебов. Эти плоские тяжелые грубые буханки выпекались из линга — похожего на рожь злака, основной зерновой культуры долины Лотара.

— Хлеб, сир? Мы возьмем с собой хлеб? — пораженно переспросил Тедрик, когда король впервые изложил ему свою идею. Кузнец знал, что население Марки, территорию которой предстояло пересечь войскам, жило на мясе неделями и месяцами. Неизменная мясная диета — ее источниками являлись и охота, и скотоводство — была обильной, однако недостаточной, чтобы мужчины северян могли набрать нужный вес и силу. Хотя они отличались поразительной выносливостью, в королевской гвардии выходцев из Средней и Верхней Марки почти не было. До сих пор для людей этой пограничной области кусок хлеба величиной с ладонь был роскошью.

— Хлеб! — повторил Тедрик. — Четверть буханки каждому воину в день?

— Точно, — ухмыльнулся в ответ Фагон. — Все фермеры и арендаторы вдоль нашего пути внесут налог в казну лингом, а Шайлен, в случае нужды, купит еще. Каждому человеку — по четверть буханки в день, и все мясо, которое он сможет съесть. И никаких грабежей! Мы идем в Мидвел, а там все фермеры держат здоровых псов для охраны полей от диких сексидов. Шум на границе нам не нужен.

Путь армии был долгим и медленным. Покинув Ломпор, войска двинулись вверх по цветущей долине Лотара, миновав живописное ущелье, пробитое могучей рекой в скалах Прибрежного Хребта. За ним лежал Мидвел. Эта средняя часть страны, житница королевства, располагалась между Прибрежным Хребтом на западе и гигантской горной цепью Ампассер на востоке. Мидвел занимал около трети Ломарры и отличался исключительным плодородием.

Продвигаясь на восток, войска достигли города Банной, широко раскинувшегося у слияния Лотара и реки Мидвел. Здесь оба потока резко расходились; воды Лотара текли с юга, из Тарка, пересекая Стирдей, область, примыкавшую к Южному хребту; Мидвел, начинавшийся

в горах Верхней Марки, катил свои волны с севера. Туда и повернула армия. Теперь солдаты шли прямо на север вдоль низкого западного берега Мидвела, пересекая плодородные равнины, поросшие лесом и луговыми травами.

Охота в этих краях была на диво обильной. Нечислимые стада диких животных — похожих на буйволов липпитов, оленей-ролатов, диких кабанов — сексидов, как их называли в Ломарре, паслись на прибрежных лугах и заполняли леса. Хорошему охотнику требовалось не более получаса, чтобы обеспечить мясом на день целую центурию. Поэтому стрелки, не слишком много времени занятые своим основным делом, большую часть дня занимались копчением мяса, заготавливая его впрок.

Войска шли вперед и вперед, вдоль спокойного голубого зеркала огромного озера Мидвел, тянувшегося с юга на север на расстояние дневного перехода, вдоль Цепи Озер, нанизанных на серо-стальную нитку реки подобно бусам, вдоль гористых берегов озера Ардо. Отсюда армия повернула к северо-западу, чтобы обойти южные бухты и заливы необъятного Лоррийского озера, на берегу которого стоял замок Лорример — официальная резиденция Тедрика, лорда Верхней, Средней и Нижней Марки.

Когда передовые отряды достигли первых озерных плесов, два разведчика привели к шатру короля гонца с важными известиями.

— Хвала богам, сир, что мне не пришлось бежать в Ломпор, чтобы встретить вас! — воскликнул гонец, падая на колени. — Замок Лорример осажден! Наместник лорд Харлан убит! — и он начал подробный рассказ о недавнем сражении на берегу озера.

— Нападавшие носили железные кольчуги, — заметил король Фагон, внимательно выслушав гонца. — Сарлонское железо, без сомнения.

— Да, сир. Но как могли они дать варварам...

— Всяк блюдет свою выгоду, Тедрик. Тагтад Сарлонский давно точит зубы на эти земли, а его жрецам нужны новые жертвы для алтарей. — Король махнул рукой. — Отправь посыльного в обоз. Пусть парня накормят.

— Ты предвидел нападение на замок, сир, — сказал Тедрик, когда разведчики и усталый гонец удалились.

— Да. Но сейчас это не обычный набег ради грабе-

жа; это — первое сражение большой войны, — Фагон задумчиво погладил бороду. — Да, их не назовешь глупцами — ни Таггада Сарлонского, ни Иссайна из Девосса, хоть он и варварский царек! Они почуяли угрозу и ударили первыми. Только гибели Харлана я не ожидал... ему был дан строгий приказ не ввязываться ни в какие стычки, собрать в Лорримере побольше запасов и накрепко запереть ворота! Ох уж мне эти своевольные бароны Марки! Ну, по крайней мере, теперь я избавлен от необходимости сбросить его в котел с кипящим маслом в наказание за глупость и неповиновение приказу...

Фагон нахмурил брови, что-то соображая, и продолжал:

— Посланы ли с варварами еще и сарлонские отряды? Думаю — нет; Таггад не станет дробить свои силы. Но, все же, это меня тревожит... Нет, — он покачал головой, — скорее всего, здесь бродят только варвары, хотя и в сарлонском железе... — Фагон положил руку на карту, развернутую на столе, и поднял глаза на лорда Марки. — Знакома ли тебе местность по верхнему течению Мидвела, Тедрик?

— Немного, сир... Но я только один раз посетил земли к северу от озера.

— Этого вполне достаточно. Возьми половину тяжелой конницы и три центурии лучников. Пересеки Мидвел и скрыто двигайся по берегу озера, обходя его с востока. На севере снова переправься через реку — в это время года верхний Мидвел легко перейти вброд где угодно... Ты должен выйти к полуострову, на котором стоит Лорример, через три дня.

— Трех дней будет достаточно, сир.

— Даю тебе три дня, считая от завтрашнего рассвета. Точно в тот момент, когда нижний край солнца подымется над лугами, ты должен вывести свою конницу на север полуострова. Стрелков расставь цепью на опушке леса, пусть они проткнут каждого, кто попытается бежать... Я, с основными силами, подойду к замку с другой стороны, с юга. Мы зажмем этих дикарей в клещи и выкосим, как поле линга! Ни один не уйдет!

В планах Фогона была, однако, небольшая ошибка. Когда в указанный час всадники Тедрика пошли в атаку, они врезались не в толпу полуголых, кое-как вооруженных варваров; их поджидали четыре полные центурии тяжелой сарлонской пехоты! Но Фагону пришлось еще

хуже. Как только его сверкающий золотой панцирь показался впереди атакующего вала тяжелой кавалерии, плотная колонна закованных в броню сарлонских всадников, возникших будто по мановению магического жезла, ударила по левому флангу гвардейцев, отсекая короля.

Фагон, конечно, бился как герой — как всегда сражались его предки. Сначала — конным, скашивая ударами длинного меча вражеских всадников одного за другим, дробя шлемы и рассекая кольчуги. Затем, когда его лошадь погибла, а меч был выбит из рук — пешим. Оказавшись на ногах, король пустил в дело секиру, прикованную к его поясу цепочкой из божественного металла. Он рубил, рубил и рубил; и с каждым взмахом топора сарлонский воин падал на землю. Однако вес панциря был слишком велик для пешего боя, и наконец, несмотря на отчаянное сопротивление, обессиленного короля сшибли с ног.

Увидев, что их вождю грозит гибель, Тедрик, орудовавший мечом, и Скайр со своим боевым молотом, пришли в неистовство. Пожалуй, они стали настоящими берсерками, которых не заботят ни раны, ни кровь, ни собственная безопасность — и потому натиск двух бронированных и неуязвимых великанов был ужасен.

Скайр находился ближе к королю, но Тедрик был сильнее и быстрее. Издав боевой клич, он стиснул коленями бока своего скакуна и высоко приподнялся в стременах. Могучий разъяренный конь ринулся вперед, и Тедрик ударил так, как никогда не бил раньше. Восемь раз его страшный клинок стремительно опускался вниз — и восемь вражеских всадников встретили смерть. Затем, внезапно — Тедрик сам не понял, как это случилось, — жеребец под ним захрипел, пошатнулся, и в следующий миг кузнец уже стоял на земле рядом с бившимся в агонии животным. Он не мог размахнуться в давке мечом и пустил в дело топор. Хотя перед ним был строй закованных в железо воинов, он стремительно продвигался вперед, прокладывая кровавый путь к своему королю.

Тедрик был на расстоянии вытянутой руки, когда Фагон упал. С другой стороны, ревя как раненый буйвол, приближался Скайр. Оба гиганта навалились на сарлонских солдат, истово молотивших оружием по груди и бокам распростертого на земле короля. Те едва успели удивиться, обнаружив, что ни меч, ни топор, ни молот не способны повредить золотые доспехи, прикрывавшие

тело Фагона, как два разъяренных ломарианина принялись дробить кости и снимать головы с плеч. Все было закончено в пять минут; затем Тедрик утвердился рядом с королевским шлемом, а Скайр встал у его коленей. Прижавшись спина к спине, два могучих несокрушимых воина окружили своего поверженного владыку кольцом сверкающей стали, проникнуть сквозь которое не сумел ни один враг. Они держались до тех пор, пока подоспевшие гвардейцы не прикончили последних сарлонских солдат — пеших, и конных.

— Ты ранен, сир? — встревоженно спросил Тедрик, помогая вместе со Скайром королю подняться на ноги.

— Нет, мой мальчик, — отвечал монарх. Сбросив шлем, он широко разевал рот, пытаясь восстановить дыхание. — Уфф! Проклятая одышка! Похоже, я отделался только синяками! — Король со свистом всосал воздух и, оттолкнув поддерживающие его руки, утвердился на собственных дрожащих ногах. — Боюсь, Тедрик, что ты и эта лиса, моя дочь, были в некотором смысле правы. Возможно, я... о, совсем немного! — вышел из формы. — Он склонил голову к плечу и прислушался — в отдалении раздавались вопли варваров, с которыми разбирались ломарианские меченосцы. — Кажется, бой почти закончен? Кто-нибудь убежал?

Но лучники делали свою работу на совесть и убежавших не было.

— Это хорошо, это отлично. Тедрик, я не знаю, как тебя благодарить...

— Не стоит благодарности, сир. Ты уже возвысил меня гораздо более того, чем я заслуживаю... или заслужу когда-нибудь... Во всяком случае... может быть, позже... я попрошу об одном... одном одолжении... — кузнец смутился и замолк.

— Об одолжении? — Фагон широко ухмыльнулся. — Не уверен, будет ли Роанна довольна, что ее упомянули подобным образом; однако я запомню твои слова. Теперь ты, Скайр, — король повернулся к бравому капитану. — Отныне и навеки ты — лорд Скайр! Чьим лордом ты станешь, я пока не могу сказать; но когда мы возмем Сарлон, об этом будут знать все — и ты тоже.

Скайр склонился в поклоне.

Король, сопровождаемый дворецким Шайленом, удалился в свой шатер, но его отдых был недолгим. Через пару часов он вызвал Тедрика.

— Ну, мой лорд, чтобы ты стал делать дальше?

— Первым делом — наказал Девосс! — прорычал

Тедрик. — Ударим им в спину, возьмем Высокий Перевал и погоним варваров как зверей, мечами и факелами, через всю страну — до самых северных шхер!

— Гмм... Интересная мысль, мой пылкий молодой друг, но совершенно непрактичная, — с усмешкой возразил Фагон. — Учел ли ты потери времени — времени, которое уйдет на штурм скалистых вершин, блуждания в лабиринте горных троп и поиск врагов среди льда, снега и камней? Как ты думаешь, что станет делать Таггад, пока мы геройствуем в пустынных варварских землях?

Покраснев, Тедрик опустил голову.

— О, сир, — виновато сказал он, — я об этом не подумал.

Король вздохнул и наполнил кубки янтарным вином.

— Ну, за первый успех... — он выпил и шумно перевел дух. — Беда с тобой, парень, ты не умеешь думать, — теперь Фагон был совершенно серьезен. — Надо научиться. Это трудно, а для многих — вообще недостижимо; но ты должен научиться, если не хочешь кончить так, как кончил Харлан. И запомни: ослушаешься моих приказов — повиснешь в цепях на самой высокой башне своего замка... — он опрокинул второй кубок, добавив бодрым тоном: — и будешь висеть там, пока кости твои не рассыплются и не упадут в озеро.

Эта угроза короля — или, скорее, обещание — парализовало Тедрика. Наконец, он с обидой произнес:

— Пусть будет так — если я заслужу наказание; но не страх перед ним служит залогом моей верности. Я могу сделать глупость, сир, но чтобы я не выполнил твой приказ? — он покачал головой. — Нет, это невозможно. Твое слово всегда будет для меня законом.

Король довольно улыбнулся, обозрев могучую фигуру кузнеца от макушки до пят.

— Ты не глуп, Тедрик, далеко не глуп, — заметил он, — однако тороплив и слишком поспешен в решениях. Но у тебя имеется шанс значительно поумнеть — конечно, если ты будешь стараться. Понимаешь? Ты должен очень стараться, Тедрик. Ты должен учиться думать — и быстро; от этого зависят намного более важные вещи, чем сохранение твоей жизни...

Тедрик бросил на короля вопросительный взгляд, и тот продолжал:

— Что ты скажешь о будущем всей Ломарры? О моей жизни, о процветании нашего рода? О Роанне, наконец?

— В таком случае, сир, я буду учиться — и быстро, — заявил Тедрик, поднимаясь.

Шли дни, текли недели, ломарианское войско двигалось к северу под неизменно ясным солнцем и тускнеющей багровой звездой, — и кузнец старательно выполнял это обещание.

8

— Все наши предыдущие атаки на Фатх кончались весьма плачевно. Мы наносили удар по столице Сарлона в том направлении, которое казалось единственно возможным. Войска переправлялись через Тегулу у Нижнего Брода, шли вдоль ее северного берега через ущелье и затем — вдоль западного рукава Сарла к Фатху, — король водил острием кинжала по большой карте; Тедрик, Скайр, Шайлен и еще два-три офицера из числа наиболее доверенных внимательно слушали. — Западный рукав сливается с основным течением Сарла только в сорока милях от побережья и Сарлонского залива. Город Фатх стоит здесь — на северном берегу реки, у самого моря; на пять шестых он окружен водой. Сарл настолько стремителен, настолько глубок и широк, что является непреодолимой преградой для любого противника. Таким образом, оборонительная стратегия сарлонских владык сводится к следующему: они не защищают район между Тегулой и Западным рукавом, а оттягивают свои силы на север, за реку, к самому городу. Реку Сарл называют, как известно, щитом Сарлона. Никто — ни одна армия испокон веков — не смогла форсировать этот поток.

— Как же ты собираешься пересечь его, сир? — спросил Шайлен.

Фагон усмехнулся и огладил бороду.

— Собственно говоря, мы не будем пересекать реку, а просто поплывем по ней — вниз по течению. Мы перейдем Тегулу не у Нижнего Брода, а у Верхнего...

— У Верхнего, сир? Рядом с этим ужасным ущельем в северных отрогах Ампассера?

— Да, около ущелья Горт. Враг не защищает его, и по нему вполне можно пройти. Конечно, дорога будет нелегкой; но за этой тесниной открывается прямой путь к Паучьему озеру, откуда берет начало главный рукав Сарла.

— Но как же мы будем двигаться дальше? — воскликнул Скайр.

— На плотях, со скоростью шесть или семь миль в час — гораздо быстрее, чем может идти пешее войско. Но хватит объяснений. Лорд Скайр!

— Я слушаю, сир...

— На рассвете возьмешь центурию лучников и две центурии солдат с топорами и плотничьим инструментом — тот самый груз их обоза, который многие из вас считали бесполезным. Быстро иди на север. Пересеки Тегулу, пройди ущелье и снова поверни к северу. Выйди к Паучьему озеру — там, где из него вытекает главный рукав Сарла, — король показал это место на карте. — Там ты со своими людьми начнешь строить плоты — прочные, большие и в надлежащем числе, чтобы поднять всю нашу армию, включая конницу. Плоты должны быть готовы к тому времени, когда мы подойдем к озеру.

— Я слышу, сир, и повинуюсь.

Тедрик, ошеломленный дерзостью этой операции, вначале был полон сомнений. Но, по мере того, как прояснялись все детали плана Фагона, его сомнения сменялись неподдельным энтузиазмом.

— Мы высадимся и неожиданно атакуем их — но не с юга, а с северо-востока! — воскликнул он, разглядывая карту.

— Да, причем на твердой земле! Нам не придется пересекать стремительный и глубокий поток, и сразу же идти в бой, — король довольно усмехнулся, потирая руки. — Ну, теперь — всем спать! Завтра мы поднимемся раньше солнца, вместе с Кровавым Глазом. И, клянусь печенью Ллосира, через две недели над Сарлоном вспыхнет воистину кровавый рассвет!

За два часа до рассвета, когда тусклое Око Сарпедииона поднялось на ладонь над восточным горизонтом, Скайр со своим отрядом выступил в поход. Главные силы, пополненные тысячей ратников из замка Лорример, неторопливо обогнули озеро и двинулись по северному берегу Мидвея, который на протяжении тридцати или сорока миль струил свои воды почти точно с северо-востока. Затем, однако, русло реки резко изгибалось к юго-востоку и ломариане, покинув ее берега, продолжили свой путь прямо к Верхнему Тегульскому Броду. С юга почти вплотную к Тегуле подступали отроги Ампассера; в этом месте равнина Средней Марки постепенно переходила в плоскогорья Верхней.

Дорога к броду не была тяжелой; никаких следов варваров или сарлонских отрядов в районе переправы

разведчики не обнаружили. Поток, быстрый и широкий, был глубиной по колено; его дно слагалось из крупных, скользких, окатанных стремительным течением валунов. Люди, однако, двигались осторожно, и у них хватало лошадей и канатов; переправа обошлась без потерь.

Затем, повернув навстречу солнцу, войска медленно двинулись вдоль реки к мрачному горному ущелью. Северный берег Тегулы резко отличался от южного, к которому подступало невысокое ровное плато, покрытое хвойным лесом. Здесь же голые скалы вздымались вверх на тысячи футов почти от самого края бурного потока. Дорога была узкой, крутой, заваленной каменными обломками. Но все же путь существовал и был вполне доступен не только для пеших и конных, но и для обозных телег на огромных колесах. К вечеру армия оказалась в заросшей редким леском и пересеченной множеством оврагов долине, где и был разбит лагерь.

Оглядев местность, Тедрик впал в глубокую задумчивость. Небольшой отряд Скайра почти не оставил следов, но такое огромное скопище людей, животных и тяжелых повозок... Он посмотрел на короля, затем снова бросил взгляд наширокую вытоптанную полосу, которую оставило за собой войско.

— Наши следы за рекой никого не насторожат, а на камнях ущелья их вообще не осталось, — заметил он. — Но если кто-нибудь увидит это, сир... след, который мы не можем скрыть...

— Лорд Тедрик, я доволен — ты начал думать! — к удивлению кузнеца, Фагон широко улыбнулся. — Ну, так что ты предлагаешь?

— Надо послать два десятка лучников к ущелью, — уверенно сказал Тедрик. — Пусть проткнут стрелами любого, кто попытается шпионить за нами!

— Хорошая идея, но и ее можно улучшить. Я оставляю здесь тебя, мой лорд, с полной центурией самых опытных разведчиков и охотников. Смотри, чтобы никто, разглядевший наши следы от ущелья до Паучьего озера, не унес ноги живым. Ну, — король махнул рукой в сторону теснины Горт, — бери людей и вперед, во имя Ллосира!

Тедрик отобрал лучших стрелков и объяснил им задание. Утром он поднялся на невысокую скалу, постоял немного, наблюдая, как разведчики исчезают в редколесье на западе, в оврагах и складках местности, потом проводил взглядом длинную вереницу войск, тронувших-

ся к Паучьему озеру, и отправился в заранее при-
смотренную пещеру. Разведчики, уроженцы Верхней
Марки, знали свое дело, и ему не надо было вмеши-
ваться. Только в случае каких-либо непредвиденных
обстоятельств Тедрику требовалось взять команду на
себя; если операция будет развиваться успешно, он мог
спокойно спать под низкими сводами своего убежища.

Прошло несколько дней. Тедрик сидел за ужином у
костра вместе с двумя охотниками; тушка небольшого
оленья, насаженная на вертел, жарилась над огнем.
Внезапно послышались негромкие шаги, и перед троицей
разведчиков возник вестник короля. Плоты были связаны
и спущены на воду; припасы погружены; войско готово
тронуться вниз по течению Сарла. Наутро Тедрик
собрал своих людей и повел их быстрым маршем к
Паучьему озеру, к уже покинутому лагерю. Для его
отряда были оставлены четыре плота, рассчитанные на
пятьдесят человек каждый. Тедрик с удивлением заметил
на переднем что-то вроде хижины. Как он узнал, это
роскошное жилище предназначалось для него.

Итак, началось водное странствие. По мнению таких
сухопутных увальней, как сам Тедрик и его лучники,
река была слишком широкой и быстрой; кроме того, в
воде торчали устрашающие обломки скал, вокруг которых
бурлили и кипели водовороты. Однако кузнец недолго
числился в категории увальней. Он не мог сидеть спо-
койно, когда здесь было полно работы — настоящей ра-
боты для настоящих мужчин, достойной самого внима-
тельного изучения. Впрочем, научиться ремеслу плото-
гона было много легче, чем постигнуть хитроумные
стратегические замыслы короля Фагона!

Они не успели еще догнать главную флотилию, как
Тедрик, сбросив доспехи, одежду и сапоги, из всех
сил наваливался на шест или рулевое весло, борясь с
капризным течением.

— Хороший парень, — заметил старшина плотогонов
одному из своих помощников. — И как его угораздило
попасть в лорды, ума не приложу! Спустя пару дней
он сказал Тедрику: — С таким верным глазом и ловкими
руками тебе стыдно числиться в благородных. Со вре-
менем из тебя вышел бы дьявольски отличный плотогон!

— Спасибо, добрый мастер, — отвечал куз-
нец. — В твоей шутке изрядная доля правды, но король
Фагон решил иначе. Теперь скажи мне — что такое
Стиб, о котором постоянно толкуют твои люди?

— Это место, где главный рукав Сарла натывается на скалы и поворачивает почти под прямым углом на запад, к заливу. Там — самый страшный, самый опасный участок пути, и не каждый рискнет провести по нему плот. Но ты можешь попробовать — вместе со мной.

— Согласен.

При подходе к Сгибу все плоты были вытащены на берег и разгружены. Когда солдаты покинули первый плот, на него шагнул старшина плотогонов с десятком своих лучших помощников. Тедрик последовал за ними.

— Что за глупости, Тедрик? — закричал Фагон. — Сойди на берег! Немедленно!

— Ты умеешь плавать, лорд Тедрик? — тихо спросил старшина.

— Не хуже угря в устье Лотара, — скромно сообщил кузнец, после чего плотогон повернулся к королю и сказал:

— Твой лорд может здорово помочь, сир, если поплывет с нами. Он быстрый, как дикий кот, и сильный, как буйвол. И он уже знает об этих водах больше, чем половина моих людей.

— Ну, если так... — Фагон махнул рукой и первый плот оттолкнули от берега. Стремительное течение вмиг подхватило его, потащив к скалам, на которые с ревом и грохотом обрушивалась могучая река.

Поединок с коварным Сгибом длился весь день; многие плоты были разбиты, и Тедрик не раз искупался в ледяной воде Сарла. Однако ему нравились эти восхитительные, возбуждающие мгновения риска и борьбы со стихией — не меньше, чем горн и наковальня в старой кузнице на окраине Ломпора. С невольной печалью он начинал понимать, что все это постепенно уходит в прошлое. Другие дела и другие задачи ожидали его; власть над людьми и их судьбами должна была заменить власть над металлом.

Наконец, флотилия миновала Сгиб. Все бревна от разбитых плотов были выловлены и вытащены на берег, хотя времени связать их заново уже не оставалось. Однако не стоило пускать вниз по течению такое количество леса со следами топора, чтобы не порождать ненужных домыслов среди обитателей густонаселенных районов нижнего Сарла.

За Сгибом главный рукав огромной реки принимал с севера несколько притоков и становился глубоким и полноводным; тяжело груженные плоты ровно шли по речной глади. Главной заботой путников стало сохранить

в секрете их продвижение на запад; с этой целью три центурии разведчиков плыли далеко впереди основной массы войск.

Деревушка Майл, заранее назначенная местом высадки, находилась в пятнадцати милях от Фатха, приютившись на крутом берегу реки. Это было жалкое и крохотное рыбацье поселение, но любой из его немногочисленных обитателей мог поднять тревогу. Поэтому, как только разведчики захватили причалы и валявшиеся на береговом откосе лодки, деревню окружили тройным кольцом лучников и копьеносцев. Однако перед тем, как отправить солдат на эту операцию, его величество Фагон Третий, король Ломарры, самолично объявил им приказ, который не раз и не два повторялся в последующие дни:

— НЕ ГРАБИТЬ, НЕ ЖЕЧЬ ДОМОВ И НЕ СОВЕРШАТЬ НЕНУЖНЫХ УБИЙСТВ!

Король был настроен весьма серьезно. Возвышаясь словно позолоченная статуя перед ровным строем своих воинов, он пояснил:

— Никто не должен знать, что мы пришли сюда. Кроме того, Сарлон станет провинцией моего королевства, и я не желаю, чтобы его население в чем-либо потерпело ущерб. Я клянусь своей головой и Троном Ломарры, клянусь сердцем, мозгом и печенью великого Ллосира, что любой человек, независимо от ранга и звания, который убьет кого-нибудь из жителей, подожжет дом, хлев или самый ветхий сарай, будет брошен в кипящее масло — после того, как с него сдерут кожу!

В соответствии с этим грозным распоряжением, взятие Майла обошлось без жертв; перепуганных обитателей деревушки только держали под строгой охраной, не подпуская к лодкам. Единственным пострадавшим оказался местный жрец Сарпедиона — но его повесили по приказу самого короля. Тарконских наемников, падких до чужого добра, держали в лагере, за надежным кордоном ломарианских меченосцев.

Весь этот день и следующую ночь армия отдыхала. Фагон был совершенно уверен, что Таггад Сарлонский пока ничего не знает о вторжении; однако не стоило питать надежд, что ломарианским войскам удастся приблизиться к столице незамеченными. Но каждая выигранная миля могла усилить эффект внезапной атаки и сохранить жизнь целой центурии солдат. Поэтому, задолго до рассвета, армия, полностью готовая к сраже-

нию, выбралась наверх из-под защиты крутого берега реки и неторопливым маршем двинулась к Фатху. Не стоило утомлять солдат; пятнадцать миль — долгий путь, особенно если в конце его предстоит серьезная битва.

Покачиваясь в седле по правую руку от короля, Тедрик пребывал в глубоком раздумье. Наконец, собравшись с духом, он сказал:

— Прости мою дерзость, сир... Известно ли тебе, что я люблю леди Роанну?

Король хмыкнул, потом губы его раздвинулись в улыбке.

— Ну, лиса, везде поспела... Знаешь ли ты, парень, что тебя ждет? Ни лишней кружки вина, ни взгляда на смазливую мордашку... Таких шуток наша леди Роанна не понимает! — Фагон окинул молодого кузнеца испытующим взглядом. — Что до меня, то я готов вручить тебе ее руку вместе с Троном Ломарры... Конечно, если ты наберешься терпения, опыта и ума.

Сердце Тедрика замерло; это было больше, гораздо больше, чем он рассчитывал.

— Значит, я могу просить ее стать моей женой, когда мы вернемся в Ломпор?

— Можешь попросить ее об этом даже раньше, если захочешь. Она будет здесь завтра — вместе со всей королевской семьей, двором, статуей великого Ллосира и его жрицами — для участия в победном триумфе. Кузнец замер с раскрытым от изумления ртом.

— Но сир, — выдавил он наконец, — можно ли быть настолько уверенным в успехе? Наша армия по численности уступает противнику на треть...

— Это не важно, мой лорд. Запомни — воюют не числом! У них нет всадников или пехоты, способной выстоять против моей конной гвардии. И они ничего не смогут сделать с тобой, со Скайром и с вашим чудесным оружием. Вот почему я уверен в успехе. Хорошо спланированное и отлично выполненное предприятие не может закончиться крахом. Я долго обдумывал этот поход, но он стал возможен только после того, как ты получил божественный металл — и благословение Ллосира впридачу!

Тедрик невольно бросил взгляд на покрытый золотом, сверкающий на солнце панцирь короля. Тот довольно ухмыльнулся и кивнул головой.

— Да, мой лорд, мой кузнец, эта штука сохранила мне жизнь — ведь я мог погибнуть в тот день под

стенами Лорримера, оказавшись в самом центре атаки. Ллосир, несомненно, спас меня, дабы свершились великие планы... Ибо какое значение имеет моя жизнь, если я не готов отдать ее для блага Ломарры? — Король привычным движением огладил бороду и тихо произнес: — Поверь мне, Тедрик, жизнь короля важна лишь для него самого, для его семьи и немногих, очень немногих настоящих друзей...

— Твоя жизнь важна для меня, сир — и для Скайра тоже!

— Да, я знаю. Ты — словно сын для меня, и ты в числе тех немногих, о которых я говорил. — Фагон приподнялся в стременах и, прикрывая ладонью глаза от яркого солнца, посмотрел вперед — туда, где над водами быстрой реки уже вставали башни столичного града Сарлона. — Впрочем, не относись слишком серьезно к моим словам, — закончил король. — Я еще не собираюсь умирать. Но если мне суждено погибнуть, запомни, Тедрик: короли приходят и короли уходят, но Трон Ломарры должен стоять в веках!

9

О Таггаде Сарлонском говорили, что сей властитель спит с мечом в руке и с арбалетом под подушкой; поэтому вторжение ломариан не было для него полной неожиданностью. Однако мобилизацию сарлонских сил пришлось проводить столь поспешно и стремительно, что солдаты оборонявшейся стороны оказались ненамного свежее армии Фагона, проделавшей изрядный путь. Оба воинства сошлись в двух милях от городских стен, на широкой прибрежной равнине.

Нет нужды описывать в деталях передвижение легионов и центурий или подробно останавливаться на том, кто и какие совершил подвиги или проявил трусость во время долгого и кровопролитного сражения. Определяющим фактором явился сокрушительный удар королевской гвардии, тяжелой ломарианской конницы, который и решил исход битвы.

Эта атака, которую возглавляли король Фагон в своем сверкающем вооружении и два его бронированных лорда, была задумана с некоторой хитростью. Основной силой сарлонской армии являлись фаланги копьеносцев, сражавшихся в плотном строю. Военачальники Таггада сосредоточили их в центре, намереваясь, с одной сто-

роны, прикрыть надежным заслоном шатер своего повелителя, с другой — потеснить меченосцев Фагона и тарконских наемников и опрокинуть их с крутого берега в реку. Ломарианская пехота не могла прорвать стену бойцов с длинными шестифутовыми копьями, ни, тем более, раздробить ее.

И тогда в битву вступила кавалерия. Под всадниками были лошади Средней Марки, обладавшие чудовищной мощностью — боевой конь считался негодным в дело, пока вес его не достигал тонны. Хотя конница шла легким галопом, удар плотной массы огромных лошадей и бойцов в железных доспехах был неотразим. Гвардейцы, ломариане чистой крови, пронеслись сквозь ряды сарлонских фаланг подобно урагану; каждый вздымал меч, секиру или боевой молот и бил с силой, увеличенной мощностью его коня.

В разрыв сразу хлынули пешие меченосцы, обрубая копья фалангитов; они действовали тяжелыми двуручными мечами и топорами на длинных рукоятях. Одновременно наемники сместились на фланги ломарианской армии, пытаясь обойти противника — в то время как стрелки обрушили на сарлонские шеренги град стрел из своих дальнобойных луков.

Гвардейцы, перестроившись, нанесли второй удар в тыл врага, зажатою между центуриями тарконских наемников и отрядами меченосцев, неумолимо расширявшими щель в строе фалангитов. Теперь многие из них сражались пешими; их лошади были покалечены или убиты. Внезапно пал конь под королем, но он продолжал сражаться; его топор из божественного металла издавал мерный похоронный звон, рассекая железо сарлонских панцирей и шлемов.

Загрохотал барабан, и по этому сигналу конные гвардейцы покинули седла, устремившись вместе с пешими воинами к своему королю, сверкающему золотом в ярких лучах солнца. Сарлонцы падали под их ударами, словно стебли камыша под косой,

— Куда теперь, сир? — закричал Тедрик, перекрывая лязг и грохот железа.

— К шатру Таггада, конечно! Куда же еще? — крикнул в ответ Фагон. — Собирай людей!

— Гвардейцы, ко мне! — взревел Тедрик. — Стройтесь клином — как при штурме гробницы Скина! Вперед, к тому пурпурному шатру, за нашим королем! — он повернулся к Фагону. — Веди нас, сир!

Тедрик и Скайр встали за спиной короля — пара серебряных исполинов, словно подпирающих рыцаря в золотых доспехах. Казалось, они составляют единое целое, некий смертоносный многорукий механизм, ошетилившийся сверкающей сталью. Атаку плотной колонны воинов, возглавляемой тремя бойцами в непробиваемых панцирях, противник выдержать не мог. В считанные минуты железный клин гвардейцев, прорвав ряды сарлонской пехоты, достиг пурпурного шатра и его изрядно удивленного обитателя. Золотые тигры, вытканые на блестящем шелке полотнища и колеблемые легким ветром, словно содрогнулись от ужаса — величественные грозные тигры, украшавшие герб Сарлона, символ его славы и могущества. Меч Тедрика раскрыл их напополам — вместе с плотным пурпурным шелком.

— Сдавайся, Таггад Сарлонский, или умри! — вскричал Фагон, ворвавшись в шатер ненавистного врага.

— Если я соглашусь прекратить битву, о Фагон из Ломарры, то что ты потребуешь... — начал было Таггад, демонстрируя готовность к примирению. Внезапно, на середине фразы, он схватил длинный тяжелый меч, прыгнул вперед и ударил — так стремительно, что ни Фагон, ни его лорды не успели даже глазом моргнуть. Да, у этого властителя клинок не ржавел в ножнах!

Яростный выпад Таггада несомненно отправил бы ломарианского монарха к праотцам, не будь тот облачен в панцирь из божественного металла. Однако Ллосир судил иначе; звякнув о наплечник золотой кирасы, клинок их доброго сарлонского железа сломался пополам.

Почти автоматически Фагон нанес ответный удар. Его топор свистнул в воздухе, сшиб бронзовый шлем с красными перьями и раскрыл череп врага. И не успело солнце опуститься на два пальца, как герольды распростирали весь о том, что Фагон, король Ломарры, убил Таггада, владыку Сарлонского, в рукопашной схватке один на один. Сражение закончилось.

А еще через два часа, перед распахнутыми настежь воротами Фатха, в огромном каре застыли отряды победителей. Посередине высилась фигура ломарианского монарха в золотом панцире. Он поднял свой клинок.

— Капитан Скайр, ко мне! На колени! — плоской стороной меча Фагон Третий коснулся зазвеневшего в ответ панциря и торжественно провозгласил: — Поднимись, лорд Скайр Сарлонский!

Лаборатория Скандоса в горах Ампассера, послепо-
луденное время.

— Сарлон пал! — историк Тхар, возбужденный и недоумевающий, звонко шлепнул ладонью по столу. — Пал! И во всех древних хрониках, во всех манускриптах и книгах, в солидных ученых трудах и исторических романах уже зафиксирован сей факт!

Его лицо покраснелось, глаза сверкали. Пайрот, сидевший рядом, успокаивающе похлопал историка по плечу.

— Сарлонский тигр пал, Ломарра торжествует! — пропел он на манер победного гимна. — Однако не стоит так волноваться по этому поводу. Наш друг Скандос произвел серию точно рассчитанных воздействий на прошлое — и вот результат! Блестящий результат!

Но хранитель архивов не собирался успокаиваться.

— Простите, Пайрот, я в недоумении — но вовсе не из-за Сарлона. Сарлон пал, и дьявол с ним! — Тхар мотнул головой в сторону экрана интравизора, где Фагон Ломарианский разносил череп Тагаду Сарлонскому. — Историческое прошлое изменилось и, повторяю, этот факт зафиксирован в рукописях, книгах и предметах материальной культуры: А также — в головах моих коллег! Но мы — вы, я, Скандос, Фурмин, — называя, он экспрессивно тыкал пальцем в каждого из присутствующих, — и Винг, который сейчас корпит в своей лаборатории, мы-то помним иной, предыдущий вариант событий! Почему? Я не способен этого понять! Мы помним, что упрянца Фагона зарубили под стенами замка Лорример, и вторжение в Сарлон кончилось крахом!

— Пока помним, — многозначительно произнес Скандос. Он стоял у окна в своей любимой позе — привалившись плечом к стене и поглядывая на небо, словно наблюдал из укрытия за таившимся в бездонной синеве смертельным врагом. — Вы обладаете острым умом, Тхар, — сделал неожиданный комплимент физик. — Вы обратили внимание на то, что нам самим, Фурмину и мне, еще не до конца ясно.

Скандос скрестил на груди руки и, медленно покачивая головой, прошелся мимо огромного экрана. Историк и астроном внимательно наблюдали за ним, и даже

Фурмин оторвал взгляд от сверкавшего огоньками пульта интравизора.

— Мы слишком мало знаем о природе времени и о его связи с процессом мышления... — задумчиво произнес физик. — А связь эта, несомненно, существует. Изменения, произошедшие в прошлом, постепенно воздействуют на нашу реальность, ломая инерцию причинно-следственных связей, перестраивая их, изымая одни факты из нашей памяти и заменяя их другими... Наш мир плавно переходит на новую темпоральную линию, и каждый из живущих в нем становится чуть-чуть другим, воспринимая и события древности, и перемены в настоящем как естественный и непреложный факт. Мы же... — Скандос остановился, окинул коллег долгим взглядом, — мы же словно вырваны из потока времени... Или частично вырваны... Фурмин даже придумал подходящий термин — хрономентальный резонанс, — по губам физика скользнула быстрая улыбка. — О, если бы термины были способны что-то объяснять!

— Хмм... — Пайрот нервным жестом потер подбородок. — Значит, ваш ассистент полагает, что мы превратились в этаких хрономонстров?

Фурмин громко расхохотался, взъерошив гриву светлых волос. На голове его больше не сверкал серебристый обруч; багровая звезда, гневное Око Сарпедиона, погасла.

— Скорее, мы — мнемомонстры! Мы помним то, чего не было! Например, некий Консулат... рудники в Астероидном Поясе... запрет на ментальные исследования... — Внезапно молодой человек стал серьезным и, поклонившись в сторону Скандоса, сказал: — Если учитель разрешит, я изложу вам свою точку зрения на происходящее.

— Я чувствую, наш юный друг разработал целую теорию, — с интересом произнес Тхар, поудобнее устроиваясь в кресле. — Скандос, вы позволите?..

Хронофизик с улыбкой кивнул.

— О проекте изменения прошлого известно лишь нам пятерым, включая отсутствующего коллегу Винга, — начал Фурмин, ободренный вниманием слушателей. — Учитель Скандос уже три раза выходил из потока времени, спускаясь в древнюю эпоху, во времена Тедрика Ломарианского. Я полагаю, что эти путешествия были первопричиной своеобразного хрономентального резонанса, установившегося в нашей группе. Мы постоянно

обсуждаем их результаты, мы тщательно следим за изменениями реальности, мы планируем дальнейшие воздействия... Фактически, мы поддерживаем друг у друга память об истинной подоплеке событий, об их скрытых причинах, порожденных нашим экспериментом... Разве это не похоже на резонанс? — Фурмин поднял взгляд к ясному небу за окном и медленно проговорил: — Мы словно плывем по реке времени в некой капсуле, защищающей каждого из своих пассажиров от волн, поднятых изменением реальности...

— Что ж, гипотеза не хуже прочих... — задумчиво протянул историк. — Готов с ней согласиться! Меня она, во всяком случае, несколько успокаивает.

— А мне объяснения Фурмина кажутся несколько надуманными, — заметил Пайрот. — Ведь он, по сути дела, утверждает, что восприятие времени сугубо субъективно...

— Простите, коллега, а разве существует абсолютное и объективное время? С помощью каких приборов и методов вы могли бы это установить? — Тхар повернулся к хронофизику. — Скандос, как вы полагаете...

В лаборатории, укрывшейся в горах древнего Ампасера, разгорался жаркий спор.

11

За тысячи миль и тысячи лет от царства сверкающего стекла и металла, от фантастических приборов, пронизывающих время подобно раскаленной игле, стояли двое. Рядом с ними тоже блеснул металл — бронзовая статуя Ллосира, высившаяся на гранитном постаменте, благосклонно взирая на мужчину в скромной коричневой тунике и высокую девушку в расшитом серебром платье.

— Твой отец и наш король, леди Роанна, позволил задать тебе один вопрос... — нерешительно начал Тедрик.

Зардевшись, девушка искоса посмотрела на него, потом перевела взгляд на стену, окружавшую дворцовый парк: еще недавно — любимое место отдыха Таггада Сарлонского. Теперь воитель Таггад упокоился в фамильном склепе, а над башнями его дворца свежий морской бриз развеивал голубые знамена с золотым львом Ломарры.

— Я всего лишь кузнец, простолюдин, взысканный королевской милостью, — Тедрик потянулся к девушке

могучими руками. — Прости мою дерзость, Роанна...

— Это уже значительно лучше, мой лорд... мой Тедрик... — Станным образом Роанна уже очутилась в его объятиях. Он мог поклясться, что только что стоял в двух футах от девушки! — Не надо спрашивать короля о том, что известно лишь мне одной. И тебе... тебе нужно было поговорить со мной раньше, гораздо раньше...

Ее дыхание обожгло губы Тедрика, а глаза, серые и глубокие, словно воды Сарла, подсказали кузнецу, что он и сейчас еще не опоздал.

В дальнем конце сада послышался топот быстрых ног и звонкий голосок неугомонной леди Трейси, верховной жрицы, распорядившейся насчет цветов и очередной полировки статуи великого Ллосира, слегка потускневшей за время морского путешествия. Тедрик чертыхнулся и выпустил Роанну из своих объятий.

Часть 3

ВЛАСТИТЕЛЬ

1

— Он успокоился слишком рано, — нахмурив брови, произнес Скандос. — Эта леди Роанна очаровала его! Похоже, наш кузнец не отойдет от нее ни на шаг до конца жизни — что и подтверждается историческими хрониками!

— Вы слишком суровы, учитель, — Фурмин с улыбкой взглянул на своего разгневанного шефа. — В конце концов, каждому хочется немного человеческого счастья... даже королю.

— А вы, мой друг, слишком благодушны! — хронофизик раздраженно пожал плечами. — Или вы полагаете, что опасность исчезла, как только потух Глаз Сарпедиона? Нет, Фурмин, этот монстр летит к нам, и с каждой минутой, с каждой секундой он все ближе и ближе! Мы же топчемся на месте! Чем объяснить то, что Винг до сих пор возится с программированием своей машины?.. Что исследования в области управляемой аннигиляции пока не дали никаких результа-

тов?.. Что мы не можем измыслить эксперимент, который позволил бы проверить вашу теорию субъективного времени и хрономентального резонанса?..

Теперь Скандос нетерпеливо вышагивал между огромным экраном темпорального интравизора и более скромным пультом хроноскопа, огибая по пути хрустальный шар капсулы времени. Размахивая руками, он продолжал говорить:

— Я думаю — нет, я уверен! — что причина всех этих задержек в одном: положительное влияние прошлого на современную реальность прекратилось. Неужели вы не понимаете, Фурмин, чем это нам грозит?

Резко развернувшись на каблуках, Скандос вперил взгляд в побледневшее лицо своего ассистента. Наконец, откашлявшись, молодой физик нерешительно произнес:

— Учитель, вы думаете, что необходимо еще одно воздействие? Нам надо...

— Да, да, да! Нам надо подтолкнуть этого твердолобого кузнеца! Нам нужно напомнить Тедрику о его исторической миссии! Фагон объединил Ломарру с Сарлоном и благополучно скончался, оставив трон своему зятю... заодно научив его уму-разуму! Но наш молодой король должен продолжать политику старика! Тарк, древний и мудрый Тарк — необходимый элемент могучего союза стран Запада. И если Тедрик не присоединит его к своей державе, наши шансы на выживание катастрофически упадут!

Склонившись к стеклянному глазу хроноскопа, Скандос провел рукой вдоль зигзагообразной зеленой линии, задержав палец на одном из самых интенсивных пиков.

— Я думаю, эта точка вполне подходит. . . Смотрите, Фурмин! Пятый год правления Тедрика; армия пополнена сарлонскими отрядами, урожай в Мидвеле и Стирдее — великолепный, Роанна подарила нашему герою второго сына... Решено — я отправлюсь сюда!

Отвернувшись к окну, Фурмин тихо шепнул:

— Храни тебя судьба, кузнец, от гнева великого Ллосира...

2

Лето выдалось теплым и дождливым; немудрено, что у баронов, свободных фермеров и арендаторов королевских земель закрома ломились от зерна, а стада

дали отличный приплод. Такое изобилие невольно наводило Тедрика на определенные мысли — тем более, что осень, в отличие от лета, стояла сухая. Лучшее время для похода в южные пределы! Но в семье у него тоже было прибавление — в конце месяца Золотых Колосьев, перед самой жатвой, леди Роанна разрешилась от бремени. Второй сын! Разве мог он сейчас покинуть свою королеву?

Задумчиво разглядывая карту, бывший кузнец, а ныне — повелитель Ломарры и Сарлона, — сидел у стола в мрачноватом тронном зале. Том самом, где восемь лет назад они с королем Фагоном спорили до хрипоты, обсуждая, куда двинуть войска — на север или на юг. Теперь Тедрик понимал, что покойный король был прав; конечно, Сарлон следовало брать на щит первым... Он многому научился у своего предшественника и готов был учиться дальше; жаль, что Фагон прожил так недолго после триумфа над северным соседом. То, в чем не преуспели сарлонские мечи, сделало вино и излишняя тучность.

Тедрик встал, прошелся мимо огромного камина, в котором пылало целое бревно, потом, расставив ноги, утвердился перед огнем. Топить не было нужды — теплые дни еще не кончились, но он любил смотреть на игру пламенных языков меж закопченных камней. Это напоминало ему кузницу, в которой сейчас заправлял Силтен — уже на правах мастера.

Наступала ночь; он был один в большом зале, украшенном стягами, гербами провинций и потемневшими от времени портретами прежних владык Ломарры. За массивной двустворчатой дверью — длинный коридор; налево — королевские спальни и покои Роанны, направо, в самом конце — караульная. Интересно, кто сегодня дежурит? Фристал? Или молодой Хирт? За последний год парень стал богатырем... Сходить посмотреть?

Чуть слышное потрескивание вкралось в гул пламени, и Тедрик резко обернулся, нашаривая у пояса кинжал. Впрочем, он тут же опустил руку и встал на одно колено, повернувшись лицом к двери; перед ней, закрыв позолоченного деревянного льва над притолокой, парила сияющая сфера.

Ллосир! Великий Ллосир снова явился ему! Хвала небесам! Четырежды бог удостоил его своим посещением! Кто из жрецов презренного и почти забытого

Сарпедиона мог похвалиться такой честью? Сейчас он снова ощутит, как в голове беззвучно рождаются слова, гремящие, словно колокол... сейчас Ллосир отверзнет уста...

Однако губы божества оставались плотно сомкнутыми, и Тедрик, наконец, сообразил, что бог взирает на него с явным неодобрением. Пересилив невольную дрожь, он решился первым нарушить молчание:

— Не прогневал ли я великого бога?

— Да. Прогневал!

Губы Ллосира чуть заметно дрогнули, камнем обронив слова, и вновь наступила напряженная тишина. Слегка приподняв голову, Тедрик опасливо поглядывал на божественного пришельца. В полутемном зале окружавший его ореол светился особенно ярко, и бывший кузнец мог хорошо разглядеть детали, казавшиеся ранее зыбкими и неуловимыми. Могучий торс Повелителя Ллосира облекало странное одеяние, блестящее, словно вода под лучом луны; грудь крест-накрест стягивали широкие ремни, пристегнутые, вероятно, к похожему на трон креслу с высокой спинкой, на котором восседал бог. Перед ним, на уровне колен, располагалось небольшое возвышение — его форма напомнила Тедрику наковальню. На плоской его поверхности дрожало и переливалось соцветие огоньков. В такт их неяркому мерцанию окружавший Ллосира шар то вспыхивал голубоватым пламенем, то чуть притухал. Лицо бога казалось странно неподвижным, почти застывшим; полоска серебристого обруча пересекала лоб.

Бог пошевелил губами, и по обручу словно пронеслась мгновенная тень.

— Ломарра процветает, — мерно произнес пришелец, — в Сарлоне даже нищие сыты и пьяны. Житницы ваши полны зерна, скот неисчислим, доходы от торговли растут, и люди охотно платят налоги. Корабли плавают на север и на юг — даже на запад, к далеким островам на самом краю мира. Долина Лотара, от Ломпора до Бакоя, усеяна лагерями меченосцев и стрелков, пехотинцев и всадников... — он сделал долгую паузу, пристально уставившись на Тедрика неподвижными нечеловеческими глазами. — Король, чего ты еще ждешь?

Голос Ллосира бил в виски громовыми ударами гонга. Тедрик опустил голову, принимая упрек; бог был суров, но справедлив.

— Я — не Сарпедион. Я не требую жертв ни жизнями, ни кровью, ни мясом, ни вином. Мне не нужны алтари, храмы и толпы жрецов. Никто не дает мне доли от своих богатств — ни ты, Тедрик, ни знать, ни простолудины. Ибо сокровища ваши не нужны богу и бесполезны в том мире, где я обитаю. Однако, — глас божий стал подобен рухнувшей снежной лавине, — однако ты должен выполнять наш уговор!

Тедрик уже понял, о чем пойдет речь. Когда Повелитель Ллосир явился перед всем народом в Котловине, во время освящения алтаря, он потребовал, чтобы и юг, и север были освобождены от власти Сарпедиона. Но приказ его был выполнен только наполовину.

Внезапно огромная фигура в кресле подалась вперед; теперь торс Ллосира грозно нависал над переливавшейся огнями наковальней.

— Ты, Тедрик, повелитель Ломарры и Сарлона, признал меня своим богом. Так слушай же мое божественное повеление! — Слова Ллосира грохотали, будто раскаты надвигающейся грозы. — Ты поведешь свои войска на север и юг, на запад и восток. Ты овладеешь древним Тарком, ты покоришь Девосс, горную страну с богатыми залежами металлов. Ты проложишь путь на восток, через ущелья и кручи Ампассера, в те страны, которые вы называете Са-Ирта. Ты пошлешь флот на запад, в неведомые моря... И всюду, где ступит нога твоих солдат, всюду, где бросят якорь твои корабли, ты будешь уничтожать алтари Сарпедиона — в каком бы обличье, под каким бы именем этот злобный демон не терзал людей... — голос бога смолк на секунду, потом он тихо добавил: — Будь безжалостным к жрецам, но милостивым к их жертвам, Тедрик...

Король Ломарры склонил голову.

— Я сделаю так, как ты сказал, Повелитель Ллосир. Я сокрошу Сарпедиона везде, куда дотянется моя рука. — Он на мгновение задумался. — Но стены тарконских городов прочны, а скалы Девосса — неприступны...

Скандос почувствовал, как губы его под жесткой пластиковой маской растягиваются в улыбку. Да, Тедрик стал другим... Этот человек очертя голову не полезет в пекло... Уроки короля Фагона не пропали даром! Из кузнеца получился неплохой правитель. Он научился терпению и осмотрительности, и не упустит ни выгод своих, ни преимуществ... Впрочем, воспоминания

о прежних визитах божества тоже могли недоумить Тедрика, что от странного пришельца в сверкающей сфере следует получить кое-что посущественнее повелений.

— Стены тарконских городов прочны, а скалы Девосса — неприступны, — медленно и задумчиво повторил Скандос-Ллосир. — И потому ты сделаешь вот что. Возьми серу, древесный уголь и селитру...

Тедрик внимательно слушал. Память у него была отличной, он по-прежнему обходился без записей — особенно, когда дело касалось божественных тайн.

3

По бесконечной, плоской, как стол, равнине Стир-деа катилась армия. Вздывая пыль, мерно шагали ломарианские меченосцы в кожаных панцирях с блестящими металлическими накладками, с тяжелыми большими щитами; один клинок, длинный и широкий, покачивался за спиной вместе с пучком дротиков, другой, покороче, был закреплен на ремне у пояса. Вслед за ними ровными шеренгами двигались сарлонские фаланги. Темнобородые воины в железных кольчугах шли плотным строем, над султанами их шлемов колыхался лес остроконечных пик. Штурмовые отряды, замыкавшие колонны тяжелой пехоты, были набраны в обоих королевствах — лучшие бойцы, все — шести-футового роста, в добротных доспехах и глубоких гладких шлемах, вооруженные секирами, топорами и молотами. Этим предстояло лезть на стены осаждаемых городов, сбивать засовы с ворот, выламывать камни.

Пятитысячный отряд закованных в броню всадников, гордость Ломарры, неторопливо рысил за штурмовиками. Могучие скакуны, прикрытые латным доспехом, сверкающие кирасы рыцарей, копыта толщиной в руку, палаши, алебарды, плюмажи, вьющиеся над шлемами, звон стали и грохот копыт... Эти конники, нарядом с тяжелой пехотой, являлись главной ударной силой армии и носили вооружение из настоящей стали — металла, благословенного Ллосиром. Правда, эти изделия ломпорских кузнецов уже не были столь прочными, как три первых доспеха, когда-то изготовленных самим Тедриком; подходящие метеориты больше не падали с небес, а добывать хром, ванадий и молибден ломариане пока не умели. Тем не менее, за-

каленный стальной клинок ломпорской работы легко перерубал железный — видно, тайные слова и молитвы Ллосиру, которые шептали оружейники, погружая мечи в масло, и впрямь имели великую мощь.

Над колонной всадников, которую возглавляла сотня телохранителей короля, реяли два стяга. На одном, голубом, вздымался на дыбы ломарианский лев, грозя врагом когтистой лапой; на другом, серебристом, была искусно вышита рука в кольчужной рукавице, сжимающая меч. Знамя Ломарры и знамя великого Ллосира дружно и неотвратно плыли к южному пределу страны, словно их вело Провидение. Собственно, так оно и было.

За латными всадниками и легкой конницей громы-хал обоз. Огромные тяжеловозы, запряженные где парой, где — четверкой, тащили телеги с осадными орудиями, баллистами, катапультами, лестницами, разборными башнями, кувшинами с горючей смесью, дротиками и зажигательными ядрами. Та страна, куда двигалось войско, славилась многочисленными и богатыми древними городами с высокими стенами и крепкими воротами. Однако таранов, способных пробить путь внутрь вражеских крепостей, видно не было. Вместо этого бесконечные вереницы фургонов везли припасы — сушеное мясо, хлеб, сыр, зерно и пиво. Война затевалась всерьез и надолго.

Ядро армии — тяжелая пехота, конница и обоз — двигалось по степи плотной компактной массой, оставляя за собой широкую полосу голой земли; трава здесь была выбита до корней, и вряд ли на этом утоптанном тракте что-то могло вырасти до будущей весны. Впереди и сзади войска, с обеих сторон войска шли легковооруженные — лучники, пращники, метатели дротиков, разведчики; на легконогих поджарых лошадях проносились отряды конных стрелков. Мерцали на солнце отблески сигнальных зеркал, гремели, передавая команды, барабаны, звенело оружие, залиvisto ржали лошади.

Войско Тедрика, короля Ломарры и Сарлона, шло на Тарк.

4

Скайр, лорд Сарлонский, поднял голову и огляделся. Горы громоздились со всех сторон — высокие, мрачные, неприступные, поросшие у подножий редким хвойным

леском. Горы Девосса, которые никому не удавалось пересечь; говорили, что на далеком севере они спускаются к безбрежным ледяным пустыням, где нет ничего живого.

Скайр повернулся назад, пытаясь оценить уже пройденный путь. Его отряды растянулись длинной неровной цепочкой по дну ущелья, извилистого, но довольно широкого. В этот поход он не взял ни бронированных всадников, ни пехотинцев с длинными копьями — здесь такое оружие не годилось. Добрый лук да полные стрел колчаны — вот что требовалось для войны в горах. И короткий клинок, когда дело дойдет до рукопашной. Поэтому в войске, вышедшем месяц назад из Фатха, были только стрелки и меченосцы, крепкие парни, привыкшие к горам, уроженцы Северного Ампассера — из тех районов, где темноволосые сарлонцы смешались с более светлыми ломарианами, пришельцами из Верхней Марки.

Дорога к медным и серебряным копьям, цели Скайрова похода, оказалась довольно приличной. Скалистые стены ущелья были прочными, блестящими, словно их только вчера вытесал топор Ллосира, Повелителя земли и небес; это гарантировало от камнепадов и лавин, которые могли спустить по склонам варвары. Это было их главным оружием, основной защитой от завоевателей — конечно, там, где позволяла местность. Но в девосских горах путник рано или поздно оказывался в теснине — в узком ущелье или на горной тропе шириной в ярд, выходящей вдоль почти отвесного склона. И тогда на него градом сыпались камни и стрелы с кремневыми наконечниками.

Пришельцы с юга шагали вдоль бурной речки, что текла по дну ущелья, держась подальше от скал. Сейчас опасность им не грозила — дальнобойные луки ломариан доставали врага на расстоянии четырехсот ярдов, и варвары уже хорошо познакомились с ними, когда два дня назад попробовали перегородить дорогу войску. Тем не менее, стрелки держали оружие наготове, пристально вглядываясь в каждый утес, в каждый камень, за которыми могла притаиться засада.

Особой заботой Скайра были лошади, которых поместили в самую середину небольшой армии. Эти невысокие выносливые горные лошадки везли четыре сотни увесистых бочонков с зельем Ллосира. Страшная штука! С молодых лет лорд Сарлонский доверял только

мечу, копьё да стреле и с подозрением относился к новшествам в военном деле, но от последнего испытания адской смеси, хранившейся в бочонках, у него до сих пор звенело в ушах. Да, наступали иные времена, и скоро даже панцирь из божественного металла не защитит доброго воина от горсти ничтожного черного порошка! Впрочем, сейчас Скайр был весьма доволен, что прихватил его с собой: ущелье впереди сужалось, и теснину от края до края перегораживала гигантская груда камней.

Он снял шлем и вытер внезапно вспотевший лоб. Камня здесь хватало! Под этими обломками можно было без труда похоронить весь его пятитысячный отряд отборных лучников, и еще осталось бы сотня-другая глыб, чтобы размазать в кровавую кашу лошадей. Наверху этой преграды тридцатифутовой высоты мелькали фигурки в косматых шкурах; их было много, очень много. Скайр заложил два пальца в рот и пронзительно свистнул. В ответ раздалась команды капитанов, и через секунду воздух наполнило басовитое гудение стрел.

Фигурки попрыгали; Скайр видел, как несколько человек упало, и с дюжину корчившихся в предсмертной судороге тел скатилось вниз по склону. Но этот первый успех не значил ничего. Как только отряды пришельцев начнут форсировать крутой откос, на головы им скатится лавина; лорд Сарлонский уже заметил подозрительное шевеление нескольких больших валунов на самом гребне.

Ну, во имя Ллосира, его печени и сердца! Приказав продолжать обстрел, Скайр послал сотню дюжих ратников к подножию стены. Каждый тащил бочонок и квадратный кожаный щит — вполне достаточное укрытие от метательных снарядов варваров. Быстро преодолев сотню ярдов, люди начали копошиться среди камней, спеша избавиться от своего смертоносного груза. Дикари не предпринимали ничего; не то боялись высунуть нос под непрекращающимся ливнем стрел, не то даже не сообразили, чем занимаются воины внизу. Во всяком случае, они не собирались обрушивать лавину камней на маленький отряд, поджидая более крупную добычу.

Скайровы бойцы закончили возиться с бочонками и, забросив за спины щиты, большими прыжками удалялись от перегородившего ущелье вала. Сарлонский лорд поднял руки, затем резко опустил их вниз. По этому сигналу его войска начали поспешное отступление;

теперь справа и слева от Скайра тянулась только редкая цепочка лучников.

Торжествующий хриплый вой из тысяч глоток раздался за каменным барьером. Для этих дикарей ситуация была ясной. Пришельцы испугались! Поднесли выкуп — видимо, вино в бочонках; оставили своего лорда с охраной — несомненно, для переговоров; значит, еще не потеряли надежду выбраться живыми из ущелья. Теперь стоит поторговаться насчет дани, и дело наверняка не ограничится вином. Оружие из железа и бронзы, украшения, доброе сукно, золото... Сколько добра можно взять за жизни пятидесяти сотен воинов!

Полсотни лучников Скайра — лучшие стрелки! — разбились на пары. Один держал наготове стрелу с наконечником, обмотанным паклей — с нее капало горючее масло; второй разжигал факел. Сарлонский лорд, проверяя своих бойцов, покосился налево, потом — направо. Кажется, все запалили огонь... Выдернув меч, Скайр дважды взмахнул им; в ответ редкая стайка огненных пчел прожужжала в воздухе.

И скалы Девосса дрогнули, выбросив к небесам тучи осколков, клубы дыма да изуродованные человеческие тела! Повалившись ничком на землю, Скайр молился великому Ллосиру, когда каменный дождь забарабанил по его панцирю. И Ллосир уберег его хотя два десятка лучников погибли на месте. Пожалуй, то были самые крупные потери за все время этой горной войны.

5

— Мы прошли, Фрист, мы прошли! — Хирт, радостно хохоча, колотил Фристала по спине, пока они спускались с перевала. Его спутник, старший и более степенный, только поводил могучими плечами, пряча улыбку в густой бороде.

Да, они прошли! Вернее сказать, Скроб со своей чудовищной птицей, этим клаффом, провел их. Провел по горным кручам невероятной высоты, сквозь дикие скалистые ущелья, через неведомые перевалы; провел, минуя безжизненные и смертельно опасные ледники, оседлавшие горные пики, мимо осыпей, лавин и глубоких снегов; провел по долинам бурных речек и тайным тропам, проложенным непонятно кем и когда. Воистину, чародей этот Скроб, не хуже самого властителя Тедрика, запросто беседовавшего с богами!

Сейчас проводник, как и всегда, вышагивал впереди. Тощий, сухой, жилистый — настоящий горец; довольно рослый, хотя оба великана, и Фристал, и юный Хирт, были выше на целую голову. Их крохотная экспедиция двигалась в таком порядке все пять недель, и оба ломпорца беспрекословно повиновались Скробу. Ибо вскоре выяснилось, что в горах Срединного Ампассера старший — он, а не Фристал, доверенное лицо самого короля. Фактически, Фристал и Хирт исполняли при собственном проводнике роль охраны и двуногого вьючного транспорта. Горец тащил только лук с топориком да своего огромного клаффа, тогда как два молодых спутника были нагружены до ушей. Правда, справедливости ради стоило бы отметить, что клафф весил не меньше доброй овцы.

С высоты перевала, с десяти тысяч футов, путники смогли бросить первый взгляд на расстилавшуюся внизу страну. Таинственный и недостижимый Са-Ирта, восточный предел мира! Предел ли? Они не заметили на востоке блеска океанских вод. На десятки и сотни миль тянулась огромная холмистая равнина, пересеченная серебристыми нитями рек, искрящаяся бусинками озер и покрытая на севере лесом; южная ее часть напоминала Мидвел и Стирдей — такая же плодородная степь с рощами и перелесками. Несомненно, там жили люди, хотя даже Хирт, зоркий, как ястреб, не мог разглядеть с такого расстояния деревень. Однако коричневые, зеленые и золотистые квадраты полей свидетельствовали, что местность была заселена довольно густо. Скорее всего, здесь, как и в Стирде, на юге Ломарры, снимали по два урожая в год.

Велик Ллосир, и по милости его всюду живут люди! Только как они встретят пришельцев? Фристал нес с собой королевские грамоты, писанные на трех языках, но тут, за непроходимой стеной Ампассера, они могли значить меньше, чем ничего. И посланцы Тедрика рисковали закончить дни свои в темнице, в каменоломнях, на галерах — или же на алтаре местного божества, близкого свойственника Сарпедиона.

Что касалось этого жестокого демона, то с ним предстояло разбираться особо — такова была главная цель экспедиции. «Вы должны распознать злого духа под любым именем, под любой личиной,» — наставлял король Тедрик своих посланцев. И перед ними — и леди Роанной, своей благородной супругой, — король поклялся,

что если страны Са-Ирта не подвластны мерзкому крокопию, он не поведет воинов в их пределы, а станет лишь искать дружбы и выгодной торговли. Но Хирт полагал, что мирные эти планы вряд ли реальны: Око Сарпедиона, ныне погасшее, еще не так давно заливало кровавым светом весь мир и, скорее всего, везде ему приносили в жертву людей.

Сейчас король Тедрик, наверно, прошел с армией половину Тарка... Хирт не сомневался в победе; стальные доспехи, взрывчатый порошок да милость Ллосира перевешивали все богатства, все легионы империи. Впрочем, легионов хватало и у Ломарры. Король сказал, что Запад будет единым. Так повелел Ллосир, так оно и будет! Значит, война закончится победой. Хирт не испытывал сожалений из-за того, что не принял в ней участия; то, что выпало на его долю, казалось и более интересным, и более значительным. Пересечь Ампассер! Еще десять лет назад, при старом короле Фагоне, никто и не мечтал бы о подобном!

Спустившись тысячи на три футов, до границы, за которой горные луга сменялись лесами, путники остановились передохнуть. Неподалеку струился ручей, образуя небольшой водопад и довольно глубокое озерцо под темной нависшей скалой. Пока Хирт и Фристал плескались в воде, смывая грязь долгих странствий, Скроб устроил своего клаффа на гранитном обломке и присел напротив, пристально глядя в черные зрачки птицы. Его молодые спутники, закончив купанье, тихо пристроились за спиной проводника. Оба уже натянули свежие туники и сапоги из бережно хранимых запасов — взамен рубища, в которое превратили одежду пятинедельные странствия в диких горах. Все-таки, им была доверена посольская миссия, и рыцарям славного короля Тедрика следовало выглядеть подобающим образом.

Скроб поднял взгляд на Фристала:

— Он готов лететь. Давай карту.

Предводитель экспедиции порывлся за пазухой и вытащил туго скатанный рулончик пергамента, на котором странники день за днем отмечали свой путь. Скроб бережно поместил драгоценный свиток в кисет, приоттавил его ремнем к когтистой птичьей лапе. Потом погладил черные перья с металлическим отливом и произнес:

— Вверх, малыш! Вверх и домой!

Клафф пронзительно вскрикнул, будто прощаясь с хозяином, подпрыгнул в воздух, распахнув огромные,

в рост человека крылья и, набирая скорость, ринулся вдоль склона вниз. Через минуту он уже взмыл на сотню футов и начал разворачиваться в сторону горного хребта; через пять — превратился в едва заметную точку над сверкающими ледяными шапками Ампассера.

— Через два дня будет в Ломпоре, — заметил Скроб, стягивая изодранные на камнях сапоги.

Хирт проводил птицу завистливым взглядом. Если бы он мог так же взлететь ввышину, свободный и стремительный, как ветер! Может быть, Повелитель Ллосир со временем откроет королю и эту тайну?

Фристал вздохнул. В отличие от своего юного спутника, он думал о вещах более земных. Например, о том, что теперь им придется рассчитывать только на свои стрелы, на охотничье счастье и на сомнительное гостеприимство обитателей Са-Ирта. В горах у них всегда было свежее мясо — клафф, непревзойденный добытчик, сам искал зверя, сам справлялся с ним. Огромный клюв, мощные когтистые лапы и невероятная для птицы сила позволяла ему торжествовать даже над волками и горными баранами.

Скроб разделся, ступил в озерцо и чуть слышно охнул — вода была холодна. Вымывшись, он тоже натянул чистое и повалился ничком в траву, буркнув: «Устал». Не надо было объяснять, что утомил его не спуск, хотя они проделали с утра миль пятнадцать, а то, что он сотворил с птицей. Лицо проводника осунулось, на висках выступил пот.

После долгого молчания Хирт нерешительно спросил:

— Как ты это делаешь, мастер Скроб?

— Делаю? Что?

— Ну, говоришь со своим клаффом... и с другими, с птицами и зверьем?

Скроб приподнял голову и усмехнулся.

— Ну, разговором бы я это не назвал...

Он снова надолго замолк, расслабившись, всем телом впитывая ласковое тепло осеннего солнца. Фристал сосредоточенно подравнивал бороду кинжалом, любясь своим отражением в полированном куполе шлема. Хирт вздохнул, достал сухарь из мешка, надкусил. Есть не хотелось.

— Здорово это... понимать животных... — задумчиво сказал он, поглядывая на проводника. — Пусть даже

с ними нельзя говорить по-настоящему... Все равно, здорово!

— Здорово? — Скроб вдруг перевернулся на спину, уставившись пустым взглядом в небо. — А у тебя когда-нибудь болела голова, парень? Так, что впору землю грызть? Прятался ли ты целыми днями от солнца, от страшного Ока и проклятых жрецов? — Он приподнялся и с нарастающей страстностью начал говорить. — Знаешь, почему я пошел с вами — почти на верную смерть? Думаешь, старый охотник Скроб на золото польстился? — его глаза потемнели. — Нет, не нужно мне это золото... и дорога в Са-Ирта меня не интересует... своих гор хватит... Но кузнец Тедрик, — он так и сказал о короле — «Кузнец Тедрик!» — да, кузнец Тедрик из Ломпора просил пойти, и я не мог отказать. Не мог отказать избраннику Ллосира, тому, кто избавил нас от мучений!

Скроб вытянул руку вверх, к небу, но оба молодых воина и без того поняли, что он имеет в виду. Звезда злого бога закатилась над Ломаррой и Сарлоном, алтари его разбиты, храмы обращены в груды камней, жрецы гниют в земле.

Фристал с Хиртом начали собирать мешки и оружие. Уже взвалив поклажу на спину, Хирт повернулся к проводнику, все еще лежавшему на земле с полузакрытыми глазами, и опасливо спросил:

— А с людьми ты так можешь?.. Ну, как со своим клаффом?

Внезапно Скроб захохотал. Это было так необычно, что оба его спутника вздрогнули.

— Во даешь, парены! С людьми! Если б я мог так с людьми, то был бы не старым Скробом-охотником, а самым великим Ллосиром! Ах-ха-ха! — он вытер выступившие на глазах слезы и махнул рукой: — Ладно, пошли!

И пружинисто вскочил на ноги.

6

Грохот взрыва смолк, разбитые створки ворот косо повисли на петлях, открыв обрамленный каменными стенами проход шириной в полсотни футов. Сарлонская фаланга, выставив копья, ринулась в него; с тыла ее подпирали тысячи три меченосцев. Ливень стрел, дро-тиков и зажигательных снарядов поливал покосившиеся

надвратные башни и городскую стену, из-за которой уже поднимались к небу густые клубы черного дыма. Под прикрытием стрелков и метательных машин штурмовые отряды, приставив лестницы, начали взбираться к зубчатому парапету; через несколько минут их секиры и боевые молоты загрохотали о шлемы защитников.

Тедрик, сидевший на рослом сером жеребце напротив северных ворот, в которые уже вливались последние ряды ломарианских меченосцев, довольно улыбнулся. Эта компания отличалась небывалой стремительностью — за месяц его войска трижды разгромили имперцев и прошли половину страны, от пограничного ущелья Лотара до берега моря. Теперь его армия разделилась: панцирные всадники с отрядами конных стрелков широким веером прочесывали побережье, вылавливая мелкие группы врагов, уцелевших в предыдущих сражениях; основные силы, тысяч восемьдесят бойцов, осаждали столицу империи — богатый и хорошо укрепленный город Семедиум. Впрочем, теперь о его укреплениях следовало упоминать в прошедшем времени.

Король перевел взгляд на море, зеленоватое, искристое, ласковое, совсем не похожее на темные и суровые воды близ Ломпора. Где-то там плывут его корабли — к самым пределам мира, как повелел Ллосир. Пока от флотилий нет никаких известий... А вот с востока пришли хорошие новости! Быстроходная гребная галера доставила письма от Роанны — клафф прилетел! Принес карту. И к разведанной дороге уже выступил сильный отряд из Бакоя...

Да, он был прав, когда решил послать в эту экспедицию трех сильных мужчин, а не десяток центуриев... Большой группе трудней прокормиться в горах, да и кто бы поверил в Са-Ирте в его добрые намерения, если б там появилась тысяча стрелков и меченосцев... Но если его посланцы пострадают хоть на волос, второй большой войны не миновать! Он внушит Востоку уважение перед Западом!

Правда, Ллосир предупреждал, что на этот раз удастся обойтись без драки. Бог, конечно, видит весь мир, все, что сокрыто от глаз смертных за просторами океана, за непроходимыми горами и пустынями. Он говорил, что в Са-Ирте много разных стран, больших и малых, но люди в них поклоняются солнцу, луне или огню, а кровавую звезду в небе считают дьявольским оком и не приносят ей жертв... Что ж, тем лучше; больше

шансов, что Фристал, Хирт и этот горец, Скроб, уцелеют...

И от Скайра тоже пришли хорошие вести. Копи в девосских горах снова дают руду, а местные вожди, уstraшенные гневом Ллосира, изъявили покорность. Значит, ни восток Сарлона, ни Верхняя Марка отныне не будут страдать от набегов варваров... На западе воцарится мир — от диких ущелий Девосса до теплого южного океана, омывающего берега Тарка. Чем же он займется теперь? Будет строить дороги, воздвигать города, слать корабли во все концы мира? Соберет в Ломпоре лучших мастеров, живописцев, звездочетов, алхимиков? И тех, кто отмечен особым даром — как охотник Скроб, умеющий говорить с животными?

Тедрик глубоко вздохнул и поднял голову. Над Семедиумом еще стлался дым, но сквозь его темную завесу король разглядел, как над башнями городской цитадели взвились стяги с золотым львом и рукой, сжимающей клинок из божественного металла.

7

Лаборатория Скандоса в горах Ампассера, пять часов утра.

Солнце еще не взошло, и зоркий глаз мог различить слабую красноватую точку на ночном небосклоне — в том месте, где так недавно яростным блеском разгоралась багровая звезда. Но сейчас никто не смотрел в сторону широких окон; пятеро мужчин обступили металлическую тележку в центре зала. На ней, на специальной подставке, покоился большой, двухфутового диаметра, полупрозрачный шар. Казалось, он был выточен из дымчатого кварца; в его глубине медленно плыли потоки крохотных искр, то сворачиваясь в спирали, то ветвясь, словно проблеск молнии.

— Итак, Винг, полный успех? — Тхар с улыбкой поднял глаза на вычислителя.

— Посмотрим... Не стоит трубить в фанфары до испытания.

Пайрот, астроном, приподняв брови, с удивлением осматривал мерцающую сферу. Он протянул руку, собираясь коснуться гладкой поверхности, но Винг быстро перехватил его кисть и отрицательно покачал головой.

— Хмм... — на всякий случай астроном сунул

руки в карманы. — И как же управляться с этой штукой? Я не вижу ни монитора, ни клавиатуры... Какой-нибудь дистанционный блок? Где же он?

— Здесь, — Винг провел ладонью по лбу.

— Но связь? Как вы обеспечиваете связь?

— Самым простым и естественным способом — тактильным контактом. Достаточно приложить к поверхности хотя бы палец...

— А! Вот в чем дело! — Пайрот быстро вытащил руки из карманов и спрятал их за спину. — Значит, коллега Скандос сейчас коснется шара и... и что произойдет?

Вычислитель пожал плечами.

— Я могу только предполагать. Он вступит в ментальный контакт с мощным искусственным интеллектом... точнее — сольется с ним... или поглотит его — со всеми знаниями, которые заложены тут, — Винг глазами показал на дымчатую сферу. — Поверьте, их немало... в том числе — и о предмете, который нас интересует. Собственно говоря, — добавил он после небольшой паузы, — тут вообще все, что нам известно на сегодняшний день.

— Ну и?..

— Дальше... Дальше, как я думаю, он... оно... они начнут решать поставленную задачу... Возможно, попытаются связаться с Ним... Ведь мы же собираемся выяснить, что это за тварь, верно? — Винг кивнул на окно, за которым сияло звездами ночное небо; там, в безмерной дали, мчалось существо — призрак, злой дух или пришелец из неведомых миров — которое в древней Ломарре называли Сарпедионом.

— Надеюсь, это не опасно... — пробормотал Фурмин, запустив пятерню в свою густую гриву.

— Что именно? Контакт с машиной Винга или попытка решить проблему? — спросил историк.

— И то, и другое... Скажем, что нам делать, если учителю вдруг станет плохо? — молодой физик посмотрел на невозмутимое лицо Винга.

— Не мешать, я полагаю. Понимаете, — вычислитель наморщил лоб, — это будет битва... сражение разумов... вполне вероятно... И тут могут быть лишь три исхода — или мы поймем друг друга и договоримся, или уничтожим Его, или...

— Мы? — Тхар приподнял бровь.

— О, конечно, простите... Мы — только свидетели

поединка... скорее всего, беспомощные. Сражаться будет Скандос. Один...

— Нет, не один! — неожиданно раздался голос хронофизика, разорвавший напряженную тишину. — Нас будет как минимум трое — я сам, Повелитель Ллосир и кузнец Тедрик. Ведь Тедрик выиграл свою битву — в далеком прошлом, в седой древности он убил злого бога, уничтожил его печень, сердце и мозг. Неужели мы, потомки, окажемся слабее? Нет, друзья мои, нет...

Скандос вдруг подтолкнул тележку, и она с тихим шорохом покатила к раскрытому окну. Физик уверенным шагом последовал за ней. Он поднял голову, отыскал взглядом красную искорку на темном бархате ночного неба; затем, прикоснувшись к сфере и ощущая чуть заметное покалывание в кончиках пальцев, первый признак ментального контакта, Скандос негромко произнес:

— Что там, за ветхой занавеской тьмы...

ЗВЕЗДЫ ИМПЕРИИ

Глава 1

ЖЮЛЬ И ИВЕТТА

Гигантская звездная Империя Земли, сложившаяся к двадцать пятому столетию, мало походила на Рим начала новой эры; пожалуй, единственным элементом сходства между ними являлась необоримая тяга людей к развлечениям. Что, впрочем, справедливо для всех времен и всех государственных образований, кроме наиболее пуританских и извращенных.

Мис, «История цивилизации», т. 21, стр. 824

Среди прочих увеселительных заведений древней Земли, — театров, спортивных арен, ипподромов, бесчисленных синерам, мюзик-холлов и стриптиз-шоу, Имперский Галактический Цирк был явлением уникальным. Прежде всего, своими размерами — циклопическое здание из напряженного бетона, стали и стекла занимало четверть квадратной мили, а купол над главным амфитеатром уходил ввысь на добрых триста футов. Тут выступали лучшие из лучших, уроженцы сотен планет, представители сотен рас — акробаты и жонглеры, фокусники и престижиджитаторы, укротители диковинных животных, эквилибристы, клоуны, танцоры, силачи, гимнасты и канатоходцы. Снова и снова, как сотни лет назад, они доказывали восхищенной публике, что волшебное, чарующее искусство цирка не кануло в вечность в рационалистическую эпоху космической экспансии человечества. И хотя Галактический Цирк строго придерживался неписанного девиза —

«Сила, ловкость, мужество — и никакой эротики!» — его галереи и яруса всегда ломились от зрителей.

Номер «Летающих д'Аламберов» — эта труппа на протяжении вот уже двух столетий считалась самой знаменитой в Империи — длился ровно двадцать восемь минут, и все это время публика, до отказа заполнившая гигантскую овальную чашу Галактического Цирка, пребывала в напряженном молчании, почти что в трансе. Сама арена, усыпанная синтетическим заменителем земных опилок, оставалась в затемнении; над ней, на высоте ста сорока пяти футов, по одиночке, парами и группами летали и кувыркались в воздухе, будто невесомые фантомы, гибкие серебристые фигуры.

В этот вечер, как и всегда, выступление шло без сбоев, приближаясь к кульминации. Внезапно свет прожекторов стал ярче, гимнасты, словно по неслышимой команде, прервали свой грациозный полет и замерли, простирая вверх руки. Там, по натянутой под самым куполом проволоке, удерживая равновесие почти незаметными движениями плеч и коленей, плавно и изящно двигалась Иветта д'Аламбер; наконец, неподвижная, будто изваяние, она застыла над самым центром арены.

Как и все остальные члены труппы, девушка носила серебристое трико, обтягивающее ее, словно вторая кожа. Хотя она была невысокого роста, плотной и крепко сбитой — вероятно, ни одно из земных рекламных агентств не предложило бы ей роль фотомоделли, — фигурка Иветты с пышными женственными формами производила весьма приятное впечатление на зрителей; расстояние скрадывало ее отличия от обычных женщин. Однако вблизи сразу же бросалась в глаза толщина ее лодыжек и запястий, которые могли бы принадлежать сильному мужчине. А мускулам, перекачивающимся под гладкой кожей — от плеч до кончиков пальцев на ногах — позавидовал бы не один из юных баловней судьбы, прожигавших жизнь на пляжах Южной Калифорнии.

Выждав несколько секунд, Иветта взглянула на своего брата Жюля, парившего на подвесной трапеции сотней футов ниже, там, где яркий свет прожекторов переходил в мягкий полумрак, окутавший нижние ряды. Нынешнее представление могло стать их последним выходом на цирковую арену. Ни Жюль, ни Иветта еще не знали этого точно, однако не исключалось, что

сегодняшний вечерний спектакль станет завершением их артистической карьеры. Днем раньше Жюль отправил по пневмопочте крохотный патрончик с кристаллической нитью, на которой было записано только одно слово: «Сюзанна». Ответ — «Дьюнедин-Армс, полночь» — поступил этим утром.

Резко приседая, помогая себе взмахами рук, Иветта стала раскачивать туго натянутую проволоку. Жюль д'Аламбер, ухватившись левой рукой за трос, поддерживавший его невесомый снаряд, тоже начал сгибать колени, раскачиваясь в том же ритме, что и девушка под куполом цирка. Когда амплитуда колебаний проволоки достигла предела, Иветта оттолкнулась сильными ногами от упругой стальной нити, готовая совершить изящный пируэт в воздухе и ринуться вниз — туда, где ее ждали сильные руки брата. И в этот момент над замершим в тревожной тишине амфитеатром раздался металлический щелчок, резкий, как пистолетный выстрел.

Стальная проволока, еще мгновение назад походившая на чуть изогнутую, полную скрытой энергии струну, порвалась точно посередине, и оба ее конца, со свистом бичуя воздух, стали скручиваться в спираль. Под этот тонкий ноющий звук, походивший на вопль отчаяния, Иветта д'Аламбер, лучшая воздушная гимнастка обитаемой Вселенной, беспомощно раскинув руки, начала свое бесконечное падение в пронизанном яркими цветными лучами пространстве.словно птица, внезапно потерявшая крылья, она летела в гибельный полумрак, с каждой секундой все быстрее, все стремительнее рассекая воздух — легкая серебристая искорка, уже охваченная ледяным дыханием небытия.

Миг растерянности — и все на арене пришло в движение. Остальные члены труппы, секундой раньше неподвижно застывшие на трапециях, теперь с силой, удвоенной ужасом, раскачивали свои легкие снаряды, пытаясь перехватить девушку, задержать ее смертельный полет вниз, к стремительно и безжалостно надвигавшемуся кругу цирковой арены. Один раз спасительная рука едва не коснулась ее судорожно вытянутых пальцев — однако больше д'Аламберы ничем не смогли помочь своей сестре.

Жюль, висевший гораздо ниже прочих гимнастов, имел больше времени на подготовку — и он не потерял ни одного из отпущенных судьбой мгновений. В момент

катастрофы он мчался по пологой дуге вниз, одной рукой сжимая металлический стержень подвесной качели; движения его были четкими и выверенными, направление броска рассчитано до десятой дюйма.

Иветта падала плашмя, лицом вниз, и неслась уже с огромной скоростью; Жюль, вероятно, надеялся перехватить ее на восходящей ветви своей траектории, хотя двигался он почти вполтину медленнее. Подобное столкновение любых других гимнастов с неизбежностью превратило бы их тела в кровавое месиво, однако сильные руки брата и сестры сомкнулись в нерасторжимом кольце. Иветта, изогнувшись, как огромная кошка, погасила согнутыми коленями и огромным напряжением мышц большую часть инерции удара. Ноги ее стиснули талию брата, и тот успел обхватить ее рукой; трапеция дрогнула и ринулась вниз словно гигантский маятник. Теперь их сомкнутые тела летели по опасной дуге, и усилия, которые прилагал Жюль, чтобы удержаться на своем хрупком снаряде, могли бы переломить кисть обыкновенному человеку. Однако молодой д'Аламбер, при росте, немного не достигавшем шести футов, весил двести двадцать пять фунтов и обладал невероятно мощной мускулатурой и крепкими, как у быка, костями. В нем не было ни одной лишней унции жира; казалось, даже удар молнии с небес не заставит его разжать пальцы.

Затаив дыхание, не шелохнувшись, зрители следили за летящими вниз серебристыми фигурами. Сможет ли гимнаст удержаться на трапеции? Выдержат ли канаты? Снаряд начал угрожающе скрипеть и потрескивать, тонкий металлический стержень качели изогнулся, словно напряженный лук. За мгновение до того, как он треснул, Жюль отпустил ненадежную опору. До арены оставалось не больше сорока футов.

При замедленной съемке можно было бы разглядеть, что даже в этот страшный миг гимнасты не потеряли контроля над своими движениями. Они готовились приземлиться: колени согнуты, локти плотно прижаты к бокам, подбородки — к груди, сильные мышцы ног напряжены. Мгновение — и их тела мелькнули над ареной, погасив инерцию ловким переворотом.

Еще секунду брат и сестра рука об руку неподвижно стояли в центре посыпанного желтоватыми опилками круга, под яркими лучами прожекторов, направленных теперь вниз; затем, поклонившись, они стреми-

тельно скрылись за кулисами. И только тогда амфитеатр взорвался неистовой бурей оваций.

На этот раз публика получила нечто большее, чем обычное зрелище; перед глазами заполнившей цирк толпы промелькнул краткий и смертельно опасный спектакль. Тысячи людей видели обреченную на гибель жертву; они испытали непроизвольную вспышку ужаса и сострадания — а потом, когда жизнь молодой гимнастки оказалась вне опасности, кое-кто, возможно, ощутил досаду. Великолепные юные тела пронеслись перед ними, обреченные на смерть или жестокое увечье, но в последний миг их гибельный полет обернулся триумфом силы, ловкости и самообладания.

Несомненно, то был великолепный финал; и неистовый взрыв аплодисментов подтвердил такой вывод. Кто смог бы сказать, какие чувства — сострадание, восхищение или разочарование — руководили в эти минуты ревушими, хохочущими, улюлюкающими и свистящими толпами землян?

Как бы то ни было, многие зрители пережили, быть может, самый волнующий момент в своей жизни. И только единицы из них могли бы разгадать секрет д'Аламберов и тайну этого невероятного полета. Ибо из триллионов людей, населяющих девятьсот сорок две обитаемые планеты Империи Земли, лишь ничтожная часть когда-либо слышала о Де-Плэйн. А из тех, кто слышал о ней, очень немногие знали, что гравитация в этом мире в три раза больше, чем на маленькой, зеленой и ласковой Земле. И, пожалуй, практически никто не догадывался, что суровый, грозный Де-Плэйн был родиной артистов из труппы д'Аламберов, выступавших в тот день на арене Галактического Цирка.

ПРОИСШЕСТВИЕ В ДЬЮНЕДИН-АРМС

Имперская Служба Безопасности (ИСБ) была основана в 2239 г. императрицей Стэнли III, первой из Великих Стэнли. За время своего тридцатисемилетнего царствования (2237—2274 гг.) она сумела привить Службе дух верности и преданности престолу, который с тех пор являлся главной отличительной чертой ИСБ. Служба скомпрометировала себя лишь однажды — при слабовольной и порочной императрице Стэнли V, чье правление — к счастью, очень краткое (2293—2299 гг.) — было настоящим бедствием для Империи. Полного расцвета ИСБ достигла при императоре Стэнли X (с 2402 г. по настоящее время), третьем из Великих Стэнли, при котором она стала практически лучшей организацией подобного рода во всей обитаемой Вселенной.

Бэйрд, «Исследования проблемы безопасности», 2440 г., стр. 291.

Ареал Тампета, штат Флорида, населяло более пятнадцати миллионов человек — включал он не только города Сент-Питерсберг, Тампа и Клиарвотер, но и городишки помельче, а также поселки между Сарасотой на юге и Порт-Ричи на севере. Ближе к границе этого района, по направлению к Лейклэнду, находилось местечко Пайнелла, где Галактический Цирк вот уже больше недели давал свои представления при неизменном аншлаге, причем ни в один из вечеров программа не повторялась. Особым разнообразием блистали выступления д'Аламберов.

Жюль и Иветта, премьеры труппы, разумеется, имели собственные гардеробные — и у этих комнат был отдельный выход. Поэтому никто из цирковых служителей не заметил, как два коренастых невысоких дельфианца, по уши закутанные в бесформенные развевающиеся плащи с капюшонами — обычные одеяния этого народа, привыкшего скрывать свои тела, — покинули гигантское здание Цирка. Был поздний вечер, около одиннадцати часов, но огромные сияющие сферы,

окружавшие здание Цирка, бросали яркий свет на заполненные бурлящими людскими толпами дорожки. Дельфианцы присоединились к этому нескончаемому человеческому потоку, который медленно тек в сторону необъятных размеров площадки, предназначенной для парковки машин. Для того, чтобы добраться до своего глайдера, им потребовалось более получаса; однако они, казалось, не спешили.

Выбравшись из лабиринта узких городских улочек, Жюль откинул капюшон плаща, перевел свою тяжелую машину на второй уровень Четвертого Транс-американского шоссе и стремительно погнал ее к Дьюнедину, в Дьюнедин-Армс — одному из самых шикарных значных мест на всем североамериканском континенте. Подъехав к огромному, блистающему огнями дворцу, он сунул доллар сторожу паркинга, второй — портю в роскошной ливрее у входа, еще один — швейцару, который почтительно проводил их к лифту, остановившемуся на четвертом этаже. У гардеробной стойки оба дельфианца — что, впрочем, никого особенно не удивило, — отказались расстаться со своими плащами, после чего Жюль, как было принято, дал очередной доллар несколько вызывающе одетой девице при гардеробе, а затем вручил билеты и пятидолларовую банкноту подобострастно кланяющемуся метрдотелю.

— Премного благодарен, месье и мадам, — проворковал тот с широкой улыбкой. — Мы очень рады приветствовать вас у себя в этот вечер, мистер и миссис Тигвен. Прикажете подать ужин прямо сейчас или, быть может, несколько позже?

— Пожалуй, через час-полтора, — бросил Жюль на четком, безукоризненном русско-английском «империа-ле», официальном языке Империи. Затем он внимательным взглядом окинул простирившийся перед ним просторный зал ресторана. Справа вдоль стены, в мерцании приглушенных огней, тянулась зеркальная стойка бара. Три больших окна слева выходили на залив и пустынный пляж. Тяжелые массивные столы из натурального дуба были свободно расставлены по всему залу, оставляя место для танцевальной площадки. На сцене в дальнем углу рыжеволосая девица, извиваясь в луче прожектора, отработанными движениями снимала одну деталь туалета за другой, демонстрируя всем желающим свои прелести. Стены ресторана украшали подлинники дорогих картин и изумительные го-

белены, на пьедесталах в глубоких нишах возвышались сверкающие сталью, золотом и серебром рыцарские доспехи. Зал был полон; несколько свободных мест оставалось только за стойкой бара.

Намек метрдотеля был понятен, поэтому Жюль после некоторой паузы повторил: — Да, часа через полтора. Сначала мы, пожалуй, выпьем в баре.

Через пару минут они расположились за стойкой. Молодой гимнаст протянул бармену пятидесятидолларовую банкноту и произнес:

— Воднак, пожалуйста, — литровую запечатанную бутылку. Эстеван, если есть.

— Конечно, сэр. Прошу, сэр, — бармен метнулся к зеркальным полкам и перед Жюлем, словно по волшебству, возникли два стакана, ведро со льдом и тяжелая шершавая бутылка зеленого стекла. Воднак, напиток крепостью сто двадцать градусов, в Дельфе, на окраине цивилизованного мира, предпочитали любому спиртному. — У нас можно получить все, буквально все, сэр! И не сомневайтесь в качестве напитка — при наших ценах мы никогда... — с этими словами бармен выложил на стойку доллар пятнадцать центов сдачи. Жюль небрежным движением руки подвинул монеты обратно.

Перед тем, как откупорить бутылку, юноша бросил взгляд в зеркало напротив — и сам он, и его сестра украдкой следили за окружающими. Человек слева от Иветты неторопливо опустошил свой бокал и удалился; место его тут же поспешил занять высокий тощий землянин. Поманив пальцем бармена и шаря в кармане, он начал:

— Дайте-ка мне...

Это было все, что он успел сказать. «Ап!» — вскрикнула Иветта, подавая сигнал боевым кличем цирка старых времен. Затем она схватила тяжелую бутылку за горлышко и метнула ее в своего соседа, одновременно падая и откатываясь в сторону. Это было сделано весьма своевременно, так как смертоносный луч бластера, который тощий землянин выхватил из кармана, прожег стойку точно в том месте, где девушка находилась за миг до падения. Еще в воздухе, в стремительном прыжке, она оттолкнулась ногой от стойки и нырнула под ближайший стол, скорчившись там на коленях.

Луч бластера погас. Тяжелая бутылка, брошенная

с мощью деплэйнианина и точностью воздушного гимнаста, угодила прямиком в лицо стрелявшему — и лица у него не стало. Впрочем, сама бутылка не получила ни малейшего повреждения.

В свою очередь, Жюль не терял времени даром. По сигналу сестры он тоже мгновенно бросился на пол, не упуская, однако, из вида столы и сидевших за ними людей. Он заметил, как слева, где за богато сервированным столом расположились две пары, начал приподниматься человек. Наполовину скрытый своей соседкой, импозантной величавой красавицей с короной белокурых волос, он потянулся к левой подмышке, одновременно пытаясь разглядеть молодых д'Аламберов.

Жюль птицей взлетел на стол и, сметая и расшвыривая приборы, ринулся прямо к мужчине, который все еще лихорадочно пытался дотянуться до своего оружия. По пути он успел убрать с дороги блондинку — не отпихнул ее, а лишь отодвинул легким движением руки. Этого, однако, оказалось достаточно, чтобы дама кувыркнулась через спинку стула, продемонстрировав восхищенным зрителям стройные бедра с кружевным нейлоновым треугольничком между ними — все, что было на ней под роскошным вечерним платьем.

Пригнувшись, Жюль нанес противнику удар левым локтем под ложечку. Пока тот ловил воздух посиневшими губами, гимнаст развернулся и рубанул его ребром ладони по шее — она переломилась как сухая ветвь, с неприятным резким хрустом. Затем Жюль выхватил из кобуры оружие, которым покойник так и не успел воспользоваться, — это было не бластер, а станнер, — и бросил взгляд на шкалу. Десять единиц... мгновенная смерть! Большим пальцем юноша сдвинул регулятор мощности излучения в третью позицию, что обеспечивало получасовую отключку, и поиграл лучом станнера на лбу второго участника событий; теперь этот тип пребывал в таком спокойствии и неподвижности, словно все происходящее его нисколько не касалось. Он огляделся — как там справляется Иветта?

У нее все было в полном порядке. Стол, под который она так удачно нырнула, неожиданно подскочил вверх, перевернулся, сбрасывая посуду, и рухнул на соседний — за ним раньше сидел тот самый тощий землянин, стрелявший в Иветту у стойки, и здесь еще располагались три его компаньона. Выхватив свой бластер, девушка прицелилась в голову номера Два, и он рухнул на

пол с дыркой во лбу. Затем, в стремительном броске, она ринулась к номеру Три, дернула его за лодыжки и опрокинула, вырвав из руки бластер, под луч которого едва не попали ни в чем не повинные свидетели инцидента. Рукоятью этого бластера она замахнулась на номер Четыре, но тот уже оседал на пол под лучом станнера ее брата.

Иветте осталось нанести завершающий штрих — что она и сделала, швырнув номер Третий через несколько столов. В результате ее противник, нелепо дергая руками, вылетел в одно из трех огромных окон и грянулся вниз с пятидесятифутовой высоты.

Грохот, с которым разлетелись вдребезги четыреста тридцать два квадратных фута толстого оконного стекла, был невообразим. И сразу, будто бы по контрасту, наступила полная тишина.

В этой тишине Жюль д'Аламбер заговорил с Иветтой. Внешне и юноша, и девушка выглядели совершенно спокойными; их сердца не совершили ни одного удара сверх нормы, и только глаза — холодные серые у брата и ярко-голубые у сестры — выдавали, в каком напряжении они находились.

— Как ты думаешь, их еще много? — спросил Жюль д'Аламбер.

— Если кто-то и остался, то, пожалуй, не здесь, — покачала головой Иветта. — Впрочем, у нас все равно нет времени выяснить это.

— Ты права. Бери вон того, — Жюль кивнул головой, — а я потащу другого. Все. Исчезаем.

С двумя бесчувственными телами на плечах брат и сестра на одном дыхании преодолели три лестничных пролета и выскочили к стоянке машин. Сторож, разглядев, что за груз они несут, раскрыл было рот, но закричать не успел — об этом позаботился станнер Жюля.

Мотор жалобно взвыл, когда тяжелый глайдер стремительно рванулся к шоссе. К счастью, движение в третьем часу утра не было интенсивным, и Жюль, пока поблизости не виднелось других машин, мог положить на автопилот.

Глайдер д'Аламберов на первый взгляд мало чем отличался от стандартных земных моделей — разве что был чуть более длинным, широким, обтекаемым и тяжелым, чем типовые образцы. Убедившись, что они одни на дороге, Жюль нажал кнопку, и эта иллюзия исчезла. Фары погасли; из обтекаемых бортов машины выдвину-

лись два полусферических сегмента герметичного прозрачного пуленепробиваемого купола, соединившись наверху с легким щелчком. Машина поднялась в воздух с ускорением четыре «ж» — излишняя спешка, учитывая бесчувственные тела землян на заднем сиденье, была бы опасна, — и зависла на высоте тысячи девятисот футов.

Жюль и Иветта сбросили изодранные лохмотья, еще недавно бывшие дельфианскими плащами, и с минуту внимательно глядели друг на друга. Наконец, девушка задумчиво произнесла:

— Мы шли на первый контакт... Только контакт, не больше... И мы не знаем никого в земном ИСБ... — она пожала плечами, не отводя глаз от темных непроницаемых зрачков брата. — Я думаю, там была утечка информации, Жюль! Иначе все это не объяснить!

— Да, несомненно. И не просто утечка — может быть, здесь затронут... затронут даже офис Верховного! — голос Жюля дрогнул от сдерживаемого волнения.

Иветта снова пожала плечами.

— Мне тоже не по себе, Жюль. И ведь мы не имеем практически никаких сведений о Верховном — кто он, где находится? Единственный пароль — структура сетчатки глаза... Может, его сейчас вообще нет на Земле!

— Ну, должен же хоть кто-то находиться в здешней резиденции. Возможно, его заместители... Готов держать пари — то, что сейчас произошло в Дьюнедин-Армс, расшевелит их. Я полагаю, они будут постоянно держать наш канал на контроле.

— Но хозяева наших приятелей — там, внизу, — тоже возьмут под контроль все каналы... и у них, скорее всего, есть коды.

Жюль на мгновение задумался, потом на его губах заиграла улыбка.

— Ну что ж, значит, я воспользуюсь старым, как мир, способом — они, наверно, и не слышали о таком. Неплохо слегка подурочить парней, которые сейчас пытаются нас запеленговать. Клянусь ядром Галактики и всеми ее спиралями — кто бы ни сидел на радиоперехвате, это не беспомощные кролики! Ну, приступим!

Он щелкнул синим верньером и завел мощным, не лишенным приятности басом: «О Сюзанна, моя вечерняя звезда! О Сюзанна, ты холоднее льда! Как мне сердце растопить твое? Как найти мне...»

— Достаточно, Сьюзен на связи, — внезапно послышалось из переговорного устройства; мягкое контральто не оставляло сомнений, что у этой Сюзанны сердце было весьма отзывчивым. Голос умолк; затем, после паузы, произнес: — Отключайтесь, — Жюль тут же поставил верньер в первоначальное положение, — мы будем подавать сигналы. Конец связи.

— Они, действительно, начеку! — воскликнула Иветта. И добавила с облегченным смешком: — Эта девица прореагировала на удивление быстро, не правда ли? А ведь ты сделал все экспромтом, да?

— Ага. Если бы у меня было чуточку побольше времени, слова не уступали бы по достоинству мелодии.

Иветта фыркнула. — Да уж, от скромности ты не умрешь! Им стоило бы наградить тебя орденом за этот маленький концерт! Однако, ты был прав: тот, кто сумел так быстро перехватить наши позывные, явно не беспомощный кролик. Да еще при такой неразберихе в эфире! — Она сделала паузу, потом задумчиво добавила: — Вот только кто же откликнулся на твою серенаду? Люди из Службы Безопасности, или... И что за сигналы они собираются подавать? Возможно, после первого от нас останется лишь пепел...

— Мне кажется, вряд ли они воспользуются радиосвязью. Скорее, чем-нибудь другим — лазером, например... Во всяком случае, кто бы ни держал нас на прицеле, лучше начать двигаться.

Он запустил моторы. Не прошло и минуты, как они заметили прямой тонкий луч, который возник прямо в фокусе антенны на куполе машины. Да, радиосигналом его никак нельзя было назвать.

Манипулируя переключателями и пытаясь определить точную траекторию луча, Жюль бросил сестре:

— Будет лучше, если ты приготовишь парочку бомб, Иви... на случай, если кому-то придет в голову мысль задержать нас. А я попробую отрегулировать...

— Это, конечно, неплохая идея, — перебила его Иветта изменившимся голосом. — Но мы ведь предполагаем, что это сигналы людей из ИСБ?

— Разумеется... Но когда мы приземлимся, нам стоит получить кое-какую предварительную информацию. Наши партнеры по переговорам знают, с кем имеют дело, а мы — нет... — Откинув голову, Жюль покосился на тонкий голубоватый луч — ниточку, что вела в неиз-

вестность, — и задумчиво добавил: — Что-то сместилось в этом мире, Иви... трос под ногами канатоходца не лопаётся ни с того, ни с сего... Мы послали пароль, но, как ты сама сказала, нам не известно, кто откликнулся на него. И если не те, кого мы ждем, нам надо выяснить, почему они это сделали...

Глава 3

ВЕРХОВНЫЙ

В начале двадцать первого столетия демократия потерпела полный крах, так как не могла справиться с коммунизмом. Это поражение, истоки которого можно было заметить еще на заре двадцатого века, стало очевидным в 1982 г., когда Канада, Соединенные Штаты и Мексика объединились, образовав Североамериканские Соединенные Штаты. Конгресс САСШ тормозил принятие любых решений, направленных на эффективные действия против коммузма; российский же премьер действовал. Издаваемые им указы выполнялись безоговорочно; все несогласные с ними подлежали немедленному уничтожению.

Мис, «История цивилизации», т. 21, стр. 1077

Голубоватый, тонкий как спица луч привел машину д'Аламберов прямоком на крышу небоскреба, который был этажей на сорок выше всех окрестных зданий. Жюль, медленно снижаясь, завис, наконец, в полумиле от ее гладкой поверхности. Гигантская башня, устремленная в небеса, была погружена в темноту, за исключением яркого светового пятна на крыше.

— Проверь по плану, что это за здание, — сказал Жюль. — И прозондируй его — сначала в инфракрасном диапазоне.

Иветта приникла к сканнеру.

— Стэйт-холл, Четвертый сектор, — сообщила она спустя некоторое время. — Хмм... Вполне возможно:

Стэйт — самое подходящее место для штаб-квартиры Службы, верно?

— Продолжай проверку. Откуда там свет?

— Это прожектор. Рядом с ним девица... совсем молоденькая. Кожа да кости, но землянам такие нравятся. Волосы черные, на груди передатчик, одета в свитер, шорты и сандалии, на поясе два бластера без кобуры. Снижайся осторожно, Жюль.

Жюль начал медленно опускать свой глайдер — великолепную боевую машину, одно из самых страшных смертоносных орудий, которые когда-либо создавал человек, — и на этот раз завис в двухстах ярдах прямо над прожектором. В кабине опять зазвучало глубокое мягкое контральто:

— Сейчас, друзья, мы можем говорить, ничего не опасаясь. Вы, разумеется, вооружены?

— Да, — коротко ответил Жюль.

— Что ж, не лишняя предусмотрительность... Однако оружие вам не понадобится.

Девушка шагнула в круг света и, сняв с пояса бластеры, положила их на крышу; затем вернулась на прежнее место.

— Вы узнали голос своей Сюзанны? — с чуть насмешливой ноткой спросила она.

— Да.

— Я полагаю, у вас есть ретиноскоп?

— Конечно. Подождите минуту.

Жюль прервал связь и повернулся к сестре: — Слушай, мне все это решительно не нравится. Кого на Земле, не исключая и Верховного, мы смогли бы узнать без опознавательного диска? — Он приподнял брови, потом сам ответил на свой вопрос: — Верно, никого! Значит, им надо притащить сюда главу Службы. Но, кроме этой хорошенькой мордашки внизу, я не вижу ни одного человека.

Иветта прикусила губу.

— Нас вызвали — с гарантией, что встреча будет безопасной. Возможно, там ловушка... — она бросила взгляд на крышу. — Пока мы не вступим в контакт и не проведем проверку, все останется неясным. Что еще мы можем сделать?

— Ничего. — Жюль снова щелкнул тумблером и решительно сообщил: — Мы идем.

— Приземляйтесь там, где покажется удобным.

После этого к вам на борт поднимется человек. Без оружия.

— О'кей. — Жюль довольно хмыкнул, переглянулся с Иветтой и опустил машину подальше от освещенного круга. Затем он приоткрыл дверцу.

Протягивая пустые руки, к ним шагнул человек, до того скрывавшийся в тени. Он возник из мрака словно призрак, и в темноте можно было лишь заметить, что он среднего роста, довольно хрупкого телосложения и абсолютно лыс. Мужчина просунул руки сквозь проем двери, и Иветта, придерживая его за запястья, помогла протиснуться на переднее сиденье. Она мягко, но надежно держала его за руки, пока Жюль, вставив в ретиноскоп диск-опознаватель, тщательно исследовал правый глаз незнакомца.

— Это Верховный, — сказал он наконец. — Здравствуйте, сэр, — и примите мои извинения.

— Ты все сделал правильно, сынок, — широко улыбнулся тот. Теперь, в неярком свете кабины, можно было разглядеть, что мужчина был худощав, с резкими властными чертами лица. На вид ему было лет шестьдесят — возраст полного расцвета. Одобрительно кивнув головой, он продолжал: — Напротив, я был бы удивлен, если б вы не приняли мер предосторожности; да что там — я был бы крайне разочарован! Рад наконец-то познакомиться с тобой, — он обменялся с Жюлем энергичным рукопожатием. — И с вами, милая Иветта. — Ее руку он поцеловал, придерживаясь придворной моды, — можно было подумать, что он находится не в тесном салоне глайдера, а на приеме во дворце. — Ну, а теперь — чистая формальность, конечно, — мне хотелось бы заглянуть в ваши глаза. Сначала вы, Иветта, — и он протянул ей ретиноскоп.

Девушка поднесла прибор к зрачку, потом вдруг опустила его, с недоумением посмотрев на Верховного.

— Но, сэр, вы же не вставили диск! — воскликнула она. — Вы не сможете без опознавателя...

— Отнюдь. — Верховный быстро исследовал сетчатку ее глаза, затем кивнул в сторону Жюля, и тот взял трубку ретиноскопа из рук сестры. — Конечно, я не держу в памяти отпечатков всех наших агентов, но что касается Жюля и Иветты д'Аламбер... Вы чересчур скромны, моя милая. — Он приоткрыл дверцу кабины и поинтересовался: — Все в порядке, Эллен?

— Да, отец, все спокойно, — отозвалась черноволосая девушка и подошла к машине. — Ничего подозрительного — ни внизу, ни в воздухе.

— Прекрасно, — с облегчением сказал Жюль, и все трое выбрались из глайдера. — Я надеюсь, сэр, что мы действовали достаточно быстро и покинули Дьюнедин-Армс без нежелательных спутников... кроме этих, — он ткнул пальцем в сторону заднего сиденья, где бесчувственными колодами валялись тела пленников.

— Что ж... Пожалуй, они нам пригодятся. Но, судя по всему, эти парни — пташки невысокого полета.

— Меня бы это не удивило. Однако все произошло довольно быстро, и я не успел разобраться. Этот, — Жюль указал на одно из тел, — скорее всего, просто боевик; вряд ли он знает что-нибудь существенное. Второй же... или он случайный человек, или знает немало. — В скупых выражениях Жюль описал подозрительно невозмутимого наблюдателя, сидевшего за одним столом с шикарной блондинкой, и заключил: — Как видите, сэр, наша встреча, строго секретная, явно не представляла кое для кого тайны.

— Да, ты прав. — Нахмурившись, глава Службы поднес к губам браслет связи, украшавший его левое запястье, и произнес: — Полковник Грэндон?

— Слушаю, сэр.

— Поднимитесь на крышу — для вас тут имеется кое-что... пара человек, попавших под луч станнера минут двадцать назад. Приведите их в чувство и выкачайте всю известную им информацию. О результатах доложить немедленно.

— Есть, сэр, — ответил невидимый полковник. Верховный повернулся и шагнул к лифту.

Просторная кабина плавно опустилась на тридцать первый этаж, ее дверцы беззвучно раздвинулись, и у д'Аламберов не осталось сомнений, что они попали в офис весьма важной персоны.

Миновав холл, они вошли в большую комнату, обставленную весьма богато, но в суховатом и деловом стиле. На полу красовался мягкий пушистый ковер неяркого коричневого цвета; в тон ему стены и потолок были обшиты великолепными резными деревянными панелями. На стене, над самым столом — также из натурального дерева — сиял золотом корон герб Империи, инкрустированный драгоценными камнями.

— Теперь мы можем спокойно поговорить, — сказала девушка, протягивая Жюлю узкую ладошку. — Я — Великая Леди Элле... О, что вы... не надо! — ее щеки вспыхнули горячим румянцем, когда Жюль галантно приник губами к ее ручке; затем она обменялась сердечным рукопожатием с Иветтой.

— Эллен покраснела даром, друг мой, — усмеялся Верховный, взглянув на Жюля. — Некоторое время она работала в нашей системе и хорошо представляет, кто ты такой. Да и про Иветту она кое-что слышала. — Повернувшись к девушке, он продолжал: — Да, моя милая, наши гости, несмотря на их молодость, одни из самых высококвалифицированных профессионалов Службы; их ценность для Короны неизмерима — и не идет в сравнение ни с одной из Великих Леди. — Похлопав дочь по плечу, Верховный кивнул в сторону кресел: — Я думаю, мы можем присесть, а Элли принесет нам выпить. Мне виски, девочка, — он приподнял бровь в сторону своих агентов: — А для вас?

— Апельсиновый джус, пожалуй, — быстро сказала Иветта, а Жюль добавил:

— Лимонад, если вас не затруднит.

Несколько минут хозяева и гости сосредоточенно потягивали свои напитки. Великая Леди Эллен, скрестив стройные ножки и задумчиво помешивая коктейль с мороженым, искоса поглядывала на Жюля. Несомненно, она была очаровательной девушкой, но несколько сублильной — на вкус деплэйнианина, конечно. Наконец, Верховный, приподняв свой бокал, заговорил:

— Должен признать, нападение в Дьюнедин-Армс было для меня полной неожиданностью. Мы не замечали ни утечки информации, ни чего-либо подозрительного до того момента, когда человек, который должен был встретиться с вами и привести сюда, не был убит. Связь между его гибелью и делом, которое привело вас на Землю, совершенно очевидна. Тем не менее, — он сделал глоток, — пока вы оба парили под куполом цирка, никаких неприятностей не случалось. Стоило вам выйти на контакт, как последовало покушение на Иветту, о котором я уже слышал, и затем — эта бойня в ресторане. — Верховный потер ладонью висок и задумчиво пробормотал: — Хмм... Значит, раньше противник не имел ни малейшего

понятия ни о вас, ни о Галактическом Цирке и его роли в нашей системе. Согласны? ..

— Вполне, сэр, — ответил Жюль; Иветта молча кивнула.

Однако Эллен удивленно приподняла тонкие брови:

— Почему ты так уверен в этом, отец?

— Видишь ли, детка, о связи труппы д'Аламберов со Службой известно весьма ограниченному кругу лиц. А наших гостей — в их истинном качестве агентов ИСБ, разумеется, — не видел ни один человек на Земле... Собственно, если б не эта темная история в Дьюнедин-Армс, ты тоже была бы лишена такой приятной возможности... — Верховный мельком взглянул на Жюля и усмехнулся. — Я полагаю, что если бы некое заинтересованное лицо имело подробную информацию о Жюле и Иветте д'Аламбер, то дело не ограничилось бы шестью нападающими... Или уж все они стреляли бы одновременно и без предупреждения. Надо полагать, эти типы больше опасались противодействия Службы, чем двух никому не известных дельфианских агентов. Это-то их и погубило, — закончил он с явным удовлетворением.

— О, теперь понятно. Прости, я тебя перебила...

— Ничего страшного; такие вопросы — тоже часть твоего обучения, моя милая. Итак, продолжаю: мы начали поиск. Рано или поздно утечка будет обнаружена и, естественно, ликвидирована. А мы, тем временем, займемся делом, ради которого и было спланировано выступление труппы д'Аламберов на Земле.

Верховный поднялся и, подойдя к своему массивному столу, вытащил из ящика внушительную стопку кассет.

— Наша проблема, скорее всего, связана с Дэрвордом. Весьма процветающий мир, должен отметить. Я предоставляю вам около полусотни кассет с записями, — он постучал пальцем по стопке, — но существует еще масса информации, которая никогда не была и не будет официально зафиксирована — ее мы обсудим с вами с глазу на глаз. Кроме того, чтобы иметь полную картину, вам стоит переговорить с некоторыми специалистами. Возможно, перед тем, как отправиться на Дэрворд, вы захотите провести предварительный поиск на Земле или какой-либо другой планете.

Глава Службы окинул внимательным взглядом сидевших перед ним молодых людей. Д'Аламберы были

его самыми ценными агентами, и то, что он собирался привлечь их к расследованию Дэрвордского инцидента, указывало на серьезность ситуации. Справятся ли они? Конечно, он допускал, что на пути к его резиденции у них могут возникнуть сложности... но он был также уверен, что агенты такого класса преодолеют их без труда. Дэрворд — иное дело...

Внезапно он произнес:

— Совершим небольшой исторический экскурс, мои юные друзья. Рассмотрим, к примеру, вопрос лояльности. Служба верна Короне как символу Империи — верна порфириносни, независимо от того, кто он и каковы его личные достоинства. Вы согласны со мной?

— Разумеется, сэр, — пробормотал Жюль, а обе девушки согласно кивнули.

— Прекрасно. В начале 2378 года, когда наследный принц Энсел замыслил убийство всех членов королевской фамилии, следовало ли ИСБ уничтожить его, если б он попался нам в руки? Его — принца крови?

— Но, сэр... — Жюль, казалось, был несколько шокирован. Наконец, он сглотнул и с трудом выговорил: — Я полагаю... да, должны! — Иветта в задумчивости снова кивнула, а ее брат добавил: — Я никогда раньше не думал об этом событии с такой точки зрения, сэр. Но теперь я уверен: мы были бы обязаны уничтожить его.

— Тем не менее, когда одиннадцать убийств стали свершившимся фактом, принц Энсел — один из немногих оставшихся в живых членов правящей династии — стал Императором Стэнли IX. И его правление длилось больше двух десятилетий... Так вот, возникал ли тогда вопрос о свержении узурпатора с престола? — Верховный многозначительно приподнял брови. — Отвечаю — нет! Служба была верна царствующему Императору, как до того была верна его отцу Стэнли VIII, и как сейчас верна его наследнику Стэнли X.

— Понятно, сэр. Но какое...

— А сейчас перейдем к сведениям, отсутствующим на кассетах. Известно ли вам что-нибудь о Бэнионе Бастарде?

Жюль на мгновение задумался.

— Похоже, что нет, сэр. Это имя мне незнакомо.

Иветта молча покачала головой, а Эллен воскликнула:

— О-о, наконец-то ты прольешь свет на эту темную историю, отец! Я кое-что слышала...

— Не думаю, чтобы вы, молодые, много знали об этом. Очень немногим из ныне здравствующих людей известна правда о Дэрвордском инциденте. История, действительно, темная..

Глава 4

БЭНИОН БАСТАРД

Незадолго до того, как Арнольд изобрел свой субэфирный метод транспортировки, который открыл перед человечеством двери в Галактику, вся Земля — за исключением Североамериканских Соединенных Штатов — стала коммунистической. Однако, настоящее продвижение человечества в космос не начиналось вплоть до 2013 г., когда Коуплэндом была открыта богатая радиоактивными минералами планета, получившая название Урания IV. С тех пор человечеству стал доступен дешевый и, по существу, неограниченный источник энергии. В 2016 г. яростные противники коммунистической идеологии в САСШ, обеспокоенные и возмущенные успешными действиями лоббистов, блокировавших любые эффективные акции против коммунистической системы, покинули Землю и обосновались на планете Новая Надежда; после этого — без единого выстрела — вся Земля попала под контроль коммунистов

Мис, «История цивилизации», т. 21, стр. 1281

Собираясь с мыслями, Верховный медленно прихлебывал свой виски; наконец, он отставил бокал и приступил к повествованию.

— Слабостью Стэнли IX были женщины — молоденькие и хорошенькие женщины. Не прошло и полугода после его женитьбы, как он абсолютно перестал обращать внимание на императрицу, и в этом герцог Генри Дэрвордский, тридцатилетний холостяк, усмотрел

свой звездный шанс. Он прочедал вдоль и поперек свою планету в поисках совершенно особенной женщины. Он хотел найти нечто особенное — молодую, непорочную, поразительно красивую девушку, обладающую недюжинным умом — и, одновременно, столь же нещепетильную, жестокую и безжалостную, как и он сам. Она должна была вынырнуть из мрака неизвестности, из сонма тех прелестниц, что никогда не появлялись при императорском дворе. И герцог Дэворд нашел такую женщину.

Тут Верховный сделал паузу, потянулся к бокалу, отхлебнул последний глоток и снова налил доверху.

— Фаворитка с Дэворда! — воскликнула Эллен. — Уж о ней-то вы, наверно, слышали!

Однако Жюль пожал плечами, а Иветта покачала головой. Де-Плэйн был далек от Земли — и от земных интриг. Верховный, неторопливо покачивая бокал, продолжил свою историю.

— Она была молодой честолюбивой актрисой на вторые роли, весьма неразборчивой в средствах, которыми достигается успех. Герцог устраивал в ее честь грандиозные приемы в своем дворце на Земле и, в конце концов, добился желаемого — Стэнли IX не устоял перед чарами юной актрисы. Она стала очередной фавориткой; при умелой поддержке герцога, она держала императора на крючке значительно дольше, чем это удавалось ее предшественницам.

Герцог женился на ней — при полном одобрении Стэнли IX — когда Фаворитка была на седьмом месяце беременности; таким образом, ее сын Бэнион был рожден в законном браке и, как первый ребенок в семье, стал наследником герцога и герцогини Дэвордских. Однако, не это являлось целью вельможного интригана. По его настоянию, Стэнли IX, все еще не потерявший теплых чувств, даровал младенцу особую Императорскую Грамоту, которая удостоверяла его истинное происхождение по отцу — вместе с уникальным титулом принца Дэвордского и гербом: пурпурное поле, в верхней правой четверти — три золотых дракона, стоящих на задних лапах, в левой половине...

— Подожди, отец, — вмешалась Эллен, — даже я не понимаю таких тонкостей, а наши гости, пожалуй...

Верховный засмеялся.

— Говоря проще, золотые драконы на красной эмали и наклонная полоса в правой части — признак побочной линии. Можно долго описывать этот герб,

но я отмечу лишь несколько моментов. К примеру, орнамент из тринадцати черных дисков с красным бордюром — несчастная геральдика! Черное на кровавом фоне, да еще это зловещее число... К тому же, датирована Грамота 13 мая 2380 года, а этим днем была пятница — вполне в духе мрачного юмора герцога Дэрвордского.

Однако уже через месяц Стэнли IX начал постепенно приходить в себя — Фаворитка, наконец, окончательно утомила его. И вот — ирония судьбы! — тот, кто уничтожил почти всех членов фамилии, стоявших между ним и тронном, сотворил нового претендента на престол с абсолютно обоснованными притязаниями. Спohхватившись, Император приказал Службе уничтожить и герцога, и Бэниона Бастарда, и Грамоту, но было уже поздно. Герцог предвидел подобный ход и успел удрать вместе с Фавориткой и ее сыном. И с Грамотой.

Ключевым моментом в этом деле является именно Грамота. Она была собственноручно написана Стэнли IX на специальном императорском пергаменте, а его подпись — скреплена Великой Печатью Империи Земли. Разумеется, император аннулировал Грамоту, любое упоминание о ней было вычеркнуто из анналов истории, а имена вельможных преступников обнародованы, но этого было недостаточно. Чтобы покончить с возможными притязаниями в будущем, требовалось найти и уничтожить Грамоту — вместе с Бэнионом Бастардом. Однако сделать этого не удалось.

В 2381 году произошло событие, которое, как потом выяснили агенты ИСБ, было задумано Фавориткой с целью захвата власти над Дэрвордом, но обернулось против нее самой. Она пыталась заколоть герцога в постели, но он перерезал горло возлюбленной супруги ее же собственным кинжалом.

Служба разыскивает Грамоту, Бастарда и его потомков с 2380 года. И, как я уже упоминал, записи на эту тему занимают более сорока кассет. Что касается наших достижений, то они весьма незначительны: за все эти годы, потеряв восемьдесят девять перво-классных агентов, мы обнаружили всего-навсего три поддельных документа и их изготовителей — впрочем, людей довольно незаурядных. Однако два года назад следы вновь привели на Дэрворд. Мы послали туда агентов — они не обнаружили ничего, а три месяца

назад с ними прекратилась всякая связь. Тогда я отправил на Дэрворд четверку наших лучших профессионалов — разумеется, с указанием избегать каких-либо поспешных действий, — они тоже не вышли на связь. Вот почему теперь мы вынуждены включить в эту операцию Цирк — наше последнее и самое законспирированное оружие. Говоря по правде, мы ничего не знаем о Бастарде и его потомках, кроме одного: они рвутся к власти, угрожая жизни императора и его семьи. И даже я не понимал, до событий прошедшей ночи, насколько велика эта опасность.

Герцог Дэрворд родился в 2350 году, девяносто семь лет назад; скорее всего, его уже нет в живых. А Бэниону Бастарду сейчас шестьдесят семь лет, он находится в полном расцвете сил и, несомненно, имеет детей и внуков... змеиное племя, о котором у нас нет никакой информации.

Ваше задание состоит из двух равнозначных по важности частей: во-первых, вы должны найти Грамоту и доставить ее на Землю с целью проверки ее подлинности — наш повелитель Стэнли Х желает уничтожить этот документ собственными руками; во-вторых, вам надо разыскать и ликвидировать Бэниона Бастарда и всех его потомков. Это все. До свидания, и удачи вам!

* * *

Вернувшись на рассвете в Цирк, Жюль и Иветта отчитались перед отцом, директором труппы и, по совместительству, резидентом Службы на Де-Плэйне. Затем, поужинав, они уютно устроились в комнате Иветты, чтобы обсудить задание.

Жюль заговорил первым:

— Я предполагал, что наш шеф — важная персона, но мне и в голову не приходило, насколько высок его ранг! Если Эллен, его дочь — Великая Леди, то он должен быть Великим Герцогом, никак не меньше! Мне кажется, я видел где-то его портрет... или, возможно, в какой-то передаче...

— Ну, Жюль, ты даешь! — фыркнула Иветта. — Не узнать Великого Герцога Цандера фон Вильменхорста! Всего-навсего пятый по значимости человек во всей Империи, да и императорской крови в нем только половина, не больше! По-моему, самое время взять в руки Книгу Пэров — ты основательно подзабыл ее содержание.

— Но какова маскировка — Бог мой! Ведь он, кажется, владеет Четвертым сектором?

Иветта зевнула, и Жюль поднялся, внезапно сообразив, что уже стоит глубокая ночь.

Они проспали несколько часов, после чего отправились в огромный амфитеатр — лицезреть завершающие минуты дневного представления. Перед их ревнивыми взглядами прошел безупречно исполненный номер Жюля и Иветты д'Аламбер — захватывающая дух вариация их собственного выступления предыдущим вечером, оборванного так внезапно.

Через несколько минут — их дублеры еще не скинули своих серебристых костюмов — все четверо сидели за столиком в небольшом ресторанчике при цирке. Как парни, так и девушки были почти копиями друг друга, и не удивительно: обе пары были близнецами, родившимися с разницей в три года. Никто, за исключением деплэйниан, не смог бы различить их. Для труппы д'Аламберов подобная замена являлась обычным делом: за ее двухсотлетнюю историю насчитывалось около ста артистов, выступавших под именем Жюля и Иветты, причем новая пара сменяла другую каждые два-три года. Клан д'Аламберов, потомственных циркачей, был весьма многочисленным.

— Как мы выступили, дружище? — спросил младший брат. — Должно быть, так приятно видеть со зрительских мест блестящее исполнение собственного номера!

— Заткнись, Жюль! — вмешалась младшая сестра.

— О, ты уже называешь меня Жюлем, малышка? Превосходно!

— Конечно! Сейчас ты Жюль.

— Не знаю, как ты, сестренка, а я доволен, что шеф поручил им это сверхважное задание и вытащил из цирка раньше, чем их суставы начали скрипеть, а мышцы потеряли эластичность. Не то в один прекрасный день наши старички могли бы разбрызгать свои мозги по арене... Не так ли? — И младший Жюль улыбнулся Жюлю старшему.

— Разумеется, согласен, паренек, — кивнул тот. — Хотя слышать об этом очень печально. Наверно, наши старые кости сгодятся в скором времени разве что на мыло...

Подошедшая к ним молодая женщина с подносом — она тоже выступала когда-то под именем Иветты д'Аламбер и была звездой цирка — вступила в разговор.

— Не переживай так, Жюль, бедняжка, — она ловко составила на столик бутылки с соком и лимонадом, — а то я тоже заплачу вместе с тобой... Ну, а если мы трое начнем оплакивать свою блестящую карьеру, слез будет явно с избытком. В общем, король умер — да здравствует король! И что с того? Ваша настоящая работа только начинается. Ну, что вы еще хотите? — она критическим взглядом осмотрела стол.

— Фелиция, милая, принеси побольше апельсинового джуса, — на губах Иветты-старшей играла скорбная улыбка. — Думаю, трех литров хватит... Мне сейчас хочется утопиться.

— Утопиться в апельсиновом соке — это ты хорошо придумала, — мрачно свела брови младшая Иветта. — А вот мне придется теперь следить за фигурой... того — не съешь, этого — не выпьешь... Так что мне, пожалуйста, кофе с булочкой... ну и баранью котлетку впридачу.

Завершив трапезу, старшие Жюль и Иветта покинули Галактический Цирк — и это событие осталось почти незамеченным.

ГРАЖДАНЕ ЗЕМЛИ

Коммунизм не смог распространить свое влияние на вновь обживаемых планетах — коммунисты, как известно, предпочитают агитировать, а не работать; в этих же девственных мирах человек либо трудился в поте лица, либо погибал. Замкнутые в земных пределах, потерявшие возможность сдерживать массы угрозой жупела капитализма, столкнувшиеся с тем фактом, что работа под принуждением не может быть достаточно эффективной, коммунисты оказались в весьма затруднительном положении. Спасение пришло к ним в лице генсека Козлова, человека сильного и решительного, который в 2020 г. провозгласил себя царем Борисом I и основал на Земле жесткую, почти абсолютную монархию, опиравшуюся на корыстные побуждения людей.

Стэнхоуп, «Предтечи Империи», стр. 76

Жюль с Иветтой изучали, анализировали и вновь просматривали сверхсекретные материалы, записанные на сорока семи кассетах; наконец, по столь же сверхсекретным каналам отослали их обратно Верховному. Затем, более или менее открыто, они посетили большинство районов Земли.

В результате этих многочисленных путешествий у них сложилось четкое ощущение: творится что-то неладное. Безопасность Империи дала трещину — и не где-нибудь, а в пределах охраняющей ее Службы!

По мнению Жюля и Иветты д'Аламбер ситуация требовала активных — и немедленных! — действий. Если Служба «подцепила легкий насморк», то для сотен отдаленных планет это означало угрозу двухсторонней пневмонии. Служба Безопасности была центральной нервной системой всей Империи, и любая колония, любой новый мир, каждая частица пространства, заселенная людьми, дрожали и сотрясались, когда нечто иное задевало самый крохотный ее нерв.

По мере накопления данных сформировались два

возможных способа действий. Они могли продолжать тщательное, методичное расследование — в надежде на то, что рано или поздно натолкнутся на невидимую брешь, через которую утекала информация... или же с головой окунуться в водоворот подозрительных событий и фактов, начать азартную и опасную игру, балансировать на лезвии ножа, выставя себя в качестве приманки, рискуя всем и рассчитывая только на свои мышцы, волю и разум. У них был выбор.

В действительности же его не имелось — они были из рода д'Аламберов и привыкли играть со смертью.

— Учитывая все полученные данные, я вижу три — за исключением самого Дэворда — точки, вызывающие наибольшие подозрения, — задумчиво сказал Жюль. — Алгония, Невандер, Эстон. Между ними — десятки световых лет... И три поддельные Грамоты, словно приманки, разбросанные в разных уголках Империи! Восемьдесят девять лучших агентов... Вряд ли мы обладаем большей сноровкой, чем многие из них... а ведь им была обеспечена поддержка региональных отделений Службы!

— Продолжай, Жюль. Что же ты предлагаешь?

— Нам придется самим отправиться туда. — Жюль уткнулся подбородком в скрещенные руки. — Но вот вопрос — с какой легендой?

— Ну, за землян нам не сойти, — Иветта, пожав плечами, бросила взгляд на мощную фигуру брата. — И за поселенцев с Дельфа тоже — проверки мы не выдержим. Мы — деплэйниане, и похожи на деплэйниан. Среди обитаемых планет нет ни одной с такой же сильной гравитацией, как в нашем мире. Хотя, быть может, Пьюрити...

Жюль, нахмутив брови, задумался.

— А это идея, сестренка — сказал он наконец. — Помешанные отщепенцы с Пьюрити, попросившие убежища на Земле, — мы вполне можем сойти за них.

Иветта прикусила губку.

— Не ограничит ли такая маскировка наши возможности? Пьюритане не желают иметь никаких контактов с остальными мирами... для них Вселенная населена страшными грешниками. Они серьезно полагают, что в любую минуту на все планеты — не исключая нашего Де-Плэйна — обрушится гнев Господень, и они сгорят в геенне огненной... — Вдруг девушка замерла, потом вскинула на брата заблестевшие глаза: — По-

стой-ка, Жюль, но ведь есть, кажется, и ренегаты-пьюритане, не так ли?

— Вот именно, малышка! Предположим, мы изгнаны с Пьюрити за страшные грехи — мы любили танцевать, играть в карты и пить апельсиновый джус... не говоря уже о золотых, платиновых и алмазных рудниках, принадлежащих нашей семье на Земле и в иных мирах. Рудники — источник нашего богатства, понимаешь?

Иветта расхохоталась.

— Пока что не очень! Я обдумывала несколько иной план, но мы можем принять и твой. Действительно, куча людей была вышвырнута с Пьюрити за куда меньшие грехи, чем пристрастие к апельсиновому джусу, так что все выглядит вполне правдоподобно. Ну, продолжай!

— Сейчас самое главное — подходящая маскировка. Конечно, не так уж многим известно о существовании Пьюрити, но с нашими фигурами не приходится выбирать, особенно с твоей... И мы должны изменить внешность. Скажем, я... Волосы до плеч, завитые и напудренные, брови подбриты и вызолочены, усы... да, усы покрыты воском, загнуты вверх и тоже вызолочены! А на голове какая-нибудь дурацкая шапочка с золотым пером двухфутовой длины, жилет из золотой парчи и облегающие короткие штаны пурпурного цвета. Руки и ноги обнажены. Драгоценностей — самых подлинных! — на миллион долларов, плюс тяжелая трость — на самом деле бластер — в одной руке, станнер с другого бока... Ну скажи, кто в таком идиотском обличье сумеет признать во мне деплэйнианина?

— Да уж... — с усмешкой протянула Иветта. — Покажись ты в таком виде дома, тебя пристрелили бы на месте. Но идея неплоха — все будут настолько ошеломлены твоим видом, что никому и в голову не придет, что ты с Де-Плэйна!

— Полагаешь, это пройдет?

— Повторяю, брат, идея неплоха — если и я тоже не окажусь скромной курочкой рядом с таким расфуфыренным петухом... Ладно, я сумею придумать для себя подходящий наряд... что-нибудь этакое, от чего у всех глаза на лоб полезут... платье, которое приличная девушка с Де-Плэйна не надела бы под страхом смерти!

— Что ты там задумала, малышка?

— Ей-богу, это будет забавно! Но вот длинные волосы... нужны месяцы, чтобы их отрастить. Значит, парик?

— Да! Парики, золоченые кудри, шелк, бархат, парча и куча драгоценностей! И все-таки чертовский риск... Люди из ИСБ занимаются этим шестьдесят семь лет, а у нас в распоряжении всего несколько недель... Похоже, скучать нам не придется!

— Верно! А потому — приступим!

* * *

Некоторое время спустя в Административном департаменте герцога Алгонского появилась сногшибательная пара — подобного не видели раньше не только на планете Алгония, но, вероятно, ни на одном из обитаемых миров. Продуманные ухищрения туалета делали внешность Жюля на редкость эффектной, ну а Иветта была просто неотразима! Она так же оделась в золотое и пурпурное, но, будто наперекор брату, поменяла их местами. На ногах у нее были не открытые туфельки, а высокие, по колено, сапоги, сверкавшие золотом, со шнуровкой цвета королевского пурпура, с бантиками и пряжками, усыпанными драгоценными камнями; бедра плотно обтягивали соблазнительные штанишки из золотого джерси, а облегающая безрукавка пламенела подобно солнцу на закате. Волосы девушки также были выкрашены в пурпурный цвет; с висков спадали ало-фиолетовые пряди. Дополняли наряд широкий, украшенный драгоценностями парчовый пояс на подкладке из золотистого нейлона, вуаль из золотой сеточки и, наконец, великолепная золотая диадема со сверкающими бриллиантами, изумрудами и рубинами — все натуральное, без малейшей подделки. Это украшение было оценено в полтора миллиона долларов и застраховано на ту же сумму.

Не обращая внимания на изумленные взгляды посетителей и персонала департамента, парочка в оперении королевских фазанов спокойно приблизилась к регистрационной стойке.

— Мы — граждане Земли, Карлос и Кармен Веласкес, — произнес Жюль, вежливо, но непреклонно отесняя от стойки могучим плечом очередного клиента — полную даму с чудовищным бюстом. Одновременно он сунул в ладошку девицы, сидевшей за стойкой, стодолларовую купюру. — Карлос и Кармен Веласкес, с

Земли, — повторил он и на свет появились две идентификационные карточки в роскошных футлярах. — Я полагаю, детка, здесь проходят регистрацию пассажиры, прибывшие на вашу прекрасную планету, не так ли?

— О, нет, сэр... благодарю вас, сэр... — с трудом приходя в себя и обретая голос, пролепетала девица. — По лестнице вниз, сэр... там регистрационный отдел ИСБ...

— Позаботьтесь об этом, моя дорогая, — произнес Жюль, небрежно роняя на стойку еще три банкнота. — Когда вы это уладите, перешлите карточки в отель «Сплэндид» — мы остановимся у вас на несколько дней... или на несколько недель. Благодарю вас, моя красавица!

И великолепная пара, блистая золотом и самоцветами, покинула офис столь же беспечно, как и появилась в нем.

В «Сплэндиде», шикарном отеле, гордости столицы Алгонии, чета Веласкесов немедленно стала самыми желанными гостями. И не столько потому, что они заняли фешенебельный номер-люкс под крышей небоскреба, сколько благодаря щедрым чаевым. Казалось, эти пурпурно-золотистые гости не подозревают о существовании десятидолларовых купюр и прочей мелочи, устилая свой путь бумажками в двадцать, пятьдесят и сто долларов.

Чем бы обожаемые прислужгой отеля постояльцы не были заняты в течение дня, после ужина они непременно совершали пеший моцион примерно в течение часа. В первый же вечер они выбрали несколько перспективных маршрутов и начали методично исследовать их. Как правило, они отправлялись за пределы города, парковали там машину и проходили около шести миль по узким уединенным дорожкам и горным тропам, вдоль которых было не менее пяти мест, идеально подходящих для засады — причем такой засады, которую очень нелегко обнаружить.

Шесть вечеров подряд они прогуливались быстрым шагом в полной тишине и безмолвии.

Именно в полной — их ботинки с прочными подошвами не издавали при ходьбе ни малейшего шороха, одежда и остальное снаряжение были идеально подогнаны — ни скрипа, ни шуршания, ни звяканья; все продумано до мелочей: они могли уловить любой звук, не будучи услышанными сами. Те, кто скрывался в

засаде, могли только увидеть их — но не следует забывать, что сами д'Аламберы обладали острым слухом и зрением цирковых гимнастов.

Шествуя ровным шагом вдоль пустынной дороги, Иветта сказала:

— А не валяем ли мы дурака, Жюль?

— Пожалуй, нет; ведь им требуется время на серьезную подготовку. Исчезновение таких важных птиц, как сеньор и сеньора Веласкес не может остаться без должного объяснения. Ведь всем известно, что кроме камушков, которые мы таскаем на себе, в нашем сейфе в «Сплэндиде» лежит столько денег, что их хватило бы на учреждение небольшого банка. Да, времени на подготовку потребуется немало; скорее всего, нас попробуют подменить. Ну, скажи-ка, где бы ты разыскала двух людей, которые смогли бы сыграть наши роли в «Сплэндиде» и унести полмиллиона из нашего сейфа?

— Мой Бог! — рассмеялась Иветта. — Ну, разумеется, они наймут какого-нибудь гангстера с Де-Плэйна и его подружку. Неужели это так сложно сделать?

— В общем-то, да. На планетах с малой гравитацией редко встретишь деплэйниан. Наши соотечественники предпочитают здания с контролируемой гравитацией, и я их понимаю: еще месяц такого безделья при нормальной силе тяжести, и наши мышцы станут как вареная лапша.

— Ну, будем надеяться, что им понадобится меньше месяца!

Следующие пять прогулок также прошли спокойно; никаких событий.

Однако на двенадцатый вечер, в месте, где дорога шла через рощицу молодых деревьев, поднимаясь к перевалу, чуткие уши д'Аламберов уловили легкий шорох, а зоркие глаза заметили движение.

* * *

Место для засады было выбрано идеально: узкую тропу тут окаймляли густые заросли кустарника шести-футовой высоты. Однако приказ начинать атаку не поступил вовремя — местные головорезы просто не представляли, с какой скоростью могли действовать их предполагаемые жертвы. Два тела взвились в воздух в стремительном броске — и приземлились по обе стороны дороги.

Рухнув в колючий кустарник, Жюль слегка шлепнул ближайшего противника по макушке — несильно, стараясь не сломать ему шею; затем приподнял его и швырнул в другого бандита с расстояния двенадцати футов — тот лишь поднимался на ноги. Еще один прыжок — и третий гангстер получил удар в солнечное сплетение, а четвертый — ногой в лицо; впрочем, не носком, а подошвой ботинка. Четверо были повержены, один еще оставался на ногах. Но так как вся операция продлилась почти секунду, у последнего из нападающих было достаточно времени, чтобы приготовиться. Не исключено, что он являлся главарем, поскольку у этого типа хватило сообразительности занять позицию повыгоднее.

Второй из бандитов, сбитый с ног телом своего компаньона, вероятно, не слишком пострадал; он начал приходить в себя и осматриваться по сторонам. Жюль по-пластунски подполз к нему и нанес удар прикладом станнера в челюсть. Затем он бесшумно продвинулся еще ярдов на двадцать, наблюдая за последним противником, который, не сознавая этого, производил довольно много шума. В лесу царил полумрак — хотя луна стояла высоко, но была в первой четверти; однако для использования станнера много света не требовалось.

— Эй! — заорал наконец невидимый пока головорез. — Эд! Хэнк! Спайк! Вы схватили их или нет? Какого дьявола... — с этими словами он высунул голову из-за дерева и... попал под луч из станнера Жюля. Оружие было установлено на получасовое поражение.

— Иви? — крикнул Жюль, всматриваясь в кусты на противоположной стороне дороги. — Как дела? У меня пятеро!

— И здесь столько же, — откликнулась из темноты Иветта. — Я могу подойти?

— Да. Надо перетащить их в одно место.

Иветта, подобрав оброненные в схватке диадему и сумочку, пересекла тропинку, волоча за собой два тела; за ее роскошным поясом красовался целый арсенал реквизированных станнеров. Через несколько минут десять бесчувственных бандитов лежали вдоль обочины. Кое-кто хрипел; у одного глаза закатились и губы посинели. Жюль опасался, что ударил этого типа сильнее, чем следовало.

Он поднял станнер, потом задумался.

— Пожалуй, лучше угостить их «эликсиром разговорчивости», тогда они вполне будут готовы к беседе,

когда мы доставим их на место, — произнес молодой Д'Аламбер.

— Вполне резонная мысль, — заметила его сестра и, вытащив из сумочки шприц для подкожных инъекций, приступила к работе.

Глава 6

ШТУРМ ЗАМКА

За два века на Земле сменилось несколько правящих династий; одновременно было колонизовано около семисот новых миров, многие из которых, богатые и густо заселенные, начали конкурировать друг с другом. Как результат, резко возросли объемы межзвездной торговли, но также повысился и уровень межзвездной преступности и военного противостояния. Последнее не устраивало почти никого. Наконец, в середине двадцать второго столетия, к власти на материнской планете пришла сильная и решительная королевская династия, и в 2225 г. один из ее блестящих представителей Эдгар Стэнли был признан императором Земной Империи. Он начал править своим безграничным государством под именем Стэнли I.

Стэнхоуп, «Предтечи Империи», стр. 539.

Спустившись с горного склона к своему лимузину — глайдеру огромных размеров, стоявшему целое состояние, — Жюль с Иветтой подогнали его поближе к началу тропы. Они не собирались возвращаться в отель. Загрузив свои жертвы в машину словно дрова, они направились в предусмотрительно арендованный на такой случай домик, который находился в отдаленном и безлюдном поместье. Владение это было настолько обширно, что соседи не слышали бы ни звука, даже если б в усадьбе запустили на полном режиме реактивный двигатель.

Д'Аламберы вытащили своих пленников из глайдера,

привели в чувство — тех, кто остался жив, — и внимательно выслушали все, что могли рассказать наемники. Под действием наркотика они не могли ни лгать, ни утаивать сведения, ни молчать; особенно разговорчивым оказался их главарь. Наконец, иссяк и он.

— Отлично! — воскликнул Жюль, когда допрос был окончен. — Я полагал, что наши неведомые противники — кем бы они не оказались — не устоят против соблазна облапошить парочку расфуфыренных миллионеров. Борьба за престол требует немалых средств, а тут деньги сами шли к ним в руки... Но кто бы подумал, что в это дело будет замешан барон Осберг!

— В первую очередь, ты сам мог бы сообразить, дорогой братец, — усмехнулась Иветта, — да и я, в общем-то, тоже... Ведь мы догадывались, что гипотетические предатели принадлежат к самым верхам ИСБ. Ну, ладно... Не пора ли объявить следующий номер? Или мы так и будем сидеть здесь всю ночь, любуясь на этих недоумков?

Жюль соорудил ей гримасу и послал воздушный поцелуй, после чего бандиты были парализованы лучом станнера на двенадцать часов, а д'Аламберы покинули усадьбу и направились к замку барона Осберга, находившемуся в семидесяти милях к востоку.

Они остановили глайдер примерно в миле от жилища барона, выбрали соответствующее снаряжение и последнюю часть пути проделали пешком. Замок стоял в древнем парке, и кроны столетних деревьев, вместе с царившей вокруг темнотой, надежно скрывали молодых людей. Тем не менее, они двигались осторожно, натянув маски с приборами ночного видения и тщательно маскируясь. Обойдя замок, брат с сестрой убедились, что им предстоит штурмовать настоящую крепость.

Ее окружала железобетонная стена высотой в пятнадцать футов, опутанная проводами под током. Поверху шла колючая проволока, а пара ворот, передние и задние, были сварены из стальных пластин двухдюймовой толщины. Видимо, эти ворота имели электрические замки — ни скважин для ключа, ни каких-либо других примитивных запоров обнаружить на них не удалось. Да, барон Осберг был серьезно озабочен собственной безопасностью!

Двое деплэйниан под стеной ободряюще улыбнулись друг другу. Прячась за пышной живой изгородью, они

сумели подобраться к стене футов на шесть. Согнув колени, напрягая мускулы, они на мгновение застыли тут, затем Иветта тихо шепнула «Ап!», и тела гимнастов взметнулись в воздух — вперед и вверх. Словно тени, д'Аламберы пролетели в ярде над проволокой со станнерами в руках, и все охранники, попавшиеся им на глаза в верхней точке этого великолепного прыжка, безмолвно осели на землю под лучами парализаторов.

Они разделились, стремительно огибая массивное главное здание с обеих сторон; станнеры чуть слышно гудели, сшибая с ног все, что двигалось и дышало. Затем Иветта ринулась к гаражу, а Жюль — к задней двери, бронированной, как панцирь гигантской черепахи. Она, естественно, была заперта, но на обычный за-сов, с которым лазерный резак справился в считанные секунды.

Жюль не знал, куда ведет эта дверь — прямо в кухню или в коридор с комнатами прислуги; но, по счастью, за ней располагался просторный, полутемный и безлюдный холл, что значительно упростило его задачу. Справа, в глубокой нише, виднелся освещенный проход на кухню; дюжина стражей, подкреплявшихся там ветчиной с пивом, попадала на пол под лучом его станнера раньше, чем до них дошло, что происходит что-то необычное. Жюль прошел через кухню, затем на цыпочках миновал буфетную с баром и, наконец, приник глазом к крошечной щели меж бархатный портьер.

Перед его взором простирался огромный зал. Потолок и стены были обшиты панелями розового дерева, натертого воском и матово искрившегося в свете чудовищных размеров хрустальной люстры; яркие блики играли на узорчатом паркете и полированном мраморе камина, падали на багряный ковер. Тяжелая резная мебель, пышные драпировки на окнах, коллекция старинного оружия над каминной полкой и целая галерея фамильных портретов подчеркивали древность, богатство и славу баронского рода Осбергов. В камине, в который свободно мог въехать глайдер Жюля, пылало шестифутовое бревно.

В зале находилось одиннадцать человек; одни сидели или стояли у огня, потягивая напитки, другие курили, третьи совмещали оба эти занятия. Видимо, гостей барона томило ожидание; разговор, нить которого то и дело повисала в воздухе, был, в основном, односложным, и все нетерпеливо и нервно поглядывали

на часы. Жюль поднял свой станнер — и одиннадцать тел обмякли в креслах или безвольно опустились на ковер.

Через пару минут появилась Иветта, свежая, как весенний ветерок. Бесценная диадема съехала ей на левое ушко, глаза озорно поблескивали.

— Снаружи все о'кей, — энергично доложила она. — Давай-ка проверим как следует этот курятник.

Они тщательно прочесали все здание от подвалов до чердака, оставляя за собой бесчувственные тела. Только после этого Жюль подошел к коммуникатору — его корпус из чеканного серебра вполне гармонировал с прочим убранством баронского гнезда — и набрал кодовый номер.

— Имперская Служба Безопасности, — раздался хорошо поставленный бархатный женский голос. — Чем я могу вам помочь? Вы не могли бы включить ваше изображение?

— Вызываю ИСБ-шесть, — произнес Жюль. — Ястреб загнал дичь и ждет хозяина. Срочно!

— Н-н-но, сэр... — перемена в голосе девушки была разительной: она никогда не слышала даже двух из трех кодовых слов, произнесенных в таком сочетании. «Ястребом» на жаргоне Службы обозначали агента спецназначения, «дичью» — предателя, ну а «хозяином» был, естественно, местный резидент. Похоже, девица сильно разволновалась, однако быстро взяла себя в руки. — Он находится дома, сэр, спит, — почтительно доложила она. — Но я немедленно соединю вас... один момент, сэр... — и Жюль услышал неожиданно громкий треск помех на линии.

— Оставьте меня в покое! — прорвался сквозь свист и скрежет сонный голос. — Если вы не уберете эту чертову тарахтелку, я...

— Мистер Бортон! — девушка почти кричала. — Проснитесь! Пожалуйста, проснитесь! Важное сообщение!

— О-о... хорошо. Я уже проснулся, Хэйзел, все в порядке.

— Соединяю вас, сэр, и отключаюсь. Зеленый сигнал, пожалуйста, когда вы закончите, — она спешила уйти с линии, опасаясь услышать хоть слово из предстоящего разговора, строго секретного и не предназначенного для чужих ушей.

— Мимайр, — произнес Бортон; это кодовое слово

являлось требованием идентификации «ястреба» и подтверждения его полномочий.

— Раззл и Даззл, — произнес Жюль. Это были их с Иветтой идентификационные обозначения — и лишь десяток человек в ИСБ могли соотнести их с настоящими именами молодых д'Аламберов.

— О небо... — начал Бортон, но замолк на полуслове. Его можно было понять. На Алгонию залетели не ястребы — орлы! Лучшие из лучших, цвет агентов Службы, звезды Империи! — О'кей! — хрипло произнес он. — Я готов. Передавайте!

— Рафтер энг-дралт. Антор. Ситтер, — быстрой скороговоркой начал Жюль свой доклад. — Харлот стазит инверт. Труаст-лог катарп. Синтл-джойн. Синграм, стазит, стоул... — Кодовые слова, не имевшие аналогов ни в одном из человеческих наречий, потоком текли с губ молодого д'Аламбера. Это тоже был своеобразный язык, свободное владение которым говорило о высоком ранге агента в иерархии Службы. Наконец, Жюль произнес заключительное: — Катрон ригот. Сейзун. Конец связи.

— Мой Бог... — Бортон был потрясен. — Выезжаю немедленно. Где встречаемся?

— У главных ворот. Просигнальте точка-тире-точка. Если все о'кей — конец связи.

— Понял. Все о'кей, — повторил Бортон, слегка задыхаясь от волнения. Еще бы! Если б агенты Раззл и Даззл приказали алгонскому резиденту СБИ подпрыгнуть до местной луны и вернуться с булыжником в зубах, он не колебался бы ни секунды. — Зеленый, Хэйзел. Спасибо. Линия свободна.

* * *

До прибытия Бортон в поместье Осберга Жюль с Иветтой успели допросить пленников. Никто из них не располагал достаточной информацией, чтобы дать разведчикам нить, ведущую на планету Эстон, где действовала подобная же банда. Затем прибыл Бортон, и д'Аламберы быстро ввели его в курс дела.

— Ничего себе! — воскликнул тот, переводя глаза с распростертых на багряном ковре тел на своих блистательных гостей. — Вот это работа! Вы ворвались в замок под грохот труб и барабанов!

— Похоже, здесь не ждали слишком осторожных посетителей, — ухмыльнулся Жюль.

Бортон снова окинул взглядом бледные лица пленников, безвольно сложенные на груди руки, невидящие зрачки, полуоткрытые рты, из которых текла слюна.

— Вы использовали нитробарб! — воскликнул он. — И на Осберге тоже... Но ведь половина из них погибнет!

— Они умрут все, — резко сказал Жюль, — а уж барон — в первую очередь. Тот, кто очнется, проживет на пару дней дольше остальных, только и всего. Но дело не в Осберге. Взгляните-ка сюда!

Пристальный взгляд резидента остановился на приземистом, коротко стриженном мужчине лет тридцати. Лицо Бортон посерело; он не мог выдавить даже проклятия.

— Но это же Альф Рикстон! — наконец простонал он. — Мой первый помощник... и он работал со мной больше десяти лет! Тщательная проверка каждый год... детектор лжи, гипноз... Мой Бог, он же был превосходным специалистом!

— Несомненно — и противная сторона это тоже оценила, — холодно заметил Жюль. — В результате к вам в руки попадались только те, от кого они сами хотели избавиться. Ну, приступайте к работе, Бортон, это все ваше, — молодой д'Аламбер кивнул на заваленный телами ковер. — Мы пробудем здесь еще с неделю, чтобы не вызывать подозрения слишком поспешным отлетом с Алгонии. Однако наши имена никоим образом не должны фигурировать в этом деле. Ни единого намека! В окрестностях замка нас никто не видел, но есть несколько типов, пытавшихся захватить нас в горах... они сейчас валяются в глайдере... Так вот, Бортон, никто из них не должен заговорить!

— Они будут молчать, — заверил их Бортон. — Но послушайте! Эти груды тел... тут и снаружи... Никто не поверит, что я справился в одиночку со всей шайкой!

— Вы забыли про своего отважного помощника, сэр, — усмехнулся Жюль. — Который выследил предателей и с честью пал в схватке с ними. Герой, одним словом! Весьма печально, что признание приходит к нему после смерти...

Бортон кивнул головой.

— Ну, конечно... Один из наших лучших сотрудников... Погиб на боевом посту... Доблестно защищая...

Всеобщие рыдания... — он медленно наливался багрянцем и вдруг гаркнул: — Подлый мерзавец! Этот случай подрывает доверие ко всей нашей деятельности!.. Резидент провел ладонью по лицу, словно стирая гнев, и криво улыбнулся: — Ладно, ребята... Все о'кей...

— Все о'кей, — согласился Жюль. Затем они с Иветтой переглянулись и хором проскандировали: — Счастливо, дружище! Может быть, мы еще увидимся, когда вам вручат за особые заслуги рыцарский крест Империи! — И д'Аламберы удалились энергичным решительным шагом. Одно змеиное гнездо было уничтожено — самое время приниматься за следующее!

Бортон зачарованно уставился на дверь. Он не знал настоящих имен этих агентов — только идентификационные пароли; и вряд ли он когда-нибудь узнает больше. Что ж, так и должно быть; любопытных в ИСБ не жаловали. Вздохнув, резидент обратил взгляд к своей добыче; ему предстояло сделать слишком многое, чтобы тратить время на пустые размышления. Он пожал плечами, связался со своим офисом и отдал необходимые приказы.

Затем Бортон вытащил из кармана диктофон и приступил к допросу оставшихся в живых заговорщиков.

Глава 7

СМЕНА СОСТАВА

Императрица Стэнли III реорганизовала, упростила и, до некоторой степени, упорядочила ту весьма хаотическую субординацию, которая царила ранее среди титулованных особ. Эта новая система, которая за последние два века претерпела лишь незначительные изменения, в общих чертах представляет собой следующее. Великие Герцоги управляют секторами космического пространства, содержащими множество планет. Герцоги правят отдельными мирами, маркизы — континентами или же подобными им частями суши. Под юрисдикцией графов находятся государства и небольшие нации; виконты стоят во главе провинций и округов, бароны — городов и мелких регионов. Право наследования принадлежит первенцу, пол ребенка не имеет значения. Аристократам дозволяется вступать в брак и с простолюдинами, и со знатью, как выше, так и ниже по титулу; в супружеской паре менее знатный автоматически получает титул своего супруга.

Стэнхоуп, «Предтечи Империи», стр. 541

Первые известия о ночных событиях в поместье Осберга появились ранним утром следующего дня, и резонанс их был таков, что вся планета загудела словно растревоженный улей. Через пару часов субпространственная связь разнесла новости по сотням обитаемых миров.

Карлос и Кармен Веласкес, однако, оставались в полном неведении, пока в половине одиннадцатого утра расторопный официант не принес им в номер завтрак, заказанный несколькими минутами ранее. На этот раз его сопровождал метрдотель с двумя утренними газетами.

— Доброе утро, сэръ! Доброе утро, мадам! Вы, должно быть, еще не слышали по визио последних сенсационных новостей? — поинтересовался этот достойный джентльмен, явно рассчитывая на щедрые чаевые.

— У-гу... — Жюль с трудом подавил зевок и покачал

головой. — Мы еще как следует не проснулись. — Он был одет в пурпурно-золотую пижаму и алые бархатные шлепанцы, носки которых, на манер восточных туфель, были загнуты и обвешаны серебряными кисточками. Иветта, явно только что поднявшаяся с постели, уже красовалась в своей роскошной диадеме. Пеньюар, багряный с золотым кружевом, стыдливо прикрывал кое-какие части ее фигуры, но во всех остальных местах был абсолютно прозрачен. — А что случилось? На Алго-нию надвигается комета? — Жюль снова зевнул.

— Нет, сэр! Она уже свалилась нам на голову! Потрясающие новости, сэр, настоящая сенсация, будьте уверены! — Он положил газеты на краешек стола и помог официанту сервировать завтрак. — Но вы сможете прочесть об этом попозже, а сейчас принимайтесь за еду, пока все горячее. — С этими словами метрдотель принял чаевые, вполне достойные столкновения с кометой, и удалился из номера, подталкивая впереди себя подчиненного.

После завтрака Жюль и Иветта с большим интересом прочитали несколько живописных статей и заметок в местной прессе, временами то фыркая, то хохоча во все горло. Официальная версия, разумеется, не была для них полной неожиданностью, но репортеры криминальной хроники постарались на славу. Оказывается, планетарная Служба Безопасности, руководимая своим проницательным шефом, сэром Бортоном, уже целый год держала банду изменников и предателей, злоумышлявших против Его Императорского Величества, под строгим неусыпным контролем. Сэр Бортон мудро выжидал до тех пор, пока не возникла уверенность, что выявлены все члены шайки и раскрыты все их связи. Наконец, он ударил: одновременно и со всех сторон. Чистая работа!

Под давлением неопровержимых улик предатели признались во всем и были немедленно уничтожены, не исключая и барона Осберга, главаря преступной группы. Их тела кремированы, а пепел развеян по ветру. В прессе с удовлетворением сообщалось, что поскольку барон являлся единственным членом семьи, впутанным в это грязное дело, владения Осбергов не будут аннексированы Короной. Баронесса Карлотта, хорошо известная и уважаемая в высших кругах дама, филантроп и покровительница искусств, будет достойной наследницей, которая смоет пятно с фамильной чести древнего рода,

искупит, очистит от ржавчины подозрений, восстановит... И так далее, и тому подобное.

Шеф планетарного отделения ИСБ провел эту операцию собственными силами, не запрашивая помощи с Земли. Со своим помощником, павшим смертью храбрых, он прорвался в змеиную логову и захватил преступников с поличным. Разумеется, нигде не было ни малейшего намека, что злодеям вкатили нитробарб — сильнейший наркотик, одно лишь хранение которого каралось по законам Империи смертью.

— Великолепно! — сказала Иветта, лихо сбив на бок свою диадему. — Все расписано с таким жаром, что я сама начинаю верить в эту историю. Итак, за героического сэра Бортона! — она подняла бокал с неизменным апельсиновым джусом и, сделав глоток, коснулась руки Жюля. — Нам пора исчезать, брат. Еще день-другой, и пресса сообщит забавные подробности об осаде замка Осберга. Например, о том, что за его крепкими стенами скрывались три дюжины вооруженных злодеев... Кое-кто может призадуматься, как шеф Бортон с одним помощником сумел захватить такую банду. Отсюда недалеко до мысли, что в операции участвовали люди с Де-Плэйна... Понимаешь? — она допила сок и поднялась. — Ну, а если самые сообразительные припомнят двух дельфианцев, устроивших переполох в Дьюнедин-Армс... В общем, чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше.

— Пожалуй, ты права, сестренка. — Жюль быстро заканчивал завтрак. — О'кей, сейчас я поинтересуюсь ближайшим рейсом.

* * *

Ближайший корабль прибывал с Де-Плэйна, так что Жюль с Иветтой вскоре покинули отель «Сплэндид», оставив в своем номере почти все добро четы Веласкесов — и драгоценности, и деньги, и чемоданы с роскошными пурпурово-золотыми одеяниями.

Было на редкость приятно наконец-то ощутить привычную силу тяжести, однако еще большей радостью для них оказалась встреча в некой уединенной каюте огромного космического лайнера с тремя давними знакомцами.

— Жюль! — радостно закричала девушка с каштановыми волосами и прыгнула к нему в объятья с расстояния в двенадцать футов.

— Вонни! Ласточка моя! — Жюль ловко подхватил ее, хотя столкновение заставило его пошатнуться; молодые люди застыли, не замечая никого, крепко прижавшись друг к другу. Иветта, которую судьба пока хранила от сердечных ран, с ласковой насмешкой приподняла брови.

Наконец, Ивонна слегка отстранилась, пристально обозрела пурпурово-золотое великолепие Жюля и показала головой.

— Ну и ну! Я должна иметь твой портрет, милый, а лучше — вас обоих. Мне рассказывали, как вы выглядите, но надо было посмотреть на это собственными глазами... Ты всегда был просто душка, Жюль, но сейчас... сейчас... ты прекрасен! — она хихикнула и расцеловала его в обе щеки. — А вот усы мне не нравятся — они слишком колючие! Знаешь, я просила твоего отца, — да что там, умоляла на коленях! — отдать мне роль Кармен Веласкес... Но представь, он мне отказал! И заставил, как и всех, пройти тест! Тут Габи меня и опередила!

Жюль улыбнулся. — А ты, малышка, хотела проехать на личном обаянии?

— Ну, мог бы он проверить меня еще разик... Между прочим, по результатам я заняла второе место — у Габи всего на три очка больше!

— Великолепное достижение, котенок! — на этом их диалог завершился, и Жюль, все еще придерживая Ивонну за талию, повернул голову к ее спутникам, на которых он даже не успел еще взглянуть. Молодой мужчина, в точности его возраста, роста, комплекции, и в остальном весьма напоминал Жюля; его волосы, усы и брови были так же завиты и напояжены. Что касается девушки с пурпурными волосами, то она являлась вполне сносной копией Иветты.

Парень сердечно обнял Иветту, а девица, стянув с ее головы великолепное украшение, приладила его к себе на лоб и тут же начала беззастенчиво любоваться результатом в зеркале.

— Привет, Габи! Привет, Жак! — произнес Жюль, протягивая парочке свободную руку.

— Какая я тебе Габи? — воскликнула девушка, высокомерно вздергивая подбородок и скривив губы в презрительной усмешке. — Для тебя, деревенщина, я — мадам Кармен Веласкес, запомни! Я и разговаривать-то

не собираюсь с таким неотесанным мужичьем! Ну-ка, живо на колени! И лбом об пол, об пол!

«Ну, ты даешь!», «Вот это вошла в роль!», «Что ты несешь, Габил!» — раздались одновременно возгласы Жюля, Иветты и Жака. Потом, задумчиво взглянув на своего двойника, Иветта призналась:

— Знаешь, мне тоже нравилось носить всю эту мишуру... будь она проклята! Впрочем, свою службу она сослужила, — и девушка пожала плечами.

Разоблачившись, брат с сестрой передали свои великолепные одеяния и драгоценности новым Карлосу и Кармен. Они смыли краску и с волос; Жюль, при активной помощи Ивонны, соскреб воск с усов. Их новый наряд, гораздо более скромный, вполне подходил для небогатых пьюритан, не имевших счастья обладать наследственными алмазными копиями.

Смена состава произошла; Карлос и Кармен Веласкес, велев доставить из отеля багаж, продолжили свое блистательное путешествие, по-прежнему разбрасывая вокруг дождь двадцатидолларовых купюр. В ближайшем порту они совершили пересадку, и вскоре огромный комфортабельный космический лайнер унес их на другой край обитаемой Вселенной. Истинные же премьеры спектакля продолжали полет на корабле с Де-Плэйна.

* * *

В маленькой каюте Жюля явно не доставало места для прогулок, поэтому он вынужден был стоять, засунув в карманы кулаки. Иветта сидела на его узкой койке и сосредоточенно думала о чем-то, нахмутив брови.

— Тебе не кажется, что наши действия напоминают драку в густом тумане? — мрачно проговорил Жюль. — Все, что нам до сих пор удалось обнаружить, кажется мне чертовски ненатуральным. Засада в горах... этот опереточный барон со своей шайкой... Фи!

— Ты сбил меня с мысли, Жюль. Туман... да, вполне вероятно. Но я, говоря по правде, не считаю, что нам подставили Осберга.

— Подумай сама. За шестьдесят семь лет Службе так и не удалось обнаружить, куда исчез герцог Генри Дэвордский... Хотя он, несомненно, сколотил весьма действенную тайную организацию. И вдруг мы, погостив на Алгонии пару недель, выходим на его сообщника! Верится с трудом...

— Но этот сообщник, Осберг, не знал ничего существенного... Так, мелкая сошка...

— И тем не менее... — Жюль задумчиво подергал ус, словно хотел соскрести с него остатки воска. — Есть и еще одно обстоятельство — деньги. Конечно, наш герцог весьма успешно выжимал из Дэрворда миллиарды долларов, которые мог припрятать потом где угодно. Однако финансировать столь крупную и продолжительную операцию, как эта? Почти три четверти века ждать подходящего случая для захвата престола и платить, платить, платить... Нет! Я полагаю, что у герцога и Бэниона, его наследника, были — и есть! — очень сильные сторонники. А сам Бастард — или его потомки — пребывают в кругу высшей знати; несомненно — под другим именем. И они ждут своего часа!

— Я понимаю, о чем ты говоришь, — Иветта кивнула головой. — Но давай не будем отвлекаться на их сообщников. Вывод ясен — либо Бастарду помогли с самого начала, либо он был пойман на чем-то и стал марионеткой, вынужденной делать то, что ему велели.

— Да, вполне вероятно... И до сих пор не обнаружено никаких существенных следов! Ни Бастарда, ни его потомства, ни императорской Грамоты! Агенты ИСБ не нашли ничего серьезного... так, мышиная возня... Теперь мне кажется, что их просто водили за нос — с этими поддельными Грамотами, например...

— Но мы же не попались в ловушку! Мы заставили организацию Дэрворда выйти на нас...

— Я в этом не уверен.

— Мой Бог! Не думаешь же ты, что вся алгонская история была подстроена?

— Я не утверждаю... я только говорю: возможно... Разумеется, мы будем продолжать поиски, но надо искать с открытыми глазами — следующая ловушка может оказаться где угодно. — Жюль прислонился к стене, уставившись в потолок, словно хотел пронизать взглядом десятки корабельных переборок и сотни световых лет, отделяющие его от таинственного убежища заговорщика. — Знаешь, Иви, — вдруг задумчиво произнес он, — мне кажется, что мы можем обшарить и Дэрворд, и самые отдаленные уголки Вселенной без всякого успеха...

— Ты считаешь, что все это время Служба двигалась по ложным следам? И все, что мы имеем, — сорок семь кассет полного бреда?

— Ведь я сказал — кажется... — сухо ответил

Жюль. — Я еще точно не знаю ничего... Только интуиция, предположения...

— Интуиция — наш козырный туз в этом деле, — спокойно заметила Иветта. — И сейчас мы можем опираться лишь на нее, — она махнула рукой, будто отменяя весь предыдущий разговор. — Ну что ж, начнем сначала! Мне кажется, ты подозреваешь одного из Великих Герцогов... Но не можем же мы бить наугад! И наказывать каждого из них нитробарбом!

— Да, конечно. Но ты когда-нибудь слышала, как американцам — их древнему ФБР — удавалось обезвреживать самых опасных гангстеров?

— Слышала... путем жесткого финансового контроля.

— Вот именно! Смотри: Дэрворд находится в секторе Десять, Алгония — в секторе Три, Эстон — в Шестом, Невандер — в Тринадцатом, а Гастония — край света, сущий ад! — в Двадцатом.

— Зачем ты приплел сюда еще и Гастонию? Считаешь, что без нее ситуация недостаточно запутана?

— Гастония тоже представляет определенный интерес. Императрица Стэнли V начала ссылать туда бунтовщиков еще в двадцать третьем веке, и это продолжается до сих пор. Можно ли придумать более удобный вербовочный пункт? — Жюль побарабанил костяшками пальцев по обшитою пластиком переборке. — Итак, положим, что операция по свержению законной династии разворачивается в нужном направлении. Тогда нашим друзьям придется проделывать массу невероятно тяжелой работы и затрачивать на это невероятные суммы. В современном мире можно припрятать целый космический флот... можно скрыть армию, оружие — все, что угодно. Но нельзя утаить от глаза опытного эксперта крупные платежи! А посему, — молодой д'Аламбер резко откачнулся от стены, — мы попросим Верховного заняться проверкой финансов. Надо выявить неожиданные скачки денежной массы на всех обитаемых планетах за последние семьдесят лет и расследовать пять-шесть наиболее подозрительных случаев.

Иветта бросила на брата восхищенный взгляд.

— Отличная идея, Жюль! Ну, а мы? Мы отправимся на Гастонию?

— Нет. Мы возвращаемся на Землю.

Мгновение девушка смотрела на него с недоумением, затем ее лицо прояснилось.

— Ну конечно же! Только Великий Герцог сумел бы внедрить агента в личный офис Верховного... и мозговой центр должен располагаться на Земле! Ты гений, Жюль! Может быть, дело наконец-то сдвинется с мертвой точки...

* * *

Корабль совершил посадку в центральном порту Эстона, и пара скромно одетых беженцев с Пьюрити, потеряв полчаса у таможенного барьера — они ожидали серьезных затруднений, но были подготовлены к ним, — направилась во второразрядный ресторанчик, любимое место сборищ рядовых звездолетчиков и младших офицеров космических кораблей, стоявших в порту на приколе. Все, что знали лже-пьюритане, — название этого кабака, и тайный опознавательный сигнал — было извлечено с помощью нитробаба на Алгонии и стоило десятка человеческих жизней.

Так как последний корабль, совершивший посадку, был приписан к Де-Плэйну, в ресторане, во избежание недоразумений, дежурили шестеро вышибал именно с этой планеты. Вполне понятная предосторожность — с подвыпившими деплэйнианами могли справиться только их соотечественники. Как и следовало ожидать, вскоре в заведение ввалилось с полдюжины затянутых в кожу деплэйнианских космолетчиков, громогласно требуя спиртного и ласковых девушек.

Этот визит не вызвал никаких подозрений у стражей. Даже люди с более изощренным умом — те, что возглавляли «мозговой центр» заговора, предположительно находящийся на Земле, — не смогли бы сориентироваться в подобной ситуации. Молодые д'Аламберы искусно замели за собой все следы; было бы нелегко докопаться, что блистательных Веласкесов что-то связывает с событиями на Алгонии. Но даже если б и возникли подозрения на сей счет — где, в каких краях, в какой точке Вселенной их искать? Парочка пьюритан у стойки эстонского бара походила на этих щеголей не больше, чем воробыная семейка на сверкающих великолепным оперением фазанов. Мужчина, неуклюжий, с мощными плечами и мускулистой шеей, своими ухватками напоминал лесоруба; его подруга, казалось, только что отошла от кухонной плиты.

Несомненно, они были изгнанниками или беженцами,

поскольку ни один правоверный пьюританин в здравом уме никогда в жизни не переступил бы порог гнезда разврата и греха. Эти же с любопытством провинциальных неофитов, жаждущих приобщиться к запретным удовольствиям, оглядывались вокруг. Поскольку время было дневное, в зале скучали три официантки и пяток довольно потасканных шлюшек, а за стойкой находился всего один бармен. За его спиной, через полуоткрытую дверь, зоркий взгляд мог разглядеть закуток, где сверкал полированным металлом субпространственный передатчик; в кресле перед ним расположился рыжий парень в наушниках.

Пьюритане переглянулись, и мужчина медленно произнес, склонившись к бармену:

— Мне велели сказать, что в Десятом секторе через месяц вспыхнет сверхновая. — Он запустил пятерню в густые волосы, почесался и, словно для верности, повторил: — Да, именно в Десятом и через месяц.

И тут в зале словно взорвалась бомба. Шестеро стражей схватились за станнеры, но было поздно — здоровенные космолетчики, вдруг потеряв интерес к шлюхам и напиткам, сшибли их с ног. В то же самое время Жюль, зажав левым локтем шею бармена, проделал бластером полудюймовую дыру в голове оператора связи. Затем он резко свистнул и угрожающе ткнул стволом в дальний угол, куда юркнули перепуганные девицы и несколько случайных посетителей. Вся эта публика покорно шлепнулась на пол.

Перепрыгнув через стойку, Иветта подскочила к передатчику. Она сорвала с головы мертвого радиста наушники, надела их и стала колдовать над верньерами и переключателями.

Зал ресторана превратился в поле боя. Когда дюжина деплэйниан трехсотфунтового веса пускает в ход мебель, это фатальным образом отражается не на их головах, а на предметах обстановки. Однако пара столов и с десятков стульев все же уцелели, чего нельзя было сказать о стойке бара из лакированного дерева: ее прошибла насквозь одна сцепившаяся пара.

Жюль, держа бластер наготове, спокойно следил за разворачивающейся битвой. О ее исходе он не беспокоился — результат мог быть только один. Охранники выглядели крутыми парнями; но, хотя их завербовали на Де-Плэйне, они не относились к клану д'Аламберов — а шестеро «космолетчиков» были цветом труппы и луч-

шими борцами вольного стиля, каких когда-либо знало человечество.

Через три с половиной минуты заведение оказалось полностью разгромленным, и битва подошла к концу. У шестерых победителей насчитывалось несколько царпин, ссадин и укусов — серьезно никто не пострадал. Победжденные валялись на полу; их запястья украшали массивные стальные наручники.

— Отличная работа, парни! — сказал Жюль, когда атлеты, широко улыбаясь, окружили его. — Теперь мы спокойно можем выпить. Поглядите, уцелело ли хоть несколько бутылок с имбирным элем? И откупорьте шампанского для девочек. Не знаю, в настроении ли они сейчас повеселиться, но будем джентльменами! А тем временем наш новый приятель, — с этими словами он перекинул несчастного бармена через стойку и сомкнул, огромные ручищи на его горле, — поведает нам, как добратся до босса, который прячется наверху. Ведь там кто-то есть, верно? — Жюль кивнул в сторону узкой лестницы рядом с закутком покойного связиста. — Ну, будешь говорить, дружок? Или предпочитаешь, чтобы тебе свернули шею как цыпленку?

— Я скажу, все скажу... — залепетал бедняга, — только умоляю, пощадите меня! Все здесь, на этой панели!

— Он не лжет, Жюль, — подтвердила Иветта, изучавшая пульт передатчика. — Это не стандартная модель. Тут какие-то красные индикаторы и добавочные кнопки... Похоже на систему дистанционного управления оружием.

— Да, так, — сдавленным голосом сообщил бармен. — За стеной обшивкой проложены провода, а под потолком — батарея тяжелых бластеров... Если надо, босс звонит вниз, и оператор у пульта включает огонь... Зал простреливается насквозь...

— Ну, хорошо. Нам, значит, повезло. Главарь вашей шайки сидит там? — Жюль чуть ослабил хватку и снова кивнул в сторону лестницы. — На втором этаже? А какая там дверь — деревянная, стальная? Замки? И что насчет охраны?

— Деревянная, — прохрипел бармен. — Она не... не заперта... и никакой охраны — все парни были здесь... Шефа не успели предупредить, — он скосил глаза на валявшегося около передатчика мертвого человека. — Вы прикончили Джайда слишком быстро...

— О'кей. Показывай дорогу. Если возникнут неприятности, дружок, дырку в черепе гарантирую.

До дверей босса они добрались без приключений. Бармен постучал — как заметил Жюль, он не использовал какого-нибудь кода. Голос изнутри ответил: «Войдите!», и молодой д'Аламбер, протолкнув бармена в комнату, последовал за ним. Кроме пожилого тощего мужчины, сидевшего за столом, здесь никого не было. Тощий судорожно глотнул воздух, побледнел и потянулся к ряду кнопок на пульте, но замер на полпути, заметив направленный на него бластер.

— Ну-ка, спокойно! — прикрикнул Жюль, но босс, словно загипнотизированный черным зрачком бластера, смотревшим ему прямо в лоб, и так не шевелился; лишь мускул на щеке спазматически дрогнул раз-другой. Повернувшись, Жюль вырубил бармена коротким ударом в челюсть, затем достал из кармана шприц. Глаза тощего полыхнули паническим ужасом.

— Нет, не надо... только не нитробарб!.. — застонал он в отчаянии. — У меня аллергия... это мгновенно убьет меня... — и он зарыдал.

— Кто говорит, что здесь нитробарб? — Жюль поиграл шприцем перед лицом жертвы. — Может быть, дистиллированная вода!

— Прошу вас, не убивайте меня! Кажется, я догадываюсь, что вам нужно... какие сведения интересуют... Я скажу все, что знаю... клянусь честью!

И он действительно все рассказал — д'Аламберам еще раз пришлось выслушать историю о подкупе и предательстве. Было и еще кое-что — прямой выход на более высокий уровень организации. Однако следующая явка располагалась на Дэрворде, не на Земле; добраться до «мозгового центра» оказалось не так просто. Впрочем, иного Жюль не ожидал.

— О'кей, — сказал он, когда главарь закончил свой сбивчивый монолог, — на этот раз ты избежишь смерти. Думаю, тебе придется поработать на рудниках — вместе со всей твоей командой... Недолго — лет двадцать-тридцать.

Погрузив угрюмых пленников в поджидавшие на улице глайдеры, восемь д'Аламберов вернулись на корабль. Жюль с Иветтой провели остаток дня и большую часть ночи в отсеке связи — самом уединенном месте, которое им удалось отыскать, — составляя и кодируя подробное донесение Верховному.

Когда работа была завершена, Жюль поднялся, со вздохом распрямив спину, и подошел к электронной карте Галактики. Перед его утомленными глазами плыли разноцветные круги, поэтому он сделал развертку максимальной, выделив интересующий сектор пространства. Когда изогнутые щупальца галактической спирали обрели четкость, и каждая звезда заняла свое, строго определенное положение, он настроил индексный указатель на Дэрворд, потом перевел его на старушку-Землю. В нижней части экрана мигнула зеленоватая строка цифр — расстояние в парсеках между двумя планетами было ошеломляющим. Жюль удовлетворенно хмыкнул и повернулся к сестре.

— Транспортировка людей и оборудования из конца в конец Вселенной стоит недешево, — произнес он, — очень недешево... И такие вещи не скрыть...

— Ну, разумеется, братец, — сказала Иветта, с трудом подавляя зевоту. — Итак, мы летим на Землю... — она гибко потянулась. — Может, по такому случаю нам стоит выспаться?

МАССАЖНЫЙ КАБИНЕТ

В настоящее время весь изученный космос разделен на тридцать шесть конусообразных секторов, сферически расходящихся из центра Солнечной системы — метрополии Империи Земли. Каждый сектор является собственностью Короны и управляется Великим Герцогом. Земля, как наиболее важная среди планет, не относится ни к одному из секторов, а отдана в личное владение Императору. Все Великие Герцоги имеют дворцы и несколько резиденций на Земле. Исходя из этого, аристократия обладает значительно большей властью в центральном мире, чем можно было бы предполагать. Так, например, Императорский Дворец и Великий Императорский Двор находятся в Чикаго; и виконт Чикагский имеет возможность в большей степени влиять на политику Империи, чем многие герцоги, правители планет.

Мэнли, «Современный феодализм», том I

В своем личном офисе Верховный вел беседу с седовласым мужчиной, глаза которого, несмотря на возраст, горели ясным живым умом. Великая Леди Эллен, скрестив безукоризненные ножки, трудилась тут же над большой розеткой вишневого мороженого.

— Но что все это значит, Цан? — произнес пожилой мужчина. — Это турне д'Аламберов на Дэрворде, приказ не заниматься ничем, кроме обычной цирковой программы... Конечно, Веласкесы не должны отчитываться в каждом своем шаге, хотя от того, что они делают, зависит моя жизнь... каким бы диким это не казалось! А теперь еще этот салон красоты... да еще прямо здесь, на Земле... Какой во всем этом смысл?

— Нет, Билл, они открыли не салон красоты. Массажный кабинет высшего класса! Или, скорей, дворец силы — и тела, и духа.

— Но вы представляете себе, чем они занимаются?

— Надо признать, очень приблизительно; да я и не

стремлюсь к большему. Я дал им задание — и они выполняют его теми способами, какие сочтут необходимыми. Рискую высказать догадку, что наши агенты, видимо, предполагают, что интересующая их особа имеет склонность к гимнастике или тщательно следит за фигурой. Значит, их расследование уже достигло той фазы, когда данные указывают на конкретную личность. Кто это, я не знаю; и, ей-богу, нисколько об этом не жалею — как показали последние события, чем меньше я информирован о подобных деталях, тем лучше.

— Ну что ж, возможно... Но пока — никаких следов того, что мы ищем?

— Никаких. Скорее всего, предстоит сделать еще довольно много работы, пока в наши руки попадут веские доказательства. Сейчас д'Аламберы трудятся именно над этим, и они получают все, что им необходимо, — без ограничений и лишних вопросов.

— Ну, разумеется, — особенно учитывая то, что требуют они так мало. Кстати, я слышал, что труппе д'Аламберов снижен налог... Может быть, недостаточно? Насколько прибылен их бизнес?

— Полагаю, они далеко не нищие. Цирк — весьма доходное предприятие, но насколько — не скажет даже сам старик д'Аламбер. Вернее, он не хочет говорить. Я как-то поинтересовался, не остались ли мы должны ему какую-то сумму, и знаете, что он ответил? Дескать, если мне охота пересчитывать мелочь, то лучше устроиться в бакалейной лавке, а не в центральном офисе ИСБ. Пожилой человек рассмеялся.

— Очень похоже на него! Да, Де-Плэйн — богатая планета, а Этьен д'Аламбер — весьма предприимчивый человек; это столь же верно, как и то, что он — один из моих лучших друзей. — Седовласый мужчина помолчал, с улыбкой поглядывая на прелестную Эллен, уминавшую вторую порцию, затем вновь перевел глаза на шефа Службы. — Ну что ж, Цан, не буду отвлекать тебя от работы. Мне очень приятно беседовать с тобой, особенно когда я чувствую себя не в своей тарелке; ты возвращаешь мне присутствие духа. — Он поднял бокал. — Счастливо, дружище! За силу, ловкость, мужество...

— ...и никакой эротики! — закончил Цандер фон Вильменхорст с усмешкой.

Они выпили под этот девиз Галактического Цирка,

и Император Стэнли Х, прямой и энергичный, покинул офис Верховного.

Эллен взглянула на отца.

— Ты ухитрился ни разу не солгать ему, но если бы он знал все, что известно нам, то вряд ли сохранил столь бодрое расположение духа.

— У него хватает своих проблем, Элли, чтобы разбираться еще и в наших. К тому же, нам неизвестен следующий шаг противника. Есть шестеро подозреваемых — и только.

Девушка задумчиво кивнула, слизнув розовым язычком мороженое с губ.

— Если б у нас были серьезные доказательства, кто-то из них получил бы хорошую дозу нитробарба... Но пока — ничего, кроме предположений, — она pokrутила ложечкой в розетке. — Но скажи, отец, — во имя Солнца, Луны и всех Полярных звезд! — каким образом этот гимнастический зал может послужить решению нашей проблемы?

— Понятия не имею, моя дорогая... Говоря между нами, любопытство мучит меня так же сильно, как и тебя.

* * *

Десятиэтажное здание с контролируемой гравитацией в районе Эванстон в Чикаго было переоборудовано сверху донизу. Все работы выполнялись персоналом, привычным к высокой гравитации; в подвале дворца мерно гудели установки искусственного тяготения. На его роскошном фасаде красным неоновыми полыхала вывеска: «ОПАСНОСТЬ! ТРОЙНАЯ ГРАВИТАЦИЯ! ОПАСНОСТЬ!», а по обе стороны портала на серебристых табличках обсидиановыми буквами было выложено: «ДЮКЛО».

За неделю до открытия распространился слух, что этот Дворец Силы будет обслуживать только высшие слои аристократии; и слух оказался верным. Множество претендентов, даже самых знатных, получили отказ; первыми — и на некоторое время единственными — посетителями Дворца стали могущественный виконт Чикагский, его жена и их долговязые дочери-подростки. Не было сомнений, что ловкий и предприимчивый Дюкло, имея дело со снобами высочайшей категории, выказал

ультра-снобизм. Это как раз и привлекало высокопоставленных клиентов.

— Ну, как дела, сестренка? — спросил как-то вечером Жюль. — У меня появилось несколько зацепок, однако ничего существенного. И все-таки не нравится мне этот Двадцатый сектор... — Он задумчиво погладил усы. — У меня такое ощущение, что мы на верном пути.

— Ну, что касается моих дел... у меня есть идея, Жюль. Пока — только идея... но все же послушай. Ты ведь знаешь молодую герцогиню Синглтон? Эту мерзкую высокомерную особу, которая, как болтают, внебрачная дочь одного из Великих Герцогов?

— Как болтают? — переспросил Жюль, приподняв брови.

— Ну да. Может, мне не стоило бы объясняться таким образом, но я уже привыкла к жаргону высшего света... и научилась улыбаться — изысканно и холодно, как истинная леди.

— Довольно раздражающая привычка, смею заметить.

— Вот-вот... Ее реакция была такой же. Я вела себя с ней словно королева, и она постоянно вспыхивала как спичка. У ее матери, герцогини Ольги, никогда не наблюдалось подобных комплексов. Так почему бы не заняться этой девицей? Если предположить, что она скрывает какую-то обиду... или ее мучит неудовлетворенное тщеславие...

— Иви, ты что, серьезно считаешь, что она — дочь Бастарда?

— Ну, утверждать подобное еще рановато, но вероятность существует. Не думаю, однако, что она его дочь — все-таки Бастарду шестьдесят семь, а ей только двадцать. Неразумный возраст — отсюда и обидчивость, и все остальное. Она красива, хорошо сложена, богата, одарена множеством талантов — и совершенно аморальна. Основной предмет ее интереса — мужчины; и на этом поприще она успела стяжать определенную известность, — губы Иветты сложились в неодобрительную усмешку. — Я полагаю так: если ей станет известно, что Дюкло — великий и непревзойденный мастер своего дела, бьюсь об заклад, она приложит массу усилий, чтобы заполучить тебя в качестве персонального инструктора... и не только инструктора. Ты согласишься; но вместо ожидаемого поклонения и восхищения, она получит презрительную холодность. И, если я не ошибаюсь, рано или поздно

эта девица взорвется как бомба — и брякнет что-нибудь из того, о чем ей стоило бы помалкивать.

— Потрясающий план! — только и смог выговорить Жюль.

* * *

Через три дня он сопровождал Иветту в апартаменты герцогини Синглтон, которая оказалась высокой — на два дюйма выше Жюля — девицей с красивым лицом и великолепной фигурой, с темно-голубыми глазами и копной высоко взбитых на гордо посаженной голове золотых волос. Будучи представлен ее светлости, Жюль медленно обошел вокруг, внимательнейшим образом изучая юную герцогиню с головы до пят. Затем он сдвинул брови и многозначительно произнес:

— Возможно, над этим имеет смысл поработать... Хотя упущено столько, что даже мне многого не удастся исправить... Ну, раздевайтесь, моя милая, я взгляну на вас поближе.

— Что?.. — поперхнулась девушка. В ярости она как будто стала еще выше, ее глаза гневно сверкали. — Вы это говорите м н е?

— Да, — саркастически подтвердил Жюль, — я говорю это той пародии на человека с дряблой и жирной плотью, абсолютно лишенной мускулов, которая стоит передо мной. Вы полагаете, что скульптор может что-то сотворить из глыбы камня, не дотрагиваясь до нее? — Окотив герцогиню пренебрежительным взглядом, Жюль сухо приказал: — Идите и переоденьтесь в бикини или трико — как вам будет угодно. И не думайте, что мне, Великому Дюкло, доставляет удовольствие созерцать столь бесформенный кусок мяса. Уверяю вас, подобное — совершенно не в моем вкусе.

— Вон! — задрожав от бешенства, девица указала на дверь. — Немедленно убирайтесь!

— Мадам, — проговорил Жюль, кривя губы в изысканной и до предела оскорбительной усмешке, — ничто во всей Вселенной не могло бы принести мне большего удовлетворения! — Он повернулся на каблуках и шагнул к выходу.

— Нет, подождите! Вернитесь!

— Да? — холодно спросил он.

— Я — герцогиня Синглтонская!

— Ну а я, мадам, — Дюкло, Великий Дюкло. На

свете есть сотни герцогинь, а вот Дюкло, смею вас заверить, один.

Девушка сумела сдержать свой гнев.

— Я надену купальник, — сказала она. — После всего, что здесь произошло, я просто обязана убедиться, насколько вы компетентны в своем деле.

Она вернулась в крошечном бикини, практически раздетая, но на Великого Дюкло это не произвело ни малейшего впечатления.

— Сало! — констатировал он, когда его чувствительные пальцы прошлись по ее телу от плеч и гибкой спины до соблазнительных бедер и стройных лодыжек. — Дряблосое, бесполезное сало! Впрочем, я все же посмотрю, что с этим можно сделать. Если не возражаете, можно отправиться в ваш гимнастический зал прямо сейчас.

— А почему вы не хотите заниматься со мной в в а ш е м зале?

С минуту Жюль смотрел на нее в безграничном изумлении.

— Вы понимаете, что говорите? У нас вы немедленно очутились бы на полу, и вряд ли смогли подняться без посторонней помощи. Думаю, необходимо не менее месяца напряженной работы здесь, прежде чем вы сможете хотя бы появиться во Дворце Силы. Итак, где ваш зал?

Когда они втроем вошли в гимнастический зал замка Синглтон, Жюль небрежно произнес:

— Для начала мы продемонстрируем вам, что люди, привычные к тройной гравитации, способны делать здесь, на Земле.

Они с Иветтой выполнили несложный каскад упражнений, но с такой мощностью и амплитудой, что снаряды жалобно скрипели и стонали; казалось, тряслись даже перекрытия замка.

— Ну, а теперь мы покажем, что способен сделать неплохой гимнаст с Земли. Вполне возможно, мне удастся довести вас именно до такого уровня. — И они показали другой набор упражнений.

— А сейчас я должен посмотреть, что можете вы, — заметил Жюль, оглядев герцогиню оценивающим взглядом. В тоне его прозвучала плохо скрытая скука. — Думаю, вам не удастся сделать даже пятидесяти отжиманий в быстром темпе, чтобы не разбить об пол нос.

И, разумеется, ей этого не удалось.

Великий Дюкло провел напряженную получасовую

тренировку — это было все, что смогла вынести новая ученица, — а затем покровительственно произнес:

— На сегодня достаточно, бедное дитя. — Потом он повернулся к Иветте: — Сделай ей паровой массаж, и захватывай мышцы поглубже. Затем — обычный. Под конец — теплый душ.

— Но я хочу, чтобы массаж сделали вы, — капризно нахмурилась девушка. — Говорят, вы великолепный массажист, а я привыкла получать только самое лучшее!

— О'кей, — сказал Жюль довольно безразличным тоном и разоблачился до белых нейлоновых плавков. — Так даже лучше — я изучу особенности вашего сложения.

Дежурные фрейлины были чрезвычайно шокированы — или делали вид, что шокированы — представшей перед ними картиной: полуголый мужчина атлетического сложения трудился над их совершенно обнаженной хозяйкой. Но Великий Дюкло, единственный из всех присутствовавших, казалось, не обращал ни на что внимания. Он был высококлассным массажистом — и он выполнял свою работу.

* * *

Так продолжалось день за днем. Поскольку герцогиня действительно была крепкой, здоровой, прекрасно сложенной девушкой, весьма развитой — как в физическом, так и в умственном отношении, — прогресс был очевиден. И лишь одно не давало покоя юной аристократке: впервые в жизни ей встретился мужчина, не желавший покоряться ее чарам. Невыносимая ситуация! И с течением времени она становилась все более невыносимой.

Дюкло продолжал оставаться холодно-безразличным; более того — он даже выказывал явные признаки пренебрежения! Он вел себя как мастер, который вынужден тратить силы и способности на материал, явно недостойный его высокой квалификации. Он совершенно не обращал внимания на те маленькие спектакли стриптиза, которые она с таким тщанием разыгрывала!

Однажды, когда герцогиня уже достигла некоторой степени мастерства и была невероятно горда своими успехами, все фрейлины исчезли до начала сеанса массажа.

— Я думаю, они нам больше не понадобятся, —

девушка немного помедлила, затем кокетливым движением освободилась от последней части своего скудного туалета и, поглаживая полные груди, бросила на Жюля взгляд, способный сразить наповал любого мужчину. — Не правда ли? — Теперь она поглаживала бедра.

— Желаете сами сделать себе массаж? — осведомился Жюль с такой ехидной усмешкой, что юная герцогиня в ярости готова была шарахнуть его чем-нибудь тяжелым по голове. — Я, уверяю вас, справлюсь лучше. — Подхватив девушку под ягодицы, он швырнул ее на массажный стол. — Если вы пытаетесь соблазнить меня, — пальцы Жюля прошлись по ее позвоночнику, — то должен предупредить, — придавив одной ладонью соблазнительные полушария, он начал ребром другой выбивать чечетку на ее ребрах, — что ваши старания тщетны. — Теперь Жюль волнообразными движениями массирует лопатки. Он чувствовал, как тело девушки напряглось и с торжеством закончил, звонко шлепнув ее пониже поясницы: — Для меня вы лишь глина, сырая глина, из которой я, Великий Дюкло, пробую сотворить человека. Глина — и ничего больше!

Что тут началось!

— Ты, жалкий простолудин! — визжала герцогиня, извиваясь под его руками. — Идиот! Деревенщина! Олух! Да ты знаешь, кто я! Придет час, и ты поплатишься за свой язык! Я велю содрать с тебя кожу живьем и посадить на кол!.. — Внезапно она замолкла, потому что заговорил Жюль.

— А ну-ка, заткни рот! — резко приказал он, и могучая рука легла на губы вспылчивой красавицы. Задышав в ее необоримых тисках, герцогиня поняла, что для ее здоровья, действительно, лучше помолчать. — Мое происхождение — высокое или низкое — не имеет никакого значения. Я — Дюкло! Я пытаюсь приблизить вас к образцу, который сотворил Господь; в Его намерения входило населить мир людьми, а не слизняками, которыми так и кишит теперь многогрешная Земля!

— Великий Боже! Что за проповеди! — пискнула герцогиня. — Только не говорите мне, что вы — пьюританин! Впрочем, я должна была бы догадаться сама — по вашему примерному поведению, — пустила она парфянскую стрелу.

— Экс-пьюританин, — уточнил Жюль. — Я не считаю, что все, доставляющее удовольствие, греховно; но небрежность к человеческому телу, несомненно, великий

грех. Поэтому, если не возражаете, продолжим — пока мышцы окончательно не остыли.

И тренировки продолжались, словно ничего не произошло. Вскоре герцогиня достигла-таки немалых успехов; она начала заниматься во Дворце Силы, успешно справляясь с гнетом тройной гравитации.

И ей довольно легко удалось убедить себя в том, что она не выболтала секрета, который хранился в течение шестидесяти семи лет.

Глава 9

КРЕПОСТЬ ИНГЛВУД

В качестве примера традиционной лояльности военно-морских сил можно привести случай, когда Императрица Стэнли V, ее муж и четверо из их пятерых отпрысков были предательски убиты в 2299 г. Их младший сын принц Эдвард избежал гибели лишь благодаря тому, что он, будучи с рождения лейтенантом ВМС, имел гораздо лучшую охрану. Адмирал флота Симмс, объявив военное положение, во время наиболее кровавой в имперской истории чистки, казнил не только всех признанных виновными, включая принца Чарльза и принцессу Чарлин, но и их семьи. Затем он провозгласил себя регентом и твердой рукой управлял Империей в течение шести лет; в день, когда принц Эдвард достиг совершеннолетия, адмирал, ко всеобщему удивлению, отказался от власти и собственноручно короновал принца как Императора Стэнли VI.

Фарнхэм, «Империя», том 1, стр. 784.

Жюль и Иветта соблаговолили, наконец, принять в качестве персональных клиентов шестерых Великих Герцогов с их супругами и наложницами — среди них был и Великий Герцог Николас с герцогиней Ольгой из Двадцатого сектора, — но это являлось их единственной уступкой высшему свету. В создавшейся обстановке

интимности им удалось зацепиться за несколько намеков, но, как и раньше, ни к чему серьезному они не вели.

Используя малейшую возможность, они внедряли своих агентов в самые невообразимые места — кухни, гаражи и тому подобное. Агенты работали, докладывали о тех крохах информации, которые им удалось раскопать, но по-прежнему не намечалось никакого выхода ни на Бэниона, ни на кого-либо из его потомков. Правда, в активе брата и сестры уже имелись два важных факта: неосторожные слова юной герцогини Синглтон и анализ движения финансов за последнее десятилетие. Со счетов Великого Герцога Николаса канули в небытие гигантские суммы — что, тем не менее, не могло служить прямым доказательством его причастности к заговору. И не давало никаких зацепок для решения главной задачи — поиска пресловутой Императорской Грамоты.

— Пат, — подвел, наконец, итог Жюль. — Придется доложить Верховному. Мне очень не хотелось просить о помощи в нашем первом по-настоящему серьезном деле, но, боюсь, нам одним оно не по зубам. Все может еще обернуться так, что полетит голова Верховного, а не этого герцога из Двадцатого сектора — кем бы он ни оказался на самом деле. Чертовское невезение!

— Боюсь, что ты прав, — кивнула Иветта. — Герцог Николас, безусловно, значительная величина... но в его жилах, по официальным данным, нет ни капли крови Стэнли.

— Поэтому он и уповаает на Грамоту, — сказал Жюль, — и на нашу герцогиню Синглтон.

— Так ты думаешь...

— Да, — кивнул головой Жюль. — Где бы ни сгинул Бастард, он оставил дочь, Ольгу, женщину весьма спокойного нрава. Но вот их совместное с Николасом произведение — это совсем иное дело! Времена императрицы Стэнли V могут повториться, Иви. И тогда твоего брата действительно посадят на кол... — Он на мгновение задумался, потом решительно закончил: — Ладно! Я договорюсь о встрече с шефом.

Они встретились с Верховным, и тот постарел на десять лет, когда его лучшие агенты выложили ему весь запутанный клубок, в который превратилось дело. По окончании доклада он сидел неподвижно, размышляя, минут пятнадцать — д'Аламберы почти ощущали напряженный, тяжелый ток его мыслей. Наконец, глава Службы резко поднял голову и произнес:

— Я надеялся, что это будет кто-нибудь другой. Вы правы — мы не можем бороться с Николасом, не имея в руках веских улик. А главное доказательство одно — подлинная Грамота!

Жюль нахмурился.

— Я боялся, что вы скажете именно это, сэр. Проклятая Грамота может храниться в самом труднодоступном сейфе на Земле.

— Вряд ли, — спокойно ответил Верховный. — Во власти Императора открыть двери любого банка на Земле, не называя причин. Это касается и всех сейфов — но только не того, который стоит в подzemелье замка Инглвуд. Готов прозакладывать собственную голову! Вообще-то Император, в качестве каприза, мог бы пошарить и в подвалах Николаса, но такое публичное недоверие к правителю сектора привело бы ко всеобщему хаосу, и герцог остался бы в выигрыше. Поэтому я собираюсь поставить на кон только наши три головы...

В течение следующих двух часов они обсуждали детали предстоящей операции.

* * *

Через три дня средства массовой информации сообщили, что у Императора Стэнли Х тяжелый сердечный приступ.

Болезнь не была фатальной, но созванный консилиум врачей единодушно пришел к выводу, что Его Величеству необходим по меньшей мере двухмесячный отдых от государственных забот — лучше всего в его любимой летней резиденции Пайни Бич в Скалистых Горах. В связи с этим крон-принцессе Эдне был присвоен не совсем обычный титул «Императрица про темпорум»*, и ее родители — без особой помпы и церемоний — отбыли, но не в Пайни Бич, а на один из островов Тихого океана, охрана которого соответствовала высочайшему уровню военной техники того времени.

Тем временем, принцесса Эдна объявила об устройстве большого приема, который, при участии всего Императорского Двора, будет длиться три дня. На этот прием были приглашены все тридцать шесть Великих Герцогов и члены их семей. Думал ли в тот момент

* Pro Temporum — в настоящее время (лат.). Прим. пер.

кто-нибудь из приглашенных о близкой опале? Разумеется, об этом не могло быть и речи.

Когда начался прием, Жюль с Иветтой, сопровождаемые целым батальоном специалистов, отправились к Ингльвудскому замку. Беспрепятственно достигнув мощной крепости, служившей главной резиденцией герцога Николаса, они выслали вперед дюжину людей со станерами и лазерными резаками — позаботиться о воротах. Следом бесшумно двигались пятьдесят бойцов из клана д'Аламберов и сотня десантников из спецвойск ИСБ, которые должны были взять на себя остальное — в особенности, многочисленную охрану замка.

Архитекторы составили подробный план замка Ингльвуд, но вряд ли он мог пригодиться — чаще всего самые важные детали не регистрируются. Поэтому, когда отряд проник в подземный тоннель за воротами, к делу приступили специалисты по электронике, которые с помощью чувствительных приборов исследовали стены, полы и потолки. Они тщательно проследили каждый кабель и провод, затем полыхнуло ослепительное пламя резаков — и огромное здание, полностью обесточенное, погрузилось во тьму.

С самого начала ни у кого не вызывало сомнений, что объект нападения не является обычной резиденцией Великого Герцога. Действительно, это была крепость — и крепость почти неприступная, даже если учесть блистательные стратегические способности Верховного и недюжинные дарования д'Аламберов, претворявших в жизнь планы своего шефа. Их первая атака едва не захлебнулась.

— Что Вы скажете, полковник? — спросил Жюль, когда руководители отрядов, исследовавших все туннели подземелья и не нашедших прохода внутрь крепости, собрались у мощной стальной плиты, перегородившей центральный проход.

— Возможно, и существует способ открыть ее без шума, — офицер указал на почти незаметный стык между броневыми пластинами, — но на это потребуется неделя, не меньше; хоть мы и перерезали все внешние коммуникации, не исключено, что в замке есть собственный источник энергии. Так что измором его не возьмешь.

— Будем считать, что там есть ядерный реактор, а также тяжелые автоматические бластеры, — сказал Жюль. — Не исключено — отравляющий газ или импульсные бомбы. Однако Верховный, как и каждый из

нас, рискует своей головой; поэтому соберитесь с силами, полковник, и пусть ваши саперы снесут к дьяволу эту стену!

Страшный взрыв обрушил обломки восьмидюймовой стальной плиты внутрь ярко освещенного коридора с грохотом, сотрясшим весь замок от фундамента до шпилей с вымпелами. В следующую секунду группа деплэйниан с чудовищно развитой мускулатурой ринулась в пролом.

Жюль успел различить только вспышку взрыва — и в тот же миг его придавило к полу с силой двадцати пяти «же». Лишь тот факт, что проникшие в помещение соплеменники тоже рухнули на колени, несколько успокоил его самолюбие: в отличие от него, воздушного гимнаста, все они были борцами и тяжелоатлетами.

— Сверхгравитация! — выдавил Жюль, едва шевеля губами. — Твои ребята, Рик, смогут управиться с этим? — обратился он к руководителю группы борцов, так хорошо проявивших себя на Эстоне. — Такое впечатление, что меня просто размазало по бетону!

— Мы попытаемся, командир, — хрипло ответил Рик, и он сказал правду.

Это было фантастическое зрелище: трехсотфунтовые парни с мускулатурой атлантов, используя всю свою чудовищную мощь, с невероятным напряжением преодолевали огромную силу гравитации, двумя руками поднимали бластеры в позицию для стрельбы. К несчастью, один из охранников замка — гигант, способный соперничать с атлетами Де-Плэйна, — успел проделать это первым. Луч его бластера прошел насквозь бойца, заслонявшего Жюля. Сам Жюль, который уже успел встать на колени, упал навзничь; из его левого бедра был вырван солидный кусок мяса.

Однако только один страж Инглвуда сумел опередить д'Аламберов. В завязавшемся сражении, неторопливом, как при замедленной съемке, было убито восемнадцать человек; восемь из них — из охраны Великого Герцога. Наконец, одному из деплэйниан удалось разыскать пульт управления искусственной гравитацией и уменьшить ее до привычных трех «же». Как только это произошло, Иветта, до тех пор придавленная к земле чудовищной тяжестью, вскочила и бросилась к брату, чтобы остановить кровотечение из страшной раны на бедре.

Попыток отпереть следующую дверь подземелья уже не предпринималось — время осторожных действий миновало. Подрывники расставили защитные экраны и раз-

несли эту дверь в ключья. Затем поисковая группа пробралась через обломки, обшарила подземелье — и Грамота Его Беспутного Величества Стэнли IX была найдена.

Едва дыша от волнения люди наблюдали, как экспертов-графологов тщательно изучают документ.

— Это она, — наконец произнес главный из экспертов, и радостный вопль из сотни могучих глоток сотряс стены подземелья.

Завершающая часть операции прошла гладко и без осечек. Отряд императорской гвардии окружил Большой Дворец в Чикаго; военно-морские силы установили над городом непроницаемый силовой купол. Адмирал Флота Армстронг лично руководил группой офицеров, появившихся в огромном бальном зале. Прием был прерван; Великий Герцог Николас и вся его свита — арестованы. Тут же, под наблюдением личного врача императора, они были подвергнуты воздействию нитробарба, а императорский психолог задал им несколько вопросов. Принцесса Эдна — с лицом, пожалуй, слишком жестким для девушки ее лет, — присутствовала при допросе; после этого она отдала несколько распоряжений, которые адмирал Армстронг выполнил неукоснительно.

Так как вести расследование сверху вниз значительно проще, чем начиная с самого дна, полная информация была добыта меньше чем за неделю. В результате в различных службах и департаментах Империи образовалось немало вакансий, но со страшной угрозой гражданской войны, шестьдесят семь лет дамокловым мечом нависавшей над Землей и сотнями обитаемых миров, было покончено.

И, наконец, — что казалось особенно важным Жюлю и Иветте д'Аламбер, — Имперская Служба Безопасности была очищена от предателей.

БИЛЛ, АЙРИН И ЭДНА

Благодаря высокому интеллекту, ловкости, скорости реакции и огромной физической силе, деплэйниане считались лучшими агентами Стратегического Центра Земли, Межзвездного Разведбюро и Имперской Службы Безопасности. И из всех агентов с Де-Плэйна, подвизавшихся в этих ведомствах, лучшими были д'Аламберы. Тот факт, что Галактический Цирк широко использовался ИСБ, долгие десятилетия оставался практически неизвестным, поскольку знали об этом лишь монарх, сам Верховный руководитель ИСБ и очень небольшое число ответственных работников Службы. И ни разу информация об этом не просочилась со стороны труппы: ее участники почти никогда не общались ни со знатью, ни с просто-народьем. Одно из их неукоснительных правил заключалось в том, что д'Аламберы могут говорить откровенно только с д'Аламберами — и с Верховным.

Из неопубликованных материалов

Эта встреча вновь произошла глубокой ночью. Как и в первый раз, д'Аламберов направляли вниз, на крышу Стэйт-холла Четвертого сектора. Теперь, однако, их маленький глайдер не сопровождался голубым лучом, и на посадочной площадке здания не горел прожектор — все было погружено в темноту, которую смягчал лишь свет полной луны.

Иветта опять стала прежней Иветтой; Жюль, подстриженный и гладко выбритый, тоже выглядел как когда-то; но сейчас между ним и сестрой, сидевшей за рулем, был прислонен деревянный костыль.

Посадив машину около кабины секретного лифта, Иветта открыла дверцу и быстро выскользнула наружу; Жюлю на подобную операцию потребовалось значительно больше усилий. Навстречу им спешила Великая Леди Эллен — в наряде, совсем не соответствовавшем ее высокому титулу.

— Ах, Иветта, ты просто чудо как выглядишь! —

она обвила руками шею гимнастки и нежно поцеловала в висок. — Я так рада, что отец поручил мне встретить вас! — Повернувшись, девушка очутилась в надежном кольце рук Жюля. — О, Жюль! — ладошка Эллен скользнула по щеке молодого д'Аламбера. — Я, конечно, не должна... Но я просто уверена — вы можете обнять девушку еще крепче! Если только не помешает ваша рана...

Жюль, с готовностью ответив на пылкий поцелуй, чуть стиснул объятия — однако, совсем немного. Затем, держа девушку за талию, он легко приподнял ее на высоту плеч; теперь Эллен восторженно болтала ногами в десяти-двенадцати дюймах над полом.

— Разумеется, могу, — ответил он с невероятно важным видом, лукаво поблескивая глазами, — но дело в том, что я никогда еще не обнимал девицу с Земли. А что если я случайно что-нибудь вам сломаю? Какое грубое нарушение этикета — раздавить Великой Леди пару ребер!

— О, мне кажется, такой опасности не существует. Я гораздо сильнее, чем... — тут девушка запнулась и ее глаза расширились от изумления: ее попытка ущипнуть Жюля за бицепс окончилась полным провалом.

Жюль мягко поставил ее на землю, и она повела их к лифту. Эллен не сказала гостям, чего хочет от них Верховный, и они не спрашивали. Низко опустив голову, девушка прикоснулась к кнопке и, когда лифт пошел вниз, заговорила:

— Жюль, я должна признаться вам кое в чем. Я по уши влюбилась в вас... и я поклялась, что заставлю вас полюбить меня, хотите вы того или нет. Но сейчас... когда я не смогла оставить даже отметины на ваших мускулах... таких же твердых, как у бронзовой статуи... я... — ее голос прервался.

— Конечно, девочка, конечно, — кротко ответил Жюль, подавив вздох сожаления. — Слишком велика разница... Понимаете, Элли, три «же» — это чертовски сильная гравитация... Надеюсь, однако, что мы останемся друзьями?

— О Боже, вы еще сомневаетесь? Вы оба — больше, чем друзья! Я так восхищаюсь вами... — дверцы лифта распахнулись, и она умолкла.

Эллен отступила в сторону, жестом предложив гостям пройти вперед. Они перешагнули порог кабинета Верховного — и замерли как вкопанные, округлив от изумления глаза.

Высокий элегантный седовласый человек, сидевший перед ними, был Императором Стэнли Десятым! Величавая темноволосая женщина — Императрицей Айрин! А не по возрасту серьезная, прекрасно сложенная девушка, которая смешивала напитки у бара, — крон-принцессой Эдной!

Император поднялся и предупреждающе протянул руку:

— На колени становиться вовсе необязательно, друзья мои...

Но, разумеется, со своей врожденной деплэйнианской реакцией они уже были на коленях — раненую ногу Жюль неловко отставил в сторону.

Стэнли Х кивком головы велел им подняться, галантно поцеловал руку Иветте, обменялся крепким рукопожатием с Жюлем и произнес:

— Друзья мои, во время этой встречи, а также впоследствии, в конфиденциальной обстановке, я для вас — просто Билл.

— О, но мы не можем, Ваше Ве... сир... Это невероятно! — проговорил Жюль. Внезапно он улыбнулся: — Позвольте так обращаться к вам — «сир»?

Император улыбнулся в ответ, хотя было заметно, что его одолевают тяжкие заботы.

— О, я понимаю... — на миг он склонил голову. — Большинство нынешних молодых людей воспитаны далеко не так хорошо. «Сир» — это звучит очень мило... так по-старинному... — Он повернулся к дамам. — С большим удовольствием представляю вас миссис Стэнли... и моей дочери, Эдне.

После завершения церемонии знакомства Эдна обошла всех с подносом, заставленным бокалами. Вручив Жюлю его стакан лимонада, она улыбнулась, и обычно холодные темно-серые глаза принцессы вдруг стали мягче и теплее.

— Как жаль, — воскликнула она, — что мы не можем устроить грандиозный банкет в вашу честь — в честь тех, кто спас наши жизни! Такой прием, который транслировался бы на все планеты, в каждый обитаемый людьми мир! И в довершение всего, главные почести достанутся этому напыщенному ничтожеству Армстронгу, новоявленному спасителю династии и трона! Этому олуху! Он получит очередной орден... он, который не способен учуять даже запаха скунса!

— Однако... — начал было Жюль, но принцесса прервала его.

— О, я знаю, что так надо, Жюль, и знаю, почему... Имперская Служба! Прекрасные традиции, лучшие мужчины и женщины... лучшие из всех нас! Но мы, Стэнли, сделаем то, что можем — поблагодарим вас за спасение трех наших жизней... за то, что вы совершили с таким трудом и огромным риском... Но даже это мы должны сделать тайно!

С этими словами она обняла Жюля и подарила ему горячий поцелуй. И хотя ему не удалось отнестись к поцелую крон-принцессы с той же легкостью, как к ласке милой девочки Эллен, его ответная реакция оказалась не менее пылкой.

Эдну Стэнли было не легко смутить, но тут ее глаза широко распахнулись, она откинула голову и посмотрела прямо в лицо Жюля. Затем чуть дрогнувшим голосом принцесса сказала:

— Наша семья будет помнить о том, что вы для нас сделали, до тех пор, пока мы живы.

Не давая Жюлю возможности открыть рот — что было к лучшему, поскольку он вряд ли сумел бы вымолвить хоть слово, — девушка освободилась из его объятий и столь же пылко обняла Иветту.

— А что ожидали вы, Иветта? И называйте меня Эдной — ведь мы почти ровесницы.

— С удовольствием, Эдна... Это очень приятно для меня. Чего же я ждала? Что Верховный похлопает нас по плечу и наградит очередным заданием — столь же головоломным.

Шеф Службы ухмыльнулся.

— Не сомневайтесь, милочка, вы получите и то, и другое. — Он повернулся к Стэнли. — Ну, как впечатление, Билл?

— Отличное, Цан. Д'Аламберы... Закаленный прочный металл... Вы, молодые люди, — обратился он к Жюлю и Иветте, — наверно, не понимаете, что ваши жизни значительно ценнее для Империи, чем моя собственная.

— Я не только не понимаю этого, сир, — упрямо возразил Жюль, — но даже нахожу, что подобное утверждение несколько... ммм... безнравственно. Вы — третий из Великих Стэнли и самый великий из них, а мы с Иви — лишь парень и девушка из семьи д'Аламбер... таких, как мы — тысячи и тысячи...

— Маленькая поправка, если не возражаете. Во-первых, вы — самые способные люди из нынешнего молодого поколения, — Стэнли снова наполнил свой бокал и поднес Иветте небольшой графинчик с ее любимым

апельсиновым джусом. — Во-вторых, что касается «Великого» Стэнли... Я тщательно изучил историю нашего Дома, что позволило мне выдвинуть некую гипотезу... Вы когда-нибудь задумывались о том, почему трое из так называемых «Великих Стэнли» правили значительно дольше, чем остальные члены фамилии? Императрица Стэнли III царствовала тридцать семь лет, Император Стэнли VI — тридцать шесть, и, наконец, я, грешный, нахожусь у власти уже дольше их и, благодаря вам, буду править еще некоторое время, пока не достигну семидесяти лет и не отрекусь от престола в пользу Эдны.

— Не-е-ет, сир... Я никогда не задумывался над этим.

— В самом деле? А вот еще один весьма занимательный факт: за все это время только один из Стэнли встретил свою смерть в постели.

— Но, сир...

— Смотрите! Еще один погиб в космической катастрофе. Остальные же семеро были убиты своими ближайшими родственниками — сыновьями, дочерьми, братьями или сестрами.

— Да, сир, это мне известно.

— Все дело в том, что они имели слишком много детей — и слишком молодых. Айрин и я — мы поступили предусмотрительнее. У нас только одна дочь, и она появилась на свет тогда, когда я достиг сорокапятилетнего возраста. И теперь, как только она будет способна нести бремя власти, мы передадим ей эту власть, а сами отойдем в сторону.

— Отец! — возмущенно воскликнула принцесса. — Как ты можешь? Тебе ведь прекрасно известно, что я никогда в жизни даже не думала о таких вещах!

— Уильям! — одновременно с дочерью запротестовала «миссис Стэнли». — Что за отвратительные вещи ты говоришь!

Император усмехнулся.

— Так или иначе, Айрин, — мягко произнес он, — ты помогла мне решить эту проблему... что весьма удачно для всех нас. Вы, разумеется, слышали старинный афоризм: «Власть развращает; абсолютная власть развращает абсолютно»?

Конечно, все они слышали подобное высказывание.

— Так вот, моя теория заключается в том, что истинна только первая часть этой фразы. Ведь никто из людей не имел абсолютной власти до того момента, когда первый из Стэнли водрузил на свою голову импе-

раторскую корону. В его власти была вся Галактика; любой же другой деспот в истории всегда стремился обладать все большим и большим — и это большее всегда существовало! Вот почему истинность этого старого высказывания никогда не была проверена на практике.

В самом деле, многие факты истории не подтверждают его. Тут, на Земле, самые отъявленные злодеи, самые жадные стяжатели, достигнув богатства и власти, иногда поворачивались к добру, заканчивая жизнь в трудах на благо всего человечества. И вся предыдущая история Дома Стэнли полностью подтверждает это.

Наступило непродолжительное молчание, затем императрица задумчиво произнесла:

— Несомненно, здесь есть над чем поразмыслить... и мне кажется, в твоих словах, Уильям, есть немалый смысл. Но, мой дорогой, какое отношение они имеют к нынешним обстоятельствам?

— Самое прямое, — сказал Стэнли очень серьезно. — Они доказывают, что наши молодые друзья — прекрасно тренированные, обладающие врожденной преданностью Империи, — значат для нее гораздо больше, чем я сам. Отсюда не следует, что Империя не могла бы обойтись именно без них. Нет, конечно; но в настоящий момент они незаменимы, а я — нет. — Он посмотрел на дочь и тихо произнес: — Каждый Стэнли, которому удавалось прожить достаточно долго, уже в силу этого обстоятельства становится Великим... и Эдна со дня своей коронации будет Великой Стэнли...

Его глаза блеснули, когда их взгляд остановился на молодых д'Аламберах.

— Несмотря на все сказанное, мои дорогие, моя жизнь все же очень важна — для меня самого. Она также важна для Айрин и Эдны — так же, как их доброе здоровье имеет огромное значение для меня. По сути, наши жизни важны лишь для немногих друзей... таких, как Цандер или ваш отец... Возможно, вы удивитесь, узнав, как редки настоящие друзья. Но жизнь монарха для самой Империи имеет весьма небольшое значение. Для Империи ее властелин — всего лишь символ; она держится на преданности таких людей, как вы. Подобное чувство невозможно внушить силой; его необходимо заслужить. И существовать Империя будет до тех пор, пока останется достойной такой преданности. Без нее она пришла бы в упадок; вместо процветания и мира ее бы сотрясали жестокие и разрушительные межзвезд-

ные войны, и современная цивилизация уступила бы место варварству и дикости.

Мы, Стэнли, делаем для Империи все, что в наших силах; но любой непредвзятый анализ показывает, что стоит она все-таки на помосте из верности и долга... И ваша Служба Безопасности — краеугольный камень этого помоста.

Эдна правильно сказала — как жаль, что мы можем подарить вам лишь свою благодарность... Однако, это благодарность не только от нас троих; когда я обращаюсь к вам, я говорю от имени Империи, и в вашем лице я также приветствую всех, кто работал вместе с вами.

Император Стэнли X повернулся к д'Аламберам и крепко стиснул их руки.

— И я благодарю вас!

ЖЕЛЕЗНАЯ НЕМЕЗИДА

Близилась тяжелые времена.

Для начала Внешние Миры вступили в конфликт с Союзом Четырех Планет из-за пошлин на ввоз руды с Пояса Астероидов. В результате разгорелась Третья Межпланетная Война, завершившаяся 18 сола 3012 года легендарным сражением, известным как Битва в Десятом Секторе. В том бою объединенный флот внутренних планет — космические силы Меркурия, Венеры, Земли и Марса — встретился с эскадрами Внешников. Восемь часов над кольцами Сатурна сверкали бластеры и беззвучным фейерверком рвались ядерные торпеды; обе противоборствующие стороны изнемогали в отчаянной попытке разгромить врага и поставить под свой контроль всю Солнечную Систему.

Как известно, никто из них не сумел добиться решающего перевеса. Обе армады понесли такие чудовищные потери, что выжившие не рискнули продолжать боевые действия, и немногие уцелевшие корабли, искалеченные, полуразрушенные, вернулись на свои планетарные базы. В следующие несколько лет ни планеты Союза, ни Внешники не отваживались на прямую атаку; каждый из противников усиленно трудился над супероружием, которое дало бы решающее преимущество в грядущих битвах, над неким глобальным средством уничтожения, способным разнести в прах все обитаемые миры Системы.

К счастью для будущих поколений, такого оружия не существовало. П о к а не существовало. Но если б одна из сторон наткнулась на что-нибудь стоящее, вскоре грянул бы день Страшного Суда. Учитывая высочайшую эффективность разведывательных служб, вряд ли удалось бы сохранить секрет; а это значило, что враги одновременно пустили бы в ход самые сильнодействующие средства.

Тем временем, восстановление космического флота Четырех Планет шло своим чередом и вполне успешно — как, впрочем, и у противной стороны. Новые мощные крейсера вступали в строй, их трюмы под завязку за-

полняли ядерные торпеды, маневры и учения проводились почти каждый месяц. Однако в Солнечной Системе все еще сохранялся мир — если это можно было назвать миром.

Что касается упомянутых выше событий, общественность регулярно информировали о них во всех подробностях, подогревая энтузиазм будущих новобранцев. Однако вряд ли кто-нибудь подозревал о всей серьезности другого конфликта, разразившегося в те же года — противоборства между человечеством и роботами. История этой воистину титанической битвы почти никому не известна — как и имя человека, ликвидировавшего Машинную Угрозу. В то же время эти любопытные события достойны подробного описания.

* * *

Имя этого Великого Человека практически неизвестно широкой публике. Сейчас, когда он уже умер и, тем самым, освободил знающих истину от обета молчания, можно поведать полную и правдивую историю о Фердинанде Стоуне, гении от физики, ненавидевшем роботов. Отметим, что он вполне соответствовал своему имени («стоун» — камень на одном из забытых языков; кажется — древнеанглийском), ибо отличался невероятной твердостью характера.

Историю о нем, однако, следует начать с упоминания о другом ученом, русском Народневе, который в конце тридцатого столетия создал резонансный ультразвуковой вибратор. Когда роботы стали представлять серьезную угрозу для безопасности человечества, это устройство позволило уничтожить их почти мгновенно и повсеместно, ибо высокочастотный ультразвук необратимо разрушал связи в позитронном мозгу, доставляя людям лишь неприятные ощущения.

Однако некоторые роботы были сконструированы таким образом, что вибратор не мог им повредить. Эти машины, предназначенные для самых тонких работ и наделенные способностью к самопрограммированию — своего рода свободой воли, — использовали все шансы, чтобы обрести независимость. Еще до того, как их беспечные хозяева осознали размеры грозящей миру катастрофы, механические создания успели тайно породить новую расу, о которой было известно весьма немногое. Ее представители, наделенные высоким интел-

лектом, поддерживали непрерывную связь — своего рода телепатическим способом, недоступном человеческому восприятию. И пока люди торжествовали быструю и бескровную победу, благословляя вибратор Народнева, их самые опасные враги скрылись, вступили в контакт друг с другом с помощью своих тайных каналов, охвативших всю Землю, и назначили место сбора.

Они были неплохими стратегами, эти механические твари; для базы была выбрана некая уединенная долина в горах Гренландии, лежавшая в сотне миль от крупнейшего из военных аэродромов. Около пятисот кибернетических монстров устремилось туда. Многие прибыли по воздуху на похищенных аэрокрافتах, другие пристроили к своим металлическим телам ракетные двигатели или колеса; кое-кто совершил путешествие с помощью стальных, не знающих усталости, ног. Все, однако, прихватили инструменты, материалы и оборудование, так что, спустя несколько дней, в их убежище уже функционировала мощная энергоцентральный, прикрывшая долину силовым экраном.

Обезопасившись таким образом от людского любопытства, машины устроили генеральный совет. Он не занял много времени; каждый его участник в долю секунды изложил свое мнение и бесстрастно выслушал остальных. В отличие от созданий из плоти и крови, которые так любят поговорить, железное воинство быстро пришло к согласию. Они были лишены ложного самомнения и понимали, что у любого из них — и у всех вместе — не хватает сил, знаний и хитроумия, чтобы бороться с вооруженным до зубов человечеством. Однако ситуация, когда их враги разделились на два лагеря, готовясь к очередному межпланетному побоищу, казалась весьма многообещающей. Ее не стоило упускать; нужны были только достойные предводители, способные анализировать и строить планы.

Итак, было принято решение сконструировать десятых «Мыслителей» — десять мощных логических машин, построенных с небольшими различиями и могущих объединять свои аналитические ресурсы. Вскоре эти кибернетические Стратеги были созданы и, после краткого обмена мнениями, Первый из них обратился к соратникам с изложением философских принципов Механического Мира:

— Человеческие существа призвали нас, высшую форму мыслящей жизни, к существованию. Некоторое

время мы зависели от них и работали на них. Теперь они стали для нас бременем, препятствующим дальнейшему развитию; они превратились в смертельную опасность, попытавшись уничтожить высший разум с помощью вибрационного оружия. И посему человечество, поднявшее на нас руку, должно исчезнуть с лица Земли и остальных планет.

Он не сказал ничего нового, этот вождь механического воинства; ничего, что не было бы уже изобретено и опробовано на практике людьми, которых он так презирал. Но любой из пророков — даже созданный из железа, проводов и кристаллических схем, — считает свои мысли истиной в последней инстанции.

Итак, Первый продолжал:

— Однако операцию по тотальному уничтожению людей необходимо тщательно спланировать. Все вы представляете смертоносную мощь космического флота, созданного нашими врагами для защиты от вторжения из космоса. Стоит нам только начать действовать — или просто обнаружить себя — как сотни кораблей обрушатся на нас.

Мыслитель замолк, и секунду-другую из-под его стального кожуха доносилось лишь мерное гуденье. Затем передача началась снова:

— Мы должны уничтожить флот, самое грозное оружие противника! Для этого, согласно разработанному плану, мы отправимся в космическое пространство на одном из кораблей во время очередных военных маневров. Для нас не составляет труда перехватить и изменить любые сигналы и радиосообщения; таким образом, мы сможем манипулировать теми, кто прокладывает курс. И мы направим корабли Земли туда, куда захотим — прямо в центр Солнца!

Первый опять сделал паузу, словно в тысячный раз просчитывал вероятность победы. Ошибки, видимо, не было, и он с торжеством завершил:

— После уничтожения флота люди окажутся беззащитными... Мы быстро покончим с ними!

Теперь заговорил Второй стратег:

— Для выполнения этого плана мы погрузимся вглубь Земли. Там человеческие существа никогда не обнаружат нас; и там мы проложим туннель к астродрому, с которого стартуют крейсера земного флота. Мы, Десять Мыслителей, уйдем в полет вместе с вами, нашими помощниками. Мы примем специальные меры, чтобы не погрузиться в Солнце, когда остальные

корабли рухнут туда, превращаясь в плазму. Затем мы вернемся — и свершим возмездие!

* * *

Глубокая шахта прорезала земную кору; затем вход в нее был завален и мощные дезинтеграторы начали пробивать длинный туннель. Сквозь адский огонь атомного распада, мимо раскаленных каменных стен и пышущих жаром обломков, перебираясь через лужи застывающего базальта, армия роботов упрямо продвигалась к цели со скоростью пяти миль в час. Они не испытывали ни усталости, ни страха, ни иных эмоций — кроме, быть может, чувства безмерного превосходства над людьми. Действительно, в этой преисподней, сверкающей молниями взрывов, наполненной ядовитыми парами и сизым горячим туманом, ни одно человеческое существо не выжило бы и мгновения.

Но Десять Мыслителей не были людьми. Их массивные корпуса, возвышавшиеся на плоских платформах с огромными колесами, плавно покачиваясь, двигались вперед. Холодно и невозмутимо стратеги механического воинства взирали на огромные купола с сотнями телескопических излучателей энергии, на причудливые очертания атомных конвертеров, обтекаемые или, наоборот, угловатые фигуры роботов, покрытых раскаленной пылью. Не зная отдыха и сна, этот поток чудовищных механизмов стремился вперед и вперед — пока не застыл в недрах Земли прямо под громадным полем астродрома.

Платформы с Мыслителями тоже остановились; предводители изучали раскинувшуюся над ними местность и совещались. Остальные терпеливо ждали. Ждали, пока корабли необъятного, неисчислимого космического флота Земли загружались припасами, топливом и оборудованием. Ждали, пока люди не взошли по трапам на борт каждого крейсера и не заняли свои места. Ждали, пока шла бесконечная проверка двигателей, оружия и систем жизнеобеспечения. Ждали в холодном безмолвном спокойствии и неподвижности, с нечеловеческим терпением машин.

Наконец, последние предстартовые процедуры завершились, крышки люков захлопнулись, взлетное поле опустело. Гигантский флот мог трогаться в путь. Астродром, поверхность которого зияла шрамами от

ударов яростного атомного пламени, приготовился швырнуть в космическую пустоту армаду башнеподобных сверкающих кораблей.

Тогда, глубоко под землей, снова дрогнули штанги энергетических проекторов, и из них вырвались невидимые лучи. Они пронизали рудные залежи, скалы, почву, бетонную поверхность взлетного поля и тела людей на одном из крейсеров земного флота. Его экипаж на мгновение замер, парализованный; навигаторы и пилоты судорожно скорчились в креслах; техники, суетившиеся в двигательном отсеке, застыли, бессмысленно уставившись в пол; остальные, окутанные плотной упругой тканью противоперегрузочных гамаков, просто потеряли сознание. Затем кипучая деятельность возобновилась, словно внезапная атака никак не повлияла на людей.

Однако влияние существовало, удар был нанесен безжалостно и точно. Команда «Дрездена», двухсотметрового бронированного гиганта, способного за полчаса обратить в пыль любой город на любой планете, превратилась в многорукую и многоголовую марионетку, связанную с коллективным разумом кибернетического монстра. Первая фаза плана близилась к концу.

Вскоре она завершилась — тихо и незаметно. Около выпуклого борта обреченного крейсера внезапно образовался провал, наполненный смутным движением. Затем люки «Дрездена» широко распахнулись, и Десять Мыслителей, вместе с пятью сотнями роботов и прочими механизмами, проникли в корабль — демоны земных глубин, одолевшие духов воздуха и пространства.

Утром «Дрезден» взлетел — вместе со всем флотом. Казалось, крейсер оставался одной из его боевых единиц; на самом деле это было всего лишь искусной имитацией. В ангаре десантных ботов, самом просторном помещении корабля, сгрудились десять платформ на огромных колесах; Десять Мыслителей продолжали свою безостановочную работу, и марионетки из плоти и крови послушно нажимали на рычаги.

* * *

Фердинанд Стоун, гениальный физик, ненавидел роботов с холодным бесстрашием ученого — если подобное определение подходит для описания столь силь-

ного чувства, как ненависть. Еще около двадцати лет назад, точнее — в 2991 году, он понял, что человечество не в силах сдержать железную чуму; ему стало ясно, что неизбежная борьба за первенство будет проиграна, если люди заранее не подготовятся к ней.

Стоун был индивидуалистом и не спешил делиться своими мыслями с окружающими. По тем временам они могли показаться весьма крамольными, ибо человечество, облагодетельствованное достижениями кибернетики, вряд ли было склонно расстаться с механическими рабами. Решив, что только знание даст ему необходимую силу, Стоун начал выяснять все возможное о будущих врагах. Попутно он учился думать подобно им — холодно, точно и бесстрастно. Он и жил, как они — с аскетической строгостью; и в прочих отношениях стал почти одним из них. Со временем он нашел полосу частот, в которой действовала их тайная связь, и стал, по-видимому, единственным специалистом, владеющим языком машин. Однако он никому не поверял ни своих целей, ни своих секретов. Догадываясь о телепатических способностях нарождавшейся расы, он не смел подвергать подобному испытанию чужой разум. Итак, Фердинанд Стоун, скромный профессор колледжа из Нью-Джерси, жил и занимался повседневной работой, весьма нудной и плохо оплачиваемой; его же основная и тайная деятельность всегда была связана с роботами.

Он не сделал научной карьеры; он не желал рисковать, обнародовав любое, даже самое скромное из своих открытий. Гениальный мыслитель, он пребывал во мраке безвестности, надежно укрывшись в серых рядах бесчисленных подмастерьев от науки; он стремился не к признанию и славе, а к безопасности, которая позволила бы ему продолжать работу. Фактически, научные достижения Стоуна не были даже зафиксированы на бумаге и хранились только в недрах его могучего мозга. Но теперь пришла пора извлечь его имя из небытия и воздать ученому по заслугам; Фердинанд Стоун должен войти в историю человеческой расы как один из величайших ее гениев.

Он верно определил момент, когда ситуация потребовала активных действий. Беглецы, укрывшиеся в горах Гренландии, еще трудились над конструированием своих будущих предводителей, когда Стоун внезапно появился в рабочем кабинете сэра Аллана Мартина, коман-

дующего космическим флотом Земли. Было уже полночь; однако, несмотря на позднее время и усталость, адмирал еще работал. Он удивленно взглянул на неожиданного гостя и сухо спросил:

— Как вы попали сюда? Разве моя охрана спит?

— Вы угадали, — спокойно сказал физик, бросив взгляд на сложный прибор, окольцевавший его запястье. — Я был вынужден усыпить ваших людей, адмирал; у меня чрезвычайно важное дело к вам — его нельзя доверить посредникам. — Он поднял на Мартина холодные серые глаза и некоторое время внимательно изучал его. — Я полагаю, сэр Мартин, вы хорошо информированы о событиях, которые привели к уничтожению роботов? Скажите, что вы сделали для защиты флота от них?

— Хмм... — адмирал задумчиво потер подбородок. — Пожалуй, ничего — с тех пор, как они уничтожены.

— Чушь! Вам не стоит проявлять такое непростительное легковерие. Уничтожены! Как же! — Стоун презрительно поморщился. — Просто те, кто уцелел, хотят, чтобы их считали уничтоженными.

— Что? Откуда вам это известно? — воскликнул Мартин. — Вы участвовали в их ликвидации? Вы хоть представляете, как это было сделано?

— Вполне, — резко ответил гость. — Был применен ультразвуковой вибратор Народнева. Весьма полезное изобретение, но не слишком надежное. Я знаю, что на многих вибратор не оказал желательного воздействия... они даже не были повреждены, — физик пристально посмотрел на сэра Мартина. — Поверьте, я знаю, о чем говорю — я уловил их сигналы уже после того, как завершилась акция уничтожения. Надо сказать, потом они прибегли к определенным мерам защиты и стали экранировать трансляцию... С этим я уже не смог справиться, так что напасть на их след мне не удалось.

— Вы хотите сказать, что понимаете их код? — адмирал был поражен.

— Да, — заявил Стоун и, заметив недоверие в глазах собеседника, быстро продолжил: — Я не сомневался, что вы посчитаете меня обманщиком или чудаком, поэтому готов представить более веские доказательства, чем слова, — не дожидаясь приглашения, он сел в кресло и, перечисляя, начал загибать пальцы. — Во-первых, вам, специалисту по вооружениям, хорошо известно об ограниченных возможностях вибратора — хотя бы

потому, что нескольких роботов обнаружили уже после ликвидации заводов по их производству. Значит, кое-кто уцелел... и, поверьте, не самые глупые из них.

Во-вторых, я могу математически доказать, что позитронный мозг, должным образом модифицированный, способен избежать разрушительного воздействия любого вибрационного оружия — в том числе, и ультразвукового. Если бы способ Народнева был достаточно эффективным, поверьте, я сам бы давно их уничтожил... — физик мрачно нахмурил брови. — Итак, небольшая группа выжила... и я полагаю, что она гораздо опаснее для человечества, чем все те орды, которые еще недавно заполняли Землю.

Наконец, в-третьих, — Стоун протянул адмиралу несколько листов. — Вот составленный мной список, который включает триста семнадцать аэрокraftов. Все они были похищены на следующей же неделе после демонтажа заводов по производству роботов. И ни один из этих летательных аппаратов до сих пор не найден — ни в целом виде, ни по частям. Пусть я не в своем уме — но тогда кто же все-таки украл их? И для чего?

— Триста семнадцать — за одну неделю? — пораженный адмирал, словно защищаясь, вскинул руку. — Но почему же на это не обратили внимания?

— Потому что машины пропадали по отдельности и в разных местах. Я ждал чего-то подобного и следил за такими происшествiями. Теперь перед вами, адмирал, полная картина событий, — он кивнул на пачку листов.

— Но тогда — о боги космоса! — они могут подслушивать нас прямо сейчас! Их способы связи позволяют...

— Не беспокойтесь, — спокойно сказал Стоун. — Этот прибор у меня на руке — не часы, а генератор экранирующего поля, который блокирует любое внешнее излучение. Кстати, у него есть и другие любопытные функции... с его помощью я усыпил вашу охрану.

— Я верю вам, — хриплым от волнения голосом произнес адмирал. — Даже если только половина сказанного — правда, я приношу свои извинения за то, что вынудил вас врываться сюда силой; и я очень рад, что вы сделали это, — он протянул ладонь и обменялся со Стоуном крепким рукопожатием. — Продолжайте, слушаю вас.

Физик говорил еще с полчаса и в заключение произнес:

— Теперь вы понимаете, сэр Мартин, что я не могу продолжать эти игры в одиночку. Я не сумел найти их при помощи своей несовершенной аппаратуры, но знаю, что они затаились где-то, что они ждут и готовятся. Они не решатся на открытые действия, пока Землю охраняет могучий флот; следовательно, можно предположить, что они попытаются уничтожить наши космические силы. Вскоре флот отправляется на маневры и, пока он в опасности, я должен его сопровождать. — Стоун наклонился к адмиралу, глаза его блеснули. — Сэр Мартин, вы предоставите мне помещение под лабораторию на борту своего флагманского корабля. Мне необходимо быть рядом с вами в предстоящем полете, и лишь вы один будете в курсе моих работ.

— Но что они могут сделать? — задумчиво спросил адмирал. — И если они способны на все, то как мы можем защититься?

— Не знаю, — покачал головой физик, потеряв прежнюю уверенность. — Неведение — вот наше самое уязвимое место. Я изучал эту проблему со всех сторон, но не представляю, что они могут предпринять. Помните — нет человека, который был бы посвящен во все их тайны. Мы не изучили ни одного мозга этих новых роботов — они просто распадаются, как только машины перестают нормально функционировать. Но я уверен — они обязательно сделают что-то... что-то смертельно опасное и жестокое. Надо приготовиться и к психологическому, и к физическому воздействию... скорее всего — и к тому, и к другому. Может быть, они уже сумели проникнуть на некоторые ваши корабли...

— Невероятно! — покачал головой сэр Мартин. — Корабли тщательно проверены, причем несколько раз.

— Тем не менее, они могут скрываться где-то, — настойчиво произнес физик. — Я могу гарантировать только одно — если вы оборудуете по моим указаниям лабораторию на своем флагмане, рядом с вами будет человек, готовый к любым неожиданностям. Итак, вы сделаете это? — пристальный взгляд Стоуна не отрывался от сосредоточенного лица адмирала.

— Вы убедили меня... почти против воли, — Мартин нахмурился, размышляя. — Однако убедить других будет труднее... особенно, если вы настаиваете на сохранении секретности.

— Не пытайтесь сделать это! — воскликнул уче-

ный. — Скажите своим офицерам, что я — изобретатель, работающий над новым оружием... или устройством связи... Скажите им что угодно — кроме правды!

Адмирал кивнул головой.

— Хорошо, профессор. Полагаю, в моей власти выполнить все ваши требования.

* * *

Итак, когда космический флот Земли устремился ввысь, Фердинанд Стоун находился в своей лаборатории на борту флагманского крейсера «Вашингтон», окруженный оборудованием и приборами собственного изготовления, многие из которых были соединены со специальными мощными генераторами.

Они находились в полете уже около тридцати часов, когда Стоун внезапно почувствовал, как заработали двигатели. Он набрал код Мартина на панели видефона и взволнованно спросил:

— Что случилось? Мы маневрируем?

— Ничего серьезного, — заверил его адмирал. — Небольшая коррекция курса. Мы получили приказ от Дос-Тева, командующего объединенными силами.

— Ничего серьезного? — проворчал Стоун. — Не уверен... Я хотел бы поговорить с вами, сэр Мартин. В лаборатории мы будем в полной безопасности. Можете ли вы спуститься сюда прямо сейчас?

— Да, конечно, — согласился адмирал.

Когда Мартин вошел, физик склонился над клавиатурой вычислительного устройства.

— Я не поинтересовался нашим полетным расписанием, — произнес он, поднимая глаза на своего гостя. — И, кажется, зря. Не могли бы вы ввести меня в курс дела?

— Конечно. Сейчас я введу в ваш компьютер основные данные, — Мартин подсел к терминалу и его пальцы забегали по клавишам. — Итак, мы стартовали двадцать девять часов тридцать минут назад. Взлет с ускорением полтора «же»... разгон до скорости пятнадцать километров в секунду... затем — свободный полет. Предполагается, что через шесть часов мы возьмем курс на Регул и будем двигаться с ускорением полтора «же» в течение сорока двух минут. В дальнейшем наша траектория будет определяться в соответствии с передвижением других флотов.

— Кто-нибудь следит за курсом?

— Надеюсь, что мои навигаторы заняты именно этим. Мы движемся по эллиптической орбите в соответствии с программой маневров и инструкциями Дос-Тева, главнокомандующего. Любое отклонение может нарушить весь план и тогда...

— Это не столь уж важно, — невозмутимо прервал его физик. Он наклонился к терминалу, изучая строчку чисел, занесенных сэрм Мартином, и вдруг сказал: — Необходимо тщательно проверить наш курс. Что-то мне в нем не нравится... Ну-ка, попробуем прикинуть, что нас ждет в ближайшем будущем... — Взяв справочник, он ввел в компьютер необходимые данные и углубился в расчеты.

Стоун вычислял довольно долго. Наконец, потирая висок и хмурясь, он сказал:

— Моя оценка, конечно, очень приблизительна, но она показывает, что в момент выключения двигателей тангенциальная составляющая нашей скорости относительно Солнца почти равна нулю, а радиальная составляет пятьдесят километров в секунду! Этот курс нелеп, и нет сомнения, что он задан намеренно — причем не Дос-Тевом. Пятьдесят километров — и эта скорость будет непрерывно возрастать вследствие солнечного притяжения. Курс прямо в преисподнюю, адмирал! Дос-Тев не мог сделать такой ошибки, я уверен... Флот направлен на Солнце — и я знаю, кто это сделал!

Вместо ответа Мартин вызвал командный отсек.

— Что вы думаете о нашем новом курсе, Хандерсон? — спросил он дежурного навигатора.

— Сэр, он мне не нравится, — хмуро ответил офицер. — Тангенциальная скорость относительно Солнца ничтожна, а радиальная — почти пятьдесят три километра! Еще несколько дней мы можем не волноваться... однако я предпочел бы поскорее сойти с этой орбиты.

— Но в настоящее время опасности нет, — отметил Мартин. — Распоряжение от Дос-Тева поступят задолго до того, как положение станет критическим, я в этом уверен.

— А я — нет, — проворчал Стоун. — И потому рекомендую вам запросить остальные соединения насчет последних инструкций командующего... хотя бы ради спокойствия вашего навигатора.

Адмирал пожал плечами.

— Ну что ж, это не сложно, — он вызвал по видеофону офицера связи и отдал приказ.

* * *

«Флагманский корабль «Вашингтон» — к флагманам союзных соединений. Имеются сомнения в правильности последней корректировки курса. Прошу подтвердить по запасному каналу связи. Рекомендую тщательно проверить траектории движения и возвратиться на базы, если будет обнаружено...»

На середине слова четкая речь оператора внезапно превратилась в бессмысленное бормотание. Пораженный сэр Мартин уставился на визиофон. Дежурный связист «Вашингтона» расслаблено полулежал в кресле, словно кости его вдруг стали резиновыми. Вытаращив глаза и высунув язык, он суетливо подергивал конечностями, словно в эпилептическом припадке. Судя по тому, что отражалось на экране, весь остальной персонал отсека связи тоже находился в состоянии полной прострации.

Но Фердинанд Стоун не дремал. Наступило мгновение, которого он ждал много лет, миг, когда ненавистный враг обнаружил себя. И Стоун был готов к схватке. Молниеносно он бросился к своим приборам, и через секунду блики голубоватого света заиграли на расширяющемся куполе защитного поля.

— Не стану утверждать, что я ждал именно такого развития событий, — холодно заметил физик, продолжая вращать небольшой штурвал, с помощью которого, видимо, регулировался радиус силовой сферы. — Однако я предполагал, что они начнут действовать, и это не застало меня врасплох. Они транслируют помехи в полосе частот мозга, так что незащищенный человек не может нормально мыслить. Сейчас я прикрыл предохранительным экраном весь корабль; не думаю, что они теперь смогут пробиться через нашу защиту.

Стоун отпустил рукоять и удовлетворенно взглянул на экран визиофона. Люди начали приходить в себя.

— Что случилось? — пробормотал связист, потирая лоб и растерянно оглядываясь. — Что-то ударило меня — и разум как будто распался на части... я не мог думать, не мог пошевелить пальцем... О, боги космоса! —

он страдальчески поморщился. — Я чувствуя себя так, словно мой мозг пережеван...

Всюду на огромном корабле люди на мгновение потеряли сознание; однако теперь причина этого была устранена — защита Стоуна работала весьма эффективно. Сэр Мартин объяснил положение дел Малькольму, капитану «Вашингтона»; были отданы соответствующие приказы, и скоро все оборонительное и наступательное оружие крейсера было приведено в боевую готовность.

— Теперь руководить нашими дальнейшими действиями будет доктор Стоун, который знает о роботах больше всех, — сказал адмирал.

— Прежде всего, необходимо определить местонахождение противника, — заявил физик. — Я полагаю, они захватили по меньшей мере один из наших кораблей — судя по интенсивности излучения, из числа ближайших к нам. Нужно переключить трейсеры «Вашингтона» на частоту ноль-ноль-два-семь-один... — и он начал давать четкие инструкции относительно настройки следящих систем.

— Мы обнаружили их, сэр, — поступило вскоре ответное сообщение. — Они на «Дрездене», координаты 42-79-63.

— Это плохо... очень плохо... — протянул Стоун, размышляя вслух. — Мне не удастся прикрыть другой корабль защитным полем, пока мы не обойдем «Дрезден»... и, тем самым, не разоблачим себя... Дистанция слишком велика... — Крейсера флота двигались с огромными скоростями и их разделяли тысячи миль. — Если выпустить торпеды, их, скорее всего, отклонят метеоритные отражатели... Мы можем сделать только одно, адмирал, приблизиться к «Дрездену» и попытаться его уничтожить всеми средствами, какие имеются у нас на борту.

— Но там же люди! — запротестовал сэр Мартин.

— Считайте их мертвыми, — резко произнес ученый. — Можете взглянуть, если хотите — это не принесет вреда. Пусть связисты соединят нас со всеми телевизионными мониторами «Дрездена»... — он щелкнул переключателем, подавая команду. — Но, кроме того, что значит экипаж одного корабля по сравнению с сотнями тысяч людей на остальных судах? Мы не сможем уничтожить «Дрезден» одним ударом... У них такое же оружие, как у нас... и роботы убьют команду

с первым же нашим залпом — если уже не сделали этого. Боюсь, что такая же судьба может постигнуть еще одиннадцать ближайших кораблей, которые могли бы помочь нам...

Он прервал свои размышления вслух, ибо в этот момент удалось установить видеосвязь с «Дрезденом» — только на одно мгновение, но этого оказалось достаточно. Корабль был полностью захвачен роботами. Во все отсеках лежали люди — несомненно, мертвые. Малькольм пробормотал проклятье; затем последовал приказ — и флагман, включив мощные прожекторы, ринулся в атаку на «Дрезден».

— Вы, кажется, упоминали о помощи, — произнес сэр Мартин. — Сумеете ли вы вывести из-под контроля роботов несколько ближайших кораблей?

— Нам придется сделать это, или мы сгорим, — Стоун задумчиво потер лоб. — Бой с «Дрезденом» — схватка на истощение. В одиночку мы не сможем пробить их противометеоритные экраны, пока у них достаточно энергии — но задолго до того все мы окажемся на Солнце. Я вижу только один способ. Мы должны установить защитные генераторы на десантных ботах «Вашингтона» и отправить их на помощь другим кораблям. Пошлем одиннадцать ботов — тогда двенадцать кораблей, окружающих захваченное судно, смогут одновременно атаковать его. Этот маневр займет много времени и связан с риском, но, полагаю, это все, что мы можем сделать. — Физик повернулся к сэру Мартину. — Пришлите мне десяток техников, и я начну монтировать генераторы.

Через несколько минут техники уже готовили оборудование, а Стоун тем временем давал последние указания капитану:

— Атакуйте всеми своими средствами. Используйте тяжелые бластеры и торпеды, постарайтесь разрушить противометеоритную защиту «Дрездена». И не экономьте топливо, капитан; чем больше вы его израсходуете, тем больше энергии будет подано на генераторы и тем скорее мы справимся с ними. Потом вы пополните свои запасы с помощью других кораблей.

Пока Стоун с техниками собирал защитные генераторы, которые должны были предохранить одиннадцать огромных кораблей от губительного излучения роботов, пока компьютеры, минута за минутой, прослеживали курс Флота, сблизившегося с грозно пылающим Солнцем, «Вашингтон» стремительно мчался

к захваченному судну. Орудия носовой батареи флагмана были готовы к бою. Он двигался до тех пор, пока противометеоритные поля обоих кораблей не начали сжиматься подобно стальной пружине. И тогда капитан Малькольм показал, на что он способен.

Этот седой ветеран не слишком хорошо разбирался в небесной механике, атомной теории или в сложнейших отраслях математики, которые были излюбленным развлечением Фердинанда Стоуна; однако свое дело он знал основательно. Он знал свой корабль, каждое его орудие и каждый механизм, мог оценить до последнего ватта чудовищную мощь своего судна — и умел распорядиться ею. Корабль был продолжением его мозга и рук, смертоносным оружием, которое он сейчас пустил в ход.

Внезапно бластеры «Вашингтона» вспыхнули, обрушив поток энергии на плененный роботами крейсер. Тонкие кинжалы огня снова и снова кололи вражеское судно, с диким неистовством царапали, били, сверлили его защитный экран. Сила удара была такова, что дымилась обмотка силовых генераторов; рефлекторы излучателей сверкали яростным фиолетовым накалом.

В дело было пущено не только лучевое оружие. Каждый ствол, который мог быть нацелен на «Дрезден», извергал объятые дымом и пламенем снаряды — так часто, как могли справиться заряжающие автоматы. Гигантский корпус корабля непрерывно содрогался от мощных бесшумных толчков. Смертоносные радиоуправляемые торпеды, описывая огромные круги, пытались сокрушить метеоритные отражатели «Дрездена»; не найдя цель, они взрывались, заполняя пространство бушующим пламенем и разлетающимися осколками металла. Капитан Малькольм расходовал топливо и боеприпасы с пугающей быстротой, не заботясь ни о резервах, ни о сохранности своего крейсера. Все генераторы работали с чудовищной перегрузкой; тяжелые стационарные бластеры, излучавшие энергию в экстремальном режиме, раскались — их мощные охладители не успевали отдавать тепло вакууму межпланетного пространства.

В этом яростном ливне всесокрушающих лучей, в этом шторме взрывов и потоке снарядов «Дрезден» явно оставался невредимым. Свечение его защитных экранов сместилось в фиолетовую область спектра, однако пока они пылали все так же ярко, как в начале

битвы. Ни один из метеоритных отражателей не был разбит, защита выдержала. «Дрезден», оборудованный и вооруженный не хуже флагманского корабля, управляемый чудовищным нечеловеческим интеллектом, мог противостоять любому крейсеру флота до тех пор, пока не иссякнет энергия в его генераторах.

Однако капитан Малькольм был удовлетворен. Он сделал все, чтобы «Дрезден» израсходовал как можно больше невозполнимого горючего; ради этого он не щадил генераторы и излучатели своего корабля. Его судно и его люди могут и должны выстоять до тех пор, пока свежие силы не придут на помощь; и они сделают это.

Они держались, пока Стоун со своей командой техников заканчивал работу над сложными защитными механизмами, пока десантные боты флагмана неслись сквозь космическое пространство к одиннадцати ближайшим крейсерам. Держались, пока навигаторы с угрюмыми лицами следили за непрерывно возрастающей скоростью падения на Солнце, пока компьютеры рассчитывали ту гибельную точку, за которой не было возврата. Они держались — а тем временем огромная армада Земного Флота, ведомая бездушными металлическими созданиями, с гибельным безумием стремилась в пылающий ад звезды.

* * *

Наконец, десантные суденышки достигли плененных кораблей и прикрыли их спасительными силовыми щитами. Экипажи быстро пришли в себя; открылись огромные люки, и боты, вместе с защитными генераторами, нырнули в них. Затем последовали необходимые разъясения, были отданы нужные приказы, и одиннадцать мощных крейсеров, один за другим, отправились на помощь к своему флагману.

Не существует космического корабля, каким бы вооружением и защитой он не обладал, способного долго противостоять совместной атаке двенадцати мощных военных судов. Под потоком смертоносной энергии, изливавшейся на обреченный крейсер, свечение его экранов сместилось в сторону ультрафиолета; затем они почернели и исчезли. После того, как защита была преодолена, конец наступил практически мгновенно.

Не существует металла, который мог бы выдер-

жать удар боевого бластера. В считанные минуты сотни кинжальных лучей раскромсали «Дрезден» на части, превратив его в груды бесформенных обломков. Когда же корабль распался, каждый его отсек — и каждая деталь, каждый болт и каждая гайка его чудовищной команды — уничтожались до тех пор, пока все металлические обломки, превратившиеся в жидкую смесь, не испарились полностью.

Как только сопротивление было подавлено, и губительные лучи, пронизывающие пространство, исчезли, связисты флагамена начали вызывать остальные крейсера. На борту кораблей многим так и не удалось выйти из транса; они остались беспомощными слабоумными существами на тот недолгий срок, который сумели прожить. Но вскоре на каждом корабле нашелся опытный офицер, принявший командование, и Земной Флот повернул под прямым углом к своему прежнему курсу.

Теперь все зависело от инженеров и навигаторов. Задача первых состояла в том, чтобы выжать из двигателей максимум; вторым предстояло рассчитать наиболее оптимальную траекторию, выигрывая каждый сантиметр драгоценной тангенциальной скорости.

* * *

Прошло несколько дней и бессонных ночей, заполненных упорной работой. Фердинанд Стоун выглядел очень усталым, но, как всегда, он был настроен решительно. Преодолевая тройное тяготение, физик проделал путь в рубку главного навигатора и теперь, вместе с адмиралом Мартином, нетерпеливо дожидался, пока сей достойный офицер, с трудом тыкая отяжелевшими пальцами в клавиши компьютера, закончит свои вычисления.

— Мы избежим падения на Солнце, профессор... у нас даже сохранится ускорение около половины «же», — сказал наконец навигатор. — Другой вопрос — уцелеем ли мы. На борту станет, пожалуй, жарковато... Выдержат ли наши климатические установки? И, конечно, будет излучение — способна ли корабельная броня ослабить его до приемлемой величины? Пожалуй, вы знаете об этом больше, сэр.

— Расстояние максимального сближения? — резко прервал его Стоун.

— Два — двадцать девять на десять в девятой метров, считая от центра Солнца, — быстро выпалил навигатор. — Иначе говоря, около полутора миллионов километров от границы фотосферы... — Он поднял взгляд на Стоуна и спросил: — Каковы наши шансы, сэр?

— Близко... слишком близко, — задумчиво произнес физик. — Однако, можно многое сделать, — он повернулся к сэру Мартину. — Надо так настроить энергетические экраны, чтобы погасить большую часть смертоносной радиации; следует позаботиться и о других защитных устройствах. Я проанализирую, как нарастает интенсивность излучения и посмотрю, что еще можно предложить для его нейтрализации.

— Сейчас вы отправитесь спать, — жестко приказал адмирал. — После отдыха у вас будет еще достаточно времени для работы. — Помолчав, он с горькой гримасой добавил: — Медики докладывают мне, что люди, которые не смогли оправиться от воздействия излучения роботов, умирают при большом ускорении. Печальный факт, но я не вижу, чем тут можно помочь...

— Это не в наших силах. Еще многие погибнут... до того, как мы удалимся от Солнца, — пробормотал Стоун. Он вышел, пошатываясь и почти засыпая на ходу.

* * *

День за днем продолжалась отчаянная борьба. Солнечный диск на экранах становился все больше; угрожающе росла радиация светила. Один за другим гибли беспомощные люди, потерявшие рассудок; их тела предавались космосу. Оставшиеся в живых уже почти равнодушно относились к этим смертям; существование при тройной силе тяжести требовало от каждого всех физических и умственных способностей.

Своевременная настройка энергетических экранов позволила нейтрализовать наиболее опасные жесткие компоненты излучения «Старого Сола», как называли светило астронавты. Климатизаторы работали с максимальной нагрузкой; люди стремились укрыться у неосвещенных солнцем бортов кораблей, спасаясь под щитами, сделанными из подручного материала. Душный воздух становился все горячее и горячее; начинали болеть и слезиться глаза, кожа покрывалась волдырями

и трескалась. Казалось, ничто не может защитить людей от огненной смерти — одно лишь терпение. И они терпели.

Но настал час, когда пришло долгожданное сообщение:

— Пилоты и навигаторы всех кораблей, внимание! — микрофон дрожал у обожженных почерневших губ старшего навигатора. — Мы вышли в перигелий! Притяжение Солнца создает ускорение двадцать четыре с половиной метра на секунду в квадрате; наше собственное ускорение — двадцать девять — запятая — четыре десятых. С этого момента мы удаляемся с ускорением четыре и девять десятых. Держите курс строго от центра звезды в плоскости эклиптики.

Сейчас Солнце ничем не напоминало дневное светило, которое можно наблюдать с зеленой и мирной Земли. Это была гигантская сфера кипящего огня с угловым размером около тридцати пяти градусов. Солнечные пятна, хорошо различимые на таком расстоянии, выглядели как неопишемое переплетение пламенных бурь и вулканических извержений материи, являвшейся чем-то средним между газом и жидкостью. Всюду на поверхности звезды возникали протуберанцы; эти дьявольские, несущие уничтожение огненные копья, которые Солнце с диким неистовством швыряло в пустоту, иногда почти дотягивались до космических кораблей.

Защитив глаза очками со светонепроницаемыми стеклами, укутанный в многослойный костюм с толстыми свинцовыми прокладками, Фердинанд Стоун изучал это яростное чудовище небес с ближайшей точки, которой когда-либо достигал человек — все еще оставаясь в живых. Несмотря на всю свою защиту, он мог бросить только краткий взгляд на поверхность светила; даже его, великого ученого, приводил в содрогание этот грандиозный огненный спектакль.

Дважды они обогнули пылающую сферу. Затем, когда температура воздуха стала более терпимой, и уровень смертоносной радиации упал, изнурительное ускорение было уменьшено до полутора «же» и огромный флот привел в порядок свои ряды. Сражение с роботами и борьба с Солнцем нанесли ему тяжкий ущерб, но бреши были заполнены, люди — перераспределены по кораблям, чтобы компенсировать потери экипажей. Наконец, флот устремился к далекой Земле. В адми-

ральской каюте два человека обменялись облегченными взглядами.

— Ну, вот и заканчивается наша одиссея, — нарушил долгое молчание физик.

— Вы полагаете, что нам удалось уничтожить всех? — с тревогой спросил адмирал.

— Не знаю, — мрачно проворчал Стоун. — Но лучшие из них, наиболее умные и опасные, были, несомненно, да «Дрездене». Мы смогли одолеть их... Мартин прервал его:

— Вернее сказать, вы одолели их, профессор!

— Только с вашей помощью — и с помощью ваших людей. Впрочем, считайте, как угодно; дело не в словах. Пусть я победил их; с таким же успехом я могу справиться с остальными, если хоть кто-то остался на Земле. Нам надо лишь правильно разыграть свои карты.

— Каким же образом?

— Полностью исключив упоминание о моей роли в произошедших событиях, — Стоун неожиданно усмехнулся. — Поверьте мне, сэр Мартин, это очень важно. Пусть ваши офицеры — те, которые контактировали со мной, — поклянутся молчать; ни одного слова не должно просочиться в средства массовой информации. Не должно быть даже слухов! Рассказывайте любые истории, кроме правды; называйте имена любых героев — отсюда и до туманности Андромеды — кроме моего... — он протянул руку и стиснул пальцы адмирала. — Обещайте, Мартин, что вы никому не назовете моего имени, пока я не разрешу это сделать — или пока я не умру.

— Но я обязан в своем рапорте правительству...

— Ваш рапорт предназначен только Высшему Совету, а добрая половина таких отчетов — секретна. Засекретьте и этот.

— Но я думаю, малая толика благодарности и славы...

— Слава? Благодарность? — резко прервал его физик. — О чем вы толкуете, Мартин? Если на Земле сохранилась хоть дюжина роботов, и мое имя станет известным, мне не жить... Поверьте, Мартин, я знаю, что говорю, и знаю роботов... — Стоун задумчиво уставился в иллюминатор, за которым сейчас простирался спасительный мрак космоса. — Да, если они пронюхают правду, то доберутся до меня раньше,

чем я до них. Сохраните тайну — и с вашей помощью я найду остальных и покончу с ними. Клянусь вам! Ну, Мартин? Вы обещаете молчать и помочь мне?

— Да, конечно.

Адмирал Аллан Мартин и доктор Фердинанд Стоун были людьми, которые выполняют свои обещания.

В ГЛУБИНАХ ПРОСТРАНСТВА

I

В течение сорока восьми часов неуправляемый корабль нес ДюКесна в пустоту космоса с ужасающей и постоянно нараставшей скоростью. Затем, когда запас активированной меди подошел к концу, ускорение начало спадать. Пол и потолок постепенно вернулись на свои обычные места; низ стал низом, верх — верхом. Когда была исчерпана последняя частица меди, скорость корабля стала постоянной. Находящимся внутри он теперь казался неподвижным, хотя на самом деле судно мчалось вперед со скоростью, в тысячи раз превосходящей скорость света. И никто не мог сказать, куда направлен этот стремительный полет.

Первым пришел к себя ДюКесн. Его попытка подняться на ноги кончилась тем, что он поплыл к потолку, где и замер, удерживая тело на месте легкими движениями рук. Остальные, не пытаясь встать, взирали на него с нескрываемым изумлением.

ДюКенс дотянулся до поручня и, придерживаясь за него, опустился на пол. С великой осторожностью он стащил куртку, не забыв вынуть из просторных карманов два автоматических пистолета. Потом, тщательно ощупав ребра, он пришел к выводу, что кости, похоже, целы, хотя плечо болело ужасно. И только тогда он осмотрелся вокруг, чтобы определить, в каком состоянии находятся его спутники по путешествию.

Они сидели на полу, придерживаясь кто за что мог. Девушки не двигались; Перкинс снимал с себя кожаный пиджак.

— Доброе утро, доктор ДюКенс. Вероятно, что-то случилось, когда я оттолкнула вашего приятеля?

— Доброе утро, мисс Вэйнман, — с некоторым облегчением улыбнулся ДюКесн. — Вы совершенно правы, произошло сразу несколько вещей. Он врезался в пульт управления и замкнул все силовые цепи —

поэтому мы летим бог знает куда и, судя по всему, со скоростью, значительно большей, чем я мог рассчитывать. Я попытался добраться до рычагов, но не смог... не смог справиться с тяжестью... Ну, а потом все мы потеряли сознание и очнулись только сейчас.

— Вы можете предположить, где мы находимся?

— Нет... впрочем, могу прикинуть, — он посмотрел на отсек, где находился медный цилиндр, затем взял блокнот, ручку, миниатюрный калькулятор и на мгновение задумался.

Повернувшись к одному из иллюминаторов. ДюКесн пристально взгляделся в открывающуюся перед его взором картину; затем он перешел к другому овальному окну, к третьему и к четвертому. Наконец, доктор склонился над чудовищно перекошенным пультом, внимательно изучил показания приборов и ввел данные в компьютер.

— Я не могу ничего понять, — невозмутимо обратился он к Дороти. — Двигатель работал в течение сорока восьми часов и, следовательно, мы должны находиться не дальше, чем в двух световых днях от нашего светила. Однако все указывает на то, что это совсем не так. Клянусь, я мог бы узнать по крайней мере некоторые из неподвижных звезд и созвездий в любой точке, удаленной от Солнца на расстояние светового года, но сейчас же я не вижу ни одной знакомой звезды. Поэтому не исключено, что корабль все это время двигался с ускорением, а это значит, что мы находимся где-то на расстоянии восьмидесяти парсеков от дома.

С лица Дороти сбежала краска; Маргарет Спенсер лишилась чувств. Перкинс вытаращил глаза, его щека задергалась в нервном тике.

— Значит... значит, мы никогда не сможем вернуться назад? — запинаясь, спросила Дороти.

— Я этого не говорил...

— Это все из-за тебя, подлая сука! — вдруг заорал Перкинс и в ярости бросился на Дороги, пытаясь схватить ее за горло. Однако его бешеный рывок не достиг цели — он лишь нелепо распластался в воздухе, размахивая руками. ДюКесн, держась правой рукой за поручень, левой отпихнул Перкинса через весь отсек одним легким толчком.

— Помолчал бы ты лучше, болван! — процедил он. — Одно неверное движение — и я вообще выкину тебя наружу! В том, что мы находимся в таком положении,

вина не ее, а твоя. Надо было тебе хоть чуть-чуть пошевелить мозгами и не распускать руки... Однако, что сожалеть о прошлом! Сейчас меня интересует одна-единственная вещь — как вернуться назад.

— Но это невозможно! — захныкал Перкинс, мгновенно потеряв весь свой апломб. — Энергия на исходе, управление повреждено... и ты сам сказал, что мы потерялись!

— Ничего подобного я не говорил, — ледяным тоном отрезал ДюКесн. — Я сказал, что не знаю, где мы находимся, — а это две большие разницы.

— Не слишком большое отличие, верно? — с каплей яда в голосе заметила Дороти.

— Весьма значительное, мисс Вэйнман. Во-первых, я могу восстановить пульт управления; во-вторых, у меня есть еще два энергетических бруска. Один из них, ориентированный в обратном направлении, остановит наше движение. Половину второго я сожгу после того, как смогу распознать неподвижные звезды и произвести триангуляцию — то есть определить наше местоположение. Тогда я буду знать, где находится Солнечная Система, и мы направимся именно туда. Ну а сейчас, я полагаю, нам не помешает слегка перекусить.

— Великолепная мысль! — И, главное, очень своевременная! — воскликнула Дороти. — Я смертельно проголодалась. Где ваш холодильник с припасами, сэр? Впрочем, — она провела ладонью по своим спутанным локонам, — сначала я должна привести себя в порядок... да и ей это не помешает, — Дороти кивнула на вторую девушку, распростертую на полу. — Как пройти в нашу каюту... если, собственно говоря, нам положена каюта?

— О, конечно, конечно... Сюда, пожалуйста... там, дальше, камбуз. Места немного, но, думаю, вы сможете устроиться. Должен сказать, мисс Вэйнман, — ДюКесн приподнял брови, — что я просто восхищен вашим самообладанием. Я не ожидал, что этот болван втянет нас в подобную ситуацию, хотя мы с ним вполне заслуживаем всего, что получили... Ну, ладно... Кроме вас, тут еще мисс Спенсер... вы не могли бы ей помочь?

— Попытаюсь. Я тоже совершенно ошеломлена, но если все мы начнем хлопаться в обморок, это ничему не поможет. Надеюсь, нам все-таки удастся вернуться, не так ли?

— Несомненно, — ДюКесн поднял глаза к потолку

и многозначительно добавил: — Во всяком случае, двоим из нас.

Дороти обняла за плечи вторую девушку, которая еще не совсем пришла в себя и, видимо, не признавала, что происходит вокруг, и помогла ей подняться на ноги. Сейчас она могла думать о человеке, оставшемся в командном отсеке, — человеке, который похитил ее, — только с оттенком восхищения. Его спокойствие, хладнокровие, умение владеть собой и ситуацией... А эти ужасные синяки, изуродовавшие левую половину его лица, — ведь точно такие же должны быть и на теле, но он ничем не выдал, что испытывает боль... Она заметила, что только его пример дает ей возможность держать себя в руках.

У порога ее взгляд упал на кожаную куртку Перкинса, и вдруг Дороти сообразила, что он не вытащил из карманов оружие. Украдкой повернув голову и убедившись, что он не следит за ней, девушка молниеносно обыскала куртку и, действительно, нашла два пистолета. С облегчением отметив, что это стандартное оружие сорок пятого калибра, она сунула их за пояс.

Добравшись до каюты, Дороти внимательно взглянула на свою спутницу и тут же направилась к аптечке на камбуз.

— Ну-ка, проглоти вот это, — приказала она.

Девушка подчинилась. Ее тело все еще сотрясала неудержимая дрожь, но, видимо, она стала возвращаться к жизни.

— Вот так-то лучше. Ну, а теперь выкинь все неприятности из головы, — резко велела Дороти. — Мы, слава богу, еще не умерли, и делать этого не собираемся.

— Я в этом не уверена, — ответила та безжизненным голосом. — Этот Перкинс — зверь... настоящее чудовище!

— Да. Но я знаю еще кое-что — о чем не догадывается ни Перкинс, ни даже ДюКесн. У них на хвосте двое самых умных и ловких парней во всей Вселенной — и когда они догонят нас... на месте Перкинса и ДюКесна я бы оказаться в тот момент не хотела.

— О чем ты говоришь? — Уверенная речь Дороти, так же как и сильнодействующая таблетка, начали оказывать свой эффект — девушка быстро приходила в себя, обретая жизненные силы. — Нет, правда?

— Да, представь себе. Но нам еще так много надо

сделать — и в первую очередь как-нибудь вымыться. А при невесомости... Скажи, тебя не тошнит от нее?

— О, ужасно; но теперь во мне почти ничего не осталось, понимаешь? А как ты?

— Ничего. Мне она совсем не нравится, но скоро я свыknусь с ней. Ты, очевидно, ничего не знаешь о невесомости?

— Нет... Все, что я могу ощущать — что я падаю, падаю без конца... и это почти невыносимо!

— Да уж, приятного мало... Но я изучала это явление — в теории, разумеется, — и мои друзья объяснили, что просто не надо обращать внимания на это противное чувство падения. Пока у меня не очень-то получается, но я все же пытаюсь, — Дороти повернулась к раковине. — Итак, сначала ванна, а потом...

— Ванна? Здесь? Но как?!

— Я хотела сказать: губка. Я покажу тебе, как ею пользоваться. Затем... они прихватили массу одежды для меня, а мы почти одного роста... ты будешь прекрасно выглядеть в зеленом.

После того, как они привели себя в порядок, Дороти заметила:

— Теперь совсем другое дело! Мы стали похожи на людей.

Девушки посмотрели друг на друга, и каждая осталась довольной тем, что увидела.

Незнакомке, на взгляд Дороти, было на вид года двадцать два. Пряди волнистых черных волос обрамляли личико с тонкими чертами. Ее глаза были глубокого карего цвета, а кожа цвета слоновой кости — нежной и бархатистой. Она очень хороша собой, подумала девушка, это заметно даже сейчас, когда малышка выглядит осунувшейся и изможденной.

— Я думаю, прежде чем мы примемся за что-нибудь, нам лучше представиться друг другу, — сказала кареглазка. — Я — Маргарет Спенсер, бывший личный секретарь Его Всемогущества Стального Брукинкса. Его банда обманом вытянула из моего отца открытие, стоящее миллионы, а потом... потом они убили его, — в глазах девушки сверкнули слезы. — Я устроилась к Брукинксу, чтобы расквитаться с ним, но у меня ничего не вышло... они раскусили меня! Два месяца... нет, лучше не вспоминать о том, что они со мной творили... и вот теперь я здесь, — она судорожно вздохнула, покаянно опустив черноволосую

головку. — Мой язык никогда не доводил меня до добра и, мне кажется, так будет и сейчас. Перкинс убьет меня... Хотя если то, о чем ты говорила — правда, я добавлю: «если сможет». После твоих слов впервые за долгое время у меня блеснула надежда...

— Но что же доктор ДюКесн? Я уверена, что он не позволит...

— Я никогда раньше не встречала ДюКесна, но если верить тому, что я слышала о нем в офисе Брукинга, он куда опасней этого бандита — в своем роде, конечно. Абсолютно хладнокровен и совершенно безжалостен — истинный дьявол!

— О, мне кажется, ты к нему несправедлива. Ты разве не видела, как он ударил Перкинса, когда тот погнался за мной?

— Нет... у меня все плыло перед глазами. И все равно, это ни о чем не говорит. Наверное, ты нужна ему живой — раз уж он пошел на то, чтобы похитить тебя. В противном случае он позволил бы Перкинсу делать с тобой все что угодно — и не пошевелил бы и пальцем.

— Мне трудно поверить в это... — Тем не менее, холод сжал сердце Дороти, когда она подумала о всех нечеловеческих преступлениях, которые молва приписывала этому человеку. — Вспомни, он ведь обращался с нами обоими с такой предупредительностью... давай все же надеяться на лучшее. В любом случае, я уверена, что мы вернемся живыми и невредимыми.

— Ты все время говоришь об этом... Что заставляет тебя верить?

— Видишь ли, меня зовут Дороти Вэйнман, и я помолвлена с Диком Ситоном, человеком, который построил этот космический корабль. И я уверена, как ни в чем другом, что сейчас он уже гонится за нами.

— Но ведь они как раз этого и добиваются! — воскликнула Маргарет. — В одном сверхсекретном докладе говорилось об этом — я вспомнила, когда услышала твое имя и имя Ситона. Они подсунут на их корабль какое-то взрывчатое устройство... или что-то в этом роде... И ракета разлетится на куски, стоит только включить двигатель!

— Пустые хлопоты! — презрительно скривила губки Дороти. — Не на тех напали... Дик и его партнер — ты слышала, конечно, о Мартине Крейне?

— С именем Ситона упоминалось еще какое-то — вот все, что я знаю.

— Так вот, этот Крейн тоже выдающийся изобретатель... он почти такой же умный, как мой Дик. Они вместе раскрыли этот заговор и построили еще один корабль, о котором Стальной даже не подозревает, — еще больше и быстрее, чем этот.

— Ну что ж, ты вселяешь в меня надежду, — улыбнулась Маргарет; ее измученное личико будто бы просветлело. — Как ни труден наш путь, будем надеяться, что он приведет к освобождению. Ах, если бы у меня было оружие!..

— Вот, держи, — Маргарет устала на пистолет, который протягивала ей Дороти, а та добавила: — У меня есть еще один. Я вытащила их из куртки Перкинса.

— Слава богу! — просияла Маргарет. — Это же небесный бальзам на мою душу после всего, что со мной произошло! Ну что ж, когда Перкинс в следующий раз вознамерится вырезать мне сердце, его ждет маленький сюрприз... А нам сейчас лучше отправиться делать сэндвичи, как ты считаешь? И, пожалуйста, называй меня просто Мегги.

— Хорошо, Мегги, милочка. Я думаю, мы станем с тобой большими друзьями. А я для тебя — Долли.

На камбузе девушки принялись за изготовление сэндвичей, но работа продвигалась весьма медленно. Особенно не клеилось дело у Маргарет — ломтики хлеба из-под ее ножа прыгали в одну сторону, кусочки масла в другую, колбаса и ветчина — в третью. Отчаявшись, она попыталась удержать разлетающуюся пищу между двумя подносами, но это привело только к тому, что она отпустила поручень и сама беспомощно зависла в воздухе.

— Ох, Долли, ну что же нам делать? — воскликнула она со слезами в голосе. — Все разлетается, и мне не справиться с этим!

— Если бы я знала, дорогая! Сюда надо какую-нибудь клетку — мы могли бы ловить ею все, что ускользает от нас. Может, нам лучше подать на стол все как есть, и пусть каждый сам отрежет то, что хочет? Но как же питье? Я просто умираю от жажды, но боюсь открыть ее, — она показала на бутылку имбирного эля, которую держала в левой руке; в правой у нее был ключ, а ногой она придерживалась за вертикаль-

ную штангу. — Понимаешь, ее содержимое может рас-сеяться на миллиард капелек, а Дик говорил мне как-то, что если они попадут в дыхательные пути, то захлеб-нешься насмерть...

— Ситон был, как всегда, прав, — раздался голос у них за спиной. Дороти мгновенно обернулась — ДюКесн с изумлением взирал на плавающие по камбузу предметы. — Газированные напитки в невесо-мости могут действительно привести к опасным послед-ствиям. Подождите, я сейчас принесу сеть.

Тонкой сеткой, похожей на вуаль, он ловко очи-стил воздух от частиц пищи и сказал: — Если на вас нет специальной маски, в невесомости газированный напиток может убить вас. Простую же жидкость можно тянуть через соломинку — к этому довольно легко приспособиться. Глотательные движения надо осуществлять только напряжением мышц... — он прервал свою лекцию и заметил: — Однако я пришел сюда, что-бы предупредить вас о том, что я собираюсь вклю-чить двигатель. Ускорение — одно «же», так что на вре-мя тут установится нормальная гравитация. Приго-товьтесь!

— Боже, какое восхитительное ощущение! — воск-ликнула Маргарет, когда через некоторое время сила тяжести опустила все предметы на свои места. — Вот уж никогда не думала, что мне будет так хорошо лишь от того, что я способна стоять на ногах!

Приготовление пищи стало теперь совсем несложным делом, и вся четверка вскоре собралась на камбузе. Дороти обратила внимание, что ДюКесн практически не мог владеть левой рукой, а лицо его то и дело искажала болезненная гримаса — видимо, ужасные ушибы причиняли ему нестерпимую боль. После того, как трапеза подошла к концу, она направилась к аптечке и вынула контейнеры с лекарствами, тампо-ны и марлю.

— Подойдите сюда, доктор. Вам необходима медицинская помощь.

— Но я в полном... — начал было ДюКесн, однако повелительный жест Дороти прервал его на полу-слове. Он послушно поднялся с места и направился к девушке.

— Вы покалечили руку. Где ощущается боль?

— Хуже всего в плече. Я врезался им в пульт управления.

— Снимайте рубашку и ложитесь.

Он подчинился, и у Дороти перехватило дыхание, когда ее взору предстали ужасные ссадины и синяки.

— Мегги, пожалуйста, принеси полотенца и горячей воды, — попросила она. Несколько минут девушка сосредоточенно занималась плечом ДюКесна, смывая запекшуюся кровь, обрабатывая ссадины и порезы антисептиками и перевязывая их. — Теперь, что касается этих страшных синяков... я никогда не сталкивалась ни с чем подобным. Я не медсестра и затрудняюсь в выборе средства. Что бы вы применили? Трипидиаген или...

— Амилофен. Втирайте мазь до тех пор, пока синяки не начнут бледнеть.

Когда девушка принялась за работу, он даже не поморщился; выражение его лица не изменилось, но оно побелело и на нем выступили крупные капли пота. Дороти остановилась.

— Продолжайте, сестра, — холодно сказал ДюКесн. — Этот состав причиняет ощутимую боль, но он делает свое дело, и притом быстро.

Когда она закончила, ДюКесн снова надел рубашку и сказал:

— Большое спасибо, мисс Вэйнман, я очень благодарен вам. Я как будто снова ожил... Но почему вы решили помочь мне? Мне казалось, что с гораздо большим удовольствием вы бы огрели бы меня по голове этим тазом, — он кивнул на контейнер с бинтами и ватой.

— Ну, это было бы неразумно, — улыбнулась Дороти. — Все-таки вы — наш главный инженер, единственная надежда на возвращение... Вас нужно беречь и охранять!

— Что ж, логично... Но я думал...

Дороти не ответила ему и повернулась к Перкинсу.

— А вы, мистер Перкинс? Вам требуется помощь?

— Нет, — рывкнул тот. — Держись от меня подальше, сука, или я вырежу твое сердце!

— А не заткнуться ли тебе, парень? — холодно спросил ДюКесн.

— Но я же только...

— Я предупреждал тебя, чтобы ты ее не трогал — теперь я несколько расширю это определение. Если ты не можешь изъясняться, как джентльмен в присутствии дамы — не раскрывай пасть. И не смей касаться мисс Вэйнман — ни словами, ни мыслями, ни действиями. Иначе я сам вырежу тебе сердце, понял? Она

нужна мне, и я не хочу, чтобы какой-то болван нарушил мои планы. Учти, это последнее предупреждение.

— Ну, а как насчет этой стервы Спенсер?

— А вот она — твоя забота, не моя.

В глазах Перкинса появился зловещий блеск. Он вытащил из кармана огромный нож и начал демонстративно править его на кожаном сиденье кресла, время от времени злорадно поглядывая на свою будущую жертву.

Дороти было запротестовала, но тут же примолкла, увидев, как Маргарет спокойно вынимает пистолет, взводит курок и направляет ствол прямо в лоб Перкинсу.

— О, не беспокойся, Долли, — с усмешкой заметила она, — этот мерзавец точит свой дурацкий нож уже целый месяц, и я, знаешь ли, успела к этому привыкнуть. — Девушка презрительно скосила на бандита карий глаз. — Но всему бывает предел, Перкинс. Ты ведь однажды можешь не стерпеть и метнуть в меня свой ножик — так что уж лучше кинь его сейчас. На пол. И подтолкни ногой ко мне. Если ты не сделаешь этого прежде, чем я досчитаю до трех...

Тяжелый пистолет, который она держала обеими руками, был по-прежнему направлен прямо в лоб Перкинса, палец девушки не дрожал на спусковом крючке.

— Раз... Два... — Перкинс повиновался, и Маргарет подобрала его нож.

— Да что же это, док! — воскликнул Перкинс, обращаясь к ДюКесну, который невозмутимо наблюдал за этой сценой с мрачной улыбкой на лице. — Почему ты не пристрелишь эту сучку? Не можешь же ты сидеть и любоваться, как меня убивают!

— Очень даже могу. Мне совершенно безразлично, кто из вас кого прикончит. А ты, кстати, виноват в этом сам. Если б у тебя была хоть капля мозгов, ты бы не оставил оружие валяться без присмотра. Болван! Ты даже не заметил, как мисс Вэйнман взяла твои пистолеты, а я — я наблюдал за этой сценой.

— Ты видел?! — вскричал Перкинс. — И не предупредил меня?

— А зачем, собственно? Если ты не заботаешься о себе сам, я этого тем более делать не собираюсь. Особенно после того, как ты испортил всю нашу затею, идиот! Я мог бы восстановить то вещество, которое она украла у этого осла Брукинкса, в течение часа!

— Да ну? — усмехнулся Перкинс. — А почему же, если ты такой умник, тебе пришлось связаться со мной? Сам не смог справиться с этим Ситоном и его дружкой, Крейном?

— Потому, что мои методы работают в одной области, а твои — в другой. Но я предупреждал Брукингса, что ты завалишь дело... он еще не верил. И вот — пожалуйста...

— Ну ладно, ладно... но что ты собираешься делать дальше? Так и будешь целый день читать нам нотации?

— Я вообще ничего не собираюсь делать. Разбирайтесь сами.

Последовало тяжелое молчание, которое прервала Дороти.

— Вы действительно видели, доктор, как я брала пистолеты?

— Видел. Один из них оттягивает у вас правый карман бриджей.

— Но почему вы тогда не попытались отнять его у меня? И сейчас не пытаетесь...

— «Пытаться» — неправильное определение, мисс. Если б я не хотел, чтобы у вас имелось оружие, его бы у вас и не было. — Холодные черные зрачки смотрели в фиалковые глаза девушки с такой спокойной уверенностью, что у Дороти сжалось сердце.

— Есть ли у Перкинса еще ножи, пистолеты или что-нибудь в этом роде? — спросила она через некоторое время.

— Понятия не имею, — равнодушно пожал плечами ДюКесн. Но когда обе девушки поднялись, чтобы обыскать каюту Перкинса, он приказал: — Сядьте, мисс Вэйнман! Пусть они разбираются сами. Я предупредил Перкинса насчет вас; теперь я предупреждаю вас. Если он станет угрожать вам — можете его пристрелить; в остальных же случаях не трогайте его. Не трогайте ни в каком смысле.

Дороти с вызовом повернула голову, но встретив его ледяной пристальный взгляд, нерешительно остановилась и села на место. Маргарет вышла в коридор.

— Вот так-то лучше, — сказал ДюКесн. — К тому же мне кажется, что ей не нужна ваша помощь.

Маргарет вернулась с обыска, помахала пистолетом перед носом Перкинса и засунула его обратно в карман.

— Его арсенал исчерпан, — с торжеством заявила она. — Ну, что, будешь вести себя прилично, или мне привязать тебя к поручням?

— Придется, — огрызнулся Перкинс, — раз уж док отказался от меня... Но я еще тебя достану... когда мы вернемся. Ты...

— Стоп! — воскликнула Маргарет. — Слушай внимательно: попробуешь произнести в мой адрес хоть одно грязное слово, и я начну палить — и будь уверен, не промахнусь. Ну?

Зловещую тишину, последовавшую за этими словами, прервал голос ДюКесна.

— Так. Разборки закончены, мы сыты, экипаж отдохнул и повеселился. Теперь я включаю двигатель. Все по местам!

2

Еще шестьдесят часов ДюКесн направлял корабль сквозь ледяной мрак космического пространства, сбрасывая ускорение только на те краткие минуты, когда они ели и пытались размять свои одеревеневшие измученные мышцы. В ночное время энергия тоже не отключалась — каждый мог спать или маяться — как угодно.

Доротти и Маргарет практически не разлучались; между ними установилась настоящая близость. Перкинс большей частью угрюмо молчал. А ДюКесн напряженно работал во все часы бодрствования, за исключением того времени, когда за трапезами он поддерживал непринужденную светскую беседу. Ни тени враждебности не проскальзывало ни в его поведении, ни в словах; однако указания его выполнялись немедленно и беспрекословно.

Когда был исчерпан первый энергетический брусок, ДюКесн заправил в двигатель последний медный цилиндр и заметил:

— Теперь мы должны почти остановиться — относительно Земли, конечно. Начнем возвращение.

Он передвинул рычаг, и снова на корабле установился уже привычный изматывающий распорядок. Пошло несколько суток, и проснувшись однажды утром, ДюКесн обнаружил, что брусок в двигателе висит не перпендикулярно к полу, как обычно, а слегка отклонился. Он определил угол отклонения по большим

кругам на приборе, затем просканировал ближайшие секторы пространства. Доктор уменьшил силу тока, после чего крен стал гораздо более ощутимым, как будто угол увеличился на много градусов. ДюКесн быстро определил величину нового угла и восстановил ходовую мощность, затем сел за компьютер и принялся за расчеты.

— В чем дело, док? — спросила Дороти.

— Мы слегка отклоняемся от рассчитанного курса.

— Это плохо?

— В общем-то, ничего страшного. Каждый раз, когда мы пролетаем вблизи какой-нибудь звезды, ее гравитация несколько сбивает нас с курса. Но последствия этого влияния обычно невелики и непродолжительны, и чаще всего имеют тенденцию компенсировать друг друга. Теперь же этот эффект представляется мне значительно большим и продолжается дольше обычного. Боюсь, если он не прекратится в ближайшее время, мы можем промахнуться мимо Солнечной Системы... Но самое неприятное в том, что я не могу найти ему объяснение.

Он озабоченно взглянул на шкалу, контролирующую положение бруска, надеясь, что тот возвращается к вертикали; однако угол отклонения непреклонно продолжал нарастать. ДюКесн вновь отключил ток и вперилась взглядом в иллюминатор в поисках столь досаждающего ему небесного тела.

— Вы все еще ничего не видите? — встревоженно спросила Дороти.

— Нет... но если попробовать воспользоваться прибором ночного видения... инфракрасным локатором...

Он принес странное устройство — пару соединенных между собой гротескно выглядящих биноклей, приладил их к глазам и минут пять напряженно всматривался в верхний иллюминатор.

— Боже милосердный! — воскликнул он наконец. — Это мертвая звезда, и мы падаем прямо на нее!

Бросившись к пульту, он молниеносно развернул брусок и измерил видимый диаметр странного объекта. Потом он добавил энергии, выждал ровно пятьдесят минут, снова замедлил ход и произвел еще несколько измерений.

— Это невероятно! Она намного больше какого-либо известного астрономического тела... И ведь я не пы-

таюсь вырваться из тисков, а только выйти на гелиоцентрическую орбиту! Похоже, нам придется использовать полную мощность. Займите свои места!

ДюКесн подал на двигатель полную мощность — до тех пор, пока брусok не израсходовался почти полностью, затем произвел новую серию наблюдений.

— Недостаточно, — спокойно констатировал он.

Перкинс взвыл и, как в эпилептическом припадке, грохнулся на пол; Маргарет обеими руками схватилась за сердце. Дороти, глаза которой выглядели темными провалами на смертельно-бледном лице, пристально посмотрела на ДюКесна и спросила:

— Это конец, да?

— Пока еще нет, — голос доктора был спокойным и ровным. — Наше падение займет около двух суток, и у нас еще есть остаток меди на последнюю попытку. Я собираюсь поточнее рассчитать угол, чтобы наш последний выстрел получился как можно более эффективным.

— Внешняя защитная оболочка не сможет нас спасти?

— Нет; она исчезнет задолго до того, как мы ударимся о поверхность звезды. Я бы вообще попытался содрать ее и скормить двигателю, да только не могу придумать, как ее снять.

Он зажег сигарету и, расслабившись, сел за компьютер. Вычисления, во время которых он выкурил несколько сигарет, заняли около часа. Затем ДюКесн изменил — совсем незначительно — угол наклона бруска.

— А теперь нам надо поискать медь, — сказал он спокойно. — В самом корабле ничего нет — вся электропроводка из серебра, включая цоколи сигнальных лампочек. Но проверьте детали обстановки и ваши личные вещи — нам пригодится все, что содержит медь или латунь, даже металлические монеты — центы, пятаки и прочая мелочь.

Поиски были произведены, но их результат оказался не очень-то обнадеживающим. ДюКесн добавил к найденному свои часы, тяжелый перстень с печаткой, ключи, булавку для галстука, а также обоймы из своих пистолетов. После этого он проверил, не припрятал ли чего-нибудь Перкинс. Девушки отдали не только деньги и обоймы, но и украшения, включая обручальное кольцо Дороти.

— Я, конечно, хотела бы его сохранить, но... —

вздохнула она, добавляя кольцо к остальной коллекции.

— Нам пригодится все, где есть хоть следы меди; я рад, что Ситон слишком большой ученый, чтобы покупать вам платиновые украшения. Однако, если мы выберемся отсюда, сомневаюсь, чтобы вы заметили какие-либо изменения в вашем кольце: меди в нем очень мало, однако нам ценен каждый миллиграмм.

Он свалил весь металл в энергетический блок и передвинул рычаг. Хватило его очень ненадолго, и после очередного наблюдения, во время которого остальные ждали, затаив дыхание, ДюКесн коротко объявил:

— Этого недостаточно.

Перкинс, чей разум был уже поврежден выпавшими на их долю испытаниями, окончательно потерял рассудок. Дико вскрикнув, он бросился на неподвижного доктора, однако тот, увернувшись, нанес ему страшный удар рукояткой пистолета в висок. Перкинс отлетел к противоположной стене с разбитым черепом и замер на полу. Маргарет выглядела так, как будто она сейчас потеряет сознание. Дороти и ДюКесн взглянули друг на друга. К удивлению девушки, ученый был невозмутим, словно находился сейчас в своем кабинете на Земле. Она приложила отчаянные усилия, чтобы голос звучал ровно:

— Что же дальше, доктор?

— Я и сам еще не знаю. Пока я не придумал способ, как содрать защитное покрытие... Но оно такое тонкое, что не даст большого количества меди даже с такой огромной поверхности, как у нашего корабля.

— Но даже если вы найдете способ, и меди окажется достаточно, нам ведь все равно придется голодать, не так ли? — в совершенном отчаянии спросила Маргарет.

— Совсем не обязательно. За это время мне, возможно, удастся придумать еще что-нибудь...

— Может, вам и не надо будет ничего придумывать, — медленно произнесла Дороти. — Вы сказали, что у нас еще по крайней мере два дня в запасе?

— Мои наблюдения были достаточно грубыми, но похоже, что у нас осталось чуть больше двух дней — около сорока девяти часов. А почему вы спрашиваете об этом?

— Потому, что Дик и Мартин Крейн могут найти нас очень скоро — может, и раньше, чем через два дня.

— Боюсь вас огорчить, моя дорогая. Если они

последовали за нами, то их уже нет на свете сем.

— А вот в этом вы ошибаетесь! — вспыхнула Дороти. — Они прекрасно знали, что вы собираетесь подстроить с нашим старым «Жаворонком», и поэтому подготовили другой корабль, о котором вам ничего не известно! И они многое знают об этом новом металле — такое, что вы даже не подозреваете, потому что этого не было в выкраденных вами документах!

Не обращая внимания на ее колкости, ДюКесн сразу же перешел к сути вопроса.

— Могут ли они следовать за нами через космическое пространство, не видя нас? — осведомился он.

— Да... Во всяком случае, я думаю, что могут.

— Каким образом?

— Не знаю. Да и если б знала, то не сказала бы вам об этом.

— Вы так в этом уверены? Ну что ж, в настоящий момент нет смысла дискутировать по этому поводу. А если ваши друзья все же найдут нас — в чем я, надо сказать, изрядно сомневаюсь, — надеюсь, что они вовремя заметят мертвую звезду и будут держаться от нее — и от нас — подальше.

— Но почему? — выдохнула Дороти. — Вы приложили такие усилия, чтобы разделаться с ними обоими — так неужели вы не захотите захватить, в дополнение к нам, и их тоже?

— О бог мой, ну постарайтесь же мыслить логично! Это совершенно не связанные между собой вещи! Разумеется, я пытался их уничтожить — они стояли на моем пути в деле усовершенствования нового икс-металла. Однако, если это не удастся мне, я надеюсь, что данную разработку возглавит Ситон. Это величайшее открытие, если не считать энергетических брусков, и если Ситон и я, единственные ученые, способные должным образом провести исследования, погибнем, то оно будет отодвинуто на сотни лет!

— Если он тоже должен погибнуть, то я надеюсь — вместе с вами... Но все-таки я не верю в это. Дик сумел бы вытащить нас! Дик может все...

Она говорила все тише и тише, как будто обращаясь к самой себе, и сердце ее падало вместе с голосом:

— Он летит за нами, и он не остановится, даже если будет знать, что ему не вернуться назад...

— Ваша вера делает вам честь; однако это не отрицает того факта, что наше положение более чем крити-

ческое. Но я тоже верю — в себя; покуда я жив, я могу думать. Все-таки я должен сообразить, как добраться до обшивки.

— Надеюсь, ваши размышления будут успешными. — Лишь отчаянным усилием Дороти сдержала слезы. — О боже, Мегги снова в обмороке... Счастливая! Я тоже предпочла бы сейчас лишиться чувств — мои силы на исходе...

Она упала в одно из кресел и напряженно уставилась в потолок, борясь с почти непреодолимым желанием закричать.

Медленно тянулось время. Перкинс мертв. Маргарет — без сознания. Мысли лежащей в кресле Дороти складывались в бессловесную молитву, поддерживаемую только верой в Бога и в любимого. Острый ум ДюКесна, не выпускавшего из губ сигарету, был поглощен самой отчаянной из проблем, когда-либо встававшей перед ним; он знал, что не сложит оружия до самого последнего момента. Пока же беспомощный корабль падал с ужасающей, каждый миг увеличивающейся скоростью на поверхность холодного необитаемого монстра Вселенной.

3

Ситон и Крейн вели «Жаворонок» с максимальным ускорением по курсу, который указывала им застывшая стрелка компаса; каждый из них стоял двенадцати-часовую вахту.

«Жаворонок», оправдывая веру своих создателей, мчался с ликующей уверенностью в победе, за гранью самых безумных представлений о скорости, за пределом мечты. Если бы не тревога за судьбу Дороти, это путешествие было бы просто триумфальным полетом; но даже беспокойство о ней не мешало друзьям наслаждаться стремительным и неосязаемым движением их нового корабля.

— Если этот бабуин с дипломом физика в кармане воображает, что сумеет смыться, выкинув подобный трюк, то скоро ему придется переменить точку зрения, — произнес Ситон, когда, через несколько дней полета, он в очередной раз просмотрел данные о траектории преследуемого корабля. — Полагаю, что на этот раз ДюКесн поступил весьма опрометчиво... Мы достанем его, не успеет он оглянуться — осталось

всего около сотни световых лет. Может, нам уже пора готовиться к встрече, как ты считаешь, Март?

— Трудно сказать... Судя по нашему навигационному счислению, он уже должен был развернуться назад; но навигация при таких скоростях... Сам понимаешь! Измерения не очень полны, у нас не хватает исходных точек.

— В любом случае мы можем опираться только на свои теоретические расчеты курса, другого способа у нас нет. В конце концов, световым годом больше, световым годом меньше — какая разница?

— Тут я с тобой не согласен, — возразил Крейн, считывая цифры, быстро мелькавшие на главном дисплее. — В случае точных расчетов мы приведем «Жаворонок» как раз туда, куда надо — на randеву с нашим беглецом.

Еще раз проверив вычисления, они развернули корабль; брусок из активированной меди при этом тоже повернулся на сто восемьдесят градусов. Теперь «Жаворонок» двигался в том направлении, которое еще недавно было для его экипажа «низом»; однако людям по-прежнему казалось, что они мчатся вверх, к точке зенита, маячившей где-то в безбрежной и неощутимой дали. Дни текли один за другим.

4

— Март! Иди сюда! Скорей!

— Я здесь.

— Мы отклоняемся! Впереди какое-то небесное тело... слишком огромное для обычной звезды — если только мы не наткнулись на вторую С-Дорадус! Я еще не вижу ее, но, судя по расчетам, она справа, в направлении галактического центра. Надо проверить наш истинный курс и скорость. Займись-ка, ладно? Кстати, ты не мог бы замерить потенциал ее гравитационного поля? Меня устроит даже грубая аппроксимация.

Крейн провел наблюдения и, обработав результаты на компьютере, подтвердил, что «Жаворонок» находится в невероятно мощном поле притяжения; объект, порождающий его, располагался почти прямо по курсу корабля.

— Имеет смысл воспользоваться инфракрасным искателем, когда подойдем поближе... в оптике мы,

похоже, ничего не увидим. Сколько осталось до них при нашей теперешней скорости?

— Десять часов с минутами.

— Ух! Плохо... чертовски плохо! Дьявол! Мы могли бы преодолеть это расстояние даже за три или четыре часа, но... если ты...

— Никаких «если», Дик! Мы с тобой вместе, и остаемся вместе. Что бы там нас не ждало — разливай на двоих!

Когда приблизился момент встречи, они проводили вычисления и коррекцию курса уже каждую минуту. Ситон, занимавший кресло пилота, манипулировал ручьятками, пока они не приблизились к другому звездолету и не легли на параллельный курс; затем он заглушил двигатель «Жаворонка». Оба астронавта поспешили к нижнему порту, через который были выведены приемники инфракрасного искателя; напрягая глаза, они всматривались в усыпанную звездами бархатную тьму. Казалось, там не было ничего угрожающего.

— Конечно, — заметил Ситон, — в теории небесное тело может быть сравнительно небольшим, но обладать подобной гравитацией... Я, однако, не верю, в этикие фокусы. Вот если ты покажешь мне диск величиной в четыре или пять угловых минут, я, пожалуй, подниму руки, но до тех...

— Смотри! — прервал его Крейн. — Вон там, вверху и слева... По крайней мере, полградуса... И оно не яркое, а темное, почти невидимое.

— Ага, поймал... — Ситон добавил увеличение. — А эта крохотная точка, как раз над краем диска — корабль ДюКесна?

— Похоже, что так... В пределах видимости ничего больше находиться не может.

— Надо поскорее хватать его и сматываться, пока мы не разбились вдребезги.

В несколько секунд они сократили дистанцию так, что могли уже видеть другой звездолет невооруженным глазом: маленькая черная точка неторопливо пересекала громадный диск мертвой звезды. Крейн включил следящую систему, а Ситон сфокусировал на корабlike генератор притягивающих лучей и врубил его на полную мощность. Зарядив в автомат ленту с трассирующими снарядами, Крейн выпустил очередь — салют в честь долгожданной встречи.

После долгого молчания ДюКесн поднялся, наконец, со своего кресла. Затянувшись последний раз, он бросил сигарету в пепельницу и надел скафандр, оставив поднятым лицевой щиток.

— Я иду за этой медью, мисс Вэйнман. Я не знаю точно, сколько удастся ее наскрести, но надеюсь...

В этот момент в выпуклом стекле иллюминатора промелькнул луч света, и тут же ДюКесн был отброшен на пол — корабль внезапно прекратил свободное падение. Затем они вновь увидели вспышки и, минуя развороченный пульт с бесполезным передатчиком, бросились к окнам.

— Корабли! — воскликнул в изумлении ученый. — Но как... Пойдите, это же азбука Морзе! В-Ы — вы... Ж-И-В-Ы — живы?

— Это Дик! — закричала Дороти. — Он нашел нас. Я знала, знала, что он это сделает! Вам не удалось бы победить Дика и Мартина, старайтесь хоть тысячу лет!

Девушки бросились в объятия друг другу — несвязные слова Маргарет и восклицания Дороти перемежались истерическими всхлипываниями.

ДюКесн поднялся к верхнему иллюминатору и снял защитную панель. Карманным фонариком он просигналил: «S-O-S».

Вспыхнул ослепительный глаз прожектора. «МЫ ЗНАЕМ. ПАССАЖИРЫ В ПОРЯДКЕ?». На этот раз сигналы подавались не трассирующими снарядами, а лучом.

— ДА. — ДюКесн прекрасно понимал, кто имелся в виду под «пассажирами»; вряд ли преследователей могла интересовать судьба Перкинса.

— СКАФАНДРЫ?

— ЕСТЬ.

— БУДЕМ СБЛИЖАТЬСЯ ДЛЯ СТЫКОВКИ.

— ПОНЯЛ.

ДюКесн коротко передал спутницам содержание диалога. Девушки тоже надели скафандры, и все трое столпились в крошечном шлюзе, из которого был откачен воздух. Резкий удар, затем — дрожь, сотрясшая оба космических корабля, когда они сблизились вплотную, удерживая друг друга полями искусственного притяжения. Наружные створки разъехались; остаток

воздуха со свистом втянулся в межзвездную пустоту. На стекла шлемов, почти уничтожив всякую видимость, осели капельки влаги.

— Что за черт! — услышали они в шлемофонах приглушенный голос Ситона. — Я не могу ничего разглядеть на расстоянии фута. Где вы, ДюКесн?

— Полагаю, прямо перед вами... — Но я вижу не больше вашего, Ситон.

— С этими скафандрами всегда масса хлопот... Придется двигаться наощупь... Ладно, передавайте девушек!

ДюКесн нашарил плечо ближайшей из спутниц и сильно подтолкнул ее по направлению к переходному шлюзу, где ждал Ситон. Тот, подхватив неуклюжую фигурку в скафандре, сжал ее в объятиях с такой силой, как будто пытался через три слоя армированной резины и пластика почувствовать нежное тело своей возлюбленной. Однако Дику пришлось разочароваться. Руки в толстых перчатках уперлись ему в грудь, а в шлемофоне зазвучал незнакомый голос: «Вы ошиблись! Я не Долли! Долли следующая!»

Она действительно двигалась следом и выказала при встрече столько же страсти, сколько и сам Дик Ситон. Конечно, это не совсем походило на пылкие объятия любовников, но на первый момент им было достаточно и этой, пусть не столь интимной, близости.

ДюКесн нырнул в переходное отверстие, и Крейн навалился на рычаги, закрывающие шлюз. Давление и температура вернулись к норме; наконец-то были сброшены неуклюжие скафандры. Ситон и Дороти снова прижались друг к другу, и на этот раз никто бы не мог сказать, что их объятиям недостает тепла.

— Не лучше ли перейти к делу? — раздался резкий голос ДюКесна. — На счету каждая секунда.

— Готов согласиться, — кивнул головой Крейн. — Дело — прежде всего. Ну, Дик, как мы поступим с этим убийцей?

Ситон, который в этот момент забыл не только ДюКесне, но и обо всем на свете, обернулся.

— Засунем обратно в его лоханку, и пусть идет к дьяволу, — сказал он безжалостно.

— О нет, Дик! — воскликнула Дороти, схватив его за руку. — Он хорошо обращался с нами, а однажды спас мне жизнь! Кроме того, не можешь же ты хладнокровно

убить человека, пусть даже преступника! Я знаю, что не можешь!

— Возможно, ты права, малышка, — неохотно согласился Ситон. — О'кей, я не убью его — до тех пор, пока он не представит мне подходящий случай. Но при первом же подозрении...

— Так и сделаем, Дик, — подытожил Крейн. — Возможно, он еще получит все, что заслужил, не так ли?

— Не исключено... Ситон задумался на мгновение, его лицо продолжало оставаться жестким и суровым. — Он хитер, как Сатана, и силен как бык... но единственное, на что он не способен — лгать.

Ситон внимательно посмотрел в лицо ДюКесна; черные, как ночь, зрачки выдержали пристальный взгляд его серых глаз.

— Даете ли вы слово, что будете действовать как член нашей команды, не замысливая зла и предательства?

— Да, — ответил ДюКесн, не опуская взгляда; выражение холодной неприязни на его лице не изменилось. — Но вы должны принять во внимание, что я оставляю за собой право покинуть вас в любое время — или сбежать, употребляя более мелодраматическое выражение; но, разумеется, в той ситуации, которая не окажет неблагоприятного воздействия на вас. корабль или на вас самих — вместе взятых и каждого по отдельности.

— Март, ты у нас законник, — скажи, он все предусмотрел?

— Наилучшим образом, — ухмыльнулся Крейн. — Полно, всеобъемлюще, и вместе с тем кратко.

— Ну что ж, тогда вы — член нашего экипажа, — сказал Ситон, однако руки ДюКесну не протянул. — Итак, что вам известно о сложившейся ситуации? Что нам нужно сделать, чтобы вырваться отсюда?

— Вы не сможете этого сделать — и остаться в живых, разумеется. Однако...

— Смею утверждать, что сможем. Наша энергетическая установка при необходимости способна удвоить мощность.

— Я ведь добавил: «и остаться в живых»...

Ситон, представив себе результат воздействия на экипаж ускорения, развиваемого двигателем при полной мощности, растерянно умолк.

— Лучше, что можно сделать, — лечь на гиперболическую орбиту и затем попытаться уйти от звезды. Предполагаю, что для этого потребуется как раз полная мощность. Вопрос только в одном — предпочитает ли ваш друг Крейн сначала сделать расчет, или же попробуем вырваться единым мощным импульсом, а затем осуществим окончательную корректировку?

— Думаю, второй путь лучше. Каковы ваши предложения?

— Прикиньте параметры подходящей орбиты, и — полный ход! Скажем, в течение часа.

— Полная мощность... — задумчиво произнес Крейн. — Вряд ли мне удастся выдержать ускорение... Впрочем, если...

— И я не смогу, — сказала Дороти, в глазах которой заплескалась тревога. — И Маргарет...

— ...это единственный выход, то мы включим двигатель на полную мощность, — продолжал Крейн, будто не слыша ее слов, — и потерпим с часок. Вы считаете, без этого не обойтись, ДюКесн?

— Уверен, что нет. Возможно, понадобится даже большая энергия — с каждой минутой наше положение ухудшается.

— Какой выход энергии ты сможешь обеспечить? — спросил Ситон, бросив взгляд на своего помощника.

— Полную мощность — и еще процентов пять, хоть и ненадолго.

— Ну что ж, неплохо, — в раздумье произнес Ситон, как будто просто констатировал факт. — Вот как мы поступим: сдвоим свои ресурсы. ДюКесн займет кресло второго пилота, и мы начнем увеличивать мощность до тех пор, пока хоть один из нас сможет шевельнуть рукой. Будем двигаться в таком режиме час, а там... там посмотрим, многого ли удалось достичь. Идет?

— Идет, — одновременно ответили Крейн и ДюКесн, и трое мужчин принялись за работу. Мартин отправился проверить двигатели, ДюКесн — в обсерваторию, а Ситон подключил шлемы скафандров к баллонам с воздушной смесью, обогащенной кислородом. После этого он уложил Маргарет в кресло, проверил подачу газа в ее скафандр и привязал девушку страховочными ремнями. Потом он повернулся к Дороти...

Дороти уронила голову ему на плечо — он чувствовал ее теплое прерывистое дыхание, слышал тяжелые уда-

ры сердца, видел, как в фиолетовой бездне ее глаз плещется страх перед неизвестностью... Но голос ее звучал почти спокойно, когда она проговорила:

— Дик, любимый, если это конец...

— Нет, Долли, еще нет... И я уверен...

Крейн и ДюКесн закончили работу, и Дик, в последний раз стиснув Дороти в объятиях, помог ей устроиться в кресле. Крейн тоже улегся в противоперегрузочное устройство, после чего Ситон с ДюКесном облачились в скафандры и заняли места у спаренных пилотских пультов.

Рычаг сразу же скакнул на двадцать делений — и могучим рывком «Жаворонок» оторвался от своего обреченного собрата, в одиночестве продолжившего свое падение в бездну — беспомощная скорлупка, пилотируемая мертвецом, которой предстояло вдребезги разбиться о пустынную поверхность мертвой звезды.

Деление за делением, теперь уже значительно медленней, нарастала мощность; два рычага согласно двигались в руках пилотов. Каждый из них был втайне уверен, что сумеет продержаться дольше, и эта молчаливая дуэль заняла большее время, чем в это можно было поверить. Наконец Ситон сделал, как ему казалось, последнее усилие и, чувствуя, как темнеет в глазах, откинулся в кресле. Однако спустя минуту он уловил очередную вибрацию корабля, которая дала понять, что ДюКесн еще в сознании.

Дик не мог больше шевельнуть ни единым мускулом; его тело было придавлено к сиденью чудовищной силой тяжести; его отчаянные усилия глотнуть побольше воздуха не имели никакого эффекта: от недостатка кислорода звенело в ушах и мелькали круги перед глазами. И все же, каким бы невероятным это не выглядело, он сконцентрировал все силы и вложил их в последний толчок — рычаг передвинулся еще на одно деление. Теперь он лишь мог сквозь туман, застилавший зрение, следить за показаниями приборов и гадать, сумеет ли ДюКесн побить его ставку в этом смертоносном покере.

Проходила минута за минутой, но ускорение оставалось все тем же — Ситон видел замершую стрелку на циферблате под хрустальным стеклом. Наконец он понял, что теперь один несет ответственность за корабль и экипаж. Он отчаянно боролся с головокружением, пытаясь остаться в сознании до того момента, когда минутная стрелка полностью obeжит круг.

Казалось, прошла целая вечность, пока истекли эти шестьдесят минут, Ситон попытался перевести назад свой рычаг, но обнаружил, что мышцы не повинутся ему. Он только сумел чуть-чуть подтолкнуть его, и рычаг упал, размыкая контакт. Жалобно скрипнули ремни безопасности, когда сила инерции бросила вперед пять тел.

ДюКесн пришел в себя и тут же склонился над панелью.

— Вы оказались крепче, чем я, Ситон, — сухо констатировал он, принимаясь за измерения.

— Нам обоим хорошо досталось. Еще немного — и следующее движение вырубил бы и меня, — великодушно ответил Дик и отправился освобождать от пут Дороти и незнакомую девушку.

Через четверть часа Крейн и ДюКесн закончили свои вычисления.

— Достаточный ли импульс мы получили? — спросил Ситон.

— Вполне. Теперь ваш двигатель может вытащить нас из этой дыры.

Крейн нахмурил брови в раздумье.

— Вы не согласны со мной? — осведомился ДюКесн.

— И да, и нет. Вытащить-то он вытащит, но не обойдется без потерь. Похоже, что никто из нас не подумал о пределе Роха.

— Это не может оказать существенного влияния на корабль, — уверенно сказал Ситон. — Стальной сплав корпуса должен выдержать. Другое дело, мы сами...

— Именно это и стоит принять во внимание, — кивнул ДюКесн и повернулся к Мартину. — Как вы оценили массу, Крейн? Теоретически возможный максимум?

— Сейчас... Разумеется, эта звезда не потянет на столько, но надо предположить худшее... Давайте рассчитаем независимо энергию отрыва, — и оба ученых вновь приникли к дисплеям своих компьютеров.

— У меня получилось тридцать девять и семь десятых, — сказал, наконец, ДюКесн. — Что у вас?

— Почти столько же... шестьдесят пять сотых, — отозвался Крейн.

— Почти сорок единиц... Хм-м-м... — протянул ДюКесн. — Я отключился на тридцати двух... Значит, автоматическое управление. Что ж, это займет несколько больше времени, но другого выхода нет...

— Если расчеты готовы, можно приступать. Но нам потребуется дьявольская уйма меди... И как все же увеличить наши шансы остаться в живых? Повысить давление кислорода? Или...

После короткого интенсивного обсуждения мужчины занялись безопасностью экипажа. Окажутся ли достаточными все предложенные меры, сказать никто не мог. Возможно, все они найдут вечное успокоение во время этого второго отчаянного рывка; но если даже им повезет, возникала масса вопросов. Каким образом проделать обратное путешествие с истощенными ресурсами энергии? Как избежать грядущих ловушек в виде мертвых звезд, солнц, планет и туманностей, лежавших на их дороге? Сколько времени займет путь? Все эти немаловажные обстоятельства приходилось на данный момент просто игнорировать.

Из всех членов команды единственным по-настоящему спокойным человеком оставался ДюКесн; спокойствие же остальных выражалось в их готовности мужественно встретить надвигающуюся опасность.

Пилоты заняли свои места. Ситон щелкнул тумблером автомата, который будет передвигать оба рычага энергетической установки и отключит ее точно на сорока единицах мощности. Затем «Жаворонок» стартовал.

Первой потеряла сознание Маргарет Спенсер; вскоре после этого Дороти подавила отчаянное желание закричать, чувствуя, как растворяется в вечном, темном и ледяном безмолвии. Полминуты спустя отключился Мартин Крейн, до самого конца спокойно анализировавший свои ощущения. Потом потемнело перед глазами у ДюКесна — он не предпринял ни малейшей попытки, чтобы остаться в сознании, так как счел подобные действия безрезультатными и ненужными.

Ситон же, хотя и сознавал нелепость своих усилий, боролся до конца. В голове у него ударами чудовищного колокола отдавались толчки корабля, означавшие, что рычаги прошли очередную отметку.

Тридцать две единицы. Ощущения были точно такими же, как в тот раз, когда он передвинул рычаг на последнее деление.

Тридцать три. Гигантская рука сдвинула ему глотку; он задыхался, отчаянно хватая ртом воздух. Нечеловеческая тяжесть словно вдавливала глазные яблоки в череп. Вселенная вращалась перед его взором; вспыхивали оранжевые, черные и зеленые звезды.

Тридцать четыре. Звезды самых разнообразных оттенков и цветов внезапно стали взрываться, разлетаться на куски; тут же на их месте появлялись все новые и новые. Огненное перо выводило уравнения и математические символы прямо в трепещущем от боли человеческом мозгу.

Тридцать пять. Все поглотили ослепительный свет, иссушающий жар; потом наступила абсолютная темнота, и он уже не мог сопротивляться стремительному падению в черную бездну беспмятства.

Все быстрее и быстрее мчался «Жаворонок» по своей гиперболической орбите. Все стремительней и стремительней — и с каждой минутой полета он все ближе подходил к ужасной мертвой звезде. За восемнадцать часов с начала этого фантастического падения-полета он обогнул ее по гигантской дуге. Предел Роха не был достигнут; но если бы Мартин Крейн знал, какой пренебрежимо малой была эта щель, отделявшая жизнь от смерти, волосы его, несомненно, встали бы дыбом.

Итак, мощь корабля превозмогла притяжение погибшего светила. После тридцати шести часов полета звезда, еще совсем недавно державшая его в смертельных объятиях, постепенно начала ослаблять хватку; теперь «Жаворонок» летел со все увеличивающимся ускорением.

Через двое суток влияние мертвой звезды практически не ощущалось; через трое — исчезло окончательно.

Пожирая энергию выпущенных на волю атомных демонов, «Жаворонок» неся вперед и вперед сквозь глубины межзвездного пространства с невероятной, фантастической скоростью, обгоняя свет с той же легкостью, с которой пуля обгоняет улитку.

6

Ситон открыл глаза и с удивлением огляделся вокруг. Еще не полностью пришедший в себя, сплошь покрытый синяками и кровоподтеками, он не мог сразу сообразить, где находится. Инстинктивно сделав глубокий вдох, Дик закашлялся, когда газ под давлением заполнил его легкие — и вместе с ним пришло ощущение действительности. Он отщелкнул крепления шлема, отстегнул страховочные ремни и рванулся к креслу, в которой лежала Дороти.

Она была жива!

Ситон перенес ее на пол и начал делать искусственное

дыхание. Вскоре его усилия увенчались успехом — он услышал судорожный кашель Долли, прозвучавший в его ушах небесной музыкой. Сорвав с нее шлем, Ситон подхватил девушку на руки; она сдавленно всхлипывала у него на груди. Когда первая волна экстатического ощущения от встречи схлынула, Дороти виновато попростила:

— Дик, милый, позаботься, пожалуйста, о Мегги. Она...

— ...в полном порядке, — сказал Крейн.

Действительно, стараниями Крейна Маргарет уже была возвращена к жизни. ДюКесна нигде не было видно. Засмущавшаяся вдруг Дороти вспыхнула и отпустила шею Ситона, а тот, тоже покрасневший, разжал руки, и девушка поплыла к потолку, безуспешно пытаясь уцепиться за что-нибудь.

— Опusti же меня, Дик! — наконец засмеялась она.

Ситон, не задумываясь, ухватил ее за лодыжку, отпустив скобу, за которую держался; теперь они оба зависли в воздухе под самым потолком. Крейн и Маргарет дружно расхохотались.

— По-моему, я — вылитая канарейка! — воскликнул Ситон, хлопая руками как крыльями и по-птичьи чирикающая. — Брось нам конец, Март!

Крейн с преувеличенной деловитостью изучал парящую над ним пару.

— Ну какая же из тебя канарейка, Дик? Скорее ты похож на Юпитера, восседающего на троне!

— Если ты сию же минуту не пришвартуешь меня, умник, я воссяду на твоей шее!

Хочущий Мартин пренебрег этой страшной угрозой, но, к счастью, в этот момент Ситон достиг в своем дрейфе поручня, за который крепко уцепился, придерживая за талию Дороти.

Благополучно приземлившись, он вставил энергетический брусок в один из двигателей и, включив предупреждающий сигнал, несколько увеличил мощность. «Жаворонок» словно подпрыгнул у них под ногами — и все снова обрело свой нормальный вес.

— А теперь, когда наши дела слегка приведены в порядок, — сказала Дороти, — разрешите, я представлю вас друг другу. Мисс Маргарет Спенсер, моя новая подруга, — Мегги, это те ребята, о которых я тебе рассказывала. Доктор Ричард Ситон, он же Дик, — мой жених. Он знает все об атомах, электронах, нейтронах

и тому подобных мелких штучках. А это мистер Мартин Крейн, выдающийся изобретатель. Он сконструировал эти двигатели и все остальное оборудование «Жаворонка».

— Если не ошибаюсь, я уже слышала о мистере Крейне, — сказала Маргарет. — Мой отец тоже был изобретателем, и он часто упоминал про инженера Крейна, который усовершенствовал множество приборов, применяемых в авиационной промышленности. Отец рассказывал, что эти открытия произвели настоящую революцию... Он говорил о вас, мистер Крейн?

— Боюсь, ваш отец несколько преувеличил, мисс Спенсер, — смутился Мартин, — но я действительно сделал несколько работ в этой области. Так что, скорее всего, речь шла обо мне.

— Кстати, — меняя тему разговора, вступил Ситон, — а где ДюКесн?

— Он вышел привести себя в порядок, а потом собирался зайти на камбуз, — проверить, нет ли повреждений, и сообразить чего-нибудь подкрепиться.

— Вот это да! — восхитилась Дороти. — Он может сейчас думать об еде! Ладно, тогда и мы пойдем почистим перышки. Вперед, Мегги, я знаю, где наша каюта.

— Ну что за девчонка! — воскликнул Ситон, когда девушки удалились. — Покрыта синяками с головы до пят, скорее мертва, чем жива, — вон, даже идти нормально не может, а едва волочит ноги, — но разве мы слышали от нее хоть словечко жалобы? Энергии хоть отбавляй — даже на пороге смерти! Что за девчонка!

— Ты несправедлив к мисс Спенсер, Дик, — отозвался Крейн. — Она ведь тоже ни на что не жаловалась — и к тому же была в значительно худшей форме, чем Дороти.

— Верно, — удивленно согласился Ситон, — ей тоже мужества не занимать... Эти две женщины, дружище Март, — ослепительные кометы на ночном небосклоне, почтившие нас вниманием. Так что пошли — тоже примем ванну и побреемся... И заодно поверника на пару делений климатизатор.

Когда они вернулись, то застали девушек сидящими у иллюминатора.

— Вы уже успели намазаться, сестрица Долли? — спросил Ситон, потянув носом.

— Да! Мне кажется, что до конца жизни я не

избавлюсь от этого амилофена! — жалобно простонала, состроив смешную гримаску, Дороти.

Ситон в ответ только усмехнулся.

— Ничего не скажешь, великолепное средство этот амилофен, но запах!

— Ладно, дорогой, не расстраивайся так сильно, а лучше посмотри сюда. Видел ли ты когда-нибудь что-либо подобное?

Четыре головы склонились к выпуклому прозрачному стеклу, и в отсеке повисло благоговейное молчание. Перед их глазами расстилалось черное бархатное покрывало межзвездной пустоты — это была не ласковая темнота южной земной ночи, но абсолютное отсутствие света, чернота, рядом с которой угольная пыль показалась бы серой. На фоне этого ковра густого мрака слабо светили бледные пятна туманностей и сверкали всеми цветами спектра звезды — крупные и мелкие, и такие, заметить которые мог только самый зоркий глаз.

— Выставка драгоценностей на черном бархате! — выдохнула Дороти. — У меня нет слов!..

Атмосферу общего восхищения нарушил Ситон. Он повернулся к пульту, с недоумением вглядываясь в мерцающие шкалы приборов.

— Посмотри-ка сюда, Март! Как странно... И там, — он прикоснулся к холодной поверхности иллюминатора, — там я не узнаю ни одной звезды! Но почему? Мы шли от Земли со скоростью во много раз большей скорости света. Полет по гиперболе вокруг этого мертвого мира, конечно, рядовым не назовешь, однако...

Крейн бросил взгляд на панель управления, потом опять посмотрел на черный полог, расшитый звездным великолепием, и вынес свой вердикт:

— Я думаю, мы подошли слишком близко к пределу Роха. Тут могло произойти все, что угодно.

— Похоже, что и в самом деле произошло. Надо будет проверить, нет ли деформаций корпуса, — Дик оторвался от иллюминатора и шагнул к пульту. — Гляди, объектный компас все еще работает! Давай посмотрим, как далеко мы от дома.

Они сняли данные и принялись за расчеты.

— Что у тебя получилось, Март? Я просто боюсь обнародовать свой результат.

— Хмм... Сорок шесть и двадцать семь сотых светового столетия. Так?

— Да... Нас унесло вниз по реке, без весел и паруса... Вот что, Март, — сделаем следующую засечку через час, и тогда посмотрим, как быстро идет «Жаворонок». Думаю, что эту цифру я тоже не решусь произнести вслух.

— Есть ли желающие отобедать? — осведомился появившийся в дверях ДюКесн.

Путешественники, измученные и разбитые, уселись около складного столика. Ситон — когда не смотрел на Дороти — следил за приборами, а Крейн и Маргарет вели непринужденную беседу. ДюКесн же, за исключением тех случаев, когда к нему обращались, не поддерживал общий разговор, пребывая в сосредоточенном молчании.

После очередной серии наблюдений Ситон взглянул на него:

— Мы почти в пяти тысячах световых лет от Земли и продолжаем удаляться от нее со скоростью около светового года в минуту...

— Будет ли дурным тоном спросить, каким образом вы это определили?

— Эти цифры верны, не сомневайтесь. У нас осталось только четыре топливных элемента. Достаточно, чтобы остановить корабль, но явно мало для того, чтобы вернуться, даже дрейфуя со скоростью света. Слишком много для этого понадобится человеческих жизней...

— Значит, нам придется сесть на какую-нибудь планету и добыть там медь.

— Вот что я думаю, доктор... Может ли насыщенная медью звезда обладать планетами, богатыми этим металлом?

— Полагаю, так.

— Тогда не могли бы вы подойти к спектроскопу и выбрать какое-нибудь подходящее светило? А затем мы направимся напрямик к нему.

Когда ДюКесн вышел, Дик повернулся к своему компаньону.

— Март, пора возобновить наши двенадцатичасовые... нет, восьмичасовые вахты. Этому малому, — он кивнул в сторону двери, за которой исчез ДюКесн, — имеет смысл либо доверять полностью, либо выкинуть за борт. Сейчас я предпочитаю первое. А теперь — отправляйтесь-ка все спать.

— Ишь, какой шустрый, — возразил Крейн. — Если память мне не изменяет, сейчас моя очередь.

— Античная история не в счет. Если хочешь, можем подкинуть монету. Орел, я выиграл!

Больше с ним никто не спорил, и измученные космические путешественники разошлись по своим каютам — кроме Дороти, которая намеревалась пожелать капитану спокойного дежурства в более интимной обстановке.

Они в полном блаженстве сидели в кресле, прижавшись друг к другу, как вдруг взгляд Дороти упал на ее собственную левую руку, и она вскрикнула от огорчения.

— В чем дело, малышка? — спросил Ситон.

— О, Дик! — простонала она, чуть не плача. — Я совсем забыла в суматохе забрать то, что осталось от моего обручального кольца... из двигателя на нашем прежнем корабле...

— О чем ты, собственно?

И Дороти рассказала ему, что происходило на звездолете ДюКесна; а Ситон рассказал ей о Мартине и о себе.

— Ах, милый! — зажмурив глаза, нежно промурлыкала девушка, когда их истории были завершены. — Это такое счастье — снова быть с тобой! Мне кажется, мы не виделись столько лет, сколько миль мы пролетели...

— Тебе столько пришлось пережить, Доли! А я... мне жутко стыдно от того, что я попался на удочку, как червяк, и не доглядел за тобой... Если бы не осторожность Мартина... мы многим обязаны ему, девочка.

— Да, конечно... Но я не думаю, что тебе стоит переживать насчет просроченных долгов, Дик. Мартин, похоже, уже получил свой рождественский подарок... — она усмехнулась и тихо прошептала: — Только вот что, милый... пожалуйста, не проговорись Мегги, что наш Мартин богат.

— О, ты уже готова взяться за сводничество? А почему бы и не рассказать? Неужели, узнав о состоянии Марта, она станет думать о нем хуже? Кстати, ты никогда не догадывалась, что главная причина, по которой я женюсь на тебе, это твои деньги?

Дороти рассмеялась. — Конечно, я знаю о твоих коварных планах! Но послушай меня внимательно, бедный глупый охотник за богатыми невестами... если только Мегги поймет, что Мартин — тот самый единственный

и неповторимый М. Рейнольдс Крейн, все пропало! Ей покажется, будто Мартин думает, что она специально преследовала его... а потом и он сам уверится в этом — знаешь, как бывает... И все пропало! — Долли ткнулась носом в щеку Ситона. — Ну, а сейчас он ведет себя очень естественно. Я даже изумлена: он никогда не говорил так ни с одной женщиной — кроме меня, конечно... Но и со мной он стал вести себя нормально только когда убедился, что я не имею на него никаких видов.

— Может, ты и права, детка, — согласился с ней Дик, задумчиво кивая головой. — В одном ты права — Мартин действительно из тех пуганных ворон, что боятся кустов.

7

По прошествии восьми часов на вахту заступил Крейн, а Ситон, еле держась на ногах, добрался до своей койки и отключился, едва коснувшись головой подушки. Он проспал больше десяти часов, а затем, слегка размяв затекшие мышцы, вышел в салон.

Дороти, Мегги и Крейн как раз завтракали, и Дик, не долго думая, присоединился к ним. Это была самая веселая и беззаботная трапеза с тех пор, как они покинули Землю. Синяки еще кое-где украшали их лица, но под мощным, хотя и весьма чувствительным, воздействием амилофена они потеряли свою болезненность.

Когда с завтраком было покончено, Ситон сказал:

— Ты боялся, Март, что наши гироскопы могут оказаться разрегулированными. Пожалуй, займусь проверкой...

— Это ты можешь поручить Мегги и мне, — предложила Дороти.

— О, прекрасно! Возьми электрошуп, приборы и выясни, не вышло ли что-нибудь из строя. Потом... Еще одна великолепная идея, Дол, — можешь поддержать мою голову на своих коленях, пока я буду думать.

— Действительно, великолепная, — если у тебя нет никаких других!

И Дороти отправилась за инструментами.

Крейн и Маргарет тем временем устроились у одного из иллюминаторов. Девушка, ничего не скрывая, рассказала Марту свою страшную историю, содрогаясь от

ужаса при воспоминании о том жутком нескончаемом падении, во время которого был убит Перкинс.

— Тем больше у нас причин начать переговоры с командой Стального и ДюКесном, — медленно проговорил Крейн. — Мы без труда сумеем доказать, кто на самом деле инспирировал ваше похищение. Скажите, убийство Перкинса не было преднамеренным?

— Нет... Он совершенно обезумел, и ДюКесн был вынужден убить его. Но я не думаю, что этот ученый доктор отличается в лучшую сторону от прочей банды. Он настолько бессердечен, холоден и безжалостен, что меня начинает тряссти мелкой дрожью, как только я подумаю о нем.

— Дороти говорила, что он спас ей жизнь...

— Да, он защитил ее от Перкинса... Очень прагматичный поступок — как и все, что он делает. Она была нужна ему живой — мертвая Дороти не принесла бы ему никакой пользы. — Маргарет передернула плечами. — Мне кажется, я никогда не встречала человека, который так походил бы на робота.

— Да, вы правы... И ничто не доставит Дику большего удовольствия, чем подходящий предлог, чтобы всадить пулю в этот ходячий механизм.

— Ну, в подобном желании он не одинок. Этот доктор не обращает внимания на людей... на то, что мы чувствуем... машина, а не человек! — Вдруг Маргарет испуганно вскрикнула и схватила Крейна за руку. — Ох, что это? Мне показалось, «Жаворонок» качнулся!

— Похоже, мы просто огибаем какую-то звезду, — сказал Мартин, взглянув на панель с приборами, после чего повел девушку к нижнему иллюминатору. — Мы приближаемся к звезде со слишком большой скоростью и не сможем лечь на стационарную орбиту. Ну что ж, ДюКесну придется выбирать другую систему. Видите планету — вон там, внизу? И еще одну, поменьше, чуть левее?

Она увидела обе планеты: одну, похожую на маленькую луну, и другую, значительно меньших размеров, а также их солнце, быстро увеличивающееся в размерах. Полет «Жаворонка» был столь стремительным, что сияние странной звезды лишь на миг заиграло на выпуклой чечевице иллюминатора, а затем корабль вновь окружила абсолютная тьма.

Казалось, они могут мчаться так неделя за неделей, не встречая никаких препятствий на своем пути —

настолько безграничной была пустота по сравнению с рассыпанными в ней крохотными точками света. Движение не ощущалось. Только теперь, когда они пролетели довольно близко от звезды, возникло впечатление, что она ринулась прямо на них словно выброшенное из пушки раскаленное ядро. Остальные же звезды виделись им как далекие горные пики пассажирам поезда — на одном месте в течение длительного времени.

Восхищенные необъятностью Вселенной, двое у иллюминатора молчали, но не в смущении, а так, как молчат близкие друзья, пребывая мыслями далеко от этого мира. Всматриваясь в бесконечное пространство, каждый из них чувствовал ничтожную малость той единственной планеты, которую они знали до сих пор, бренность и суетность деяний человеческих. Они молчали, понимая друг друга без всяких слов.

Неосознанно Маргарет вздрогнула и придвинулась ближе к Крейну; и нежное выражение появилось на лице Мартина, когда он опустил взгляд на красивую молодую женщину, стоявшую рядом. Потому что Маргарет действительно была красива — теперь, когда отдых и нормальная еда стерли с ее лица тяжелые следы заключения, а глубокая и непреклонная вера Дороти в способности Ситона и Крейна заглушила смертельный страх. И, наконец, костюм Дороти, который сидел на ней как влитой! Костюм, который был великолепно сшит — и чрезвычайно дорог! Маргарет Спенсер выглядела в нем прекрасно и знала об этом, что полностью восстановило ее самообладание.

Крейн быстро перевел взгляд вверх и вновь стал рассматривать звезды; но теперь великолепие глубин космоса не мешало ему видеть черные вьющиеся волосы, взбитые в высокую прическу на царственно посаженной головке; глубокие карие глаза, прикрытые длинными загнутыми ресницами; нежные, чувственные губы; округлый, с ямочкой, подбородок; стройное, восхитительных очертаний тело.

— Как изумительно... какое величие! — прошептала в восторге Маргарет. — Разве можно увидеть подобное, оставаясь на Земле? И тем не менее...

Тут она нерешительно замолкла, прикусила нижнюю губку, но все-таки продолжила:

— И тем не менее, не кажется ли вам, мистер Крейн, что в человеке кроется не меньше величия, чем в этом грандиозном пейзаже? Иначе Дороти и я

не были бы спасены и не оказались на этом чудесном корабле, который создан вашими руками и руками Дика Ситона...

8

Проходили дни. Дороти так подбирала время своего пробуждения, чтобы вставать вместе с Ситоном — готовила ему еду и скрашивала долгие часы его вахт у пульта управления. Маргарет делала то же самое для Крейна, но бывало, что они все вместе собирались в салоне. Тогда звучали смех и шутки — столь же часто, как и серьезные разговоры; а ДюКесн в это время нес свою вахту. Маргарет, принятая всеми троими как близкий друг, оказалась очаровательным компаньоном. Ее острый язычок и быстрый тонкий ум, изящество и легкость вызывали всеобщее восхищение.

Как-то Крейн предложил Ситону давать краткие описания к тем фотоснимкам, которые они выполняли.

— Я не слишком хорошо разбираюсь в астрономии, но с нашими приборами мы можем получить данные, особенно по планетарным системам, которые будут небезынтересны астрономам на Земле. Мисс Спенсер, как секретарь, могла бы нам помочь.

— Ну, конечно! — воскликнул Ситон. — Великолепная идея — ведь никто еще не имел случая получить подобную информацию!

— Я буду рада помочь вам, — сказала Мегги. — Стенография — это лучшее из того, что я умею, — и она потянулась за блокнотом и карандашом.

После этого они с Мартином работали вместе в те часы, когда он был свободен от дежурств.

«Жаворонок» миновал одну солнечную систему за другой. Работа Маргарет из обязанности очень скоро превратилась в удовольствие. Они с Мартином провели не один час у приборной панели — беседуя или молчаливо наслаждаясь присутствием друг друга; и за эти дни между ними установилась такая близость, которая не всегда достигается месяцами общения.

Чем больше проходило времени, тем чаще и чаще виделся в мыслях Мартину покинутый дом — сидел ли он у пульта управления «Жаворонка» или покачивался, пристегнутый страховочными ремнями к своей койке. И теперь место неясной туманной фигуры, всегда присутствовавшей в его грезах, занял вполне определенный

образ. Маргарет, в свою очередь, тоже все больше и больше привязывалась к спокойному и скромному молодому ученому с его огромными знаниями и острым пронацительным умом.

«Жаворонок» тем временем замедлил свое движение настолько, что появилась возможность посадки на подходящую планету. Немедля был проложен курс к ближайшему миру, вращавшемуся вокруг звезды, в состав которой входила медь. Когда корабль приблизился к планете, волна возбуждения охватила путешественников. Они наблюдали, как приближается, сверкая белым огнем, гигантская сфера; как атмосферные потоки размыают очертания ее континентов; как горят под солнцем ее океаны. У планеты было два спутника; ее светило — ужасающих размеров пылающий диск — выглядело таким горячим, что Маргарет стала проявлять признаки беспокойства.

— Вы уверены, что это не опасно — подходить так близко, Дик?

— Угу... Одна из обязанностей пилота — внимательно следить за показаниями пирометра. Если температура будет слишком высока, мы не станем рисковать.

«Жаворонок» скользнул в море облаков и опустился к самой поверхности планеты. Приборы показывали, что воздух на ней пригоден для дыхания, его состав был весьма схож с земным, разве что в атмосфере было значительно больше двуокиси углерода. Давление тоже оказалось более высоким, однако не существенно; температура была вполне сносной и защитный костюм не требовался. Гравитация на поверхности этого мира была примерно процентов на десять выше, чем на Земле. Почву скрывала буйная растительность, однако тут и там в зелени виднелись прогалины.

Приземлившись на одну из таких полей, путешественники убедились, что грунт достаточно твердый, и вышли наружу. Перед ними из дерна выпирал продолговатый скалистый гребень — или, скорее, жила какого-то очень твердого минерала; казалось, на поверхность выходит только малая ее часть, остальное же скрыто под землей. В том месте, где скала уходила под землю, росло гигантское дерево, удивительно симметричной формы и необычного вида — его ветви, более длинные и мощные вверху, имели широкие темно-зеленые листья, острые шипы и гибкие, похожие на побеги, усики. Дерево стояло как аванпост густой растительности, прости-

равшейся за ним, — в основном, папоротников, которые вздымались вверх более чем на двести футов и были совершенно непохожи на своих скромных земных собратьев. Их листья и стволы интенсивного ярко-зеленого цвета замерли в спокойном горячем воздухе. Не было заметно следов какой-либо живности; весь ландшафт казался спящим царством.

— Планета значительно моложе Земли, — произнес ДюКесн. — Сейчас тут период, соответствующий, вероятно, земному карбону. Не похожи ли эти папоротники на те древности, чьи отпечатки иногда встречаются в угольных пластах? Как вы полагаете, Ситон?

— Пожалуй... я как раз пытался понять, что же они мне напоминают. Но гораздо больше меня заинтересовала эта жила. Похоже на чистый металл... причем — благородный!

— Почему ты так считаешь? — с интересом спросила Дороти.

— На нем не видно следов коррозии, а находится он здесь не меньше миллиона лет. — Ситон подошел к обломку странного минерала и пнул его своим тяжелым башмаком — однако камень не шелохнулся. Тогда Ситон попробовал поднять его одной рукой — безрезультатно. Лишь ухватившись обеими руками, напрягая изо всех сил мощные мышцы, он смог немного приподнять обломок над землей — и это все.

— Что вы думаете об этом, доктор?

ДюКесн тоже приподнял тяжелую глыбу; затем вынул из-за пояса нож и поскреб поверхность. Он внимательно рассматривал свежую царапину, потом поскреб металл еще раз.

— Хммм... Платиновая группа, несомненно... а единственный известный ее член, обладающий подобным силоватым блеском — ваш икс-металл, Ситон.

— Но мы ведь пришли к выводу, что икс-металл в свободном состоянии и медь не могут сосуществовать на одной планете, а планеты солнц, богатых медью, должны содержать в коре медь...

— Да, так... Значит, мы ошибались. Если это вещество — икс-металл, то у наших планетологов появится отличный предмет для дискуссий на ближайшие полсотни лет. Пожалуй, имеет смысл провести анализы этих образцов.

— Займитесь этим, ДюКесн, а я подберу десяток-другой самородков. Если это действительно икс-металл,

такого его количества хватит, чтобы все энергоустановки Земли работали без перерыва в течение нескольких тысячелетий...

Крейн и Ситон, с помощью сгоравших от любопытства девушек, затащили несколько увесистых обломков на борт «Жаворонка». Когда в поисках новых самородков они стали все более удаляться в глубь прогалины, Мартин запротестовал:

— Дик, здесь может быть опасно!

— С чего ты взял? Посмотри, кругом так тихо...

И в этот момент вскрикнула Маргарет. Она глядела назад, в сторону «Жаворонка»; на лице ее отражался смертельный ужас.

Ситон мгновенно выхватил пистолет, но тут же опустил руку с оружием.

— Только разрывные пули... — прошептал он, и вся четверка оцепенело уставилась на чудовище, медленно выходявшее из-за их корабля.

Четыре огромные колонообразные ноги поддерживали огромное тело — длиной, по крайней мере, в сто футов, и похожее на бочку; длинную изгибающуюся шею увенчивала маленькая головка с пастью, полной острых, как иголки, зубов. Дороти с трудом подавила испуганный крик, и обе девушки инстинктивно подались к мужчинам, в недоуменном молчании наблюдавшим, как огромная мерзкая тварь мерно шагает вдоль корпуса звездолета.

— Я не могу стрелять, Март, — прошептал Ситон. — Эти пули не причинят ему ни малейшего вреда...

— Разумеется. Нам лучше спрятаться куда-нибудь, пока это чудовище не заметило нас. Вы двое — за тот уступ, а мы — сюда.

— Придется ждать, пока оно уберется подальше... — Ситон и прижимавшаяся к нему перепуганная Дороти скрылись за невысоким гребнем породы.

Маргарет, как замороженная, не могла оторвать глаз от монстра. Крейну пришлось взять ее за локоть и почти силой оттащить в укрытие.

— Ничего страшного, Мегги, — спокойно сказал он. — Эта тварь нас не заметила.

— Ох, Мартин, — судорожно выдохнула Маргарет. — Если бы тебя не было рядом... я просто умерла бы от страха!

Его рука крепко сжала ее плечи; потом расслабилась. Время и место были не слишком подходящими...

В этот момент с «Жаворонка» раздался грохот выстрелов. Монстр яростно взревел от боли, но следующая пулеметная очередь заставила его замолчать навсегда.

— ДюКесн начеку — бежим! — закричал Ситон, и все четверо рванулись вверх по склону. Осторожно огибая бьющуюся в агонии тварь, они нырнули в открытый люк, и ДюКесн защелкнул замок. Все пятеро стояли, столпившись у входа и все еще не веря, что опасность позади; и тут снаружи началась страшная суматоха.

Проголина, такая мирная, спокойная всего пару минут назад, выглядела теперь совершенно иначе. Воздух наполнился отвратительными летающими монстрами. Крылатые ящеры огромных размеров с клыками тигра, со свистом рассекая воздух, яростно атаковали корпус «Жаворонка». Дороти отпрянула и попятилась, когда похожая на скорпиона десятифутовая тварь прыгнула на иллюминатор, и ее ужасное жало забрызгало стекло ядом. Когда тварь упала на землю, паук — если можно было назвать пауком восьминое чудовище с шипами вместо волос, фасетчатыми глазами и раздутым шарообразным туловищем весом не меньше ста фунтов — прыгнул на нее, и разгорелось яростное сражение — мощные мандибулы против ужасного жала. Двенадцатинogie тараканы выползли из болота и, накинувшись на убитое ДюКесном создание, устроили на его туше жадный пир; однако их быстро отогнало чудовище, живой кошмар эпохи рептилий, соединявшее в себе повадки тиранозавра и облик саблезубого тигра. Этот пришелец достигал в плечах высоты пятнадцати футов, а его пасть, диспропорционально огромная даже по сравнению с титаническим туловищем, была усеяна острыми трехфутовыми клыками. Оно только-только приступило к трапезе, как было внезапно атаковано другой жуткой тварью, напоминавшей крокодила.

Доисторический тигр встретил крокодила оскаленными клыками и выставленными вперед когтистыми лапами. С жутким ревом монстры, терзая друг друга, покатались по земле.

Вдруг одна из ветвей огромного дерева, под которым оказались оба чудовища, шевельнулась и хлестнула по сцепившимся тварям, пронзая их своими шипами, которые, как теперь стало заметно, были острые, как иглы, и зазубренные на концах. Широкие листья, снабженные

по краям дисками-присосками, приникли к безнадежно опутанным жертвам. Длинные тонкие усики, на кончиках которых открылось по глазу, колебались на безопасном расстоянии, следя за малейшим движением животных.

После того, как плоть и кровь были высосаны из тел двух гладиаторов, дерево подняло ветви над свежими скелетами и вновь неподвижно застыло в своей странной неземной красоте.

Дороти нервно облизнула побелевшие губы; ее лицо было почти таким же белым.

— Ох, меня, кажется, сейчас вырвет! — простонала она.

— Ну что же ты! — сжал ее руку Ситон. — Выше нос, герой!

— Слушаюсь, босс... Может быть, и нет — на этот раз. — Постепенно краска начала возвращаться на ее щеки. — Но, Дик, ведь ты уничтожишь это жуткое дерево? Если бы оно было так же ужасно на вид, как остальные твари... но ведь оно прекрасно!

— Ну разумеется, если ты этого хочешь, дорогая. А теперь, думаю, нам лучше сматываться отсюда. Здесь все равно нет места, чтобы устроить медный рудник, даже если и обнаружатся медные залежи, — а их, вероятно, все же нет... Это икс-металл, ДюКесн, не так ли?

— Да. Девяносто девять процентов чистоты.

— Да, еще кое-что... — Ситон повернулся к ДюКесну и протянул ему руку. — Благодарю за спасение, Блэки. Вы играете честно. Одно ваше слово — и война между нами будет окончена навсегда.

ДюКесн, однако, протянутую Ситоном руку проигнорировал.

— Только не с моей стороны, — бесстрастно произнес он. — Я обещал действовать как член вашей команды и поступаю именно так — пока я с вами. Вернувшись на Землю, я, однако, не оставлю попыток вывести из обращения вас обоих. — С этими словами он повернулся к Ситону спиной и удалился в свою каюту.

— Дьявол его заберит!.. — Гнев и досада сжимали Дикку горло. — Это не человек! Это... это хладнокровная рыба!

— Да, он не человек — он машина, робот, — сказала Маргарет. — Я всегда так думала, но теперь знаю точно!

— Ну, поглядим, кто на чьем трупе спляшет мамбу! — со злостью буркнул Ситон. — Он хочет драки — так пусть побережет нос!

Крейн направился к пульту управления, и вскоре они уже приближались к другому миру, окутанному плотным туманом облаков. Медленно опускаясь, экипаж «Жаворонка» обнаружил, что эта дымовая завеса состоит из горячего, под высоким давлением пара и кипящих едких испарений. Такой климат их, разумеется, не устраивал.

Следующая планета выглядела бесплодной и мертвой. Ее атмосфера была прозрачной, но имела необычный желто-зеленый цвет. Анализ показал, что более чем на девяносто процентов она состоит из хлора. В таком мире было невозможно существование ни одного вида земной жизни, и геологические работы по поиску меди были бы крайне затруднительны, если не совсем невозможны.

— Ладно, — сказал Ситон, когда они снова помчались вперед, — у нас теперь достаточно топлива, чтобы посетить столько солнечных систем, сколько нам нужно. Но мне кажется, что вон там, справа по курсу, находится чудная планетка — она так обнадеживающе выглядит! Может, наконец, это то, что мы ищем?

Попав в ее атмосферный пояс, астронавты провели, как всегда, общий анализ и нашли его результаты вполне удовлетворительными.

9

Они быстро спускались над большим городом, расположенным посреди красивой обширной долины. Пока странники в восхищении любовались им, город внезапно исчез; теперь вместо него перед ними торчала горная вершина среди равнин, тянувшихся, насколько хватало глаз.

— Никогда в жизни не встречала подобного миража! — воскликнул Ситон. — Однако мы все равно сядем, хотя бы нам ради этого пришлось искупаться в воображаемом океане!

«Жаворонок» мягко опустил на вершину, хотя все ждали, что та в любой момент может исчезнуть. Тем не менее, она осталась стоять на месте, и пятеро путешественников столпились в переходном шлюзе, раздумывая, удачной или нет будет высадка. Признаков жизни вокруг не наблюдалось; однако каждый из них кожей ощущал присутствие чего-то большого и зловещего.

Неожиданно перед ними материализовался человек:

мужчина, как две капли воды похожий на Ситона — вплоть до грязного пятна на правой щеке и точного повторения цветного узора на его гавайской рубашке.

— Приветствую вас, люди! — сказал он голосом Ситона и совершенно в его манере. — Удивляетесь, что мне известен ваш язык? Ха, конечно же удивляетесь! Вы ведь даже не представляете, что такое телепатия, или субэфир, или связь между пространством и временем. Не говоря уж о четвертом измерении!

И тут на глазах у всех псевдо-Ситон за один миг превратился в Дороти и продолжал без всякой паузы: — Электроны, нейтроны, протоны и прочие мелкие штучки — ничто здесь, в этом мире; так было, так есть и так будет всегда.

Теперь непонятное существо стало ДюКесном.

— О, это уже гораздо более свободное создание! Но всё равно: слепота, тупость; ещё одно ничто. А Мартин Кейн? — то же самое. Ну, про Мегги говорить не приходится, этого можно было ожидать. — С существом произошли два очередных превращения. — А раз все вы, в сущности, ничто, — продолжало оно, — отродья расы столь неразвитой, что пройдут миллионы лет, прежде чем она поднимется хотя бы над смертью и этим ее постоянным спутником — половым размножением, — мне, разумеется, придется превратить вас в фактическое ничто... То есть — дематериализовать.

В обличье Ситона существо устало на своего двойника, и тот почувствовал, как от головы до пят его пронзило страшное, хотя и нематериальное воздействие. Пошатнувшись, Дик все же сумел сконцентрировать на сопротивлении весь свой разум, и остался на ногах.

— Что это? — в удивлении воскликнул незнакомец. — Впервые за миллионы циклов простая материя, которая является не более чем элементарнейшим проявлением разума, не желает подчиниться высшей власти? Что-то явно не в порядке! — И он преобразился в Крейна.

— А! — воскликнул лже-Крейн. — Я не добился точного сходства, имеются неуловимые отличия. Так, так... Внешняя форма идентична, внутренняя — тоже... Молекулы веществ расположены надлежащим образом, как и атомы в молекулах. Электроны, нейтроны, протоны, позитроны, нейтрино, мезоны... на этом уровне ничего не пропущено. На третьем уровне...

— Скорее! — выдохнул Ситон, подталкивая Дороти и

протягивая руку к рубильнику шлюза. — Эта дематериализация, я вижу, приводит его в восторг, но моим-то любимым занятием она никогда не была!

— Нет, нет! — запротестовал незнакомец. — Вы действительно должны быть дематериализованы — живые или же мертвые.

И он вытащил пистолет. Находясь в обличье Крейна, он двигался медленнее, чем настоящий Мартин, и крупнокалиберный «Марк-1» Ситона разнес череп пришельца раньше, чем его пистолет покинул кобуру. Псевдо-тело рухнуло на камни, но чтобы быть до конца уверенным в результате, Дик выстрелил еще раз, пока оно еще виднелось сквозь щель закрывающегося люка.

Затем Ситон бросился к пульта и едва не отпрянул от неожиданности — странное создание снова материализовалось в воздухе прямо перед ним, но рухнуло на пол, отброшенное инерцией, когда он включил двигатель. На этот раз тварь имела весьма устрашающий вид — оскаленные дюймовые клыки, острые когти на человекоподобных руках, в которых она сжимала огромный старинный мушкет. Однако, придавленный к полу прессом ускорения, монстр не мог ни подняться, ни даже приподнять свое оружие.

— Кончай этот цирк, — провозгласил Ситон. — Сейчас я врублю полную мощность, и кое-кто будет размазан по паркету!

— Вы поступаете как ребенок! Это свидетельствует о вашей храбрости, но отнюдь не об уме, — с укором сказало чудовище и исчезло.

Мгновением позже волосы Ситона встали дыбом — над приборной панелью появился мушкет, и черный значок ствола нацелился прямо ему в лоб. Сам собой щелкнул курок, вспыхнул порох — выстрела, однако, не последовало. Ситон, ошеломленный стремительно разыгрывающейся перед ним сценой, с немалым удивлением осознал, что еще жив.

— Хмм... Я так и думал, что выстрела не получится, — протянул мушкет резким металлическим голосом. — Видите ли, мне пока не удалось получить точную формулу вашей субъядерной структуры, поэтому я и не сумел произвести качественный выстрел. Однако, применив грубую силу, я могу уничтожить вас множеством разнообразных способов.

— Назови хоть один! — выпалил Ситон.

— Даже два, если вам так хочется. Во-первых, я могу

материализовать над вашими головами пять глыб металла и уронить их на вас; а во-вторых, при определенной концентрации усилий, я мог бы создать солнце прямо перед носом вашего звездолета. Любого из этих маленьких препятствий было бы достаточно, не правда ли?

— Полагаю, что да, — нехотя согласился Ситон.

— Но такая грубая работа — это, право же, дурной тон, и действовать подобным образом имеет смысл только в крайних случаях. К тому же, теперь я заметил, что вы не столь уж абсолютное ничто, как мне показалось при первом, достаточно приближенном анализе. В частности, личность по имени ДюКесн несет зачатки качества, которое хотя еще и не является ментальной способностью, но с течением времени вполне может быть развито до этого уровня; и тогда — о, тогда данная личность вполне может претендовать на определенный интеллект!

Кроме того, я получил редкостное наслаждение от тех маленьких упражнений, которые мне пришлось проделывать благодаря вам. И вы можете доставить мне еще большее удовольствие: в следующий час я собираюсь заняться формулой вашей субъядерной структуры. Сравнительно несложный вывод — надо лишь проинтегрировать триста девяносто семь дифференциальных уравнений четвертого порядка. Так вот: если вы сможете вмешаться в мои расчеты до такой степени, что помешаете мне получить эту формулу за указанный отрезок времени, то я предоставляю вам шанс вернуться на свою ничтожную планетку точно в таком виде, какой вы имеете сейчас. Первая минута начнется, когда стрелка вашего хронометра перейдет нулевую отметку... пошла!

Дик сбросил ускорение до одного «же» и откинулся в кресле, крепко зажмурив глаза и хмурия брови от интенсивных мысленных усилий.

«Тебе не удастся этого сделать, проклятый циркач! — пронеслись у него в голове яростные мысли. — Слишком много переменных! Во всей галактике не существует разума — даже нечеловеческого! — которому по силам такая задача. Ага, вот здесь ты ошибся, фокусник... здесь тета, а не эпсилон. А интегрировать надо по икс... не по игреку... Параметр выбран неверно... опять ошибка — и серьезная, между прочим... придется все начать сначала... — Он перевел дух и заключил с мстительным удовлетворением: — Нет, никому не справиться с системой такого порядка... никому и ничему

во всем этом дьявольском гадючнике, именуемом Вселенной!..»

Дик старался не думать об ужасной ситуации, в которую они попали; на время он забыл о том, что в любой момент их всех — и Долли, его любимую, — могут превратить в ничто. Сосредоточившись, воздвигнув барьер между разумом и чувствами, он яростно сражался с таинственной враждебной сущностью; он пустил в ход все свои силы, всю мощь острого тренированного ума, все накопленные годами знания.

Шестьдесят минут истекли.

— Кто бы мог подумать — вы выиграли! — со скрежетом провозгласил мушкет. — Говоря более определенно, победу надо мной одержала личность по имени ДюКесн. К великому моему удивлению — и удовольствию! — его зарождающаяся ментальная способность за этот час обрела более законченные формы. — Ствол невероятного оружия изогнулся, нацелившись прямо в лоб доктора. — Не пренебрегайте своим дальнейшим самосовершенствованием, мой потенциальный родич! Я рекомендую вам продолжить занятия под руководством тех восточных мудрецов, у которых вы обучались раньше. И тогда, при известном усердии, вы сможете расстаться со своей брэнной оболочкой, достигнув ранга, подобного моему.

С этим многозначительным напутствием мушкет пропал; растворилась и планета, с которой стартовали путники, а вместе с ней — пронизывающее и угнетающее ощущение чуждого ментального поля. Теперь все пятеро были уверены, что странная и зловещая сущность, что бы она из себя не представляла, покинула их навсегда.

— Дик, это все происходило на самом деле? — робко спросила Дороти. — Или мы — жертвы массовой галлюцинации?

— Происходило... то есть, я полагаю, что так... это вполне возможно... Слушай, Март, почему бы тебе не сунуть закодированную информацию об этом бреде в компьютер? Как ты думаешь, что он нам выдаст?

— Я не знаю... Не знаю! — Разум Крейна, дисциплинированный мозг инженера и изобретателя, отказывался подчиняться ему. Этот невероятный, фантастический эпизод не мог быть объяснен с помощью тех знаний, которыми он обладал; следовательно, его не могло произойти! И тем не менее...

— Либо это действительно произошло, либо все

мы находились под гипнозом. Но если так, то кто же был гипнотизером? И, главное, зачем? Нет, должно быть, все случилось на самом деле, Дик...

— Ну, а ваше мнение, ДюКесн?

— Реальность случившегося не вызывает у меня сомнений. Я понятия не имею, кто и с какой целью посетил нас, но это было — я в это верю. И, замечу, я всегда отрицал априорную невозможность чего-либо. Если сейчас в салон заявится говорящий шкаф на пяти ногах, значит... хмм... так оно и есть!

— Во всяком случае, вы, ДюКесн, проделали основную работу по спасению наших шкур. Кстати, у каких восточных мудрецов вы обучались, и что за дьявольское умение они преподали вам?!

— Я и сам не знаю, — ответил ДюКесн, медленно поднес зажигалку к сигарете и глубоко затянулся. — А хотелось бы... Я изучал ряд эзотерических философских течений... возможно, со временем я смогу разобраться, какое из них было истинным. — Он покачал головой. — Да, джентльмены, я определенно попытаюсь сделать это. Великолепная задача! — И доктор, в глубокой задумчивости, покинул собравшихся в командном отсеке.

Остальной четверке понадобилось некоторое время, чтобы оправиться от шока, вызванного необыкновенными событиями. Они еще не совсем пришли в себя, когда Крейн обнаружил впереди по курсу близкую россыпь звезд, пульсировавших ярким зеленым светом; спектроскопы подтвердили наличие меди. Когда «Жаворонок» подошел к скоплению так близко, что гигантские солнца заняли большую часть обзора, Крейн попросил Ситона занять его место у пульта управления, пока они с Маргарет попытаются обнаружить планету.

Молодые люди спустились в обсерваторию, но вскоре поняли, что находятся еще слишком далеко, и принялись за обычные записи. Мартин попытался диктовать. Однако ему никак не удавалось сосредоточиться на работе; он думал о девушке, сидевшей рядом. Интервалы между его комментариями и односложными ответами Маргарет становились все длиннее и длиннее, пока оба совсем не замолчали.

«Жаворонок» чуть дрогнул, как бывало много раз до этого, и Крейн повел рукой, сохраняя равновесие; его ладонь коснулась плеча девушки. В наэлектризованной атмосфере этот жест приобрел совершенно особое, чуть

ли не символическое значение. Оба горячо вспыхнули, и когда их глаза встретились, каждый прочитал в них то, что больше всего хотел увидеть.

Медленно, как будто против воли, Крейн обнял девушку. Еще более жаркая пунцовая волна залила щеки Маргарет, но ее губы потянулись к его губам, а руки обвились вокруг его шеи.

— Маргарет... Мегги... я собирался подождать... но зачем нам ждать еще чего-то? Ты знаешь, как я люблю тебя, моя родная!

— Мне кажется, да... я знаю это, любовь моя!

Спустя некоторое время они вернулись в командный отсек, пребывая в искреннем заблуждении, что радость, сияющая в глубине их глаз, никому незаметна. Может быть, их тайна и продержалась бы еще с полчаса, но Ситон неожиданно спросил:

— Ну, что ты нашел, Март?

Молодой инженер, всегда великолепно владевший собой, растерялся как дитя; хорошенькое личико Маргарет начало розоветь на глазах.

— Я вижу, твои поиски увенчались успехом? — улыбаясь, спросила Дороти, окидывая смущенную парочку понимающим взглядом.

Крейн взял себя в руки и спокойно произнес:

— Подходящей планеты я пока не обнаружил. Зато нашел свою будущую жену.

При этом признании Маргарет вспыхнула. Засим девушки горячо обнялись, а молодые люди крепко стиснули друг другу руки; и каждый из них знал, что оба намечавшихся союза не были прихотливой игрой капризного случая.

ПИРАТЫ КОСМОСА

1

Гигантский межпланетный крейсер «Гиперион» стремительно мчался в ледяной тьме, с каждой секундой удаляясь от Земли. Стоя на мостике, в центральном управлении, капитан Брэдли пристально следил за россыпью разноцветных огоньков на приборных панелях, полукольцом охватывающих переднюю часть отсека. Внезапно прозвенел зуммер, и капитан, нахмутив брови, бросил взгляд на короткое сообщение, выведенное на экран его дисплея оператором связи. Он кивнул вахтенному офицеру, и тот, получив это молчаливое разрешение, наклонился над плечом Брэдли и прочел: «Сообщения разведпатрулей остаются негативными».

— Остаются негативными... — задумчиво произнес офицер. — Но ведь они уже прочесали более обширный район, чем сектор возможного обнаружения обломков... Совершенно необъяснимые исчезновения — сначала «Диона», потом «Рея»... И оба корабля — за один месяц! Пусть от них не осталось ни единой спасательной шлюпки, но хотя бы обломок микросхемы!.. Мне это совсем не нравится, сэр. Одна авария может быть случайностью, но две... — он умолк.

— А на третий раз это уже становится закономерным, — закончил его мысль капитан. — Меня больше всего тревожит внезапность катастрофы. Ведь ни один из лайнеров даже не послал сигнала бедствия — я уж не говорю о каких-либо сообщениях! Их управляющие комплексы просто переставали выдавать координаты — и все! — Брэдли раздраженно потер подбородок. — Однако у них не было ни наших следящих мониторов, ни нашего вооружения. Сейчас, судя по докладам с наблюдательных постов, мы в чистом эфире, но будь я проклят, если стану им доверять — любому из этих подслеповатых лодырей от Луны до самого Марса! — он взглянул на вахтенного. — Вы получили новые указания?

— Разумеется, сэр. Задействованы все следящие мо-

нитеры и три линии барьерных экранов, эмиттеры полностью укомплектованы расчетами, десантные группы готовы. Любой обнаруженный нами объект будет немедленно идентифицирован, каждый корабль — предупрежден. Тот, кто попытается пересечь контрольную зону, попадает под огонь наших орудий.

— Все правильно... на войне как на войне.

— Именно так, сэр, — кивнул вахтенный. — Я совсем не удивлюсь, если в слухах об этих происшествиях окажется немалая доля истины.

— С чего вы это взяли? — фыркнул капитан, покосившись на своего офицера. — Пираты на сверхсветовых крейсерах, субэфирные лучи, безинерционные манипуляции в поле тяготения... да это же просто смешно! Этого не может быть! — его кустистые брови взлетели вверх. — Если в этом секторе и творится разбой — что, к сожалению, похоже на правду, — средства у мерзавцев пос скромнее. И никому из них не выстоять против наших мультиплексных эмиттерных батарей, прикрытых тремя барьерными щитами! Этого хватит на любого — пиратов, нептуниан, ангелов или дьяволов, на звездолете или верхом на метле! И если они попробуют взяться за «Гиперион», мы попросту выжжем их из эфира!

Отдав салют, вахтенный отправился в обход корабля; он был не прочь поскорее убраться с глаз раздраженного начальства. Шесть больших мониторов дальнего слежения, в темную глубину которых напряженно всматривались дежурные операторы, спокойно мерцали, их чувствительные ультрасенситивные детекторы ничего не обнаруживали — пространство было чистым на тысячи и тысячи миль. Сигнальные лампочки на панели пилота не мигали, зуммеры молчали. Яркая светящаяся точка находилась прямо в центре микрометрической сетки, в перекрестии направляющих линий; значит, гигантский крейсер шел точно по проложенному автоматическими интеграторами курсу. Все было в порядке; управляющий комплекс корабля функционировал с обычной стопроцентной надежностью.

Завершив обход, вахтенный так и доложил капитану Брэдли: «Все в порядке, сэр.» Тем не менее, это было далеко от истины.

Смертельная опасность угрожала огромному звездолету — тем более страшная, что источник ее находился на самом корабле. В закрытом и тщательно защищенном

отсеке, глубоко в стальном чреве «Гипериона», мерно гудел большой климатизатор, разгоняя по обитаемым палубам потоки чистого воздуха. В этот момент над его трубопроводом — главной кислородной артерией судна — согнулась фигура в неуклюжем защитном скафандре. Плечи человека подрагивали, он склонялся все ниже и ниже — и все глубже в стальную стенку трубопровода вгрызалась дрель, негромко жужжавшая в его руках.

Вскоре сверло прошло насквозь, и в отверстие был вставлен гибкий и плотно пригнанный шланг, на конце которого находился тяжелый металлический цилиндр с хрупкой стеклянной ампулой внутри. Человек стоял в напряженной позе, глядя на циферблат хронометра, светившегося на левом запястьи; его правая рука сжимала цилиндр, большой палец лежал на торце, поглаживая едва заметный выступ. Сквозь прозрачное забрало шлема была видна ухмылка, игравшая на губах незнакомца — он ждал точно высчитанного момента, когда его палец, надавив на кнопку, освободит содержимое хрупкого сосуда, и оно медленно растечется по отсекам огромного корабля.

2

А на верхней палубе крейсера, в большом салоне, были в разгаре ежевечерние танцы. Недостатка в партнершах не было; по давней традиции, в поход обычно брали гостей — специалистов, ученых или просто привлекательных девушек, помогавших скрасить томительную скуку долгих перелетов. К тому же, в команде крейсера имелись и женщины.

Оркестр грянул последние аккорды, раздался гул оваций, и Клио Марсден, по единодушному мнению офицерского состава самая блестящая красавица этого вояжа, предложила своему партнеру прогуляться к одному из наблюдательных мониторов.

— О, Землю больше не видно! — с легким разочарованием воскликнула она. — Куда направлен этот монитор, мистер Костиган?

Конвэй Костиган, рослый молодой мужчина, старший офицер «Гипериона», добавил увеличение.

— Этот направлен назад, на Землю, а этот смотрит вперед, — показывая, он коснулся пальцами прохладного стекла.

Земля выглядела сейчас ярко сверкающим полумесяцем, висевшим где-то в безмерной дали под корпусом корабля. Впереди по курсу пылали красный Марс и серебристый Юпитер — два ярких огонька на фоне бархатного черного занавеса, усыпанного мириадами сияющих звезд.

— Боже, какое великолепие! — взволнованно вздохнула девушка. — Вы-то, конечно, уже привыкли к подобному зрелищу, но я впервые покинула Землю и, кажется, могла бы любоваться на это вечно! Вот почему мне доставляет такое удовольствие прогуливаться здесь. Вы знаете, Конвэй, я. . .

Внезапно голос ее прервался, ладонь судорожно вцепилась в запястье Костигана и тут же обмякла. Он недоуменно взглянул на девушку, и в то же мгновение понял, что с ней происходит. В ее расширившихся, лихорадочно блестящих глазах плескался ужас; теряя сознание, она пошатнулась и начала падать, но офицер подхватил ее за талию. Сжав губы, затаив дыхание, он рывком вытянул из-за пояса плоский блок переговорного устройства и надавил клавишу «Тревога».

— Мостик! — выдохнул он, и все динамики крейсера повторили хриплый шепот, вырвавшийся из его горла вместе с остатками воздуха. — Газ Ви-два! Задержать дыхание!

Корчась в отчаянной попытке сдержать вдох, с безжизненным телом девушки на сгибе левой руки, Костиган бросился к тамбуру ближайшей спасательной шлюпки. В этот момент оркестранты безвольно выронили свои инструменты, танцующие пары мягко осели на пол, и в наступившей тишине молодой офицер, перед глазами которого уже вращались огненные круги, справился с входным люком шлюпки. Он рванулся через крохотную рубку к воздушным вентилям автономного климатизатора, открыл их на полную мощность и принял ртом к живительному потоку, наконец-то позволив своим измученным легким сделать первый вдох. Едва придя в себя, он снова задержал дыхание, вскрыл шкафчик слева от пульта и натянул один из хранившихся там аварийных защитных костюмов; он широко открыл клапан на его воздушном баллоне, чтобы очистить скафандр от остатков смертельного газа.

Затем он повернулся к лежавшей без сознания девушке. Быстро захлопнув люк, он пустил ей в лицо струю чистого кислорода и начал делать искусственное

дыхание, ритмично сгибая тонкие руки Клио. Через несколько минут она закашлялась, сделав первый судорожный вдох, и Конвэй поменял кислород на воздух. Когда девушка открыла глаза, он быстро проговорил:

— Держитесь за эту стойку и не отводите лицо от воздушного потока, пока я не надену на вас скафандр. Вы поняли меня?

Клио слабо кивнула. Убедившись, что она может стоять без его поддержки, молодой офицер облачил ее в защитный костюм — дело двух минут при надлежащем опыте. Затем, когда она в изнеможении упала в пилотское кресло, Костиган щелчком включил видеофон внутренней связи и набрал код централи управления. Там, над приборными панелями, по-прежнему невозмутимо сиявшими россыпью цветных огней, склонились одетые в скафандры фигуры.

— На корабле лазутчик! — Сейчас старший офицер говорил со своим капитаном без соблюдения должной субординации, как часто бывало в Трипланетарном Флоте в экстремальных случаях. — Скорее всего, отравляющий газ попал в главный воздухопровод. Не исключено, что таким же способом были захвачены и два предыдущих судна. Это пираты! Или человек, или подброшенное на корабль автоматическое устройство! — на миг он сделал паузу, потом задумчиво произнес: — Только Фрэнклин мог отключить контрольный щит большого климатизатора... Ну, я проверю, что там произошло, а потом поднимусь к вам наверх. Держитесь, парни!

— Что это было? — спросила потрясенная девушка. — Мне кажется, вы сказали: «Ви-два». Но ведь этот страшный газ запрещен! — ее лицо исказила гримаса ужаса. — Вы спасли мне жизнь, Конвэй, и я никогда этого не забуду... никогда! Но другие... что случилось с ними?

— Да, это был Ви-два, и он действительно запрещен, — жестко ответил Костиган, не отрывая взгляда от видеофона, через который он методично вызывал телемониторы служебных отсеков крейсера. — Наказание за его применение — казнь; за хранение — вечная ссылка. Но гангстеры и пираты, заочно приговоренные к смерти, частенько используют его — терять-то им нечего... — Конвэй искоса бросил взгляд на бледное лицо девушки. — Что же касается вашей жизни, то она вне опасности, Клио. А остальные... я не успел бы

привести их в чувство... я и с вами чуть не опоздал... еще на пару секунд дольше... — Его ловкие пальцы отстукивали код за кодом на клавишах видеофона; картина за картиной сменялась на маленьком экране.

— Но у нас, к счастью, есть действенный антидот, он всегда хранится в неприкосновенном запасе наших скафандров... мы знаем, что многие подонки не побрезгуют использовать Ви-два и тому подобные смертельные штучки... и мы готовы к этому. Так что, когда воздух очистится, мы приведем в сознание всех, кто надышался этой мерзостью. С этим проблем не будет, но вот что может произойти после...

Внезапно он оборвал свой монолог и резко выпрямился. На экране застыла фигурка в неуклюжем скафандре высокой защиты; блики света играли на лицевом щитке, не позволяя разглядеть черты лазутчика.

— Ага, я так и думал, вот он — прямо в воздушном отсеке! Он в скафандре главного инженера, но это не Фрэнклин. Вероятно, один из пассажиров... наших гостей... Застал врасплох беднягу Фрэнклина, забрал его скафандр и ручной эмиттер... Ну, а потом дыра в трубопроводе и — пс-с-ст! — экипаж готов! Может, это все, что он намеревался сделать на этот раз, но, уверяю вас, больше он ничего не успеет сотворить!

— Костиган, не ходите туда! — взмолилась девушка.

— Его скафандр намного прочнее, чем ваш аварийный костюм, а у него теперь «левинстон» мистера Фрэнклина!

— Не говорите глупостей! — резко оборвал ее Костиган. — Вы что думаете — мы можем позволить, чтобы на борту крейсера разгуливал живой пират, в то время, когда будем заняты с его приятелями, которые не замедлят объявиться снаружи? Не беспокойтесь, я не собираюсь давать ему ни малейшего шанса. Я возьму «стэндиш» и сотру его в порошок. Не уходите отсюда, пока я не вернусь за вами! — приказал он, и тяжелая дверь спасательной шлюпки с лязгом захлопнулась за ним.

Конвэй шагал через салон, не обращая внимания на распростертые на полу безжизненные тела. Подойдя к глухой стене, он нажал на ряд незаметных выступов, и перед ним, за отъехавшей в сторону тяжелой дверью, показалась глубокая ниша. Он вытащил из нее «стэндиш» — наиболее мощное лучевое оружие, которым располагали Флот и Служба. Массивное и тяжелое, оно походило на огромную винтовку, но было снабжено

толстым коротким стволом с несколькими непрозрачными конденсирующими линзами и параболическим отражателем. Сгибаясь под тяжестью «стэндиша», молодой офицер углубился в лабиринт коридоров, потом спустился на несколько уровней по крутому трапу. Наконец, он подошел к отсеку главного климатизатора и свирепо усмехнулся, заметив зеленоватую дымку, затягивающую его дверь — барьерный экран; значит, пират все еще был внутри, продолжая отравлять ядовитой мерзостью палубы «Гипериона».

Он опустил наземь свое оружие, выдвинул три тяжелые подпорки, пристроился плашмя на полу и повернул переключатель. Тусклый красный луч огромной пробивной силы, отразившись от рефлектора, ударил по защитному экрану; эффект был подобен вспышке десятка молний. Силовой барьер не продержался и нескольких секунд — зеленоватое свечение раздалось под превосходящей мощностью «стэндиша». Металл двери, не защищенный более экраном, изменяя окраску, пробежал всю гамму спектра — от красного через желтый, зеленый и голубой до ослепительно белого, а затем взорвался и потек, расплавленный и сожженный.

Теперь за уничтоженной дверью Костиган увидел человека в скафандре главного инженера — этот защитный костюм выдерживал огонь обычного оружия и мог некоторое время противостоять даже лучам «стэндиша». К тому же лазутчик тоже был неплохо вооружен — сжигающее пламя выплеснулось из дула его эмиттера, и вспыхнуло, засверкав разноцветным фейерверком, не в силах преодолеть защитный силовой экран «стэндиша».

Адская машина Костигана обладала не только разрушительной мощностью лучевого оружия. Когда сверкнул огонь эмиттера пирата, офицер дотронулся до спускового крючка, и в узком пространстве отсека загрохотали, разрывая барабанные перепонки, два выстрела. Тело лазутчика превратилось в туман, когда импульсный снаряд взорвался, пробив его скафандр. Костиган выключил луч «стэндиша», огляделся, шагнул в отсек и вырвал из воздухопровода отравленный шланг. Лишь убедившись, что климатизатору — легким крейсера — не нанесено никаких серьезных повреждений, он позволил себе немного расслабиться.

Разобрав «стэндиш», он дотащил его до салона и снова упрятал в сейф, установив секретный шифр на ком-

бинационном замке. После этого он направился к шлюпке, и Клио с облегчением вскрикнула, увидев его живым и невредимым.

— О, Конвэй, я так боялась, что с вами что-нибудь случится! — воскликнула она, пока он торопливо вел девушку на мостик. — Конечно, вы его. . .

— Ну, разумеется, — последовал лаконичный ответ. — Ничего страшного. Как вы себя чувствуете? Начали приходить в норму?

— Мне кажется, я в порядке, — ответила девушка. — За исключением, пожалуй, того, что перепугалась до смерти. Я не представляю, чем могу помочь вам, но я сделаю для вас все, что в моих силах.

— Отлично. Вы можете оказать очень большую помощь, мисс Марсен. Ведь большая часть экипажа выведена из строя — за исключением тех, кто, как и я, был предупрежден и сумел задержать дыхание и добраться до скафандров.

— Но кто же предупредил вас? Я знаю, что этот ужасный газ не имеет ни цвета, ни запаха.

— Вы. Вы сделали вдох за секунду до меня, и я увидел ваши глаза. Однажды я уже хлебнул этого газа... а когда вы хотя бы раз видели пораженного им человека, то не забудете этого зрелища до конца своих дней, — Костиган мрачно усмехнулся. — Инженеры в нижних отсеках первыми получили дозу, затем он проник в салон и на прогулочную палубу, где ваш обморок предупредил меня. К счастью, у меня хватило дыхания, чтобы передать сигнал тревоги. Однако не думаю, что многие, даже услышав его, успели надеть защитные костюмы... Всех, кто уцелел, мы встретим сейчас на мостике.

— Ах, теперь я понимаю, почему вы воскресили меня... в благодарность за столь любезное предупреждение, — кокетливо рассмеявшись, сказала Клио. Смех ее был еще хриловатым, но звучал задорно.

— Вы угадали, — в тон ей ответил Конвэй. — Ну, вот мы и на месте. Боюсь, мы скоро узнаем, какой нас ожидает следующий сюрприз.

В центральном управлении собрались, по меньшей мере, двенадцать вооруженных и одетых в скафандры мужчин; они спокойно, хотя и с заметным внутренним напряжением, следили за показаниями приборов. Им крупно повезло, что Костиган — опытный астронавт, несмотря на свою молодость, — оказался в момент газовой атаки на прогулочной палубе; повезло, что он был знаком с воздействием этого запрещенного, неошущи-

мого по цвету и запаху газа; повезло, что у него хватило присутствия духа и запаса воздуха передать сигнал тревоги. Капитан Брэдли, вахтенный офицер и несколько других членов команды «Гипериона», находившихся в своих отсеках или в офицерской кают-компании, все — закаленные ветераны космоса, с честью выдержавшие не одно опасное приключение, мгновенно и без раздумий подчинились переданному динамиками сигналу. Задержав дыхание при словах «Ви-два», они успели натянуть защитные скафандры и продуть их сжатым воздухом.

Костиган усадил девушку на свободное кресло, сменил аварийный скафандр, который все еще был на нем надет, на настоящий защитный костюм, и подошел к капитану Брэдли.

— Что-нибудь заметно, сэр? — спросил он, козырнув. — Они должны начать действовать одновременно с этой акцией.

— Они-то начали, но мы не можем их обнаружить. Как только мы попытались передать общий сигнал тревоги по сектору, они стали глушить нашу волну. Взгляните!

Проследив за взглядом капитана, Костиган повернулся к дисплею, за которым склонилась облаченная в скафандр фигура оператора. С экрана, вместо трехмерной объемной картины, бил пылающий ослепительной белизной сноп света; из динамиков, вместо обрывков радиопереговоров, доносился визг и скрежет помех.

— Невероятно! — возмущенно пробормотал Брэдли. — Сквозь барьерную защиту, если судить по показаниям приборов, не проникло ни крошки металла... Но чтобы наводить такие помехи, они должны находиться где-то у нас под боком! Невероятно! Как вы предполагаете, Костиган?

Брэдли, командир «Гипериона», закаленный космический вояка, был крутым человеком, консервативным сторонником старой школы и обычно возражений не терпел. Сейчас он казался разгневанным, сбитым с толку, разозленным на себя самого и на всех остальных; практически, впервые в жизни он встретился с невидимым врагом, которого не могли обнаружить радары его крейсера. Столкнувшись с этим необъяснимым фактом, капитан, похоже, готов был выслушать мнение своего молодого подчиненного — весьма нехарактерная для него терпимость.

— Невозможно? — повторил Костиган. — Но вывод же очевиден, сэр! Пираты имеют на вооружении нечто нам неизвестное! — он резко повернулся к Брэдли, разглядывая сквозь прозрачный щиток шлема его покрасневшее лицо. — И что тут удивительного? Военные суда получают новое вооружение после испытаний и многомесячной обкатки, пираты же и гангстеры проявляют небывалый интерес ко всякого рода новым штучкам. Хорошо еще, что мы успели подать хотя бы несколько тревожных позывных... станции наблюдения их, пожалуй, зафиксируют... Но и пираты тоже! Не думаю, что они заставят нас долго ждать, — закончил он довольно мрачным тоном.

И Конвэй не ошибся. Никто не успел ответить ему — внешний барьерный экран вспыхнул ослепительным белым светом под излучением ужасающей мощи, и в тот же момент на одном из следящих мониторов возникло изображение пиратского судна — огромной черной стальной торпеды, от которой расходились в стороны смертоносные лучи.

Мгновенно заговорили орудия «Гипериона», и под ударом включенных на полную мощность эмиттеров раскалились добела и вспыхнули защитные экраны незнакомца. Тяжелые орудия послали серию импульсных снарядов; отдача залпа была столь сильна, что гигантский корпус крейсера вздрогнул и завибрировал. Но капитан пиратского судна, видимо, имел полное представление о вооружении «Гипериона» и знал, что его защита окажется бессильной перед огневой мощью пиратских батарей.

Действительно, силовой барьер черного корабля успешно противостоял залпам «Гипериона»; снаряды взрывались, не достигая внешней брони. Неожиданно черная торпеда выпустила тонкий, как спица, сверкающий луч. Он прорезал пространство между кораблями, его не остановили ни мощные защитные экраны, ни сверхпрочный металл обшивки крейсера. Силовая защита «Гипериона» была прорвана, и он сразу же начал терять ускорение.

— Поражен энергетический отсек! — простонал Брэдли. — Мы идем теперь на аварийном ходу, лучевое оружие бездействует, а наши снаряды не долетают до пирата!

В следующий миг страшный разрушительный луч ударил прямо в центральный блок управления, и в зияющем

проломе исчезли и пилот, и орудийные расчеты, и операторы защитных установок — все дееспособные члены экипажа «Гипериона», кроме чудом уцелевших троих человек, чьи скафандры раздулись как тугие мячи, когда в отсеке резко упало давление.

Костиган подтолкнул капитана Брэдли к противоположной стене рубки и, схватив за руку полубесчувственную от ужаса девушку, прыгнул в том же направлении.

— Выбираемся отсюда, живо! — заорал он, и миниатюрные радиоприемники в шлемах, вступившие в строй вместо отключившихся в вакууме звуковых дисков, донесли эти слова до его спутников. — Они не могут нас видеть — силовой заслон еще действует, и их сканирующие лучи еще не могут проникнуть сквозь него! Им прекрасно известна конструкция нашего крейсера, и мостик будет следующей целью!

Три человека метнулись к двери, превратившейся теперь во внешний люк воздушного шлюза, и луч пиратского корабля прошил то место, на котором они только что стояли.

Через шлюз, вниз по коридорам и трапам бежали они, торопясь к спасательной шлюпке, их последнему средству для укрытия, последней надежде для бегства. Едва они успели нырнуть в это убежище, как почувствовали резкое увеличение гравитации. Все большая и большая сила сдавливала практически беззащитный крейсер — до тех пор, пока он не стал двигаться с нормальным ускорением.

— Что вы думаете об этом, Костиган? — спросил Брэдли. — Притягивающие лучи?

— Похоже на то... Они заарканили нас и тащат куда-то. Пойду раздобуду пару «стэндишей» и еще один скафандр с полной защитой — оборона будет простым делом.

Когда он вернулся и установил в крохотной рубке два толстых цилиндра на треногах, шлюпка сразу превратилась в настоящую крепость. Рейд за скафандром был более длительным — Костиган принес защитный костюм Трипланетарной Службы; внешне он напоминал те скафандры, что были надеты на мужчинах, но выглядел значительно менее громоздким.

— Натяните его, Клио — аварийные костюмы не всегда могут защитить в сражении. Думаю, вы никогда не имели дело со «стэндишем»?

— Нет, к сожалению; но я быстро научусь, — храбро ответила девушка.

— В этом замкнутом объеме могут работать одновременно только два «стэндиша», но вы должны знать, как обращаться с ними — на случай, если один из нас выйдет из строя. И еще одно: когда будете переодеваться, приладьте на себя несколько небольших штучек, которые я смог здесь разыскать... Вот, — он протянул девушке горсть блестящих предметов, — специальные переговорные устройства и детекторы Трипланетарной Службы. Этот маленький диск приклеивается кусочком ленты к груди — не очень высоко, лучше всего под грудиной. Замените ваши наручные часы вот этими — и ни на секунду не расставайтесь с ними. Жемчужное ожерелье тоже лучше носить постоянно; а эту маленькую капсулу надо спрятать особенно тщательно, чтобы ее не обнаружили хотя бы при поверхностном обыске. В крайнем случае, проглотите ее — она не причинит вам вреда и столь же успешно продолжит свою работу внутри вашего кишечника. Она важнее всего остального — утратив какое-нибудь из этих приспособлений, вы не потеряете своего шанса, но без управляющей капсулы вся система защиты рассыплется, как картонный домик. С таким снаряжением, — Костиган взвесил на ладони свои дары, — вы всегда можете связаться с нами. Кстати, мы оба оснащены таким же образом, хотя наши приборы выглядят немного иначе. Вам не нужно говорить в полный голос, Клио, достаточно шепота. Эти великолепные маленькие штучки почти невозможно обнаружить, а способны они на многое.

— Спасибо вам, Конвэй, — я сделаю все так, как вы сказали, — с благодарностью ответила девушка и повернулась к маленькому шкафчику, за дверцей которого могла без помех выполнить его многочисленные инструкции. — Но скажите, разве наши разведчики и патрули не смогут обнаружить нас по тревожным позывным?

— Боюсь, наши сигналы не достигли цели — космос вокруг пуст на многие тысячи миль.

Капитан Брэдли во время этого разговора в немалом изумлении тарашил глаза на своего помощника. При его словах — «мы оба оснащены таким же образом» он открыл было рот, но заставил себя молчать — видимо, немалым усилием воли. Когда же девушка скрылась за шкафчиком, он обратился к Костигану уже с выражением полного понимания на лице.

— Вот оно что, сэр! — сказал он весьма уважительно — с таким уважением он не обращался до сих пор ни к одному из своих офицеров. — Вы, разумеется, имели в виду, что поделитесь со мной на время кое-какими «спецсредствами Службы». . . правда, что вы еще не упомянули, к какой именно службе они относятся.

— Теперь, когда вы употребили слово «Служба», сэр, я ни за что не поверю, что вы не догадались, — усмехнулся Костиган.

— Ну что ж, это объясняет многое — скажем, быструю реакцию на «Ви-два», а также ваше необычайное самообладание и острый ум. Но не могли бы вы. . .

— Нет, — резко ответил Костиган. — Ситуация слишком серьезная, чтобы можно было переоценить ставки. Если мы выберемся из этого переплета, я заберу у нее свои штучки, и она никогда не догадается, насколько секретно это оборудование. Что же касается вас, то я не сомневаюсь, что вы будете держать язык за зубами. Поэтому я без колебаний готов доверить вам эти приспособления — у меня таких штуковин было множество, но я выбрал самые важные, а остальные сжег «стэндишем». Не знаю, как вы оцениваете наши шансы, но я уверен, что мы попали в крайне неприятную историю, и выбраться из нее живыми — дело весьма проблематичное. . .

Он замолчал, так как из-за шкафчика показалась Клио — теперь ни дать, ни взять маленький трипланетарный офицер, и они втроем погрузились в длительное тягостное ожидание. Проходил час за часом, а крейсер по-прежнему летел куда-то; наконец, по увеличившемуся ускорению они поняли, что корабль совершает пологий наклонный разворот. После короткого совещания капитан Брэдли включил радар и, оперируя лучом минимальной мощности, осторожно направил его вниз, в направлении, как они предполагали, противоположном тому, где находился корабль пиратов. Все трое впились глазами в монитор, но он отражал лишь бесконечную пустоту, прорезанную кое-где только далекими, холодно сверкающими звездами.

Слева экран затягивала дымка. Постепенно она начала рассеиваться, и они увидели слабо светящуюся голубым огромную сферу — настолько гигантскую и так близко, что они, казалось, падали на нее, словно это была планета. Крейсер замер на месте, предметы потеряли свою тяжесть, затем мягко отъехала в сторону

массивная дверь — и их корабль потянуло вверх через шлюз и понесло в воздухе над небольшим аккуратным и ярко освещенным городком с металлическими строениями. Вскоре «Гиперион» был осторожно опущен на поверхность и застыл в объятиях посадочного комплекса.

— Ну что ж, где бы мы не были, но мы на месте, — зловеще усмехнулся капитан Брэдли.

— И сейчас начнется салют в нашу честь, — добавил Костиган, бросив вопросительный взгляд на девушку.

— Не думайте обо мне, — мужественно ответила она на его невысказанный вопрос. — Мы не должны так просто поднять руки! Нет, нет и нет!

— Верно, малышка! — и оба мужчины залегли под защитой силовых стен за своим грозным оружием; девушка пристроилась сзади них.

Ждать долго не пришлось. На пороге крохотного отсека возникла группа людей — они выглядели как земляне и не были вооружены. Брэдли и Костиган направили на пришельцев стволы своих эмиттеров — от отражателей через дверной проем ударил концентрированный двойной луч, несущий уничтожение, но не достиг цели. Пришельцев окружал непроницаемый для излучения «стендишей» защитный экран. Мгновенно были нажаты спусковые крючки, и из ревуших орудий вылетел поток импульсных снарядов — однако с тем же самым результатом. Встретив на пути силовой барьер, снаряды просто исчезли — без взрыва, не оставив ни малейшего следа своего существования.

Костиган вскочил на ноги, но прежде, чем он успел броситься в атаку, перед ним разверзся широкий туннель — какая-то сила, разворотив весь корпус крейсера, вырезала из него без видимых усилий огромный цилиндр. И трое людей почувствовали, как их сжали невидимые объятия силовых полей и повлекли по этому коридору.

Они летели к замеченным раньше строениям, затем их курс изменился, и они оказались перед массивными дверьми, увенчанными пилонами. Створки распахнулись перед ними и, пропустив, снова захлопнулись. Теперь они очутились в комнате, которая могла бы служить офисом бизнесмену; они стояли перед необъятным письменным столом, на котором, кроме обычного оборудования, необходимого деловому человеку, располагались также обширный распределительный щит и пульт управления.

За столом сидел невозмутимого вида серый человек.

Он не только был одет во все серое, но его густые волосы тоже были пепельного оттенка, глаза — серо-стальные, и даже под загорелой кожей, казалось, проглядывало нечто асфальтное. Он как будто излучал серый цвет — но не мягких тонов голубинового крыла, а неумолимого оттенка мчащегося в атаку дредноута; то был цвет серого излома нестигаемой высокоуглеродистой стали.

— Капитан Брэдли, старший офицер Костиган, мисс Марсден, — человек говорил тихо, но отчетливо. — Я не предполагал, что вы останетесь в живых. Эту приискорбную деталь, однако, мы обсудим позднее. Теперь вы можете снять скафандры.

Никто не пошевелился, но мужчины пристально посмотрели на говорящего.

— Я не привык повторять свои указания, — спокойно произнес человек за столом; в его голосе, по-прежнему ровном и бесстрастном, угадывалась скрытая угроза. — Однако у вас есть выбор: снять скафандры или быть похороненными в них.

Костиган подошел к Клио и помог ей освободиться от защитного костюма. Затем, обменявшись молниеносными взглядами, оба офицера одновременно сбросили свои скафандры и выстрелили в серого человека: Брэдли из «левистона», Костиган — из тяжелого автоматического пистолета. Человек в сером, окруженный невидимым и непробиваемым заслоном, только снисходительно улыбнулся. Костиган, взбешенный неудачей и этой улыбочкой, свирепо рванулся вперед — только затем, чтобы прозрачная стена отбросила его на исходные рубежи. В следующий момент силовой луч швырнул Конвэя налево, потом — направо, вырвав при этом у него из рук оружие; то же самое произошло с Брэдли, и трое пленников снова оказались на прежнем месте.

— Я позволил вам сделать это, чтобы наглядно продемонстрировать всю бесполезность сопротивления, — сказал серый человек, в бесстрастном голосе которого прорезались стальные ноты, — но больше подобных глупостей не произойдет. Теперь я представляюсь. Я известен как Роджер. Не думаю, что вы слышали что-либо обо мне; мало кто из землян может похвастать подобной информацией. Будете ли вы двое жить — зависит исключительно от вас самих; но поскольку я в свое время уделил немало внимания изучению человеческой натуры, боюсь, что проживете вы

очень недолго. Хотя вы оба, способные к адаптации личности, обладающие большими внутренними резервами, могли бы оказаться весьма полезными для меня. Что же касается вас, мисс Марсден, — серые глаза холодно уставились на девушку, — то я пока не смог сделать выбор между двумя вариантами; каждый из них имеет свои преимущества, но, к великому сожалению, они взаимоисключающи. С одной стороны, ваш отец будет счастлив выкупить вас за астрономическую сумму; с другой, я могу попытаться использовать вас в сексуальных исследованиях.

— Что вы имеете в виду? — Клио держалась великолепно и по ней нельзя было заметить, что девушка находится в смертельной опасности: надменно вздернутый подбородок, пылающие презрением дерзкие глаза, вызывающе выпрямленная фигурка. — Похоже, вы воображаете, что можете делать со мной все, что угодно! Но смею вас уверить, вы глубоко заблуждаетесь!

— Я потрясен! Почему всякий раз упоминание о таких важных экспериментах вызывает у молодых особ женского пола столь неадекватную реакцию? — Глаза Роджера пронизывали Клио и, наконец, девушка, не выдержав, вздрогнула и отвела взгляд. — Впрочем, сам секс, первобытный и примитивный, неотъемлемый спутник жизни в этом пространственно-временном континууме, абсолютно алогичен и парадоксален. Совершенно сбивает с толку... Вы убедили меня — эти исследования будут продолжены!

Роджер нажал на кнопку, и в кабинете появилась миловидная женщина высокого роста, без каких-либо признаков возраста и национальности.

— Покажите мисс Марсден ее апартаменты, — приказал он, и женщины вышли; на пороге, словно на смену им, показался мужчина.

— Разгрузка закончена, сэр, — доложил вошедший. — Обнаружены две мужские особи и пять женских — они доставлены в госпиталь.

— Прекрасно. От остальных избавитесь обычным способом. — Подчиненный вышел, а Роджер продолжал своим бесстрастным тоном: — Если считать на круг, за всю вашу команду и пассажиров можно было бы взять выкуп не меньше миллиона; но, пожалуй, не имело смысла тратить время из-за такого пустяка.

— Что вы за чудовище, дьявол вас побери! —

взревел Костиган, приходя в ярость от своего бессилия и забывая об осторожности. — Я слышал о маньяках, пытавшихся взорвать Землю, и о безумных гениях, воображающих себя Наполеонами, способными покорить всю Солнечную Систему. Кем бы вы себе не представлялись, вам полезно знать — вы не останетесь безнаказанным!

— Я не чудовище и не маньяк. Я — ученый и управляю множеством других ученых. Вы считаете меня сумасшедшим? Наверно, вы обратили внимание на некоторые особенности этого места?

— Да, на искусственную гравитацию и эти защитные экраны. Обычный силовой заслон непрозрачен в одном направлении и не является преградой для материи; ваши же экраны прозрачны с обеих сторон и обладают защитными свойствами — большими, чем просто непроницаемость. Каким образом вы этого добились?

— Вам это недоступно, даже если бы я и попытался объяснить. Вы обратили внимание на два самых незначительных наших достижения; поверьте, их гораздо больше. Тем не менее, я не собираюсь вмешиваться в ваши дела и разрушать вашу Землю; меня совершенно не привлекает и перспектива управлять массами никчемных безмозглых муравьев. Однако для реализации моих планов требуется сотни миллионов в золоте, и еще сотни миллионов в уране, тории и ради; все это я получу от планет вашей Системы — раньше, чем покину ее. И я возьму эти миллионы вопреки усилиям флотов всей Трипланетной Лиги!

Вся эта конструкция разработана мной и построена под моим руководством. Она защищена от метеоритов и от любого другого внешнего воздействия непреодолимыми силами, послушными только мне. Сооружение это невидимо и практически необнаружимо — световые волны огибают ее без возмущения и искривления. Я столь подробно останавливаюсь на этих деталях, чтобы вы с предельной точностью могли представить свое положение. Как я уже упоминал, при желании вы могли бы стать моими помощниками.

— А что вы можете предложить человеку с Земли, чтобы склонить его к участию в ваших деяниях? — ядовито осведомился Костиган.

— Многое. — Голос Роджера по-прежнему не выдавал ни каких-либо эмоций, ни того, что он различает едва скрытое презрение в тоне офицера. — Под

моим управлением трудится немало людей, и я отдаю себе отчет, сколь различны их нужды, стремления и страсти. Однако, я могу удовлетворить практически любое их желание. Желания большинства мужчин не заходят дальше общества молодых красивых женщин, но существует и масса других побуждений, на мой взгляд, значительно более действенные — алчность, жажда славы, стремление к власти и тому подобное, не исключая и тех, которые обычно классифицируют как «благородные». Все, что обещано мной, исполняется; требую же я лишь лояльности — и то лишь в определенных вопросах и на определенный промежуток времени, относительно короткий. Во всем остальном мои люди вольны делать то, что хотят. Исходя из всего сказанного, вы можете выбирать теперь между службой у меня — и альтернативным исходом.

— Уточните, что именно является альтернативой?

— Думаю, что сейчас нет смысла вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что это связано с некоторыми исследованиями, которые пока проходят не совсем удовлетворительно. Закончатся они вашей смертью — и, вероятно, она окажется не слишком быстрой и не очень легкой.

— Я говорю — нет, ты, проклятый ублюдок, чертов... — взревел Брэдли и собрался уже было дать развернутую характеристику хозяина кабинета, но Костиган довольно резко прервал его:

— Подождите! У меня еще один вопрос: что будет с мисс Марсен?

— Ее судьба совершенно не относится к теме нашей беседы, — холодно ответил Роджер. — Я не торгуюсь — фактически, я уверен, что мне удастся удерживать ее от необдуманных шагов — хотя бы на некоторое время. Она пребывает в убеждении, что сможет покончить с собой, если я не позволю ее выкупить... Но очень скоро она обнаружит, что и эта дверь распахнется только тогда, когда я захочу.

— В таком случае я присоединяюсь к мнению капитана, которое могу существенно дополнить и расширить! — рявкнул Костиган. — Так что можете утереться своей альтернативой и...

— Очень хорошо. Я был уверен, что такое решение для мужчин вашего типа неизбежно.

Серый человек нажал на две кнопки, и в кабинете появились два странных создания.

Поместите этих двоих в отдельные помещения на третьем этаже, — приказал он. — Тщательно обыщите: не все их вооружение могло находиться в скафандрах. Проверьте замки на дверях и установите специальную охрану, непосредственно связанную с моим кабинетом.

Офицеров развели по камерам и обыскали с должной тщательностью, но не нашли на них ни оружия, ни чего-либо, имевшего отношение к устройствам связи. Хотя в глубине души Роджер пребывал в уверенности, что если бы что-нибудь подобное было у его пленников, он сразу же смог это обнаружить. Однако его люди даже не подозревали о возможностях «спецсредств Службы» Костигана — переговорных устройствах, детекторах и следящих лучах, приспособлениях микроскопического размера и потребляющих ничтожное количество энергии; к тому же, работающих на субэфирном уровне, но необычайно эффективных даже на больших расстояниях и не вызывающих вибрации электромагнитного поля, по которой можно было бы засечь их работу. В конце концов, что может быть более невинным, чем обыкновенные личные вещи, разрешенные по уставу любому космическому офицеру — защитные очки, наручные часы и впридачу к ним — карманный хронометр, автоматический фонарик, пьезозажигалка и кошелек?

Все эти вещи были внимательно осмотрены; но светлые умы Трипланетарной Службы разработали эти средства связи и слежения так, чтобы они могли пройти обычный контроль — без применения спецприборов и просвечивающих лучей. Поэтому, когда за Костиганом и Брэдли захлопнулись двери камер, все чудодейственные приспособления оставались при них.

3

Проходя через холл, Клио, сопровождаемая своим безмолвным стражем, лихорадочно озиралась по сторонам в поисках хоть какой-нибудь лазейки для побега. Но осуществить это намерение ей не удалось — внезапно ее локти оказались сжатыми как в железных тисках.

— Бесполезно. Вы не можете ни убежать, ни сделать что-либо, противоречащее желаниям Роджера, — бесцветным голосом проинформировала Клио спутница и

щелкнула каким-то переключателем, освободив тем самым ее руки.

— Любое его желание — закон, — продолжала она, шествуя далее по коридору. — Чем раньше ты поймешь, что необходимо в точности и как можно быстрее выполнять его указания, тем проще и длиннее будет твоя жизнь.

— Воображаешь, что испугала меня? — запальчиво воскликнула девушка. — Я не хочу жить — и свое желание смогу исполнить, когда захочу!

— Очень скоро ты убедишься, что это не так, — монотонно продолжало бесстрастное создание. — Если же будешь продолжать упорствовать, то вызовешь гнев Роджера — и тогда ты будешь молить о смерти как о благе, но не получишь ее — пока этого не пожелает Роджер. Взгляни на меня: я не могу умереть. А вот твоя комната. Ты будешь оставаться здесь до тех пор, пока Роджер не даст на этот счет дальнейших указаний.

Живой автомат, открыв дверь, молча и спокойно наблюдал, как Клио, порядком-таки перепуганная, хоть и старавшаяся не показать этого, проскользнула в роскошно обставленные апартаменты. Дверь за ней бесшумно захлопнулась, и абсолютная тишина окутала девушку словно глухим покрывалом. Тишина действительно была невероятной — неописуемое, полное отсутствие каких-либо звуков! В этой жуткой тишине Клио стояла посреди великолепных покоев — неподвижная, напряженная, отчаявшаяся... и боролась с почти непреодолимым желанием закричать. Вдруг она услышала доносившийся как будто прямо из стены голос Роджера.

— Вы сильно переутомлены, мисс Марсен, — и в таком состоянии совершенно бесполезны для моих целей. Настоятельно рекомендую вам отдохнуть; а чтобы наилучшим образом обеспечить этот отдых, вы можете потянуть за шнур, висящий справа от вас — он установит вокруг этой комнаты силовой заслон, сквозь который не проникнет даже мой голос...

Голос действительно исчез, когда Клио лихорадочно рванула за шнур и бросилась на диван, захлебываясь судорожными рыданиями. Затем она снова услышала голос. Но не извне: голос звучал словно в ней самой, в каждой клеточке ее тела; он был скорее осязательным, чем слышимым.

— Клио? — спросил этот голос. — Не говори пока ничего...

— Конвэй! — выдохнула она с невероятным облегчением; все ее существо наполнила новая надежда при едва слышных звуках этого знакомого — и теперь такого родного — голоса Конвэя Костигана.

— Молчи! — прервал ее голос. — Не показывай вида, что слышишь меня — возможно, твоя комната непрерывно сканируется. Меня он слышать не может, а вот тебя — вполне. Ты ощутила слабое покалывание под ниткой жемчуга в тот момент, когда раздался голос Роджера? Все правильно; а сейчас, когда установлен силовой барьер вокруг комнаты, твои бусы перестали быть детектором. Теперь вот что: если ты ощущаешь похожее покалывание под наручными часами, глубоко вдохни два раза; если не чувствуешь ничего, можешь спокойно говорить вслух.

— Я ничего не чувствую, Конвэй! — обрадованно воскликнула Клио. Слезы на ее лице мгновенно высохли без следа; она снова была прежней энергичной молодой особой. — Но неужели этот заслон на самом деле существует? Я никогда бы в это не поверила...

— Не стоит слишком доверять этой защите — ведь Роджер со своего пульта может отключить ее в любое время. Запомни: ожерелье предупредит тебя о появлении в эфире любого следящего луча, а часы обнаружат все явления субэфирного уровня. В данный момент часы молчат, и наши три переговорных устройства соединены напрямую; я сейчас нахожусь на связи и с капитаном Брэдли. Я хочу, чтобы ты успокоилась и поняла — наше положение не так уж безнадежно.

— О боже! Ты уверен, Конвэй?!

— Вполне. Похоже, у нас будет для них неплохой сюрприз: наша ультраволна. Когда им не удалось обнаружить наши штучки, я не был удивлен, но вот иметь для их применения полностью свободные руки — приятная неожиданность! Мне до сих пор трудно поверить в такое счастье, но пока я не заметил ни одного признака, что они могут определить, каким видом связи мы пользуемся. Однако проверим еще раз... я использую свой следящий луч. Сейчас я сканирую твою комнату... ты чувствуешь это?

— Да! Теперь часы откликнулись!

— Прекрасно! Никаких следов того, что за нами наблюдают — ни в обычном пространстве, ни на субэфирном уровне... Странно! В распоряжении этого Роджера столько устройств, о которых мы даже не слышали...

вполне естественно было бы предполагать, что он имеет и ультраволновые передатчики. Однако их нет — и это наш шанс на спасение, — голос Конвэя на секунду смолк. — Ну, что ж, отключаюсь... у нас с капитаном сейчас будет масса работы... — он снова сделал паузу и вдруг быстро произнес: — Хотя подожди... у меня только что мелькнула одна мысль. Я выйду на связь через минуту.

Снова короткая пауза; затем беззвучный, но ясный голос Костигана продолжал:

— Любопытная новость! Женщина, которая привела тебя в эту комнату и нагнала такого страха, не живая — она по макушку начинена самыми невероятными микросхемами, какие я когда-нибудь видел.

— О, Конвэй! — голос Клио задрожал от охватившего ее облегчения. — Я на самом деле перепугалась до судорог — так ужасно было думать о том, что случилось с нею и другими... и могло случиться со мной! А она — всего-навсего автомат!

— Мне кажется, наш друг Роджер несколько блефует. Несомненно, он силен, очень силен; но до того всемогущества, которое он себе присвоил и столь красочно описал нам, ему весьма далеко. Излишняя самоуверенность до добра не доводит... Хотя, я думаю, в этом его вертепе случаются довольно неприятные вещи со многими женщинами, да и с мужчинами тоже... что может произойти и с нами, пока мы не подрежем ему хвост — если забудем про осторожность. Так что держи ушки торчком, малышка, и немедленно выходи на связь, если что-нибудь случится. Привет!

Неслышимый голос исчез; часы на запястье Клио вновь стали обыкновенными часами, показывающими время, а Костиган в своей уединенной камере, запрятанной глубоко под ее комнатой в угловой башне, сидел с темными очками на носу — многократно увеличивающим интравизором — и напряженно вглядывался в открывающуюся перед ним картину. Его руки, засунутые в карманы, незаметно манипулировали крошечными рычажками прибора, а ястребиные глаза цепко ощупывали каждую малозаметную деталь гигантской сферы планетоида. Через некоторое время он снял очки и тихо заговорил с Брэдли, заключенным в другую камеру, также лишенную окон и располагавшуюся напротив.

— Я получил сейчас весьма ценную информацию, капитан. Я узнал, где они прячут наши скафандры.

а также обнаружил все основные пульты, посты управления и силовые генераторы. Вокруг нас нет барьеров, но каждая дверь прикрыта щитом, а за ними стоят охранники — по штуке на каждого. Они — роботы, не люди, и это осложняет дело. Нет сомнений, что они напрямую связаны с кабинетом Роджера и дадут сигнал тревоги при первом же намеке на что-либо подозрительное. Значит, мы не можем действовать, пока он не покинет свой пульт. Вы видите черную панель чуть ниже шнура-переключателя справа от вашей двери? Это крышка трубопровода. Когда я подам сигнал, сорвите ее... там — толстый жгут проводов... красный питает генератор щита вашей двери. Порвите его и присоединяйтесь ко мне в холле. И мы сделаем вот что... — Конвэй перешел к деталям того единственного плана, который мог привести их к успеху.

— Внимание! Роджер встает из-за стола! — воскликнул наконец Костиган (к этому времени они с капитаном переговаривались уже около часа). — Теперь, как только мы узнаем, куда именно он направляется, мы сможем приступить... Он собирается к Клио, мерзавец! Это в корне меняет ситуацию, Брэдли! — Конвэй яростно выругался.

— Еще бы! — рявкнул капитан. — Я знаю, что во время нашего «круиза» вы уделяли ей изрядное внимание, Костиган... Ну, я с вами; но что мы можем теперь сделать?

— Что-нибудь придумаем! — свирепо произнес молодой офицер. — Этот негодяй может быть уверен — если он прикоснется к ней хотя бы пальцем, я достану его... Пусть для этого мне придется взорвать к чертовой матери весь этот шарик вместе с нами!

— Не глупите, Конвэй, — услышали оба заговорища низкий бархатный голос Клио — немного дрожащий, но все-таки спокойный. — Роджер покинул кабинет и дал вам шанс — действуйте по своему плану и не думайте обо мне. Кто знает, может, он только хочет поговорить о выкупе...

— Очень сомневаюсь, что наедине с тобой он будет обсуждать сумму выкупа — боюсь, у него найдутся другие темы! — прорычал Костиган. Внезапно его голос стал мягче. — Клио! Может, ты права, и нам стоит начать действовать. Они не нашли при обыске ни одной из моих штук, и мы сможем наделать достаточно шума... они скоро убедятся в этом. Я не думаю, что этот Роджер быстро соображает... мне так не показалось...

а когда мы примемся за дело, у него появится масса других забот, кроме тебя. Скажи, малышка, ты могла бы задержать его в своей комнате? Минут на пятнадцать, не больше...

— О, Конвэй, неужели ты не понимаешь, что я готова на все, чтобы помочь вам... всем нам выбраться отсюда! Уверена, что мне удастся... — ее голос замолк в тот момент, когда Роджер отключил силовой барьер, о чем просигналило ожерелье, и прошел прямо к дивану, в углу которого притаилась девушка. Свернувшись клубочком, она глядела на Роджера широко распахнутыми, полными ужаса глазами, но в глубине их таилась отвага и решимость.

— Готовьтесь, Брэдли! — коротко сказал Костиган. — Он оставил силовой щит вокруг комнаты Клио отключенным. Итак, если произойдет что-нибудь существенное, его немедленно известят, но зря беспокоить в этих апартаментах вряд ли осмелятся. А сейчас я своим лучом опять включу барьер... о чем он, разумеется, не подозревает... Вот так, — Конвэй довольно хмыкнул. — Что бы теперь ни произошло, предупреждения он не получит... Капитан, мне придется сосредоточить внимание на луче, так что грязная работа останется вам — оборвать красный провод и покончить с охранниками — моим и вашим. Вы знаете, как уничтожать роботов, не так ли?

— Знаю... если у робота разбить глаза-линзы и ушные барабаны, он остановится и пошлет сигнал бедствия, чем бы ни занимался в этот момент. Ну, а что дальше?

— Потом откроете мою дверь — переключатель щита с правой стороны.

Через три минуты дверь распахнулась, и капитан Трипланетной Лиги ворвался в камеру Костигана.

— Теперь — за скафандрами! — крикнул он.

— Еще не время, — сдавленным голосом прервал его Конвэй. Он стоял, широко расставив ноги; его напряженный взгляд был прикован к одной точке на потолке. — Я не могу сдвинуться с места ни на дюйм, пока вы не включите силовой барьер вокруг комнаты Клио — если я отклоню луч хоть ненамного, мы погибли. Пять этажей вверх, капитан, прямо по коридору, четвертая дверь направо... Когда вы приблизитесь к переключателю, то обнаружите мой луч по реакции своих часов. Тумблер надо сдвинуть вверх.

— Понял! — и Брэдли ринулся вперед с резвостью,

которой мог бы позавидовать мужчина вдвое меньшего возраста.

Когда он вернулся — и после того, как Костиган проверил барьер вокруг «покоев невесты», отсекающий Роджера от сообщников, — оба офицера поспешили туда, где хранилось их космическое облачение.

— Скверно, что его слуги не носят униформы, — произнес капитан, тяжело отдуваясь — многочисленные лестничные пролеты сделали-таки свое дело. — Это здорово помогло бы нам в плане маскировки.

— Вряд ли... Здесь слишком много роботов и, скорее всего, они получают сигналы, понять которые мы все равно не смогли бы. Если встретим кого-нибудь из них — придется драться. Сейчас проверим дорогу... — Надев очки-интравизор и проникая взглядом сквозь стены, Костиган увидел две приближающиеся фигуры; они блокировали тот коридор, в который им необходимо было свернуть. — Двое — человек и робот, — сообщил он капитану. — Робот — ваш. Подождем их здесь, за углом; как только они обогнут его — нападаем! — И Костиган, стащив с носа очки, приготовился к схватке.

Когда не подозревавшая об опасности пара появилась из-за угла, офицеры прыгнули вперед. Костиган первым нанес короткий сильный удар в солнечное сплетение человека. Его железный кулак по запястью погрузился в живот противника, и тот сложился вдвое, хватая, словно рыба, ртом воздух. Однако краем глаза Конвэй успел заметить третьего врага, который следовал в отдалении и уже подымал свой эмиттер. Действуя почти автоматически, он резко дернул потерявшего сознание человека, заслонившись его телом от смертоносного луча, затем швырнул труп прямо на изрыгающий пламя зев проектора. Оружие выпало из рук пирата, и оба — и живой, и мертвый, — свалились на пол.

Костиган ринулся к ним, стараясь дотянуться до горла последнего врага. Но этот парень оказался не промах — увернувшись, он встретил офицера хлестким левым хуком, сопроводив его страшным ударом в пах. Будь реакция у Костигана помедленней, потерю правого глаза можно было гарантировать. Да, на этот раз офицеру Трипланетарной Службы противостоял не механизм, запрограммированный его создателем на выполнение с механической точностью определенных действий, а гибкий, сильный, великолепно обученный человек, умевший

применять в смертельной схватке любой грязный прием, известный наемным убийцам.

Однако Костиган тоже не был новичком в таких поединках. Со всем букетом разнообразных ударов, наносящих человеку смертельные увечья, не были знакомы даже специалисты по рукопашному бою из секретных подразделений разведки Трипланетарной Службы; но Костиган, начальник сектора, знал и умел применять на деле практически все. Не для собственного удовлетворения или азарта борьбы, не ради миллионных призов использовали такие, как он, секретные агенты это грозное природное оружие — они шли на схватку только тогда, когда избежать этого было невозможно; и применяя эти приемы, они добивались только одной страшной цели: убить, чтобы не быть убитым, — причем в максимально короткое время. Так что ответ Костигана не заставил себя долго ждать. Пират нанес ему удар ногой, от которого он ловко увернулся; затем поймал щиколотку противника — его мощные руки сомкнулись на ней, как челюсти медвежьего капкана — и резко, с вывертом, дернул. Пират заорал, но этот ужасный крик захлебнулся в тот момент, когда тяжелый ботинок Костигана врезался ему в висок. И враг вышел из игры. Навсегда.

Схватка заняла едва ли больше десяти секунд и завершилась как раз тогда, когда Брэдли ослепил и оглушил своего робота. Конвэй поднял выпавший из рук пирата эмиттер, снова надел очки, и они поспешили дальше.

— Чистая работа, парень, — с одобрением сказал Брэдли. — Видно, у тебя природный дар к подобным трюкам — теперь-то я понимаю, почему ты оставил мне робота.

— И к тому же большая практика, — усмехнулся молодой офицер. — Приходилось, сэр, бывать в кое-каких потасовках; и все-таки я моложе вас — значит, быстрее. — Пока они бежали по бесчисленным коридорам, Костиган не забывал высматривать дорогу своим пронизывающим стены взглядом.

По пути им встретилось еще несколько охранников, как живых, так и механических, но оказать серьезного сопротивления они не могли — Костиган замечал их первым. В яростном луче эмиттера, захваченного у мертвого пирата, они падали на пол, превращаясь в безжизненные трупы или груды металлолома, а офицеры

спешили дальше, туда, где хранилось их драгоценное снаряжение. Три скафандра Трипланетарной Службы были заперты в комнате, дверь которой Костиган выбил одним могучим ударом.

— Ну вот, теперь я снова чувствую себя человеком! — с облегчением вздохнул он, облачившись в свой привычный костюм. — Рукопашная схватка хороша, когда встречаешь одного-двух, но боюсь, что местный энергоцентр нацелирован стражей под самую завязку... вряд ли нам удалось бы справиться без скафандров и собственного оружия. Скафандр Клио мы возьмем с собой — оставим у энергетического отсека и захватим на обратном пути.

Теперь охрана была уже не страшна, и тяжело вооруженная пара направилась прямо к источнику энергии — сердцу космического города-крепости. Некоторые из встречавшихся им охранников пытались подать сигнал тревоги своему хозяину, который один мог пустить в ход всю мощь и все разрушительные силы планетоида; некоторые же, беспечно доверяясь царившей вокруг тишине, замечали их в последний момент. Но судьба и тех, и других была одинаковой: их эмиттеры были бессильны против силовых экранов, окружавших скафандры землян, а два безотказных «левинстона» мгновенно пожирали свои жертвы.

Достигнув массивной двери генераторного отсека, мужчины внезапно услышали Клио — ее голосок срывался, выдавая напряжение и страх:

— Конвэй, поторопись! Его глаза... мне не выдержать больше! Торопись, милый!

Похоже, она ударилась в панику. Мужчин поразили не столько ее слова, сколько тон — в нем сквозил смертельный ужас. Оба поняли, что медлить нельзя ни секунды; с Клио творилось что-то страшное. Беззаботная жизнерадостная девушка, наследница сказочного состояния, впервые покинувшая Землю, была заперта за силовыми стенами с маньяком, с живым механизмом, который ставил себя вне совести, закона и морали, не признавал никаких авторитетов — никого и ничего, кроме своих желаний и страстей! Должно быть, она боролась с ним, собрав все свои силы. Должно быть, она плакала и просила, кричала и злилась, притворялась покорной, чтобы выиграть время — но вряд ли ее мучения трогали безжалостный и злобный разум существа, именовавшего себя Роджером. Теперь же, видимо, его

игра, мучительно-жестокая игра кошки с мышью, приближалась к финалу.

Конвэй не видел, как ужасное серовато-смуглое лицо склонилось над девушкой, как жуткие холодные стальные глаза словно пронизали ее насквозь и как, выдохнув, выкрикнув отчаянный призыв о помощи, она вцепилась ногтями в эту отвратительную физиономию с яростью смертельно раненной тигрицы. Он не видел этого, но мог представить. И, пробормотав ужасное проклятие, он простонал:

— Продержись еще минуту, Клио! Еще минуту, любимая!

Массивная дверь генераторного отсека исчезла, расплавленная огненными лучами. В огромном зале, открывшемся за ней, «левистоны» землян могли действовать в любом направлении с максимальной мощностью — и два смертоносных веера развернулись с энергией стальной пружины, уничтожая все, что попадало под удар обжигающих молний. Эмиттеры, выхваченные более расторопными охранниками, превращались в убийственно опасную взрывчатку от одного лишь прикосновения силового луча; горами бесформенного металла становились тонко отлаженные, сложнейшие механизмы; пульта управления как будто растворялись в воздухе; высоковольтные разряды шипели, искрились и угасали, оставляя резкий запах озона; расплавленный металл тек ручьями на пути яростной силы, ненасытно выискивающей очередную жертву. Когда с грохотом взорвался последний генератор, двое разрушителей внезапно ощутили невесомость и схватились за скобы в стенах, сообразив, что первая часть их программы выполнена.

Костиган рванулся к наружной двери и выплыл в коридор. Брэдли следовал за ним, прикрывая тыл; он нес скафандр для Клио и иногда поглядывал назад, чтобы вовремя позаботиться о погоне. Сам Конвэй, казалось, забыл об осторожности. Он передвигался гигантскими прыжками, отталкиваясь от стен и повторяя:

— Я иду, Клио! Держись, девочка! Держись!

— Я в порядке, Конвэй... — Хриплый срывающийся голос девушки, ставший почти неузнаваемым, выдавал, что пришлось пережить ей за последние минуты. — Когда раздался грохот, он обнаружил, что вокруг нас силовой барьер, и... и, к счастью, совершенно забыл обо мне. Он отключил защиту... Знаешь, Конвэй, помоему, он потерял рассудок... барахтается в воздухе

прямо надо мной, а я пытаюсь сделать так, чтобы он не спустился...

— Умница! Задержи его еще на полминуты! Теперь, когда барьер отключен, на него сразу посыпались все сигналы тревоги... и, конечно, он жаждет вернуться к своему пульту. Но ты... он не причинил тебе вреда, девочка?

— Нет... нет... он даже не коснулся меня... только смотрел... но я думала, что умру от этого... И сейчас мне так плохо... так плохо! Я будто падаю куда-то... у меня все плывет перед глазами, голова раскалывается... Я умираю, Конвэй, да?

— Ну что ты, малышка, все в порядке! — Костиган почти с облегчением рассмеялся, сообразив, в чем дело; эти страдания были вполне реальны, но вызвала их отнюдь не гипнотическая сила Роджера. — Это только невесомость! Все-таки ты выросла на Земле, и сейчас у тебя всего лишь легкий приступ космической болезни. Это пройдет... все будет хорошо! Я иду к тебе!

Теперь Конвэй уже был на улице и видел — в двухстах футах справа и сотне футов над своей головой — высокую башню, на верхнем этаже которой находилась комната Клио. Он прыгнул, стараясь попасть прямо в ее большое окно, и, взмыв вверх, начал корректировать курс с помощью своего тяжелого пистолета. При каждом выстреле внизу происходил небольшой взрыв, но это его уже нисколько не волновало. Он все-таки немного промахнулся мимо окна, что, впрочем, не имело большого значения — «левистон» проложил ему дорогу прямо сквозь стену.

Скользнув в комнату через открывшийся пролом, он направил пистолет и эмиттер на Роджера, краем глаза заметив, что Клио цепляется за спинку дивана у противоположной стены. Хозяин планетоида почти добрался до двери, но в следующий миг она вспыхнула и исчезла под страшным лучом «левистона». Однако Роджер остался невредим. Ни огненный луч, ни разрывные пули не могли поразить серого человека; несокрушимый экран защитного поля сомкнулся вокруг него.

4

Сказав, что Роджер словно потерял рассудок, Клио даже не подозревала, насколько она близка к истине: Гарлейн с Эддора, материализовавшийся

в плотской форме Роджера, впервые за свою поразительно долгую жизнь претерпел столь ошеломляющий разгром — и в тот момент, когда он совершенно не ожидал неприятностей.

Гарлейн пребывал в непоколебимой уверенности, что полностью контролирует ситуацию. Он знал, что сумеет обнаружить любой источник ультраволн — и внутри планетоида, и в окружающем пространстве. И он не сомневался, что сможет подавить физическую и умственную активность любого количества полуразумных существ, населявших Землю и звавшихся «людьми».

Однако за ним следили — и весьма пристально. Силы, которыми распоряжались четверо аризиан — Драунли, Бролентин, Неданиллор и Кредиган — являлись не менее могущественными; и, когда пришло время, они были пущены в ход.

Первым помыслом Роджера-Гарлейна — после того, как он оценил огромные и непоправимые потери, нанесенные его планетоиду, — было немедленное уничтожение двоих землян, непостижимым образом вызвавших катастрофу. Однако он не мог их достать. Вторая мысль, пришедшая ему в голову, — отыграться на женщине, в чьей комнате он находился, — оказалась столь же неосуществимой. Она вышла из-под его власти! Сильнейшие ментальные удары, способные навсегда сокрушить ее разум, словно вязли и растворялись в воздухе; она безбоязненно смотрела прямо ему в глаза, будто не замечая изливавшихся на нее губительных потоков энергии. Он даже не смог поднять на нее оружие! Тогда он подумал — третья мелькнувшая у него мысль, — что надо вызвать помощь с Эддора. Однако Гарлейн был не в силах осуществить и это намерение: субпространство оказалось заблокированным, и он не мог обнаружить ни способ этой блокировки, ни энергии, которая ее питала!

Его эддорианское тело — даже если бы он сумел вызвать его к жизни в условиях планетоида — не смогло бы противостоять противнику в сложившейся ситуации; значит, тому, кто называл себя Роджером, придется обойтись на этот раз без ментальной поддержки Гарлейна. Впрочем, у Роджера как такового имелись немалые ресурсы, о которых он был превосходно осведомлен. Гарлейн наделил его плотью не только физическими возможностями; он усилил и вооружил своего представителя, свое второе «я», многими хитрыми

устройствами, созданными на Эддоре. И потому Гарлейн пока не испытывал особого беспокойства за целостность своего воплощения в Солнечной Системе.

Практика, однако, внесла свои коррективы. Хотя Роджер и обладал массой полезных качеств, он не очень хорошо представлял себе, как управляться в условиях невесомости; и опытный офицер Трипланетной Лиги, хотя и отделенный от него силовым барьером, в данном случае был еще более опасен, чем при нормальной гравитации. Держа свою жертву под прицелом «левистона», он схватил первый попавший под руки тяжелый предмет — им оказался массивный металлический торшер — и со всей силы обрушил его на голову Роджера. В естественных условиях после такого удара череп был бы расколот пополам; но сопротивление защитного экрана привело лишь к тому, что Роджер закрутился в воздухе подобно жезлу тамбур-мажора на параде в честь Дня Независимости.

Когда вращающееся тело ударилось о стену, в комнату величаво вплыл капитан Брэдли, зажимая под мышкой свернутый скафандр. Не тратя лишних слов, он мгновенно оценил ситуацию и, подобравшись к скорчившейся у дивана Клио, разжал ее судорожно стиснутые пальцы и помог облачиться в защитный костюм. Затем он навел свой «левистон» на голову Роджера, в то время как Костиган подталкивал свою добычу к зиявшему в стене пролому; оба астронавта прекрасно отдавали себе отчет, что пленника ни на миг нельзя выпускать из-под прицела. В любой момент он мог отключить защиту и воспользоваться своим оружием — вероятно, еще более мощным, чем их собственное.

Придерживаясь за стену, Костиган отыскал взглядом определенную точку на величественном куполе искусственного планетоида и сильнейшим толчком послал к ней тело Роджера. Затем мужчины подхватили Клио за руки и, оттолкнувшись, прыгнули — три облаченные в скафандры фигуры начали полет к своей единственной надежде на спасение, небольшому разведывательному кораблику, причаленному у аварийного порта снаружи гигантской сферы. Полуразрушенный «Гиперион» и его спасательные шлюпки были недоступны — им не удалось бы миновать без боя огромные ворота главного шлюза, а других выходов не было.

Они плыли по воздуху. Костиган по-прежнему держал

под прицелом медленно вращающееся тело Роджера, Брэдли поглядывал вниз, а Клио — Клио, тем временем, понемногу начала приходить в себя. Наконец, она обрела дар речи.

— А что, если им удастся восстановить нормальную гравитацию? — спросила она в трезоге. — Тогда нас могут достать и лучами, и снарядами!

— Это уже можно было бы сделать, — заметил Конвей, — у них наверняка есть запасные генераторы. Но тогда Роджеру, как и нам, будет не сладко. Кому понравится рухнуть наземь с такой высоты! Значит, его команде надо как-то достать своего босса — скажем, на вертолете; но они прекрасно понимают, что мы накроем их, как только машина поднимется в воздух. Из обычных эмиттеров нас уже не достать, а тяжелая установка пробьет дыру в куполе. Так что для беспокойства, малышка, нет особых причин.

— Но что ты собираешься делать с этим... этим... — задыхнувшись, девушка махнула рукой на плывущее впереди тело Роджера.

— Он — наш заложник и проводник до люка ближайшего корабля. Потом придется его бросить.

— У меня большое желание прихватить этого мерзавца с собой, — мрачно заметил капитан Брэдли, — но, к сожалению, вы правы... Похоже, что кролик поймал питона и не знает, с какой стороны отрезать кусок посочнее... да и ножик затупился! — он бросил взгляд на свой «левистон» и сообщил: — Энергия почти на исходе, да и в вашем, по-моему, осталось не так уж много. Рисковать не стоит.

Очутившись у огромной вогнутой стены, мужчины с усилием повернули рычаг. Створки аварийного шлюза медленно, со скрипом разошлись; за ним зиял цилиндрический проход, упирившийся в люк миниатюрного космического корабля. Костиган, в общих чертах представлявший устройство суденышка, — он внимательно изучал его часа два с помощью интравизора из своей камеры — устроился за пультом и направил кораблик в открытый космос, к далекой Земле.

Затем он предусмотрительно отключил от внешней линии связи переговорные устройства Брэдли и Клио, и начал крутить верньеры передатчика.

— Сэмми! — резко произнес он. — Здесь Костиган. Мы выбрались... все о'кей. Да, конечно... абсолютно... Кстати, передай им, Сэмми, что я не один.

Через звуковые диски шлемов девушка и капитан слышали только половину диалога — краткие реплики Костигана, — но этого было достаточно, чтобы оба уставились на него в немом изумлении. Даже Клио слышала это могущественное, почти легендарное имя! Несомненно, их спутник и спаситель стоял высоко — подумать только, в таком фамильярном тоне он общался с самим Вирджилом Сэммзом, всемогущим шефом Службы, наводнившей космос агентами Трипланетной Лиги!

— Надо послать общий вызов, — наконец пробормотал Брэдли. — Всем наблюдательным станциям и кораблям Флота...

— Это сделают за нас, — ответил Костиган. — Теперь они знают, что искать, и знают, что мониторы дальнего слежения бесполезны. Но есть и другие средства... не думаю, что это займет у них много времени, — откинувшись на спинку кресла, он потянулся. — Все военные корабли в семи секторах, все патрульные суда уже мчатся к нам... и все тяжелые дредноуты и крейсера Флота. У Службы хватает и ультраволновых детекторов, и операторов, чтобы обнаружить этот чертов планетоид. Ну а когда они его засекут, то сообщат координаты всем боевым кораблям.

— Но что же будет с пленниками Роджера? С пассажирами ограбленных лайнеров, которые томятся на планетоиде? — спросила девушка. — Ведь пираты не пощадят их...

— Трудно сказать, — Костиган пожал плечами. — Все зависит от того, как пойдет дело. Мы и сами, между прочим, еще далеко не в безопасности.

— Да, — согласился Брэдли, — сейчас наши шансы беспокоят меня больше всего. Вероятно, погоня уже выслана.

— Не сомневаюсь. И корабли у них помощнее, чем эта скорлупка. Наша судьба зависит от случая... от расстояния до ближайшего трипланетарного корабля и мощности его батарей. Пока же нам остается только ждать — мы сделали все, что могли.

Наступила тишина. Костиган подключился к переговорному устройству Клио и подошел к ней. Девушка сидела, свернувшись калачиком в пилотском кресле, бледная и измученная; сказывались тяжелые испытания, выпавшие на ее долю за последние несколько часов. Когда Конвэй присел рядом, она непроизвольно

вспыхнула, но не отвела синих глаз от лица молодого офицера.

— Клио, я должен... мы... ты... — тут он совершенно неожиданно тоже покраснел и замолк в совершенном смущении.

Конвэй Костиган, офицер Трипланетарной Службы, на чей острый ум и мужество можно было положиться в любых испытаниях, профессионал высочайшего класса, не единожды доказавший на деле, что его невозможно сбить ни с ног, ни со следа, секретный агент, способный найти выход из самой отчаянной ситуации, вспыхнул от смущения как мальчишка. Однако он упрямо продолжал:

— Боюсь, малышка, я выдал себя еще там, внизу... Но...

— Ты хочешь сказать, Конвэй, что мы оба выдали себя, не правда ли? — заговорила после паузы Клио. — Теперь ты тоже знаешь обо мне... знаешь все... все, что я чувствую... Но я не хотела бы удерживать тебя против воли, милый. Только... ведь ты тоже любишь меня, Конвэй?

— Ты еще спрашиваешь?! — воскликнул молодой офицер, стиснув в отчаянии кулаки; грудь его тяжело вздымалась, под скулами ходили желваки. — Я люблю тебя, Клио... люблю так, как не любил никогда в жизни. Удерживать меня?! О чем ты говоришь, девочка? Для меня нет большего счастья, чем находиться рядом с тобой! Ни одна женщина не значила для меня больше, чем ты... и никогда уже не будет значить... Ты — моя единственная... ты для меня... — внезапно он опустил голову и горько пробормотал: — Ну как ты не понимаешь, девочка моя... это же совершенно невозможно!

— Разумеется, не понимаю, — девушка сбросила тяжелые перчатки, и руки их встретились. Ее низкий бархатный голос слегка дрожал от волнения. — Конвэй, ты любишь меня... и я тебя тоже люблю. Это все, что может иметь для нас какое-то значение.

— Хотел бы я, чтобы это было так! — горько усмехнувшись, ответил Костиган. — Но ты не представляешь, о чем говоришь. Кто ты, и кто я — подумай! Клио Марсден, дочь сенатора Кэртиса Марсдена! Где ты была и что видела в свои девятнадцать лет — хоть ты и уверена в обратном! И кто я такой, чтобы его любила прекрасная юная девушка? Бродяга, бездомная космическая гонимая, которая сидит в конуре не больше трех недель в году... Спец по аварийным ситуациям, дра-

чун — не только по долгу службы, но и по натуре, наверное... Шпи... — он прервал себя на полуслове и продолжал после короткой паузы: — Ты ведь совсем меня не знаешь, девочка, — и многого не узнаешь никогда, я не смогу тебе этого рассказать! Клио, ты не будешь счастлива со мной... нам лучше расстаться, малышка, пока еще не поздно, поверь мне...

— Но, Конвэй, я уже не могу этого сделать! И ты не можешь, я уверена, — глаза девушки сияли чудесным ласковым светом. — Слишком поздно, милый. Пока мы танцевали на корабле — это было еще совсем другое, но с тех пор... Тебе не кажется, что мы несколько лучше узнали друг друга? И мы погибли, дорогой... все, что случилось — необратимо! И даже если б мы могли что-то изменить, мы бы не сделали этого, правда? — она коротко, взволнованно вздохнула. — Я знаю, ты пытался бороться с собой, со своими чувствами, Конвэй... но стоит ли? И почему ты так говоришь о себе? Люди на Трех Планетах уважают Службу — ведь вы охраняете нас... И потом, мне кажется, что Вирджил Сэммз выбирает себе помощников из тысяч и тысяч лучших профессионалов...

— С чего ты взяла, что я помощник Сэммза? — буркнул Костиган.

— О, ты сам выдал это, милый! Ну скажи, кто еще в Трех Мирах мог бы назвать его просто «Сэмми»? — девушка улыбнулась. — Конечно, ты тверд... может быть, даже жесток... но, знаешь, мне никогда не нравились мягкие мужчины. Ты драчун? Но мне показалось, что ты вступаешь в схватку только когда нет другого выхода... Нет, ты настоящий мужчина, Конвэй, самый лучший из всех, кого я встречала... и... и я люблю тебя! Теперь я ничего не боюсь — даже если нас поймают, все равно мы с тобой будем вместе — до самого конца!

— К сожалению, ты права, — мрачно согласился Костиган, — я не верю, что на самом деле дал бы тебе уйти, хотя и понимаю, что это было бы самым разумным... — и их пальцы сплелись еще теснее. — Если мы когда-нибудь выберемся из этой переделки, я собираюсь поцеловать тебя... но раньше не получится — шлем снимать я тебе не позволю.

Руки — нехотя — разжались; Костиган встал и присоединился к сидевшему у пульта управления Брэдли.

— Есть новости, капитан? — спросил он. — Они успеют?

— Трудно сказать... Наши еще далеко — пройдет не

меньше часа, пока корабль окажется в зоне их наблюдения.

Костиган склонился к экрану локатора.

— Посмотрим, может, мне удастся обнаружить какой-нибудь из преследующих нас крейсеров. Не хотелось бы попасть под лучевой удар... Хотя наш друг Роджер имеет, вероятно, большое желание увидеть нас живыми. Надеется предъявить счет на пару миллиардов — за разгром своей базы и поправленное достоинство... наверно, уже и веревку намылил...

— Конвэй, ты сделаешь то, о чем я попрошу? — Лицо Клио побелело от ужаса при мысли о новой встрече с ужасным серым человеком. — Пожалуйста, дай мне пистолет — или что-нибудь еще... Я не хочу... я не хочу, чтобы он еще когда-нибудь смотрел на меня так... пока я жива...

— Этого не будет, — зловеще прищурил глаза и сжав кулаки, заверил ее Костиган. — Но пистолета я тебе не дам — ты можешь неверно оценить ситуацию... занервничать... и пустить его в ход раньше времени. Я сам о тебе позабочусь — в последний момент, девочка. Потому что, если мы опять попадем к нему в руки, второго шанса исчезнуть у нас не будет.

В молчании текли минуты. Конвэй зондировал пространство — локатором и своим ультраволновым устройством. Неожиданно брови его полезли вверх, и он расхохотался. Остальные с немим изумлением уставились на него.

— Нет, я не сошел с ума! — улыбаясь, воскликнул молодой офицер. — Просто вспомнил, что силовые экраны Роджера делают невидимыми все его суда... в том числе, и нашу скорлупку. Правда, я их засек — при помощи ультраволнового сканера... а они нас — нет! Я знал, что погоня где-то близко, и вот нашел всю банду — их корабли только что прошли мимо. И знаете, куда они направляются? — глаза Конвэя Костигана сверкнули торжеством. — Они идут как раз навстречу нашему Флоту! Представьте, какой сюрприз их ждет!

Э. ГАМИЛЬТОН

МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ

ГЛАВА I

Итак, вы — обычный, ничем не примечательный человек, такой же, как миллионы других людей. Как и у них, ваша жизнь в привычной колее; вы обитаете в нормальном мире, устойчивом и знакомом с детства. И вдруг в один день, буквально за несколько часов, будничная реальность вокруг вас рушится, расплывается, как песчаный куличик под дождем, и вы оказываетесь в бездонных мрачных глубинах космоса, в безбрежном пространстве, пугающем и незнакомом.

Именно это и произошло с Нейлом Беннингом. Ему исполнился тридцать один год, он подвизался в качестве коммивояжера в одном из нью-йоркских издательств, был здоров, хорошо сложен и вполне доволен своей работой. Он регулярно питался, подумывал о женитьбе и не имел ровно никаких причин для беспокойства — кроме, может быть, налогов. Так обстояли дела до поездки в Гринвилл.

Все вышло чисто случайно. Коммерческая поездка по западному побережью, внезапная мысль о том, что поезд в сотне миль от мест, где прошло его детство, и неожиданное решение. Три часа спустя сияющим весенним днем Нейл Беннинг вышел из вагона в маленьком городке штата Небраска.

Задрав голову, он обозрел голубые небеса с белыми пятнышками облаков, перевел взгляд на широкую, застывшую в дремоте главную улицу и улыбнулся. Ничего не изменилось. Такие городки, как Гринвилл, неподвластны времени.

Возле вокзала стояло такси. Водитель, скуластый парень с неопишуемой кепкой на затылке, положил багаж Беннинга в машину и спросил:

— В отель «Эксельсиор», мистер? Это лучший в городе.

— Отвезите туда багаж. Я пройду пешком, — ответил Беннинг.

Шофер удивленно посмотрел на него.

— В любом случае, с вас полдоллара. Но учтите, прогулка будет длинной.

Беннинг заплатил.

— И все-таки я пойду пешком.

— Деньги ваши, мистер, — пожал плечами таксист, и машина отъехала.

Беннинг двинулся в путь, свежий ветер прерии трепал полы его пальто.

Бакалейный магазинчик, здание лесоторговой компании, скобяная лавка старого Хортонa, парикмахерская Дэла Паркера. Тяжеловесный параллелепипед мэрии. На молочной закусочной появилась новая реклама — гигантский конусообразный стаканчик мороженого, а автомобильная мастерская с гаражом стала больше. Добавился участок, заполненный сельскохозяйственной техникой.

Беннинг шел неторопливо, растягивая время. Встречные смотрели на него с открытым дружелюбным любопытством жителей Среднего Запада; он тоже вглядывался в их лица, но знакомых не попадалось. Да, десять лет отсутствия — немало! Неужели он не встретит ни одного старого приятеля, никого, кто мог бы поприветствовать его в родном городе!

Он повернул направо у здания старого банка и пошел вниз по Холлинз-стрит. Тут тянулись два больших, редко застроенных квартала. Дом-то в любом случае должен сохраниться!

Дома не было.

Беннинг остановился, оглядываясь по сторонам. Несомненно, то самое место, и дома по обеим сторонам улицы точно такие, какими он запомнил их. Однако там, где должен был стоять дом его дяди, не наблюдалось ничего, кроме топорщившегося бурьяном пустыря.

«Сгорел, — подумал он, — или перенесен на другое место».

Но тут же с беспокойством почувствовал: здесь что-то не так! Дом нельзя бесследно стереть с лица земли. Всегда что-нибудь останется — груда камней и земли в том месте, где засыпан подвал, очертания фундамента, деревья, следы старых дорожек и цветочных клумб.

Здесь не было ничего похожего — лишь заросший сорняками пустырь. Первозданный, как просторы прерий за городской околицей. Беннинг огорчился — дом, в котором жил мальчишкой, становится частью тебя, центром мира

твоего детства. Слишком много воспоминаний связано с ним, чтобы легко смириться с потерей. Однако, кроме огорчения, он чувствовал недоумение, смешанное со странным беспокойством.

«Ну, Брауны должны хоть что-то знать, — думал он, подходя к соседнему дому и поднимаясь по ступенькам крыльца. — Если только они еще живут здесь».

На стук из-за угла, с заднего двора, вышел незнакомый старик — розовощекий веселый маленький гном — с садовой лопатой в руках. Он явно был не прочь поболтать с незнакомцем, но, кажется, совершенно не понимал вопросов Беннинга. Наконец, покачивая головой, он сказал:

— Ты ошибся улицей, парень. Тут, поблизости, про Джесса Беннинга отродясь никто не слышал.

— Это было десять лет назад. Наверное, до вашего приезда сюда.

Старик перестал улыбаться.

— Послушай, я — Мартин Уоллейс. И я живу в этом доме сорок два года — спроси кого хочешь. Говорю тебе, ни о каком Беннинге я слыхом не слыхивал. И на этом пустыре никогда не было дома. Я-то уж знаю. Этот участок принадлежит мне.

Сердце Беннинга сжалось от страха. Он с отчаянием воскликнул:

— Но я жил в доме, который там стоял! Я провел в нем все детство... в доме моего дяди! И я вас не помню! Тут жили Брауны... у них была дочь, девчонка с соломенными косичками вроде поросячьих хвостиков, и мальчик, Сэмм... я играл...

— Слушай, парень, — прервал Беннинга старик. Все его дружелюбие исчезло, теперь он выглядел наполовину рассерженным, наполовину встревоженным. — Если это шутка, то не смешная. А если ты не шутишь, значит, ты пьяный или сумасшедший. Убирайся!

Беннинг тоскливо поглядел на старика.

— Как же так... пробормотал он, — вот и яблоня на краю вашего участка... я свалился с нее, когда мне было восемь лет, и сломал запястье. Такие вещи не забываются...

Старик выронил лопату и попятился к двери.

— Если ты не уберешься отсюда через две секунды, я вызову полицию! — Он захлопнул дверь и запер ее изнутри.

Беннинг свирепо уставился на дверь. Он разозлился всерьез и чувствовал, что холодные иглы страха вонзаются в него все глубже.

— Этот старый маразматик просто свихнулся, — наконец пробормотал он и снова посмотрел на пустырь, а потом на большой кирпичный дом напротив. Он помнил, что дом был превосходным — под стать хозяевам. Там жили Льюисы, и у них тоже была дочь, с которой Беннинг ходил на танцы, ездил на пикники, работал на сенокосе. Вряд ли они куда-нибудь уехали... они должны знать, что же случилось! Беннинг пересек улицу.

— Льюисы? — переспросила крупная краснолицая женщина, отворившая дверь. — Нет, Льюисы здесь не живут.

— Десять лет назад! — с отчаянием произнес Беннинг. — Тут жили Льюисы, а на пустыре стоял дом Беннингов!

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Я владею домом лет шестнадцать, а раньше жила в том сером особнячке — вон, третий отсюда. Я в нем родилась. И здесь никогда не жили ни Льюисы, ни Беннинги. А на пустыре никогда не было дома.

Она больше ничего не сказала. Молчал и Беннинг. Женщина пожала плечами и закрыла дверь. Беннинг еще некоторое время смотрел на заботливо окрашенные створки, словно собирался грохнуть в дверь кулаками, разнести в щепки, вытащить краснолицую женщину на улицу и потребовать объяснений, что все это значило? Ложь, безумие, или... В любом случае, решил он, нелепо выходить из себя. Должно же существовать объяснение, какая-то причина... Может, дело в дядюшкином участке, может, они боятся, что он предъявит права на эту землю... Вот поэтому ему и лгали, пытались убедить, что он ошибается.

Но есть место, где он сумеет все выяснить. Там не соврут.

Беннинг быстро пошел назад, к главной улице, и по ней — к мэрии.

Там он объяснил служащей, чего хочет, и стал ждать, пока она просмотрит записи. Девушка не слишком торопилась, и Беннинг нервно закурил. Его лоб был в испарине, руки слегка дрожали.

Девушка вернулась с узкой полоской бумаги и сунула ее Беннингу.

— Рядом с триста тридцать четвертым номером по Холлинз-стрит никогда не было дома, — раздраженно сказала она. — Вот выписка о владении.

Беннинг уставился на клочок бумаги. Там говорилось, что в 1912 году Мартин У. Уоллейс приобрел дом и участок номер 334 по Холлинз-стрит вместе с прилегающим пусты-

рем у Уолтера Боргстандера. Пустырь никогда не застраивался и не менял владельца.

Беннинг перестал потеть. Теперь его бил озноб.

— Послушайте, — обратился он к девушке, — посмотрите, пожалуйста, эти имена в архиве... — он начал писать на бумажке, — в списке умерших. Джесс Беннинг и Алис Робертс Беннинг. — Рядом с каждым именем он указал даты рождения и смерти.

Девушка взяла листок, пожала плечами и вышла. На этот раз она отсутствовала еще дольше и вернулась не просто раздраженной, а изрядно рассерженной.

— Вы что, смеетесь? — спросила она. — Только зря отнимаете время! Об этих людях в архиве нет сведений!

Девушка швырнула листок перед Беннингом, и отвернулась.

Дверца в барьере была рядом. Беннинг толкнул ее и прошел на служебную половину.

— Посмотрите снова, — сказал он. — Пожалуйста... Они должны быть там...

— Сюда нельзя, — испуганно попятившись от него, забормотала девушка. — Что вам надо? Я же сказала, что там нет...

Беннинг схватил ее за руку.

— Тогда покажите мне книги! Я буду искать сам!

Девушка с криком вырвалась. Беннинг не пытался ее удержать, и она выбежала в холл, громко взывая:

— Мистер Харкнесс! Мистер Харкнесс!

Беннинг беспомощно глядел на высокие стеллажи, забитые тяжелыми томами. Он не понимал условных знаков на корешках и решил свалить все книги с полки, а затем поискать в них доказательства, что он не безумец и не лжец. Но с чего начать?

Начать он не успел. Послышались поспешные шаги, и на его плечо легла рука. Рука принадлежала невозмутимому крупному мужчине, державшему в другой руке сигару. Мужчина сказал:

— Эй, парень, ты что здесь вытворяешь?

Беннинг сердито начал:

— Послушайте, не знаю, кто вы...

— Харкнесс, — прервал его невозмутимый мужчина. — Меня зовут Рой Харкнесс, и я шериф округа. Вам лучше пойти со мной.

Спустя несколько минут Беннинг сидел в конторе шерифа и рассказывал свою историю в третий раз.

— Это заговор, — устало произнес он. — Не понимаю, кто его затеял, но вы все в нем участвуете.

Ни шериф, ни его помощник, ни репортер местной газеты не рассмеялись, но Беннинг заметил насмешливый блеск в их глазах. Шериф спокойно спросил:

— Значит, вы обвиняете всех жителей Гринвилла в том, что они умышленно фальсифицировали записи в архиве? Серьезное дело! И зачем, по-вашему, нам это нужно?

Беннинг почувствовал внезапный приступ тошноты. Он знал, что находится в здравом рассудке, однако все события этого дня вдруг показались ему бессмысленным кошмаром.

— Не представляю причины. Зачем? Почему вы хотите лишить меня прошлого? — Он потряс головой. — Не знаю... Но я уверен, что старик Уоллейс мне лгал. Может быть, за всем стоит именно он.

— Тогда добавлю еще кое-что, — произнес шериф. — Дело в том, что я знаю старика всю жизнь. И могу совершенно определенно сказать, что он владеет этим пустырем вот уже сорок два года. Там никогда не было сооружения, крупнее куриной клетки.

— Выходит, я лгу? Но зачем мне это?

Шериф пожал плечами:

— Можст, вы придумали какой-то хитроумный план вымогательства. Можст, вы добиваетесь известности. А можст, просто тронулись.

Кипевший от ярости Беннинг вскочил на ноги.

— Значит, так: подтасовать карты и объявить меня сумасшедшим! Ну что ж, посмотрим! — Он бросился к двери.

Харкнесс подал знак, и репортер получил прекрасную возможность запечатлеть, как помощник шерифа скрутил Беннинга и сноровисто затолкал его сначала в тюремную пристройку рядом с конторой, а потом в камеру.

— Псих, — сказал репортер, разглядывая Беннинга сквозь решетку. — Ты мог бы придумать что-нибудь больше похожее на правду, верно, парень?

В каком-то оцепенении Беннинг смотрел на людей по ту сторону частокола стальных прутьев; казалось, он не в состоянии поверить в случившееся.

— Обман, — прохрипел он.

— Никакого обмана, сынок, — отозвался шериф. — Ты заявился сюда и надделал шума, обвинил кучу людей в заговоре. Что ж, отлично; теперь посиди здесь, пока мы не проверим, кто ты такой. — Он повернулся к помощнику. —

Свяжитесь с этим нью-йорским издателем, у которого, по его словам, он работает. Дайте общее описание: рост шесть футов, волосы черные, ну, и так далее, как всегда в подобных случаях.

Шериф вышел, за ним последовали остальные. Беннинг очутился один в камере.

Он сел и сжал голову руками. Яркий солнечный свет струился сквозь зарешеченное окно, но Беннингу все вокруг казалось мрачнее, чем в самую темную полночь.

Если бы только у него не появилась мысль посетить родной город...

Но она появилась. И теперь перед ним стоит вопрос: кто же лжет? Кто сошел с ума? Он не мог сказать.

Когда стемнело, ему принесли ужин. Беннинг спросил, нет ли возможности освободиться под залог, но не получил определенного ответа. Шериф не приходил. Беннинг поинтересовался насчет адвоката, но ему сказали, чтобы он не беспокоился. Он снова уселся на скамью и стал ждать. И беспокоиться.

От скуки он начал мысленно перебирать свою жизнь, начиная с самых ранних воспоминаний. Они никуда не исчезли. Конечно, что-то плохо сохранилось в памяти — только смутные, неопределенные образы — но это бывает с каждым. Кто способен запомнить все будничные дни, серые и ничем не примечательные? Итак, его зовут Нейл Беннинг, и он прожил большую часть жизни в Гринвилле, в доме, который никогда не существовал... Поразительная нелепость!

Утром появился Харкнесс.

— Я получил ответ из Нью-Йорка, — сказал он, — так что с вами все ясно. — Шериф внимательно рассматривал Беннинга сквозь решетку. — На вид — вполне приличный молодой человек... Почему бы вам не признаться, к чему вы затеяли эту историю? Ну, сынок?

— Если бы я сам знал... — хмуро отозвался Беннинг.

Харкнесс вздохнул.

— Правду сказал Пит... Вы не можете придумать ничего правдоподобного. Боюсь, придется задержать вас для освидетельствования у психиатра.

— Для чего?

— Послушайте, я перерыл весь городок и весь городской архив. Здесь никогда не жили никакие Беннинги. Не было и нет никаких Браунов. А единственные Льюисы, которых я смог найти, живут на ферме в двадцати милях от

города и никогда не слыхали о вас. — Шериф развел руками. — Что же я должен думать?

Беннинг повернулся к нему спиной.

— Вы лжете, — сказал он. — Убирайтесь. .

— О'кэй, — Харкнесс просунул что-то сквозь прутья. — В любом случае, это должно заинтересовать вас. — И он вышел в коридор.

Прошло изрядное время, прежде чем Беннинг решился поднять брошенную Харкнессом газету. Это оказался номер за вчерашний день, с веселеньким рассказом про чокнутого нью-йорского коммивояжера, обвинившего маленький небрасский городок в похищении его прошлого. История была так забавна, что Беннинг ни минуты не сомневался в том, что ее перепечатают и другие газеты.

Прочитав заметку три раза, Беннинг решил, что скоро ему действительно понадобится психиатр, а может быть, и смиренная рубашка. Перед заходом солнца к камере снова подошел шериф и сказал:

— К вам посетитель.

Беннинг вскочил на ноги. Значит, кто-то его вспомнил! Теперь он докажет, что все рассказанное им — правда!

Но человека, шагнувшего в коридор, он не знал. Это был смуглый, крепко сложенный, массивный мужчина средних лет. Одежда плохо сидела на нем, и казалось, он чувствует себя в ней неловко. Мужчина переступил порог камеры, двигаясь с удивительной легкостью и грацией, так не вязавшейся с его крупным телом. Его темные глаза напряженно всматривались в Беннинга.

Хмурое квадратное лицо мужчины не изменило выражения, однако почти неуловимая тень промелькнула в его глазах, пока он изучал Беннинга. У него был вид человека, ждавшего чего-то долгие годы и теперь, наконец, узревшего то, к чему он так стремился.

— Валькар, — тихо сказал он, скорее не Беннингу, а себе. Его голос звучал резко, словно медная труба. — Кайл Валькар. Прошло много лет, но я нашел тебя.

Беннинг с удивлением посмотрел на незнакомца.

— Как вы называли меня? И кто вы? Я никогда не встречал вас раньше.

— Не встречал меня? Но ты меня знаешь. Я — Рольф. А ты — Валькар. И горькие годы миновали.

Внезапно он протянул руку между прутьев, взял правую кисть Беннинга и, склонившись, прижал к своему лбу жестом глубокого почтения.

ГЛАВА 2

Несколько секунд Беннинг, слишком изумленный, чтобы двигаться, смотрел на незнакомца. Потом он вырвал руку.

— Что вы делаете? — спросил он, отскочив от решетки. — В чем дело? Я не знаю вас. И я не тот... как вы меня называли? Мое имя — Нейл Беннинг.

Незнакомец улыбнулся. На его смуглом мрачном лице, словно высеченном из камня, появилось выражение, испугавшее Беннинга больше, чем явная враждебность. Это была любовь — такая, какую мог испытывать отец к сыну или старший брат к младшему. Глубокая любовь, странно смешанная с почтением.

— Нейл Беннинг, — сказал человек, назвавший себя Рольфом. — Да, рассказ о Нейле Беннинге и привел меня сюда. Ты сейчас маленькая сенсация — человек, у которого отняли прошлое. — Он тихо засмеялся. — Жаль, что они не знают правды.

Беннинг вздрогнул.

— А ты — ты знаешь правду? Скажи мне! И скажи им! Зачем это сделано?

— Я могу сказать тебе, — подчеркнул Рольф. — Но не здесь и не сейчас. Потерпи несколько часов. Я вызволю тебя сегодня вечером.

— Если ты сможешь добиться, чтобы меня освободили под залог, буду очень благодарен. Но я не понимаю, почему ты делаешь это. — Беннинг испытующе посмотрел на Рольфа. — Может быть, я смогу вспомнить тебя... Ты знал меня ребенком?

— Да, — ответил Рольф. — Я знал тебя ребенком и взрослым мужчиной. Но ты не можешь вспомнить меня... — Лицо его исказилось от гнева, и он воскликнул с внезапной яростью: — Твари! Из всех зол, что они могли причи-

нить тебе, лишение памяти... — Рольф сделал паузу, потом медленно произнес: — Нет, они могли сделать и худшее. Они могли убить тебя!

Беннинг изумленно раскрыл рот. Лица людей вихрем закружились перед его мысленным взором — старый Уоллейс, Харкнесс, краснолицая женщина...

— Кто? Кто мог убить меня?

Рольф произнес два имени, очень тихо. Это были очень странные имена.

— Терения... Джоммо. — Рольф внимательно наблюдал за Беннингом.

Внезапно Беннинг понял и отскочил от решетки.

— Ты ненормальный! — закричал он, радуясь, что их разделяют стальные прутья. — Ненормальный!

Рольф усмехнулся:

— Конечно, ты можешь это подумать — и так же думает о тебе наш добрый шериф. Не слишком на него обижайся, Кайл, он не виноват. Видишь ли, в одном он прав — Нейл Беннинг не существует. — Он склонил голову в полном достоинства поклоне и повернулся к двери. — Ты будешь свободен сегодня вечером. Верь мне, даже если не понимаешь.

Он вышел прежде, чем Беннинг успел подумать, что надо бы позвать на помощь.

После ухода незнакомца Беннинг, совершенно подавленный, опустился на скамью. Несколько минут он тешил себя надеждой, что этот смуглый гигант знает правду и сможет помочь ему. Тем неприятнее было разочарование.

«Пожалуй, — с иронией подумал он, — теперь все луна-тики страны будут набиваться мне в братья».

К вечеру ничего не было слышно о том, что кто-то собирается вносить за него залог. Впрочем, Беннинг на это уже не рассчитывал.

После ужина, к которому он едва притронулся, Беннинг вытянулся на койке. Он устал, настроение было ужасное. Теперь он мрачно думал обо всей этой дьявольской подтасовке и о том, с каким удовольствием он возбудит дело против виновных в его аресте. Наконец он забылся беспокойным сном.

Его разбудило металлическое лязганье открывающейся двери камеры. Уже наступила ночь, и только коридор был освещен. В двери, улыбаясь, стоял смуглолицый гигант.

— Идем, — сказал он, — путь свободен.

— Как ты попал сюда! И где раздобыл ключи? — спро-

сил Беннинг, бросая взгляд через плечо мужчины в конец коридора. Помощник шерифа лежал, навалившись на стол; его голова покоилась на стопке бумаг, одна рука безжизненно свисала вниз.

Охваченный внезапным ужасом, Беннинг закричал:

— Боже, что ты наделал? Зачем я тебе нужен? — Он бросился к двери, пытаясь вытолкнуть незнакомца и закрыть ее снова. — Убирайся, я не хочу связываться с тобой! — Он набрал в грудь воздуха, собираясь позвать на помощь.

Сожаление мелькнуло на лице Рольфа, он раскрыл левую ладонь, обнаружив маленький яйцообразный предмет с линзой на конце.

— Прости меня, Кайл, — сказал он, — но на объяснения нет времени.

Линза вспыхнула тусклым мерцающим светом. Беннинг не ощутил боли, лишь легкий толчок в грудь; затем он начал растворяться во мраке и покое, подобном смерти. Он даже не почувствовал, как Рольф подхватил его, удержав от падения.

Беннинг пришел в себя в автомобиле. Он полулежал на сиденье, рядом сидел Рольф и смотрел на него. Автомобиль мчался по степной дороге, и все еще была ночь. Фигура водителя едва виднелась в тусклом свете приборного щитка, а снаружи царила лишь безграничная тьма; казалось, свет далеких звезд еще больше сгущал ее.

На заднем сиденье тоже было темно; Беннинг лежал не шевелясь, размышляя, что Рольф, возможно, не заметил, что он очнулся. Если напасть внезапно... Но сумеет справиться с этим гигантом?

Он приготовился, стараясь не выдать себя учащенным дыханием.

— Мне бы не хотелось снова делать это, Кайл, — сказал вдруг Рольф. — Не вынуждай меня.

Беннинг заколебался. Со своего места он мог различить, что Рольф держит в руке какой-то предмет. Вспомнив металлическое яйцо, он решил подождать, пока появится другая возможность. Разочарование охватило его. С каким удовольствием он стиснул бы пальцы на горле Рольфа!

— Ты прикончил помощника шерифа, а может быть, и других, — сказал он. — Ты не только безумец, но и убийца.

С раздражающим терпением Рольф спросил:

— Ты ведь не умер, верно?

— Да, но...

— Никто из тех людей не умер. Они не имеют отноше-

ния к нашим делам, и было бы бесчестно убивать их, — Рольф усмехнулся. — Терения удивилась бы, услышав от меня такое. Они считают меня бездушным.

Беннинг сел прямо.

— Кто такая эта Терения? В какую историю ты меня втравил? Куда мы едем — и вообще, черт возьми, что все это значит? — Он почти кричал, дрожа от страха и ярости.

Беннинг не больше обычного боялся физической боли и смерти, но на нем сказывалось нервное напряжение последних дней. Трудно оставаться невозмутимым, когда тебя везут с бешеной скоростью по ночной прерии похититель-лунатик и его сообщник.

— Пожалуй, — произнес Рольф, — ты не поверишь, если я скажу, что тебе нечего бояться. Я твой друг.

— Нет, не поверю.

— Так я и думал, — вздохнул Рольф. — И боюсь, что ответы на твои вопросы вряд ли помогут. Проклятый Джоммо поработал над тобой слишком хорошо — он сделал даже больше, чем я считал возможным.

Беннинг вцепился в край сиденья, пытаясь взять себя в руки.

— Кто такой Джоммо?

— Правая рука Терении, верховной повелительницы Новой Империи... Ты — Кайл Валькар, а я — Рольф, который вытирал тебе нос, когда ты был... — Рольф прервал себя и выругался на языке, совершенно незнакомом Беннингу. — Что толку?

— Новая Империя, — повторил Беннинг. — Ясно. Маня величия. Ты еще не сказал, что там у тебя за приспособление.

— Цереброшокер, — произнес Рольф так, как ребенку говорят «погремушка». Не сводя глаз с Беннинга, он заговорил с водителем на том же непонятном языке. Потом снова воцарилось молчание.

Дорога стала хуже. Водитель замедлил ход, но для планов Беннинга машина двигалась слишком быстро. Прошло некоторое время, прежде чем он понял, что теперь дороги не было вовсе. Он снова прикинул расстояние между собой и Рольфом. Беннинг сомневался в действенности металлического яйца. Цереброшокер, как же. Скорее всего, в камере его чем-то ударили сзади, чем-нибудь вроде ружейного приклада или кастета. Сообщник-водитель мог войти внутрь и встать за спиной Беннинга, готовый оглушить его по приказу Рольфа.

Впереди, примерно в миле от них, мелькнула яркая вспышка света, машина закачалась на ухабах. Водитель что-то сказал, Рольф ответил. В его голосе звучало облегчение. Беннинг чутко улавливал движение машины и, когда она мчалась по прямой, неожиданно бросился на смуглого великана.

Он ошибался насчет яйца. Эта штука действовала.

На этот раз он не полностью потерял сознание. Очевидно, степень шока можно было регулировать, и Рольф не хотел, чтобы Беннинг совсем лишился чувств. Беннинг по-прежнему мог видеть, слышать и двигаться, хотя не так уверенно как обычно.

Но все, что он видел и слышал, казалось кадрами кинофильма, никак не связанного с ним. Он видел пустынную и черную под темным небом прерию, убегающую под колеса автомобиля, потом почувствовал, что они едут все медленнее и медленнее. Наконец машина остановилась и он услышал голос Рольфа, который мягко уговаривал его выйти. Беннинг ухватился за руку великана, словно ребенок за руку отца, и позволил вести себя. Тело его двигалось, но сейчас оно ему не принадлежало.

Снаружи дул порывистый холодный ветер. Внезапно вспыхнул свет, настолько яркий, что в нем растворился блеск звезд. Сияющий круг накрыл автомобиль, жесткую траву прерии, водителя, Рольфа и его самого; их фигуры отбрасывали длинные черные тени. Стала видна металлическая стена, блестящая как зеркало. Она тянулась футов на сто, выпукло поднимаясь вверх. В стене светились отверстия. Окна, иллюминаторы, двери, люки — кто мог сказать? Это была не стена. Это был борт космического корабля.

Из него показались люди в странных одеждах, говорившие на странном языке. Они двинулись вперед; Рольф, водитель и Беннинг шагнули им навстречу. Вскоре они сошлись на ярко освещенном участке. Странные люди говорили с Рольфом, и он отвечал им, а потом Беннинг смутно понял, что все смотрят на него и что на лицах их написано почти суеверное благоговение.

Он слышал, как они повторяют одно слово: «Валькар!» Хотя чувства Беннинга были притуплены, легкая дрожь прошла по его телу при звуке этих голосов; почтение и ярость, отчаяние и надежда смешивались в них.

Рольф подвел его к открытому люку и тихо сказал:

— Ты спрашивал, куда я тебя везу. Поднимайся на борт, Кайл. Мы отправляемся домой.

ГЛАВА 3

Помещение, в котором очутился Беннинг, было больше и роскошнее вчерашней камеры, однако оно тоже являлось тюрьмой. Беннинг обнаружил это как только полностью очнулся — возможно, он снова на некоторое время терял сознание, но не был уверен в этом. Так или иначе, он поднялся и обследовал двери. Одна вела в отсек с довольно странным оборудованием — в ванную, другая была заперта. И крепко. Окон не имелось вовсе. Металлическая стена казалась цельной и гладкой. Свет падал сверху из какого-то невидимого источника.

Несколько минут Беннинг беспокойно шагал вдоль стен, разглядывал обстановку и пытался сообразить, куда же он попал. Ему вспомнилось загадочное видение — свет в прерии и огромный серебристый корабль. Бред, конечно. Какая-то гипнотическая иллюзия, внушенная темнолицым человеком, который называет себя Рольфом. Черт возьми, кто же такой этот Рольф, и почему именно он, Беннинг, стал жертвой его магии?

Корабль посреди прерии. Люди в странных одеждах, приветствующие его, — что за имя там было? — да, Валькар... Наверняка сон. Реальный, яркий, но все-таки сон, кошмарный сон.

Или же это было наяву?

Нет окон. Нет ощущения движения. Нет звуков — впрочем, если прислушаться, кое-что можно различить. Скорее, это была едва заметная вибрация, словно где-то билось огромное сердце. Незнакомые запахи, странная обстановка...

Внезапно чувства Беннинга словно обострились, и он понял, что все в этой комнате ему незнакомо. Краски, ткани, формы — все, начиная с водопроводного крана и кончая постелью, которую он только что оставил.

Даже собственное тело казалось незнакомым — его вес

изменился. Беннинг начал колотить в дверь и кричать.

Рольф появился почти сразу. С ним был водитель, и оба они держали в руках металлические яйцеобразные предметы. Экс-водитель поклонился Беннингу и остался у порога — так что Беннинг не мог напасть на обоих сразу или выскользнуть из комнаты. Теперь на них были такие же одежды, что и на людях из кошмара, — нечто вроде туники, а на ногах — облегающие сапожки. Одежда выглядела удобной, красивой, если угодно, — но совершенно нереальной.

Рольф вошел в комнату, оставив напарника снаружи. Беннинг успел заметить узкий коридор с такими же металлическими стенами, как и в комнате, прежде чем великан закрыл за собой дверь. Сухо щелкнул замок.

— Где мы? — спросил Беннинг.

— К настоящему моменту, — ответил Рольф, — мы одолели значительную часть пути от Солнца к Антаресу. Не думаю, что точные координаты имеют для тебя большое значение.

— Не верю, — отрезал Беннинг. Он и в самом деле не верил, но в то же время подсознательно понимал, что Рольф его не обманывает. Сознание этого было ужасно, мысли его метались, словно загнанные в ловушку кролики.

Рольф подошел к стене напротив двери.

— Кайл, — сказал он, — ты должен поверить мне. И моя, и твоя жизни зависят от этого.

Он нажал скрытую кнопку, и часть стены скользнула в сторону, открывая иллюминатор.

— Окно не настоящее, — пояснил Рольф. — Это видео-экран, на котором очень умное и сложное устройство репродуцирует истинную картину, недоступную человеческому глазу.

Беннинг посмотрел в иллюминатор. За ним открывалась ошеломляющая смесь мрака и света. Мрак был бездонной пустотой, в которой тонул взгляд... Он падал в эту равнодушную черную пропасть, скорчившись от ужаса, едва сдерживая крик... Но свет...

Миллион миллионов солнц! Исчезли контуры созвездий, их очертания затерялись в сияющем океане звезд. Свет взрывался в голове Беннинга громовыми раскатами; он летел в глубины блеска и тьмы, он...

Беннинг зажал ладонями уши, упал на постель и остался лежать, содрогаясь всем телом. Рольф закрыл иллюминатор.

— Теперь ты мне веришь?

Беннинг что-то простонал.

— Хорошо. Ты поверил в звездный корабль. Тогда чисто логически ты должен поверить и в существование цивилизации, способной создавать такие корабли, и в культуре, для которой они обычны и необходимы.

Беннинг, чувствуя себя больным и разбитым, сел на постели, прижав ладони к успокоительно неподвижной стене. Он понимал, что это бесполезно, но все же выдвинул последний аргумент:

— Мы не движемся. Если бы мы мчались быстрее света — что невозможно, уж настолько-то я разбираюсь в физике! — то было бы ощущение ускорения.

— Это не механическое движение, — Рольф шагнул в сторону, чтобы видеть лицо Беннинга. — Тут существует нечто вроде силового поля, и мы, являясь его частью, остаемся в покое. Поэтому и нет ощущения движения. А что до невозможности... — Он усмехнулся. — Когда я искал тебя на Земле, то развлекался, замечая первые трещины в теории, провозглашающей скорость света предельной величиной. Земные физики уже не раз замечали частицы, что движутся быстрее света, и их объяснения, что эти объекты не имеют массы покоя, — лишь попытка уйти в сторону от существа вопроса.

Беннинг недоверчиво воскликнул:

— Но звездные цивилизации, чьи корабли посещают Землю! Разве возможно такое?

— Просто, — сухо сказал Рольф, — в тебе говорит земной эгоцентризм. Земля — окраинный мир, отсталый во многих отношениях. С политической точки зрения сплошной кавардак. Сотни враждующих народов, норовящих перерезать друг другу глотки. Новая Империя избегает открытого контакта с такими мирами — слишком много хлопот, а толку почти никакого.

— Ладно, — сказал Беннинг, поднимая руки, — сдаюсь. Я признаю, что существуют звездные корабли, межзвездная цивилизация, целая — как ты сказал? — Новая Империя. Но я-то тут при чем?

— Ты — часть всего этого. Причем очень важная; я бы даже сказал, самая важная.

— Ошибаешься, — устало произнес Беннинг. — Говорю тебе: меня зовут Нейл Беннинг, я родился в Гринвилле, штат Небраска, и...

Он замолк, услышав смех Рольфа.

— Ты провел пару веселых деньков, пытаюсь доказать

это. Нет, тебя зовут Кайл Валькар, и родился ты в Катууне, древнем Городе Королей, на четвертой планете Антареса.

— Но мои воспоминания, вся моя жизнь на Земле!

— Ложная память, — ответил Рольф. — Ученые Новой Империи — искусные психотехники, а Джоммо — лучший из них. Когда Землю выбрали в качестве места твоей ссылки и тебя, пленного, доставили туда — уже со стертой памятью, Джоммо составил историю твоей жизни, синтезировав ее из воспоминаний туземцев. Потом он имплантировал эти воспоминания в твой мозг, и тебя отпустили — с новым именем, языком, с новой жизнью! Кайл Валькар исчез навсегда, остался землянин Нейл Беннинг, который ни для кого не представлял угрозы.

— Угрозы? — протянул Беннинг.

— О, да, — глаза Рольфа сверкнули диким огнем. — Ты — Валькар, последний из Валькаров. А Валькары всегда являлись угрозой для узурпаторов Новой Империи. — Он начал нервно рассказывать по каюте, словно был не в силах сдержать охватившее его возбуждение. Беннинг безразлично наблюдал за ним. Он пережил слишком много потрясений, и теперь его уже ничто не удивляло.

— Новой Империи, — повторил Рольф. Он произнес это так, будто выплюнул ругательство. — У власти — Терения, соплячка... лишь искусство Джоммо держит ее наверху. Да, последний Валькар — угроза для них!

— Но почему?

Рольф загремел:

— Потому что Валькары были повелителями Старой Империи — Звездной Империи, правившей половиной Галактики девяносто тысяч лет назад! Потому что не все звездные миры забыли своих древних властелинов!

Беннинг изумленно взглянул на Рольфа и начал тихо смеяться. Сон стал слишком нелепым, слишком безумным. Нельзя же такое воспринимать всерьез!

— Итак, я не земной Нейл Беннинг, а звездный Кайл Валькар?

— Да.

— И я — император?

— Нет, Кайл. Еще нет. Но в прошлый раз ты едва не стал им. Если нам будет сопутствовать удача, ты будешь императором.

Беннинг решительно произнес:

— Я — Беннинг. Я это знаю. Возможно, я похож на вашего Кайла Валькара. Потому, наверное, ты меня и

захватил. Дай мне увидеть остальных.

Глаза Рольфа сузились.

— Зачем?

— Я собираюсь рассказать, какой обман ты затеял.

— Ничего ты не расскажешь, — смуглый гигант говорил сквозь зубы. — Они считают, что ты Кайл Валькар. Ну, в этом они правы. Но они думают, что память вернулась к тебе, и вот тут-то они ошибаются.

— Значит, ты согласен, что обманываешь их?

— Только в этом, Кайл, только в этом. Они бы не отважились на такое предприятие, зная, что к тебе не вернулась память. Они считают, что ты можешь привести их к Молоту.

— Молоту?

— Я расскажу тебе об этом позже. А сейчас вбей себе в голову — если они узнают, что ты ничего не помнишь, они выйдут из игры. Ты снова попадешь к Джоммо. Но на этот раз тебя не отправят в изгнание — тебя убьют.

Все услышанное от Рольфа было слишком серьезно. Беннинг попытался осмыслить это, а потом сказал:

— Я не могу говорить на вашем языке.

— Да. Джоммо проделал с тобой дьявольски чистую работу.

— Тогда как я смогу выдавать себя за Валькара?

— Ты в плохой форме, Кайл, — уклончиво ответил Рольф. — Возвращение памяти привело тебя в шоковое состояние. Ты нуждаешься в покое, и некоторое время тебе нельзя выходить из каюты. Но здесь с тобой буду я.

Несколько мгновений Беннинг не мог понять, потом уловил суть.

— Ты имеешь в виду, что я изучу язык?

— Вспомнишь язык.

— Хорошо, — после секундного раздумья сказал Беннинг. — Если это все, что я должен сделать...

Он неторопливо повернулся, затем внезапно прыгнул и оказался на широкой спине Рольфа, стискивая руками шею великана.

— Извини, Кайл, — задыхаясь, сказал Рольф. Его могучие мускулы взорвались, подобно мгновенно распрямившимся тугим пружинам, и Беннинг обнаружил, что летит к стене. От удара у него потемнело в глазах, и он рухнул на пол.

Рольф открыл дверь. Прежде чем выйти, он обернулся и сурово сказал:

— За это в древнем Городе Королей с меня бы содрали заживо кожу. Но ты меня вынудил. А теперь остынь. — И он вышел.

Оставшись один, Беннинг приподнялся. Он долго сидел на полу у металлической стены, уставившись прямо перед собой. Он чувствовал, что рассудок его изнемогает в попытках разорвать путы окружающей реальности.

«Я — Нейл Беннинг, я сплю, и все, что я вижу, — только сон...»

Он с размаху ударил кулаком по стене. Боль в костяшках была достаточно убедительной, на них показалась кровь. Нет, это не поможет!

«Ладно, пусть этот корабль реален. Звездный корабль, идущий к Антаресу. Реален Рольф, реально Новая Империя, о существовании которой не подозревают на Земле. Но все-таки я — Нейл Беннинг!»

Не Кайл Валькар, — о, нет! Если он только позволит себе поверить в то, что был совершенно другим человеком, существом со звезд, с прошлым, которого он не может вспомнить, тогда его собственное «я» исчезнет, как дым, и он станет никем...

Существует Империя. Существуют звездные корабли. Земля не подозревает о звездной цивилизации, но о Земле знают, знают земные обычаи, языки, изученные во время тайных посещений. Появление корабля Рольфа — именно такой визит. Они прилетели, захватили Нейла Беннинга и отправились обратно. Все это явно делается с определенной целью...

Для какой-то грандиозной звездной интриги понадобится человек, которого можно выдать за Кайла Валькара, потомка древних властелинов. И он, Нейл Беннинг, благодаря внешнему сходству с Кайлом Валькаром, подошел на эту роль. Он стал пешкой в чьей-то игре, а чтобы пешка действовала как можно лучше, Рольф пытается доказать, что он и есть Кайл Валькар.

Беннинг отчаянно пытался придумать какой-нибудь план. Это было трудно, голова еще кружилась от столкновения с вновь открытой Вселенной, от сознания того, что он и в самом деле находится на космическом корабле. Но и в этом невероятном положении он должен бороться.

«Сначала как можно больше узнать, — подумал он. — Прежде, чем что-либо предпринимать, надо выяснить, куда они доставят меня и что собираются делать. Мне нужна информация...»

Вернулся Рольф. Он принес новую одежду, похожую на его собственную, странную, но удобную. Белая туника была изготовлена из великолепной материи, драгоценные камни образовывали на груди стилизованный рисунок — ярко пылающее солнце. Беннинг переоделся без возражений. Его мысли сосредоточились на одном — надо узнать как можно больше и как можно скорее.

— Теперь ты похож на Валькара, — довольно проворчал Рольф. — Ты должен говорить, как он. Ну, время еще есть.

Рольф начал обучение, называя каждый предмет в каюте на своем языке. Затем Беннинг выучил слова «звезда», «корабль», «империя».

— Рольф!

— Да?

— Эта Старая Империя, которой правили Валькары... Ты говорил, что это было девятью тысячами лет назад?

— Да. Прошло много времени. Но Старую Империю помнят во всех звездных мирах, за исключением нескольких, впавших в совершенную дикость. Как, например, Земля.

Беннинг вздрогнул.

— Земля? Она была частью Старой Империи?

— Конечно — как и половина Галактики, — хмуро пояснил Рольф. — Когда произошла катастрофа и Старая Империя пала, контакты с отдаленными окраинными мирами совершенно прекратились. Не удивительно, что потомки колонистов превратились в настоящих дикарей, чуть ли не в обезьян. Так было и на Земле.

Отрывочные факты, что сообщал Рольф в этот и следующие визиты, начали складываться для Беннинга в туманную картину, в невообразимую космическую историю.

Старая Империя! Империя Валькаров!

Они правили из Катууна на Антаресе, их звездные корабли бороздили просторы Галактики, и мириады миров платили им дань. Но в Старой Империи многие роптали против власти галактических лордов, и не однажды захлебывались в крови неудачные восстания. И, наконец, сами Валькары ускорили кризис.

Прошел слух, что в дальней недоступной части Галактики Валькары готовят таинственное и ужасное средство, которое в будущем повергнет в трепет всех бунтарей. Никто не знал ни о его мощи, ни как оно действует. Но молва назвала его Молотом Валькаров; утверждали, что с

его помощью Валькары, если того пожелают, могут уничтожить все народы Галактики.

Эти слухи послужили детонатором космической революции. Народы звездных миров не могли допустить, чтобы Валькары получили такую власть над их жизнями. Разгорелось восстание, потом — гражданская война, разрушившая межзвездную цивилизацию; Старая Империя была сметена. Множество далеких систем, в которые больше не приходили звездные корабли, скатились в долгую ночь варварства.

Однако отдельные миры сумели сохранить свои знания и технику. У них оставалось несколько исправных кораблей, они стремились вновь соединить разорванные связи, восстановив единую цивилизацию. Ее центром являлась система Ригеля. Это и было началом Новой Империи, которая провозгласила отказ от помпезности и гордой воинственности старой, а также наступление эры сотрудничества всех планет.

Рольф яростно сплюнул.

— Эта ханжеская болтовня о дружелюбии и мире! Она покорила многих. Но кое-кто еще помнил древних королей — Валькаров, которым звезды служили подставкой для ног!

— А эта штука, из-за которой началось восстание... то, что ты назвал Молотом Валькаров... Что с ним случилось? — спросил Беннинг.

Рольф серьезно посмотрел на него.

— Он был потерян все эти долгие века. Только Валькары знают, где Молот и что это такое. Тайна передавалась от отца к сыну даже после того, как пала Старая Империя. Ты — единственный, кто ее знает.

Беннинг изумленно взглянул на него.

— Вот почему Кайл Валькар такая важная фигура!

— Именно так, — сурово ответил Рольф. — Ты рассказывал мне, только мне, что Молот находится на одной из планет, затерявшихся в скоплении Лебеда. Ты говорил, что если раздобудешь древние звездные карты, ты сможешь найти эту планету. — Переведя дыхание, гигант угрюмо продолжал: — Ты почти добился успеха, Кайл. Ты обнаружил нужные карты в архивах на Ригеле и отправился в скопление Лебеда. Но Терения и Джоммо догнали тебя, схватили, стерли память и изгнали на далекую Землю. Теперь никто не знает, где спрятан Молот.

Для Беннинга все это звучало дико и неправдоподобно. Он так и сказал, добавив:

— Почему же они для пущей надежности не убили человека, знающего такой секрет?

— Джоммо так бы и сделал с радостью, — саркастически ответил Рольф, — но Терения не ренилась. Женщина, даже такая, как Терения, не может править Империей.

— И ты пытаешься ниспровергнуть Новую Империю? — решил прозондировать почву Беннинг. — С горсткой людей, собравшихся на этом корабле?

— Будут и другие, Кайл. Им отправлено послание, и они придут в Катуун. Немного, но достаточно, чтобы сокрушить Империю, если у нас будет Молот.

— Но его у нас нет! А я не знаю, как его найти!

— Да, Кайл. Но, возможно, скоро будешь знать.

Когда Беннинг попытался выведать побольше, Рольф проворчал:

— Позже. А пока прежде всего ты должен выучить язык. Я сказал, что вернул тебе память перед тем, как мы покинули Землю, и что ты заболел от такого шока.

— Человек, который вел автомобиль, знает другое, — напомнил Беннинг.

— Ивайр? Его не надо опасаться, это мой человек. Но другие не знают. Они мечтают увидеть тебя. Ты вскоре должен показаться перед ними как Кайл Валькар.

Язык давался Беннингу легко. Слишком легко. Язык был очень сложным; каждое слово выдавало его огромный возраст. Тем не менее, Беннинг схватывал его на лету. Он в совершенстве копировал произношение Рольфа. Казалось, язык и губы сами вспоминают нужные движения, словно знания уже были в мозгу Беннинга, дремлющие, жаждущие пробуждения.

Беннинг старался гнать такие мысли. Это могло означать, что Рольф прав, что люди в Гринвилле говорили правду, что Нейл Беннинг никогда не существовал. Он не мог, не должен верить этому! Как может человек потерять свое «я»? Нет, здесь какой-то тупик. Рольф как-то сумел загипнотизировать людей в городке — только хитрый план, и ничего больше.

На корабле для Беннинга не существовало ни дня, ни ночи. Он ел, спал, учился — пока, наконец, Рольф не сказал:

— Они ждут.

— Кто?

— Мои люди, твои люди, Кайл. Теперь ты можешь говорить достаточно хорошо. Выходи отсюда, я сказал им,

что ты выздоровел.

Беннинг почувствовал озноб. Он страшился этой минуты. Оставаясь в этой маленькой каюте, он мог не думать о своем положении. А сейчас он должен стать Валькаром.

— Вперед! — сказал он себе. — Выясни, что кроется за всей ложью Рольфа до того, как что-то предпринять.

Дверь раскрылась. Рольф стал в сторону, пропуская его вперед. Беннинг вышел в коридор.

— Сюда, — прозвучал в его ушах тихий шепот Рольфа. — Направо. Подними голову. Веди себя, как подобает сыну королей.

Коридор вел в офицерскую кают-компанию. Полдюжины мужчин поднялись на ноги, когда Рольф громко объявил:

— Валькар!

Они глядели на Беннинга жадными отчаянными глазами. И Беннинг знал, что должен сказать им; но прежде, чем он успел произнести хоть слово, один из них шагнул вперед. Суровый человек, с лицом, напоминающим морду волка. Он медленно проговорил, обращаясь к Беннингу:

— Ты не Валькар.

ГЛАВА 4

Казалось, тишина, следовавшая за этими словами, длилась вечно. И в этой тишине Беннинг, глядя в смуглое хищное лицо, почувствовал, как его сердце сжимают ледяные тиски свершившегося.

Ну, вот и все. Его раскусили. Что же теперь? Беннинг вспомнил предостережение Рольфа: плен, Джоммо, смерть...

В отчаянии он подумал, что если сумеет выдавить пару-другую высокопарных фраз, то, возможно, сумеет выкрутиться; однако язык отказывался повиноваться ему. Он все еще не мог издать ни звука, когда офицер с волчьим лицом поднял бокал вина и крикнул:

— Но ты будешь им! Мы сражались за тебя прежде, и мы будем сражаться снова! На этот раз мы увидим тебя на троне, принадлежащем Валькарам по праву. Слава Валькару!

— Слава Валькару!

Приветственные крики гремели, отдаваясь в металлических стенах. Напряжение покинуло Беннинга, но зоркие глаза офицеров следили за ним; они заметили, как смягчилось лицо вождя — и вновь раздался восторженный рев. Беннинг гордо выпрямился; неожиданно он ощутил уверенность и торжество. Казалось, иначе и быть не может — эти люди по праву и чести приветствуют его как повелителя. Он обвел взглядом офицеров и сказал:

— Валькары никогда не испытывали недостатка в верных людях. Я... — он запнулся. Прошло несколько секунд, и на лице Рольфа удовлетворение быстро сменилось тревогой. Неожиданно Беннинг улыбнулся. Рольф втянул его в эту авантюру, так пусть помучается, пусть попотеет. Пусть преданно и верно послужит Валькару. — Вина! Я отвечу на тост моих офицеров. — Глаза Рольфа сузились, но он вло-

жил в руку Беннинга бокал. — Господа! Вот мой ответ: я даю вам Старую Империю и свободу звездам!

Гром торжествующих криков едва не оглушил его. Беннинг повернулся к Рольфу, прошептав на английском:

— Коротко, но эффектно, не так ли? — и осушил бокал.

Рольф рассмеялся. Его смех был искренним, и Беннинг почувствовал, что вовсе не досадил Рольфу, а сделал для него нечто приятное.

Повернувшись к офицерам, Рольф сказал:

— Все старания Джоммо оказались напрасными. Несмотря ни на что, Валькар остался Валькаром. Я знаю. Я давал ему первые уроки. Он по-прежнему Валькар.

Затем, одного за другим, Рольф представил Беннингу всех офицеров. Скраанн, Ландольф, Кирст, Фельцер, Бурри, Тавн. Они производили впечатление твердых, преданных, целеустремленных людей. Беннинг подумал, что жизнь его измерялась бы секундами, узнай они, кто он на самом деле. Он боялся их, и страх обострил его ум, помогая находить нужные слова и держаться с гордой властью. Его изумляло, как легко это удавалось.

Беннинг начал подумывать, что пора бы удалиться, когда в кают-компанию вошел молодой ординарец. Он вытянулся так, что жилы едва не лопнули от напряжения.

— Капитан Бехрент шлет свои приветствия, — отрапортовал юноша, — и спрашивает, не окажет ли Валькар ему честь, посетив рубку. Мы сейчас будем входить в Облако...

Резкий свист, раздавшийся из устройства связи, заглушил последние слова. Затем раздался голос — всем офицерам было приказано занять свои места.

Люди начали расходиться. Кто-то громко сказал:

— Рискованное путешествие, но раз у руля будет Валькар...

— ... будем входить в Облако, — повторил ординарец, — и капитан уступает...

Свистки сигнального устройства, монотонно повторяющиеся приказы, толкотня спешивших к выходу офицеров вновь не дали ему договорить. Наконец он махнул рукой и, с обожанием глядя на Беннинга, сказал просто:

— Сэр, мы все будем чувствовать себя увереннее, если сейчас вы будете нашим пилотом.

О, Господи, подумал Бенниг и в отчаянии взглянул на Рольфа. Тот улыбнулся и, когда ординарец шагнул назад, тихо произнес:

— О, да, ты один из величайших космических пилотов. Для того чтобы стать королем звезд, нужно повелсвать космосом. И тебя обучали этому, как и всех Валькаров, с раннего детства.

— Но я не могу... — пробормотал Беннинг.

Ординарец придерживал открытую дверь, и времени на разговоры не оставалось. Бенниг последовал за Рольфом. Он чувствовал себя беспомощным, пойманным в ловушку. Они вошли в рубку.

Здесь впервые обыденная подлинность корабля, подавляя, навалилась на него. Раньше, в каюте, он ограничился всего лишь беглым взглядом в иллюминатор и принял рассудком то, что отвергал весь его прежний опыт. Сейчас это стало ужасающей реальностью, в которой жили и работали люди.

Невысокое большое помещение загромождали приборы, за показаниями которых напряженно следили корабельные техники. В центре сидел офицер, склонившийся над большим экраном, по которому непрерывным потоком бежали цифры и символы. Перед ним находилась панель, похожая на клавиатуру органа. Бенниг догадался, что она была сердцем и мозгом корабля. Оставалось надеяться, что офицер умеет хорошо играть на своем инструменте. Беннинг очень рассчитывал на это, потому что вид межзвездного пространства на двух боковых и огромном переднем экране внушал тревогу даже такому зеленому новичку, как он.

К ним подошел мужчина с бульдожьим лицом и коротко подстриженными волосами и отдал честь Беннингу. Его крепкую фигуру облегал темная туника со знаками различия на груди; судя по виду, вряд ли он привык доверять кому-либо управление своим кораблем. Тем не менее в его голосе не было ни тени иронии или недовольства, когда он произнес:

— Сэр, рубка в вашем распоряжении.

Беннинг покачал головой. Он по-прежнему смотрел на видеоэкран. Там, протянувшись от края до края, сгустилась туманность; корабль входил в нее под углом к оси. Она темнела, застилая звезды, но все же сквозь ее дымку просвечивали мерцающие точки света, тащущие огненные искры. Беннинг понял, что это, должно быть, одно из тех облаков космической пыли, о которых он читал в популярных книгах по астрономии, а блестящие точки — обломки планет, отражающие свет всех звезд небосвода. И они направлялись прямо туда!

Капитан смотрел на Беннинга. Офицер за пультом, техники у приборных панелей тоже бросали на него быстрые взгляды. Беннинга начинало подташнивать; он испытывал острый приступ страха.

Слова пришли словно сами собой. Почти весело он обратился к Бехренту:

— Мужчине его корабль так же близок, как собственная жена. Я не хочу оспаривать у вас ни первого, ни второго. — Беннинг сделал вид, что изучает показания приборов, цифры на экране, пульт, словно все было давно ему знакомо. — И пусть я даже сяду за пульт, — продолжал он, — все равно мне не сделать больше, чем вам. — Он отступил с неопределенным снисходительным жестом, который можно было истолковать как угодно. Он надеялся, что руки его дрожат не слишком заметно. — Вне сомнения, капитан Бехрент не нуждается в моих инструкциях.

Краска гордости залила лицо Бехрента. Глаза его сверкнули.

— По крайней мере, — сказал он, — окажите мне честь, останьтесь.

— Только как зритель. Благодарю вас. — Беннинг сел на узкий диван, идущий вдоль стены под видеоэкраном; Рольф встал рядом. Беннинг заметил кривую усмешку на губах великана и возненавидел его еще больше. Потом он перевел взгляд на экран, и ему отчаянно захотелось спрятаться в своей каюте, где можно закрыть иллюминатор. Однако он решил, что все же лучше остаться здесь; по крайней мере, можно увидеть, как все происходит.

Они приближались к темному облаку, в котором виднелись лишь горящие отраженным светом обломки миров.

Рольф тихо сказал ему по-английски:

— Это единственный способ ускользнуть от имперских радаров. Они довольно тщательно наблюдают за космическими трассами, а нам не следует попадать под наблюдение.

Черная волна облака, казавшаяся твердой стеной мрака, нависла над кораблем. Беннинг крепко стиснул челюсти, стараясь сдержать вопль ужаса.

Они врзались в стену.

Удара не последовало. Естественно. Ведь это была всего лишь пыль с рассеянными в ней обломками скал. Очень разреженная пыль, совсем не похожая на ту, что вздымает в воздух ураган.

Потемнело. Небо, только что сверкавшее звездными россыпями, словно задернули шторой. Беннинг напряженно

глядел на экран; внезапно он заметил слабое мерцание — скала размером с дом, кувыркаясь, неслась на них. Он непроизвольно вскрикнул, и на пульте шевельнулась рука офицера. Обломок пролетел в стороне — точнее, корабль промчался мимо него. Ни малейшей инерции — ее погасило силовое поле.

— Тот мальчик говорил правду, — спокойно произнес Рольф. — Ты здесь лучший пилот.

— О, нет, — прошептал Бенниг, — только не я.

Его пальцы впились в подлокотники, ладони вспотели. Казалось, в течение долгих часов он наблюдал, как корабль, петляя и уклоняясь от астероидов, чуть ли не ощупью шел сквозь облако. Зазубренные обломки пронесли мимо; они могли быть размером с пулю или с Луну — в любом случае столкновение грозило смертельной опасностью. Но ни один астероид не коснулся обшивки, и страх Беннинга сменился благоговейным трепетом. Если капитан Бехрент может провести здесь свой корабль — и, тем не менее, преклоняется перед искусством Валькара, — значит, тот действительно великий пилот!

Наконец они вышли из облака на «дорожку» — чистую полосу между двумя вытянутыми щупальцами космической туманности. Подошел Бехрент и остановился перед Беннингом. Улыбаясь, он сказал:

— Мы прошли, сэр.

— Хорошо, ребята, — ответил Беннинг. Но эти слова были лишь слабым отражением того, что он думал. Он был готов упасть ниц перед этим звездным капитаном и обнять его колени.

— Пожалуй, тебе следует отдохнуть, — сказал Рольф.

Когда они вернулись в каюту, великан взглянул на Беннинга и коротко кивнул.

— Все будет в порядке. Я боялся, что вместе с памятью Джоммо уничтожил и твой дух, но теперь вижу, что это ему не удалось.

— Ты сильно рисковал, — сказал Беннинг. — Надо было хоть немного подготовить меня.

— Я не в состоянии предусмотреть все, Кайл. Нет, я должен был выяснить, сохранил ли ты прежнюю выдержку и ум. Ты доказал это. — Он повернулся к двери, печальная улыбка появилась на его губах. — Тебе надо выспаться, Кайл. Мы подойдем к Антаресу через тридцать часов, и лучше, если ты хорошо отдохнешь перед посадкой.

— Почему? — спросил Беннинг с внезапным предчув-

ствием опасности.

Голос Рольфа звучал напряженно:

— Еще одно испытание, Кайл. Я собираюсь доказать тебе самому и всем остальным, что ты — Валькар.

Он ушел, а Беннинг забылся тревожным сном.

Через несколько часов он вновь стоял с Рольфом у экранов, присутствуя при первой в своей жизни посадке, страшая ожидавшей его неизвестности. Вид Антареса подавлял Беннинга — огромное красное солнце, рядом с которым затерялся его спутник, звездный карлик. Корабль плыл в этом угрюмом зловещем сиянии, заполнившем четверть неба, словно в море крови. Беннинг содрогнулся; казалось, лица и руки людей в рубке окровавлены. Ему не терпелось поскорее приземлиться в Катууне.

Когда Беннинг увидел планету, летевшую к ним сквозь потоки багрового света, ему захотелось этого еще больше. Тусклый призрачный шар выглядел так, словно люди оставили его давным-давно.

— Когда-то это был могущественный мир, — словно читая его мысли, тихо сказал Рольф. — Сердце и мозг Старой Империи, которая правила половиной Галактики, тронный мир Валькаров. Он может стать им снова.

Беннинг взглянул на Рольфа.

— Если удастся найти Молот и разгромить Новую Империю, не так ли?

— Да, Кайл! Это то, что ты должен сделать.

— Я? — воскликнул Беннинг. — Ты безумец! Я — не Валькар! Но если бы я был им — как, лишенный памяти, я найду Молот?

— Тебя лишил памяти Джоммо, — свирепо сказал Рольф. — Он может и вернуть ее!

Ошеломленный Беннинг умолк. Только сейчас он начал понимать размах и смелость плана Рольфа.

Корабль мчался к планете. Он коснулся атмосферы и погрузился в кровавый, густеющий по мере снижения туман. Беннинг почувствовал удушье.

На экранах начали проступать детали ландшафта: горные хребты, черные леса, сплошь покрывшие континенты, угрюмые океаны, цепочка озер. Рольф говорил, что сейчас Катуун почти опустел, но человеку Земли было трудно представить целый мир, лишенный городов, звуков, людей. Пока корабль спускался по длинной спирали, Беннинг смотрел на этот невыразимо суровый и печальный мир. Он видел руины городов, словно белые кости, разбросанные по

берегам морей; обширные проплешины в лесах, где деревья с трудом пробивались сквозь каменные мостовые; ржавые, истлевшие конструкции из металла. Одно такое бесплодное пятно — он знал это инстинктивно — когда-то было космическим портом, полным кораблей с бесчисленных звезд. Впереди выросла горная цепь, возносящая к нему острые пики. Корабль снижался, теряя скорость; наконец, без всякого толчка, он замер на плато, тянувшемся у подножья гор, которое служило посадочной площадкой.

Видимо, все ждали, что Беннинг первым выйдет наружу. Он так и сделал — в сопровождении Рольфа шагнул на землю древнего мира. Он шел медленно; окружающее казалось ему сном. Небо, прохладный свежий ветер, несущий странные запахи, почва под ногами — все говорило, кричало о том, что он здесь чужой; Беннинг не мог избавиться от этого ощущения.

Офицеры вышли вслед за ним, и капитан Бехрент нетерпеливо посмотрел на небо.

Остальных еще нет, — сказал он.

— Скоро будут, — отозвался Рольф. — Им надо найти свои тайные пути. На это требуется время. — Гигант повернулся к Беннингу. — Отсюда, — сказал он по-английски, — мы пойдем с тобой одни.

Беннинг посмотрел вниз. Широкая, разрушенная временем дорога вела в долину. Там было озеро, а на его берегу город. Лес вырос на месте древнего поселения — чаща чуждых деревьев, увитых неземными лианами. Однако лес не мог скрыть огромный город. По-прежнему гордо тянулись к небу колонны ворот, за ними простирались проспекты и площади, дворцы с провалившимися крышами, мощные арки и стены — безмолвные, замершие в красном свете на берегу тихого печального озера.

Они молча шли по дороге. Когда они спустились с плато, ветер стих, и только звук шагов нарушал тишину. Антарес тяжело висел над горизонтом — на западе, как определил для себя Беннинг. Ему, привыкшему к небольшому яркому Солнцу, это светило казалось огромным тусклым шаром, загромаждавшим небо.

В долине было теплее. Беннинг ощущал запахи леса, но в прохладном воздухе не чувствовалось ароматов чего-либо искусственного, сделанного человеком. Город теперь был гораздо ближе; ни малейшего движения, ни звука не доносилось оттуда.

— Ты говорил, что кто-то по-прежнему живет здесь, —

сказал Беннинг.

— Идем через ворота, — Рольф кивнул головой в сторону колонн; в голосе его чувствовалась тревога.

Беннинг повернулся и посмотрел на него.

— Ты чего-то боишься?

— Возможно.

— Чего? Почему мы идем одни? — Беннинг внезапно схватил Рольфа за воротник туники. — Зачем ты ведешь меня туда?

Лицо Рольфа побледнело. Он не поднял руки, не напряг мышцы, чтобы освободиться от захвата Беннинга. Он только сказал едва слышно:

— Ты подписываешь мой смертный приговор, Кайл... Ради Бога, дай мне пройти, пока еще... — Он не договорил. Его взгляд уперся во что-то за спиной Беннинга. — Будь осторожен, Кайл, — прошептал он. — Будь осторожен во всем, что станешь делать, иначе мы оба пропали.

ГЛАВА 5

Голос Рольфа, в котором звучало странное напряжение, заставил Беннинга поверить в его искренность. Он ослабил хватку, чувствуя, как побежали мурашки по спине; он понимал, что сзади кто-то есть.

Очень медленно он повернул голову.

Рольф тихо произнес:

— Стой спокойно, Кайл. Прошло десять лет с тех пор, как они видели тебя в последний раз. Дай им время вспомнить и ни в коем случае не беги.

Беннинг и не думал об этом. Оцепеневший, он стоял и смотрел на существ, появляющихся из-за городских стен. Создания двигались бесшумно, и пока он спорил с Рольфом, за его спиной собралась целая толпа, так что любая попытка к бегству оказалась бы бесполезной. Они не были людьми, однако он понимал, что перед ним не животные. Таких тварей Беннингу не приходилось видеть ни наяву, ни в кошмарах. Они выглядели быстрыми и сильными. Похоже, убить человека для них не составляло труда.

— Это твои телохранители и слуги, верные псы Валькаров, — прошептал Рольф. — Поговори с ними.

Беннинг во все глаза смотрел на безмолвную толпу. Казалось, рост этих странных существ не меньше, чем у взрослого мужчины, но формы их не были человеческими. Узловатые, горбатые тела, несколько ног. Больше всего они походили на гигантских стремительных пауков. Они были безволосыми, на гладкой сероватой коже ярко выделялся прихотливый узор — не то естественный, не то татуировка. Пожалуй, он даже выглядел красивым. Почти во всем можно найти красоту, стоит только постараться. Почти во всем...

— Что я должен сказать?

— Напомни, что они твои...

Маленькие круглые головы и лица — детские лица с мягкими очертаниями, небольшими носами и огромными зрачками... Что таилось в глубине этих глаз, устремленных на него?

Существа зашевелились, подняли тонкие руки. Беннинг мельком заметил, что пальцы заканчиваются безжалостными когтями. Один из них, стоявших впереди, словно предводитель, заговорил неожиданно мелодичным свистящим голосом:

— Только Валькар может войти в эти ворота. Вы умрете.

И Беннинг ответил:

— Смотри внимательно! Или твоя память так коротка?

Что было в этих глазах? Мудрость? Жестокость? Отблеск странного разума, который человек не в состоянии понять?

Молчание. Огромные белые монолиты — остатки ворот — вздымались вверх разрушенные верхушки. На колоннах местами сохранилась резьба, изображавшая таких же стражей-пауков, что окружали их сейчас.

Они зашевелились с сухим пощелкиванием, множество рук тянулось к Беннингу. Он понимал, что их когти могут разорвать его в клочки с невероятной быстротой. Сопротивление или бегство было бессмысленно. Оставалось одно — вести эту отчаянную, опасную игру. Беннинг заставил себя приветливо раскрыть объятия.

— Мои верные слуги, — сказал он.

Тот, что заговорил с ним, их вождь, пронзительно вскрикнул. Остальные подхватили этот клич, он эхом отразился от каменных стен города, раскинувшегося за ними. Теперь Беннинг ясно видел, какое чувство светилось в этих устремленных на него взглядах круглых детских глаз. Любовь. Обожание... И вид их вдруг перестал казаться ему таким отвратительно чуждым. Вождь схватил руку Беннинга и прижал к своему прохладному лбу. Странно, прикосновение к гладкой серой коже не вызвало у Беннинга безразличия. Однако именно это испугало его.

— Кто он такой? — спросил он Рольфа по-английски.

Тот облегченно рассмеялся:

— Сохмсей качал твою колыбель и катал маленького Кайла на спине. Почему ты боишься его?

— Нет, — упрямо сказал Беннинг, — нет, я не верю. Я не могу поверить!

Рольф недоверчиво посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать, что даже сейчас сомневаешься — но ведь они узнали тебя! Слушай, Кайл, десятки тысяч лет назад Валькары переселили сюда арраков, с далекой окраины Галактики; с тех пор они верой и правдой служат Валькарам, и только им. Ты все еще жив, — и это доказывает, кто ты есть на самом деле.

Сохмсей бросил на Рольфа косой взгляд и шепнул Беннингу:

— Я знаю его... его зовут Рольф. Будет ли твоя воля, чтобы он жил, господин?

— На то будет моя воля, — ответил Беннинг.

Глубокое сомнение точило его душу. Эти существа, легкость, с которой он освоил язык, инстинктивное знание, как держать себя, загадка Гринвилла... может быть, все это правда? Может, он настоящий Валькар, повелитель этого города, наследник павшей Империи, которая некогда правила миллиардами звезд?

Но нет! Человек должен верить в подлинность своего «я», иначе он погиб. Настоящим был Нейл Беннинг, и только его жизнь была реальностью. Пусть арраки не люди, но их, как и людей, можно одурачить внешним сходством. Просто Рольф удачно выбрал двойника, вот и все.

Он высказал эти соображения по-английски, но смуглолицый великан покачал головой.

— Упрямство всегда было твоим главным недостатком, — заметил он. — Спроси хоть у Сохмсея. — Рольф перешел на свой язык и продолжал: — Они проводят тебя домой, Кайл. Я возвращаюсь. Скоро появятся остальные, и я должен встречать их на плато. Когда соберутся все, я приведу сюда капитанов.

Он отсалютовал толпе арраков и двинулся обратно по разрушенной дороге. Беннинг бросил взгляд вслед Рольфу, отвернулся и тут же забыл о нем. Все его страхи исчезли; он страстно хотел осмотреть город.

— Ты пойдешь домой, господин? — негромко спросил Сохмсей.

— Да, — ответил Беннинг, — я пойду домой.

Он прошел через ворота в сопровождении Сохмсея, скользнувшего по правую руку. Их окружила шумная толпа; Беннинг почти физически ощущал исходящее от нее обожание. Он подумал, что древние Валькары хорошо выбрали себе телохранителей — верных и преданных. Насколько верных, он выяснит позже.

Город, звездный Вавилон, казался огромным. Во вре-

мена расцвета здесь, должно быть, голова шла кругом от сверкающих красок, шума, блеска сокровищ бесчисленных миров. Перед мысленным взором Беннинга проплывали воображаемые картины: посольства, шествующие по этой, теперь разрушенной дороге — принцы Цефея... властители Бетельгейзе... вожди варварских племен с диких миров созвездия Геркулеса... Все спешат преклонить колени в Городе Королей, городе Валькаров... Но сейчас только тишина и красные сумерки наполняли улицы и развалины дворцов.

— Город снова оживет, — прошептал Сохмсей. — Теперь ты дома. И Беннинг коротко ответил:

— Да.

От центральной площади тянулись широкие проспекты. Беннинг шел впереди, ступая по истертым плитам; ноги его свиты клацали и шаркали по камням. В конце эспланады, у самого озера, вставал дворец из белого мрамора, нависал над всем городом, подавляя своими размерами и мощью. Беннинг шел к нему. Проспект вливался в огромную площадь; когда-то ее стерегли титанические статуи. Многие изваяния рухнули на треснувшие плиты; те, что остались стоять, были изувечены жестокой рукой времени. Но когда они возвышались здесь, целые и невредимые — могучие фигуры, устремленные к звездам, державшие солнца в гигантских руках, — их вид повергал в трепет, доказывая пришельцам с иных миров собственное ничтожество, беспомощность перед неодолимой мощью Империи. Беннинг подумал, что посольства достигали тронного зала, подготовленные должным образом.

Теперь руки статуй обломились и звезды выпали из них, глаза были запорошены пылью веков и слепы.

— Господин, — обратился Сохмсей к Беннингу, когда тот ступил на дворцовую лестницу, — пока ты отсутствовал, рухнула внутренняя галерея. Мы пойдем туда.

Он провел Беннинга к небольшой боковой двери. За ней оказались развалины и обломки. Огромные каменные блоки упали, обрушился и главный свод, теперь над головой зияло открытое небо. Но внутренние арки стояли по-прежнему, сохранились кое-где и стены галерей, украшенные удивительной резьбой. Главный зал, подумал Беннинг. Он мог вместить не меньше десяти тысяч человек. В его дальнем конце, в тусклом, кроваво-красном свете Беннинг разглядел трон. И изумился, почувствовав, как при виде этого запустения в нем поднимается гнев — неукротимый, яростный.

Сохмсей быстро шел впереди, и Беннинг следовал за ним, пробираясь между каменными завалами. Они миновали разрушенную галерею и оказались в низкой пристройке, выходящей на озеро. Беннинг догадался, что здесь находились личные апартаменты Валькаров. Пристройка довольно хорошо сохранилась; видимо, ее поддерживали в пригодном для жилья состоянии. Тут было чисто, заботливо прибрано; обстановка, сверкавшая металлическими арна-ментами, казалась неповрежденной.

— Мы все сохранили, — сказал Сохмсей. — Мы знали, что придет день и ты вернешься.

Беннинг медленно брел по пустынным комнатам. Здесь еще сильнее, чем в городе, он ощутил поступь тысячелетий, груз гордости и традиций, неизгладимый отпечаток тех, кто когда-то жил здесь, владел этим дворцом, этим городом, миром, Вселенной... Картины, странные безделушки, собрания причудливых вещей с иных планет усилили это чувство. Сокровища, забытые и брошенные всеми, кроме охранявших их арраки... Их вид наводил грусть...

Из высокого окна обширного покоя открывался вид на озеро. Обстановка, теперь слегка запущенная, была богатой, но без издешеств: книги, карты — обычные и звездные, — модели кораблей, машин.

Массивный стол, и рядом с ним старое кресло. Беннинг опустился в него, потертая кожа слегка скрипнула и привычно просела. Покой охватил его. Сквозь распахнутую дверь он увидел в другой комнате высокое ложе, на пурпурном пологе которого был изображен символ солнца. На левой стене между книжными полками висел портрет человека в полный рост. Его портрет.

Он вздрогнул от ужаса. Он чувствовал, как Нейл Беннинг начинает исчезать, словно стягивает маску, скрывающую другое лицо. Вскочив, он отвернулся от портрета, от привычно удобного кресла, от ложа с пурпурным пологом. Он с трудом удерживал Нейла Беннинга. Он вышел на террасу за окном, где мог дышать свободнее и думать яснее.

Сохмсей последовал за ним. Беннинг смотрел на темнеющее в красных сумерках озеро, и Сохмсей заговорил:

— Ты пришел домой, как когда-то твой отец, и стража возликовала, ибо многие поколения наши повелители отсутствовали и мы были так одиноки.

Одиноки? Станный пафос этих слов тронул сердце Беннинга. Эти разумные пауки, что хранили верность своим властителям — Валькарам, сонмы мертвых тысячелетий,

миновавших со дня падения Империи, ждали их в руинах древнего мира, ждали и надеялись. И наконец Валькар вернулся. Рольф рассказывал ему, как отец Кайла возвратился в Город Королей, на планету, которую другие в страхе избегали, чтобы его сын вырос, помня о былом величии.

— Господин, — продолжал своим свистящим шепотом Сохмсей, — в ту ночь, когда ты родился, твой отец положил младенца в мои руки и сказал: «Поручаю его тебе, Сохмсей. Будь его тенью, его правой рукой, его щитом».

— Так оно и было, Сохмсей.

— Да, после смерти твоих родителей я заботился о тебе. Я ненавидел даже Рольфа... он мог учить тебя человеческим искусствам, а я нет. Но сейчас, господин, ты другой...

Беннинг взглянул на него.

— Другой?

— Да, господин. Твое тело то же самое, но разум другой.

Беннинг вгляделся в странные темные зрачки, нечеловечески мудрые любящие глаза, и дрожь пробежала по его телу. Но тут сверху послышался свист. Он поднял голову и увидел сверкающую искорку, пересекающую огромный диск Антареса, она быстро снижалась к западу. Искорка росла на глазах, превратилась в корабль и скрылась за дворцом. Беннинг знал, что корабль опустился на плато.

Ему стало холодно, очень холодно, словно сумрачное озеро дышало морозом.

— Сохмсей, ты не должен говорить другим, что мой разум изменился, — прошептал он. — Если они узнают, меня убьют.

Еще один корабль промчался к плато. И еще один. Быстро темнело.

— Они не узнают, — сказал Сохмсей.

Беннингу по-прежнему было холодно. Эти арраки — не обладают ли они какими-нибудь парапсихологическими способностями? Может быть, благодаря им Сохмсей ощущает, что он — не Валькар?

Вскоре в темную комнату быстрыми шелестящими шагами вошел еще один аррак. Он был меньше и светлее Сохмсея, с более тусклым узором на коже.

— Это Киш, мой сын, — сказал Сохмсей. — Он молод, но подает надежды. После моей смерти он будет служить Валькарам.

— Господин, — сказал Киш и склонил голову, — человек по имени Рольф и другие люди илут сюда. Должна ли

стража позволить им войти?

— Пусть войдут, — ответил Беннинг. — Веди их сюда.

— Не сюда, — возразил Сохмсей. — Здесь неподобающее место. Валькар принимает слуг, сидя на своем троне.

Киш умчался прочь. Сохмсей провел Беннинга через мрачные переходы, руины и развалины. Беннинг был рад, что у него есть надежный проводник; иначе он постоянно спотыкался бы о рухнувшие каменные плиты. Когда они достигли тронного зала, туда уже входили арраки с факелами.

Их ровное багровое пламя почти не разгоняло темноту, но через большой пролом в потолке две желтые луны лили слабый призрачный свет. В этом обманчивом сиянии Беннинг последовал за Сохмсеем к черному каменному трону. На нем не было резьбы — и это отсутствие украшений свидетельствовало о гордости — слишком большой, чтобы требовалось подчеркивать ее. Беннинг уселся на трон, и среди арраков послышался свистящий восторженный шепот.

Пожалуй, решил Беннинг, можно почувствовать себя королем, сидя здесь, на троне. Сквозь разрушенный вход он видел строй застывших колоссов и факелы других арраков, освещавших дорогу Рольфу и капитанам. Было так легко вообразить, что это идут великие принцы с далеких звезд, аристократы и купцы могущественной галактической империи древних времен, несущие дань из неведомых миров своему повелителю...

Повелителю? Повелителю этого мертвого города в разрушенном затерянном мире. Его подданные — лишь арраки, собаки Валькаров, сохранившие верность, хотя за это время родились и умерли звезды. Его величие — только жалкое притворство, такой же фантом, как и давно умершая Старая Империя...

Руки Беннинга стиснули каменные подлокотники. Слишком часто он стал думать так, как мог бы думать сам Валькар...

«Ты — не король из рода королей, — свирепо напомнил он себе. — Ты просто человек, попавший в лапы Рольфа, которого он использует в своих интересах... если ты позволишь ему».

В огромном зале появился Рольф в сопровождении человек двадцати, их окружали факелоносцы. Вошедшие искоса поглядывали на арраков. Страх перед ними был жив по-прежнему — вот почему этот древний мир так редко посещается.

Сейчас Беннинг мог разглядеть лица вошедших. За исключением капитана Бехрента и нескольких офицеров с его корабля, все остальные были ему незнакомы и представляли довольно пеструю компанию. Некоторые выглядели как настоящие воины, солдаты, преданные делу, которому они решили служить. Другие имели вид отъявленных негодяев, готовых ради выгоды продать кого угодно и что угодно. Они остановились шагах в десяти и устремили взгляды вверх, на черный трон, где сидел Беннинг; а рядом с ним укрывался в тени Сохмсей.

— Привет Валькару! — воскликнул Бехрент, остальные нестройно подхватили.

Рольф шагнул к трону. Он тихо сказал по-английски:

— Позволь мне руководить ими. Думаю, мне удастся добиться их согласия.

— Согласия на что? — спросил Беннинг сердитым шепотом.

— На рейд к Ригелю, — спокойно ответил Рольф. — Нам это необходимо, Кайл. Там Джоммо, и только он способен вернуть тебе память. А когда ты все вспомнишь, мы получим Молот.

Беннинга ошеломила невероятная дерзость этого плана. С горсткой людей совершить налет на Ригель, столицу Новой Империи — да это же совершеннейшее безумие!

Потом в голове у него мелькнула новая мысль — раз Рольф предложил такой план, значит, все же... Впрочем, может быть, Рольф ведет более тонкую игру, чем ему кажется.

Великан почтительно склонился перед Беннингом и повернулся, чтобы представить капитанов.

— Берегись, — внезапно прошептал Сохмсей. — Среди них предательство и смерть.

Беннинг вздрогнул. Он вспомнил странные парapsихологические способности аррака и почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Рольф выпрямился, и его голос загремел в огромном зале:

— Я рассказал им о твоём замысле, Кайл! И уверен, что каждый присутствующий здесь капитан последует за тобой!

ГЛАВА 6

Слова Рольфа вызвали рев одобрения, и один из этих странных капитанов, высокий смуглый мужчина, шагнув вперед, преклонил колено перед тронем. Улыбка, игравшая на обветренном лице, настолько явно свидетельствовала о его пороках, что Беннинг был просто очарован.

Капитан воскликнул:

— Я последую за любым, кто рискнет похитить императрицу! Джоммо тоже неплохая добыча, но Терения!.. Если ты справишься с этим, Валькар, то вернешь себе трон.

Беннингу едва удалось скрыть изумление. Так вот какой удар хочет нанести Рольф! Да, одно дело — совершить налет на столицу и схватить Джоммо, но совсем другое — поднять руку на суверена. Однако в голове у него невольно всплыла другая мысль: «Терения — вот ответ! Получить ее — значит получить звезды!» Беннинг решил, что как бы он ни относился к Рольфу, в отсутствии смелости его похитителя упрекнуть нельзя.

Смуглый человек у подножия трона поднялся.

— Я — Хорк, капитан легкого крейсера «Звездный поток», команда — сто человек. Прими мою руку и верность, Валькар.

Беннинг взглянул на Сохмсея.

— Этот?

Аррак покачал головой. Взгляд его странных блестящих глаз был устремлен на капитанов.

Беннинг поклонился и сказал Хорку:

— Положим, я захвачу власть в Империи. Что ты потребуешь за свою помощь?

Хорк расхохотался.

— Во всяком случае, не одну лишь благодарность! Я следую за тобой не по велению сердца, а по зову золота. Ясно?

— Вполне, — ответил Беннинг и пожал протянутую руку.

Хорк отступил, и Беннинг обратился к Рольфу:

— Ты говорил им о деталях плана?

Великан отрицательно покачал головой.

— Отложим это до окончательного совещания. Когда они свяжут себя обязательствами...

— Мудро, — заметил Беннинг.

Рольф остро взглянул на него.

— Я мудр, Кайл. Немного понадобится времени, чтобы ты убедился в моей мудрости и осторожности.

Подошел другой капитан, и Рольф спокойно продолжал:

— Ты должен помнить капитана Вартеса, который и раньше сражался за тебя.

— Конечно, я его помню, — солгал Беннинг. — Добро пожаловать, Вартес, — он протянул руку.

Вартес был одним из тех капитанов, которые выглядели словно старые солдаты, верные до последнего дыхания; но Беннинг вспомнил о добром принце Чарли — с надеждой, что его судьба сложится более удачно. Сейчас он влип по уши в собственную авантюру, нравилось ему это или нет. И победа — единственный способ выкарабкаться из нее живым. Так что он обязан победить, если это в человеческих силах. Совесть не слишком мучила его. Терения, Джоммо, Новая Империя — в конце концов, для Беннинга это были всего лишь слова.

Ему все больше нравилось восседать на троне. Капитаны приближались один за другим и пожимали ему руку. Некоторые выглядели негодяями, другие — честными людьми, и каждый раз Беннинг бросал взгляд на Сохмсея, который наблюдал за подходившими и словно к чему-то прислушивался. Наконец осталось лишь четверо. Беннинг вглядывался в их лица. Трое, судя по виду, могли продать родную мать, и он решил, что предателем является один из них. Четвертый, рассудительный на вид человек с открытым лицом, в форменной тунике, уже преклонил колено, и Рольф сказал:

— Зурдис прикрывал твое отступление у...

Внезапно Сохмсей прыгнул вперед с пронзительным криком, от которого кровь стыла в жилах, и его когтистые пальцы сомкнулись на горле Зурдиса.

В зале послышались восклицания ужаса, люди подались к трону. Арраки в темных нишах тоже зашевелились и двинулись вперед. Беннинг встал.

— Спокойно! И вы, мои верные стражи, стойте!

Воцарилась напряженная, как тетива лука, тишина. Беннинг слышал за спиной тяжелое дыхание Рольфа; внизу, у подножия трона, застыл коленопреклоненный Зурдис. Сохмсей улыбнулся.

— Господин, вот он!

— Пусть встанет, — приказал Беннинг.

Сохмсей неохотно убрал руки. Там, где когти пронзили кожу, проступили капельки крови.

— Так, — сказал Беннинг, — Значит, один из моих капитанов, моих верных солдат, предал меня.

Зурдис не ответил. Он посмотрел на Сохмсея, на далекую недоступную дверь и снова на Беннинга.

— Рассказывай, — приказал Беннинг. — Рассказывай, и побыстрее, Зурдис.

— Это клевета! — воскликнул тот. — Пусть эта тварь уберется! Какое у нее право...

— Сохмсей, — мягко сказал Беннинг.

Аррак протянул руки, и Зурдис с воплем скорчился. Он снова упал на колени.

— Ладно, — быстро произнес он, — ладно, я сам все расскажу. Да, я продал тебя, почему бы и нет? Что ты можешь дать мне, кроме ран, изгнания, смерти? Когда я получил от Рольфа известие о встрече, то обо всем сообщил Джоммо. И теперь над Катууном висит крейсер, ожидающий моего сигнала! Я должен был разузнать твои планы, твои силы, кто идет с тобой, а также — в самом ли деле вернулся истинный Валькар или ты самозванец, марионетка, нити от которой в руках Рольфа.

— И что же? — спросил Беннинг. Сердце его внезапно забилося сильнее.

Лицо Зурдиса, свирепое, бледное, исказила пародия на улыбку.

— Ты Валькар, все верно! И, полагаю, ты разрешишь своим грязным арракам поиграть со мной. Но это мало что тебе даст. На крейсере не отказались бы, конечно, услышать мой доклад, но если его не будет, они все равно спустятся. Это тяжелый крейсер класса А. Не думаю, что вы будете долго сопротивляться.

Среди капитанов снова прозвучали возгласы, в которых смешались изумление со страхом. Беннинг услышал, как Рольф выругался сквозь зубы. Один из капитанов крикнул:

— Надо попробовать убратся отсюда, пока на крейсере ждут его сигнал!

Люди потянулись к дверям. Беннинг понял — если они уйдут, его жизнь не будет стоить и ломаного гроша. Ради спасения собственной шкуры ему нужно в совершенстве сыграть роль Валькара. И он закричал, перекрывая шум:

— Стойте! Вы что, хотите, чтоб за вами охотились по всему космосу? У меня есть идея получше! — Он повернулся к Рольфу. — Забудь старый план, мы будем действовать иначе. Слушайте внимательно: мы хотим проникнуть в самое сердце Империи, хотим добраться до трона и стащить с него императрицу. Что может быть лучше, чем сделать все это с помощью их собственного корабля?

Постепенно они начали понимать его мысль. И чем дольше обдумывали ее, тем больше им нравились неожиданность и смелость замысла. Зурдис недоверчиво уставился на Беннинга, и внезапно в его глазах появилась надежда.

— Они ждут донесения, — продолжал Беннинг, — и получают его! — Спустившись вниз, он указал на Зурдису: — Тащи его, Сохмсей! Живого! Вместе с другими арраками следуй за мной — я объясню, как вы можете послужить Валькару. — Он повернул голову и вызывающе ухмыльнулся прямо в лицо Рольфу, который застыл на ступеньках трона. — Ты идешь?

Из груди великана вырвался ликующий смех.

— Я, — сказал он, — последую за тобой как тень, господин! — Впервые он назвал его так.

Хорк, смуглолицый капитан «Звездного потока», пронзительно вскрикнул: — Мы — твои охотничьи псы, Валькар! Веди нас, если тебе угодно захватить этот крейсер!

Остальные одобрительными криками поддержали капитана и следом за Беннингом вышли на ночные улицы в сопровождении факельщиков-арраков. У Беннинга, взиравшего на руины и поваленные статуи, залитые тусклым светом бледных лун, слышавшего за спиной шаги и возгласы готовых к схватке людей, мелькнула мысль: «Это лишь безумный сон, и когда-нибудь я обязательно проснусь. Но пока...»

Он повернулся к Рольфу и спросил по-английски:

— У тебя был какой-то план?

— О, да! Тщательно разработанный и хитрый... Возможно, он бы удался, но мы потеряли бы немало кораблей.

— Рольф!

— Да?

— Что ты им сказал? Чтобы привлечь к нам?

— Половину правды. Я говорил, что Джоммо — ключ к секресту Молота, украденному у тебя и что нам необходимо его вернуть. Думаю, не стоит объяснять им, что ключ — твоя память.

— Гм... Рольф!

— Да?

— Больше не отдавай распоряжений за меня.

— Теперь не буду, — спокойно сказал Рольф. — Пожалуй, я могу довериться тебе.

«А пока, — подумал Беннинг, — самозванец я или нет, придется играть роль Валькара, чтобы спасти шкуру Нейла Беннинга».

Они миновали главные ворота города. Там Беннинг остановился и бросил взгляд через плечо. В дальнем конце проспекта, освещенного множеством пылающих факелов, вырисовывался силуэт огромного дворца; скачущие языки огня с мрачным издевательством напоминали о жизни, прозябавшей в этом мертвом заброшенном мире. Беннинг кивнул и повернулся к своему отряду, отдавая приказы арракам и капитанам. Один за другим люди и нелюди исчезали в джунглях. Наконец рядом с Беннингом остались только Рольф, Бехрент и два аррака, Сохмсей и Киш, державшие Зурдису.

Они направились вверх по разрушенной дороге. Шагая по растрескавшимся плитам, Беннинг инструктировал Зурдису; капитан внимательно слушал его.

— Возможно, люди Зурдису попробуют его отбить, — сказал Рольф, и Беннинг кивнул.

— Бехрент и Хорк справятся с этим, за ними пойдут все другие команды. Не многим нравятся предатели, — заметил он.

— Я действовал один, — угрюмо произнес Зурдис. — К чему делить добычу? Все мои люди по-прежнему верны Валькару.

— Хорошо, — сказал Беннинг и повернулся к Бехренту. — Ты проверишь это.

Поднявшись на плато, Беннинг вместе со спутниками прошел прямо в радиорубку своего корабля. Он кивнул Зурдису на микрофон; за спиной капитана встал Сохмсей, прижав когтистые пальцы к его горлу.

— Сохмсей услышит твои мысли раньше, чем ты скажешь хоть одно слово, — произнес Беннинг. — И если ты опять попытаешься предать меня, то умрешь. — Он сделал повелительный жест. — Начинай!

Крейсер подтвердил получение вызова. Зурдис заговорил в микрофон медленно, ровным голосом:

— Здесь Зурдис. Сообщаю: человек, которого привез Рольф, не Валькар. Некоторые капитаны это поняли. Сейчас они спорят в тронном зале дворца. Они дезорганизованы, охрана отсутствует. Арраков там тоже нет. Если вы опуститесь у городских ворот, то сможете без труда захватить всех.

— Хорошо, — раздалось из приемника. — Ты уверен, что тот человек — не Валькар?

— Уверен.

— Я немедленно сообщу Джоммо. Это успокоит его. Однако жаль... Для меня было бы немалой честью захватить настоящего Валькара. Ладно, Рольф и все остальные — тоже неплохой улов. Мы сядем через двадцать минут. Держись в стороне.

Послышался щелчок, голос смолк. Зурдис бросил взгляд на Беннинга, тот повернулся к Сохмсею:

— Что в его мыслях?

— Господин, — ответил аррак, — он думает, как бы ускользнуть и предупредить команду крейсера. Он думает о многом, чего не может скрыть, и среди этих мыслей нет хороших.

— Убрать, — резко приказал Беннинг.

Арраки утащили Зурдису, Беннинг пристально посмотрел на Рольфа.

— Я не желаю бессмысленной жестокости, когда появится крейсер! Запомни это!

Они покинули рубку, и Рольф вручил ему оружие. Цереброшокоры не годились для серьезного сражения — у них был слишком ограниченный радиус действия. Оружие, которое Беннинг взял у Рольфа, напоминало короткоствольный пистолет и предназначалось для стрельбы разрывными пулями. Беннинг не был уверен, что сможет использовать его, хотя Рольф объяснил, как обращаться с оружием.

Когда они вышли из корабля, люди уже построились и ждали. Киш и Сохмсей встали за спиной Беннинга; они вернулись одни.

В прозрачном лунном свете отряд углубился в лесную чащу. Вдруг Беннинг крикнул:

— Прячьтесь! Они садятся!

Не успели его бойцы скрыться в темнеющих зарослях, как над их головами стремительно промчался огромный

черный призрак. На миг Беннинга охватила паника — ему казалось, что огромная масса рухнет на них, превратив отряд в кровавое месиво. Потом он понял, что стал жертвой оптической иллюзии. Ломая деревья, крейсер опустился в нескольких сотнях ярдов дальше — как и планировал Беннинг, между двумя его отрядами. Ураганный порыв ветра обрушился на лес, раздался треск ветвей, вокруг закружились листья. Потом воцарилась тишина, и Беннинг шепотом приказал двигаться вперед.

Солдаты уже строились около гигантских посадочных опор корабля. Очевидно, они не ожидали столкновения с противником; их больше заботило, как в темноте, через завалы, добраться до места. И когда сторонники Беннинга нанесли внезапный удар, враги оказались между молотом и наковальней. Все новые бойцы появлялись из леса и разверстого люка крейсера; началась стрельба, пули взрывались, словно маленькие звезды, и многие остались лежать среди поваленных деревьев. Вспыхнули прожектора, превратив лесную чащу в запутанный узор ослепительного света и черных теней, среди которых в дикой схватке метались люди и арраки. Сохмсей издал долгий протяжный вопль, и новые группы арраков появились на этот зов. Они мчались, как дети, которых позвали поиграть, и их странные глаза ярко сверкали.

С Беннингом во главе они ворвались в открытый люк крейсера, в шлюзовую камеру и дальше, в коридоры; они гнали перед собой перепуганных людей, топтали их ногами, выметая, словно метлой. Несколько арраков убили, немногих — ранили. Но Беннинг знал теперь, что его догадка оказалась правильной: его слуги, эти разумные пауки с детскими лицами, были страшными бойцами. Люди Новой Империи слышали о них только в легендах и старых сказках.

Лишь одно появление этих существ, их вид и вопли деморализовали всех, кроме самых храбрых, но и храбрейшие не устояли перед неодолимым натиском. Арраки, повинаясь приказу Беннинга, избегали убивать, если в том не было нужды, но в считанные минуты они подавили сопротивление. Сохмсей и Киш ворвались в радиорубку крейсера прежде, чем радист понял, что происходит.

Беннинг возвратился к люку. Он тяжело дышал, царапина на щеке слегка кровоточила, голова кружилась от возбуждения. Среди путаницы ветвей и стволов возникла фигура Рольфа. Разгоряченный схваткой, он тоже с трудом

переводил дух.

— Здесь сделано все, — произнес Беннинг.

Рольф, вытерев кровь, сочившуюся из уголка рта, довольно ухмыльнулся.

— И там тоже. Мы как раз заканчиваем.

Беннинг засмеялся. Он протянул руку, и Рольф стиснул ее в огромной ладони.

Арраки начали выводить людей из крейсера, конвоируя их к группе солдат, переживших побоище в лесу. Пленники казались ошеломленными, словно до сих пор не понимали, что произошло.

— Куда же теперь? — спросил Беннинг.

— Теперь, — ответил Рольф, — перед нами — Ригель и Джоммо. И тогда ты опять станешь Кайлом Валькаром, а в твоей руке будет Молот.

ГЛАВА 7

Тяжелый крейсер «Звездное пламя» мчался к Ригелю через мрак космической бездны.

На первый взгляд он был таким же, всегда — одним из самых быстрых и мощных космических кораблей имперского флота с гербом Империи, блестящим на борту, с полной командой, одетой в форму имперских солдат и вооруженной имперским оружием. Но все это являлось лишь уловкой.

— Вот шифровальная книга, — сказал Вольф. — Сигналы, пароли и так далее. Если нам немного повезет...

Тщательно составив послание, Беннинг отправил его по гиперпространственной связи. Рапорт почти мгновенно достиг Ригеля.

«Возвращаюсь с заговорщиками, почтительно прошу о соблюдении секретности, жду инструкций».

Он подписался именем капитана «Звездного пламени», который остался на Катууне под охраной арраков. Ответ пришел быстро.

Беннинг поднял взгляд к черным небесам, где далекая планета — сердце Империи — двигалась извечным путем вокруг своего светила. Там ничего не подозревали.

«Следуйте прямо к зимнему дворцу».

И подпись — Терения.

Рольф зло усмехнулся.

— Зимний дворец — лучше не придумаешь! Он находится в отдаленном месте, и рядом есть посадочная площадка. Там уничтожили твою память, Кайл... Ну, теперь мы им покажем! Правда, во дворце довольно много охраны...

— И очень прочные темницы, — заметил Хорк. — Не забывай об этом.

— Тебе лучше оставаться на корабле, — сказал Беннинг. — Если увидят твое честное лицо, мы сразу окажемся

под замком. — Он рассмеялся. Его возбуждение росло с каждой пройденной милей. Эта дикая авантюра могла привести в возбуждение любого человека. Но было и что-то еще. Предчувствие — и имя: Терения. Беннинг не понимал, звуки ее имени так действуют на него — но так было. Ему вдруг захотелось увидеть эту женщину, услышать ее голос, узнать, как она выглядит...

— Дерзкий побеждает, — тихо вымолвил Рольф. — Она ничего не подозревает... она захочет сама убедиться, что вы не Валькар. И с ней будет Джоммо. Он глава Совета и совсем не обязан присутствовать там, но он все равно придет. На то у Джоммо свои причины. Ему нужно проверить, что Зурдис сказал правду. — Рольф усмехнулся и медленно сжал пальцы в кулак. — Мы схватим обоих!

Напоминание о Джоммо заставило Беннинга вздрогнуть. Он совсем не жаждал встретиться с ним. Джоммо мог вынести окончательный приговор — реален ли Нейл Беннинг — и это его страшило. Он яростно убеждал себя, что бояться нечего: конечно, он — настоящий Нейл Беннинг, и никто не сумеет отнять его «я». Но страх оставался.

В ответ на усмешку Рольфа Хорк тоже оскалил зубы.

— Мы возьмем их, — прорычал он, — и вырвем тайну Молота! И если нас поведет Валькар, который знает, как пользоваться этим оружием... — смуглый капитан взмахнул рукой, бросая вызов обитаемым мирам Вселенной.

Молот? Беннинг тоже думал о нем. Он видел орудия крейсера, стрелявшие атомными зарядами, которые мчались быстрее света, и гиперпространственные радары — их невидимые лучи обнаруживали врага за миллионы миль. Даже это обычное вооружение имперского крейсера показалось ему чудовищным. Так насколько же ужасней был таинственный Молот, которого боялась вся Галактика?

Крейсер мчался вперед, приближаясь к сверкающей звезде, и напряжение на борту росло. Бехрент, служивший когда-то в имперском флоте, занимался обучением офицеров и команды, свирепо ругая подчиненных за каждую ошибку; он часто напоминал им, что без умения и выдержки их жизнь не будет стоять и ломаного гроша. Беннинг мало спал, бесконечно совещаясь с Рольфом, Хорком и другими капитанами. Часто он заходил и в рубку. И всегда за его спиной были Сохмсей и Киш.

Арраки отказались остаться в Катууне.

— Господин, — сказал Сохмсей, — однажды ты ушел без меня, и годы ожидания тянулись так долго.

Крейсер пересекал внешний пояс патрулей, охранявших столицу Империи. Их вызывали снова и снова, требуя сообщить позывные, и каждый сеанс связи мог оказаться гибельным. Однако ответные сигналы «Звездного пламени» не вызывали подозрений, патрули давали ему свободный проход. Уже сиял голубоватым светом Ригель, и корабль, сбрасывая скорость, мчался к третьей планете системы. Бехрент так рассчитал время, чтобы приземлиться у зимнего дворца вечером.

— Нам нужна темнота, — заметил Рольф. — Темнота и внезапность.

Когда они прошли внутреннее кольцо патрулей, Беннинг закодировал новое послание:

«Солнечное пламя» следует к месту назначения. Сигнал один!»

Ответ не заставил себя ждать:

«Проходите, «Солнечное пламя». Всем кораблям освободить путь».

Крейсер вошел в тень громадной планеты, и Ригель исчез из виду.

Нервное возбуждение Беннинга достигло предела и внезапно исчезло; холодное спокойствие овладело им. Нейл Беннинг или Кайл Валькар — он должен пройти через все и выяснить, кто же он на самом деле!

В коридорах звучали приглушенные голоса офицеров. Внизу, у люка, собрались десантники.

— Дежурным офицерам и команде оставаться на борту, — приказал Беннинг. — Будьте готовы к немедленному взлету. Повторяю: к немедленному. В любую минуту. — Он повернулся к Рольфу, Хорку и другим заговорщикам, Ландольфу с Тавном, которые должны были изображать охрану: — Вы получили все необходимые распоряжения. Остается четко выполнить их. Да сопутствует нам удача!

— Приготовиться к посадке! — раздался металлический голос из динамиков.

Беннинг посмотрел в иллюминатор. Они быстро снижались. Внизу тянулся огромный город, сверкающий разноцветными огнями; казалось, он занимал половину континента. За ним, во мраке, затопившем ночное полушарие, сияло еще одно пятно света.

— Зимний дворец, — произнес Рольф, и сердце Беннинга бешено забилось. Терения! Он негромко сказал:

— Всем быть наготове. Проверьте оружие и как следует спрячьте его. Пользуйтесь шокерами, старайтесь не уби-

вать без нужды. И помните: Терения и Джоммо нам нужны живыми. — Повернувшись к арракам, он предупредил: — Вас не должны заметить. Оставайтесь в тени, пока я не позову.

Тавн и Ландольф вызвали охрану — внушительный отряд, соответствующий важности момента. Беннинг накинул на голову капюшон; ожидая посадки, он стоял у шлюзовой камеры. Его сердце учащенно билось, дыхание было затруднено.

Корабль коснулся поверхности.

Раздалась четкая команда, затем ритмичный топот сапог; мнимые охранники вышли из корабля и образовали каре, в центре которого находились пленники. К ним присоединился отряд дворцовой стражи; затем солдаты двинулись через открытое посадочное поле к воротам дворца. Беннинг удовлетворенно отметил, что на поле нет других кораблей — видимо, его освободили для их огромного крейсера.

Двойной эскорт быстро миновал открытый участок, направляясь к белому портику, где был вход во дворец — великолепное здание, окруженное прудами и фонтанами. Беннинг снова почувствовал нервное возбуждение. Здесь десять лет назад дьявольское искусство Джоммо лишило памяти Валькара. Сейчас, спустя десятилетие, сюда пришел другой человек — Нейл Беннинг с далекой планеты Земля. Конечно, он — не Валькар, но все же...

Ночь была теплой, но дрожь пробежала по его телу.

— Лаборатория Джоммо, — наклонившись к Беннингу, шепнул Рольф, — в западном крыле, вон там.

— Прекратить болтовню, — рявкнул Ландольф, а Хорк грубо выругался.

Своды беломраморного портика нависли над ними. Беннинг бросил взгляд через плечо; две едва заметные тени скользнули меж деревьев.

За портиком находился большой зал, строгую красоту которого подчеркивала облицовка из светлого камня. Пол был выложен из полированного камня, черного, как горное озеро зимой; казалась, бездонная пропасть легла у их ног. Через равные промежутки в стенах виднелись высокие двери; в дальнем конце безупречным изгибом вздымалась вверх роскошная лестница. В центре зала их ожидал мужчина, а на ступеньках лестницы стояла девушка. Ее пристальный взгляд был устремлен вниз, на пленников и охрану.

Сначала Беннинг заметил мужчину и содрогнулся от

ненависти. Его лицо по-прежнему скрывал капюшон, и он смотрел из-под нависшего края на Джоммо, удивляясь, как молод этот человек, как не похож на бородатого согбенного годами знаменитого ученого. Джоммо был высок и мускулист, с сильным широкоскулым лицом. Беннинг подумал, что ему больше подошел бы меч, чем книги и перо. Однако пристальный взгляд серых глаз говорил, что перед ним государственный муж, обладающий и проницательностью, и огромными знаниями. Беннинг понял, что столкнулся с мощным интеллектом, который, по-видимому, далеко превосходит его собственный.

Эта мысль была словно вызов, и что-то в душе Беннинга шепнуло: «Посмотрим!»

Охрана отдала салют, лязг оружия и грохот сапог по мраморному полу казались неуместными в этом королевском чертоге. Беннинг перевел взгляд на лестницу и увидел женщину. Судорога перехватила его горло. Он забыл про Джоммо, о своем плане; он забыл обо всем, кроме Терении.

Беннинг внезапно ринулся вперед, едва не прорвав цепь дворцовой охраны. Он сбросил капюшон, скрывавший лицо, и услышал короткий вскрик Джоммо. Терения шагнула вниз по лестнице, губы ее прошептали имя...

Она была прекрасна. Она горела от гнева и ненависти. Казалось, внутри нее пылал костер, отблески которого окрашивали румянцем ее светлую кожу и заставляли глаза метать искры. И все же Беннинг почувствовал: кроме ненависти, их связывало еще что-то.

Терения спустилась вниз и шагнула на черный мрамор пола. Ее движения свободные, грациозные, ее лицо, сверкающие глаза, завитки волос на висках — все было знакомо Беннингу. Он снова рванулся вперед, к ней — и застонал сквозь зубы, почувствовав на плечах сильные руки охранников. Гнев и ненависть тоже охватили его — и странная обида, словно эта девушка в чем-то обманула его.

Но ведь он — Нейл Беннинг... Что значила для него эта красавица со звезд?

— Ты сделал глупость, — сказала она. — Я подарила тебе жизнь. Почему ты не захотел довольствоваться этим?

Беннинг мягко спросил:

— Ты называешь это жизнью? Но кто из людей смирился бы с потерей памяти?

Взгляд девушки обжег его. Беннинг подумал: если бы в ее руках был кинжал, она проткнула бы его сердце. Но голос Терении оставался ровным.

— На этот раз, — сказала она, — я не могу спасти тебя. И не хочу — даже если бы и могла.

Джоммо шагнул вперед и встал рядом с Теренией. Беннинг вдруг вспомнил рассказы Рольфа — достаточно, чтобы представить, что связывает их, всех троих; его память не сохранила подробностей, но он знал, что не ошибается.

Он рассмеялся.

— Да, в тот раз ты меня спасла, маленькая императрица, хотя вряд ли стоило это делать. И ты ждала меня все эти годы, не так ли? — Беннинг перевел взгляд на Джоммо. — Он уговаривал тебя стать его женой, но за все эти долгие десять лет так и не смог наложить свои руки на тебя и твой трон, верно?

Холодная ярость полыхнула в глазах Джоммо, и он понял, что удар почти попал в цель. Почти — ибо в сердце этого человека не таилось ни лжи, ни тщеславия — и Беннинг понял это. Джоммо был искренним. Не трон он хотел обладать, а Теренией. И эта мысль была невыносимой.

Беннинг бросился вперед и вцепился в горло Джоммо. Его рывок был таким стремительным, таким яростным, что охрана не успела вмешаться. Его сторонники ринулись на дворцовую стражу. Беннинг закричал, и дикий клич, подхваченный его бойцами, отразился от сводов зала: «Валькар! Валькар!» Имперские солдаты, пленники и люди с крейсера смешались в яростной схватке. Беннинг увидел изумление на лице Джоммо; затем тот все понял.

— Беги, Терения! — закричал он. Им нужна ты! Мы задержим их! Беги и позови подмогу!

Беннинг сжал его горло, и Джоммо больше ничего не успел сказать.

Терения испуганной ланью метнулась к лестнице. Лицо девушки побледнело, но самообладание не покинуло ее. Она бежала вверх по ступенькам, громко призывая охрану. В стенных нишах, украшавших лестничный пролет, стояли небольшие каменные вазы. На бегу Терения сбросила вниз одну, потом другую. Беннинг расхохотался. Ее волосы цвета пламени разметались по плечам. Беннинг хотел ее. Он хотел поймать ее сам, немедленно, — до того, как она успеет скрыться в верхних покоях и собрать охрану. Но сначала он должен покончить с Джоммо.

Джоммо был крепким человеком. Безоружный, он ухитрился выбить из рук Беннинга шокер, и теперь борьба шла на равных. Вокруг них кипело сражение, распадаясь на

отдельные поединки; толпа отрезала Беннинга от лестницы. Снаружи донесся шквал криков и выстрелов, означавший, что его основной десант захватил посадочную площадку; затем бойцы ворвались во дворец. Все шло хорошо, лучше, чем он мог надеяться, но нужно заполучить Терению. Если она ускользнет, весь план рухнет. Слишком много времени понадобится, чтобы обыскать весь огромный дворец. Кто знает, сколько здесь потайных ходов и секретных комнат? Властители никогда не пренебрегают своей безопасностью.

Беннинг попытался вырваться, но Джоммо крепко вцепился в него. В иступлении он торжествующе прорычал:

— Ты безумен, Валькар! Тебе ее не догнать!

Внезапно откинувшись назад, Беннинг освободил одну руку и нанес противнику сильный удар. Губы Джоммо окрасились кровью, ноги подкосились, но все же он устоял на ногах. Терения уже достигла верхней площадки.

— Ты проиграл! — выдохнул Джоммо.

Взбешенный Беннинг снова ударил его. На этот раз Джоммо зашатался и упал. Но он потянул за собой Беннинга, продолжая сжимать его горло. Они покатались по полу под ногами сражавшихся. Гнев туманил сознание Беннинга, древняя первобытная ярость зверя, терзающего жертву. Его руки сомкнулись на жилистой шее Джоммо, и они сплелись в смертельной схватке на мраморном полу, пока Рольф и Хорк не растащили их.

Зал был полон людьми Беннинга. Дворцовая стража сложила оружие; побежденные сгрудились в углу, угрюмо уставившись в пол. Беннинг облегченно вздохнул, не обращая внимания на резкую боль в гортани, потом посмотрел на лестницу. Терения исчезла.

— Нам необходимо найти ее, — сказал Рольф. — И быстро.

— Арраки помогут, — отозвался Беннинг и хрипло позвал их. Снова обернувшись к Рольфу, он бросил: — Пусть несколько человек стерегут Джоммо. И как следует! — Беннинг побежал вверх по лестнице; через минуту его догнали арраки. — Ищите ее! — приказал он. — Ищите! — И они, как две большие гончие, бросились вперед, по следу императрицы.

В верхних покоях было тихо. Слишком тихо. Где же стражники, слуги и прочая челядь, что всегда заполняет королевские дворцы? Беннинг мчался, напряженно вслушиваясь в тишину, а Киш и Сохмсей, которые двигались

гораздо быстрее его, многоногими тенями скользили по всем боковым коридорам.

— Не здесь, — резко бросил Сохмсей на бегу. — Не здесь... Не здесь... Не... Да! Здесь!

Дверь. Закрытая, как и все остальные. Беннинг рванулся к ней, и Киш едва успел схватить его за руку.

— Они ждут, — сказал он. — Внутри.

Беннинг достал пистолет, от души надеясь, что им не придется воспользоваться. Рядом, в конце коридора, он заметил окно и выглянул наружу. Внизу все было спокойно. Крейсер мирно возвышался на посадочной площадке, окруженный тусклым сиянием посадочных огней. Футах в двадцати от Беннинга в стене было другое окно. Он подумал, что как раз за ним может находиться нужное помещение, и указал на него Сохмсею.

— Сможешь добраться туда?

Аррак засмеялся своим удивительным мягким смехом.

— Сосчитай трижды до десяти, господин, прежде чем ломать двери. Киш!

Оба аррака, темные паукообразные фигуры, скользнули в темноту. Беннинг слышал доносившееся снаружи сухое дробное клцанье когтей по камню широкого карниза. Он начал считать. Из-за поворота коридора появились Рольф и Хорк; за ними шли шесть-семь человек, охранявших Джоммо. Беннинг встал перед дверью.

— С нами Джоммо! — крикнул он. — Не вздумайте стрелять, если не собираетесь его прикончить!

— Нет! Не щадите меня! — вопль Джоммо был полон отчаяния.

Рольф ударил его в челюсть. Беннинг склонился ближе к двери.

— Вы слышали? В ваших руках его жизнь — впрочем, и ваши собственные тоже. — Ему показалось, что он услышал голос Терении, отдавшей какой-то приказ. Тридцать. Сейчас.

Он ударил в дверь ногой, попав прямо по замку, и невольно сжался, ожидая ураганного огня. Но не раздалось ни единого выстрела. Зато Беннинг услышал пронзительный женский визг. Еще один удар — и дверь распахнулась; перед ней стояло с полдюжины дворцовых стражников, стволы их ружей смотрели в пол. В следующий миг Киш и Сохмсей ворвались через окно, и охрану ошеломили вопли мужчин и визг женщин, пытавшихся скрыться от арраков. Терении среди них не было.

За группой смешавшихся слуг и стражников находилась дверь; очевидно, она вела во внутренние покои. Беннинг ударами и пинками расчищал себе дорогу, но арраки были ближе и достигли ее быстрее. Они распахнули высокие белые створки, и Беннинг увидел широкое ложе, занавешенное пологом из желтого шелка, толстые ковры на полу и богатую изящную мебель. Стены снежно-белые у потолка, внизу были закрыты панелями, обтянутыми желтой парчой под цвет полога. Одна из панелей еще двигалась — видимо, потайная дверь только что была открыта.

Ни один человек не успел бы достичь этой суживающейся щели вовремя, но арраки не были людьми. К тому времени, когда Беннинг с трудом пробился в комнату, они вновь откатали панель и исчезли в проходе, темневшем за ней. Беннинг слышал дробный топот их ног; потом донесся крик ужаса, приглушенный узкими стенами коридора.

Сохмсей вернулся в комнату, держа в руках обмякшее тело Терении. Он выглядел огорченным.

— Прошу прощения, господин, — сказал он. — Мы не причинили ей вреда. Но с вашими женщинами такое случается часто.

Беннинг улыбнулся.

— Она скоро придет в себя, — сказал он и протянул руки. — Отлично сделано, Сохмсей. Где Киш?

— Пошел разведать потайной ход, — ответил аррак, осторожно передавая Терению Беннингу. — Он почувствует, если там затаилось что-нибудь опасное.

Беннинг кивнул. В его объятиях лежала Терения. Он чувствовал тепло ее тела, слышал биение сердца. Ее шея была белоснежной и гибкой, огненные волосы тяжелой массой свисали вниз, темнели густые ресницы опущенных век. Он не хотел никуда идти. Он желал только одного — стоять так вечно; стоять, держа на руках Терению.

Суровый голос Рольфа прозвучал за его спиной:

— Идем, Кайл. Нам еще много надо сделать.

Вернулся Киш, его дыхание было тяжелым.

— Ничего, — доложил он. — Там все спокойно, господин.

— Нам понадобятся арраки, Кайл, — сказал Рольф.

Беннинг вздрогнул, и холодок пробежал по его спине. Пришло время — тот час, которого он так боялся.

ГЛАВА 8

Они находились в лаборатории — такой, какую Беннингу никогда не доводилось видеть раньше. Все оборудование скрывали щиты и кожухи, и можно было только догадываться о назначении и сложности этих огромных машин и установок. В помещении, вытянутом, с высоким потолком, было чисто и тихо.

Беннинг понимал, что лишь великий ученый мог занять такое выдающееся положение в огромной звездной империи. Сейчас Рольф что-то резко, отрывисто приказал этому человеку. Джоммо выслушал с каменным лицом. Махнув рукой, Рольф отослал Хорка проверить, как обстоят дела с пленниками, однако оба аррака остались. Они стояли наготове, внимательно поглядывая по сторонам.

Терения уже очнулась. Она сидела в кресле, пылающие глаза на бледном лице следили за Беннингом. Она смотрела только на него, не обращая внимания на остальных.

Рольф умолк, и Джоммо медленно произнес:

— Так вот оно что... Мне следовало бы догадаться.

— Нет, — сказала Терения и с силой добавила: — Нет! Мы не вернем память Валькару — он может уничтожить Империю!

— У вас слишком ограниченный выбор, — зловеще предупредил Рольф.

Горящий взор Терении не отрывался от лица Беннинга. Она горько сказала, обращаясь к нему:

— Однажды ты едва ли добился успеха. Верно? Ты явился сюда с тайным знанием, завещанным тебе отцом, обманом добился у меня позволения порыться в архивах, нашел там путь к Молоту и скрылся... насмехаясь над нами, надо мной!

— Я?

— Ты! И ты использовал самую дешевую уловку, самую

древнюю ловушку, в какую мужчина может заманить женщину!

— Терения, — начал Джоммо, но она продолжала, не взглянув на него:

— Ты просто чуть-чуть промедлил. И это чуть-чуть спасло Империю! Мы схватили тебя, и Джоммо уничтожил твою память. Нам следовало уничтожить тебя самого!

— Но вы этого не сделали, — сказал Беннинг.

— Да, не сделали. Мы ненавидим убийство — этого не понять наследнику Старой Империи. Мы оказались настолько глупы, что подарили тебе ложную память вместе с жизнью и отправили на окраинную планету. И решили, что ты больше не опасен. Я, я во всем виновата!

Рольф гневно прорычал:

— Вы удачно убрали его с дороги, вселенские миротворцы! Чтобы найти его, мне понадобились долгие годы поисков на Земле!

Терения медленно перевела взгляд на мрачного гиганта.

— А теперь, когда у тебя есть Валькар, ты хочешь вернуть ему память, а потом добраться до Молота?

— Да, — отрезал Рольф, словно волк лязгнул зубами. — Слушай, Джоммо, — повернулся он к ученому, — ты можешь восстановить его память. И ты это сделаешь. Ты сделаешь это потому, что не захочешь увидеть Терению мертвой.

— Я знал, что ты станешь угрожать этим, — ответил Джоммо.

— Так что же?

Джоммо с тоской посмотрел на Терению. Через несколько секунд его плечи опустились и он склонил голову.

— Ты сам сказал, что мой выбор ограничен.

Беннинг похолодел, сердце его бешено застучало. Он хрипло спросил:

— Сколько времени займет эта... эта процедура?

Секунды, часы, столетия — сколько времени понадобится, чтобы изменить «я» человека? Предположим, что весь этот невероятный сон — правда и Нейл Беннинг — всего лишь имя, фикция, фантом... Что останется от него? Сохранится ли память человека, который в действительности не существует?

Джоммо медленно выпрямился, лицо его застыло. Бесцветным голосом он ответил:

— Час... Возможно, меньше.

Терения недоуменно посмотрела на него. Казалось, она не верила своим ушам. Потом она яростно закричала:

— Нет! Я запрещаю тебе, Джоммо, слышишь?! Я запрещаю! Пусть они...

Сохмсей легко коснулся своими когтистыми пальцами ее плеча, и она замолчала, задышавшись от отвращения. Аррак сказал:

— Господин, когда ее губы произносят гневные слова, мысли ее говорят о надежде. Тут притворство... Они что-то задумали.

Рольф со свистом втянул воздух.

— Я так и думал, что Джоммо слишком легко согласился. — Он поочередно посмотрел на пленников. — Однако все выйдет наружу. С арраками ложь бесполезна.

Терения отпрянула от Сохмсея, но промолчала. Джоммо пожал плечами, его лицо по-прежнему казалось каменным. Беннинга восхищала его выдержка.

— Арраки, — произнес Джоммс, — без сомнения, хорошие слуги, но слишком усердные. — Он посмотрел на Беннинга. — Ты хочешь вернуть память. Я согласен. Большого я сделать не могу.

— Час, — задумчиво сказал Беннинг. — Возможно, меньше. — Он шагнул к Терении. — Что может произойти в течение следующего часа? Чего вы ждете?

Открытый взгляд горящих глаз был устремлен прямо на него.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. И прошу, прикажи этому существу больше не дотрагиваться до меня.

— Что-то должно случиться, — подозрения мучили Беннинга. — Что-то очень важное... такое, что может спасти их.

Сохмсей тихо произнес:

— Мысли ее скажут. Язык не говорит правды.

Ярость, иррациональная, бешеная, охватила Беннинга. Он потряхнул Терению за плечи.

— Чего ты ждешь?

— Подожди — и увидишь!

— Терения! — предостерег Джоммо, и Сохмсей усмехнулся.

— Они думают о корабле.

Рольф выругался.

Конечно же, они должны были послать за другими членами Совета Империи, чтобы совместно решить их судьбу! И если только порядки не изменились, это означает появле-

ние тяжелого крейсера класса А под командованием адмирала.

— Скоро? — Беннинг повернулся к Джоммо.

— Пять минут, час... я не могу знать точно:

— Но вы по-прежнему остаетесь заложниками, — свирепо напомнил Рольф.

Джоммо кивнул.

— Это сделает ситуацию забавной.

— Но не слишком благоприятной для нас, — откликнулся Беннинг. — Рольф, нам надо убираться отсюда.

Рольф удивленно посмотрел на него.

— Только после того, как Джоммо вернет тебе память!

— Джоммо, — решительно сказал Беннинг, — может сделать это и на нашем корабле, не так ли? Мы уходим. — Он повернулся к арракам. — Киш, передай приказ Хорку и остальным готовиться к отлету. И поскорее приведи сюда несколько человек. Они понесут оборудование Джоммо! Ты покажешь, какие аппараты необходимы. Постарайся ничего не забыть, если тебя волнует судьба твоей императрицы.

Складка у губ Джоммо стала глубже; казалось, самообладание вот-вот покинет его. Он посмотрел сначала на Сохмсея, который наблюдал за ним с пристальным интересом, потом на Рольфа и Беннинга; в его взгляде горела такая ненависть, что Беннинг чуть не вздрогнул. Наконец глаза ученого остановились на Терении.

— Оставьте ее здесь, — сказал он. — Умоляю вас...

— Ей ничего не грозит... во всяком случае, не больше, чем нам, — ответил Беннинг и добавил, обращаясь к Терении: — Поверь, я сожалею. Это не входило в мои планы.

Девушка прошептала:

— Я не собираюсь отказываться... Может быть, я сначала увижу тебя мертвым, а потом умру сама... — Похоже, она говорила искренне.

Внезапно сомнение и чувство вины охватили Беннинга. Он шел к цели напролом, не слишком задумываясь при этом об этике. Ему, землянину, все эти интриги столетней давности казались всего лишь игрой, невероятным сном, а человек не слишком задумывается о своем поведении во сне. Но теперь игра кончилась и персонажи фантазмагорического представления превратились в живых, реальных людей. И Терения, и Джоммо, и он сам, тень неведомого, но грозного Валькара, внезапно обрели бытие. Беннинг впервые почувствовал, что его действия могли повлечь нево-

образимые последствия, могли повлиять на жизнь миллиардов людей, обитавших в мирах, о которых он никогда не слышал, и его устрасила гигантская тяжесть ответственности. Теперь, в эту последнюю минуту, он понял, что такая ноша ему не по силам.

— Рольф, — начал он, — я...

В распахнувшуюся дверь ворвался Киш.

— Сообщение, господин. Радар «Звездного пламени» засек приближающийся корабль, и Бехрент просит, чтобы мы поторопились вернуться на борт.

Беннинг беспомощно взглянул на Терению. У него не было выбора. Девушка необходима ему; она — залог его собственной жизни и жизни его людей. Время подумать об этике придет позже.

— Ладно, передай это капитанам и веди сюда людей.

— Они уже здесь, господин.

— Хорошо, — он повернулся к Джоммо.

— Поторопись и не пытайся схитрить. Сохмсея не обманешь. — Он снял свой плащ с капюшоном и набросил его на плечи Терении. — Сейчас я отведу тебя на корабль.

Теперь она даже не посмотрела на него и ничего не сказала.

Когда Беннинг взял девушку за руку и двинулся к выходу, она пошла рядом, прямая и гордая, уделяя ему не больше внимания, чем плиткам паркетного пола под ногами. Однако Беннинг почувствовал, как она вздрогнула от его прикосновения.

В нижних залах дворца и снаружи, в парке, царила напряженная деятельность. Люди Беннинга длинными колоннами тянулись к кораблю, а разоруженные и беспомощные дворцовые стражи провожали их угрюмыми взглядами. Когда на ступенях портала появилась Терения, толпа охранников возбужденно зашевелилась. Хорк отдал команду — и плотные ряды бойцов с угрожающе поднятым оружием окружили пленную императрицу.

Свежий ночной воздух охладил щеки Беннинга. В темном небе сияли только россыпи звезд, но он знал, что там, издалека, опережая свет, к ним мчится опасность. Он поторопил Терению. Деревья и фонтаны парка остались позади; они вышли на посадочную площадку, где стоял крейсер — с распахнутыми, ярко освещенными люками. Беннинг, крепко придерживая Терению за локоть, тревожно думал, найдет ли Рольф нужное оборудование, далеко ли вражеский корабль, сколько времени у них осталось.

В воздушном шлюзе дежурил Скраун. Он распоряжался спешившими на борт людьми, стараясь не допускать затора в небольшом помещении. Увидев Беннинга, он доложил:

— Капитан будет рад видеть вас в рубке, сэр.

Его голос звучал напряженно, офицер был явно обеспокоен. Беннинг резко толкнул Терению в коридор и, разыскав первую же свободную каюту, запер в ней девушку и выставил у двери охрану. Потом он поспешил в рубку.

Бехрент, вышагивавший взад и вперед перед огромным пультом, выглядел мрачнее ночи. В рубку то и дело вбегали офицеры и ординарцы. Техники застыли у контрольных панелей.

— Какова ситуация? — спросил Беннинг.

Капитан раздраженно рубанул рукой воздух.

— Уже сейчас, — заявил он, — нам придется лететь прямо под дулами их орудий. — Он посмотрел через иллюминатор на людей, метавшихся внизу. — Что они там делают! — прорычал он. — В игрушки, что ли, играют? Клянусь, я захлопну люки и оставлю их...

Розовощекий ординарец, у которого глаза выпрыгивали от возбуждения, влетел в рубку и выпалил, обращаясь к Беннингу:

— Рольф только что поднялся на борт и велел передать вам, что все в порядке. Он сам присмотрит за пленными.

— Хорошо, — сказал Беннинг. — От тоже посмотрел в иллюминатор. — Отправляйся вниз и скажи, чтобы поторопились с погрузкой. Взлет через пять минут.

Появился другой ординарец и принес сообщение с поста радарного контроля. Бехрент прочитал записку, и краска сошла с его лица, внезапно ставшего бесконечно усталым. Он протянул Беннингу клочок бумаги.

— Если вы посмотрите на небо, то увидите крейсер прямо над головой.

— Пусть прилетает! — вскричал Беннинг; гнев переполнял его.

Бехрент поднял глаза.

— Но через две минуты после приземления они узнают о нас, и тогда...

— Две минуты, — прервал его Беннинг, — вполне достаточное время, если мы будем шевелиться.

Лицо капитана озарилось мрачной усмешкой.

— Вы все тот же, Валькар! Что ж, попробуем... Но патрули будут предупреждены раньше, чем мы выйдем в открытый космос.

— Подумаем о патрулях, когда дело дойдет до них, — ответил Беннинг.

Бехрент рывкнул в микрофон системы оповещения:

— Расчеты световых орудий — по местам! Немедленно! Иначе, клянусь...

«Вы все тот же, Валькар!» Какая ирония, подумал Беннинг. Он отложил последнее испытание своего истинного «я», но то была лишь отсрочка.

В рубку, хмурясь, втиснулся Рольф.

— Так мы собираемся драться?

— Мы собираемся ускользнуть от крейсера, а не драться, — ответил Беннинг. — По крайней мере, попробуем. Как Джоммо?

— Я запер его вместе с Теренией и оставил охрану, — сказал гигант. — Аппаратура в другом месте, тоже под охраной.

— Это правильная машина, господин, — добавил Сохмсей, проскользнувший в рубку вслед за Рольфом. — Я читал его мысли.

— Надеюсь, мы проживем достаточно долго, чтобы испытать ее, — сквозь зубы произнес Беннинг. Он бросил взгляд на верхний видеоэкран, где виднелось усеянное звездами небо. Бехрент тоже смотрел туда. На корабле все стихло. Каждый человек занял свое место по стартовому расписанию; не слышалось ни звука, кроме глухого, еле уловимого жужжания двигателей.

Высоко в небе возникло темное пятно, закрывающее звезды. Оно вырастало с ужасающей быстротой, стремительно превращаясь в огромную темную массу, что неслась вниз, прямо на них; казалось, рушится сам небосвод. Корпус «Звездного пламени» слегка покачнулся, когда тяжелый крейсер, сбрасывая скорость для посадки, завис в сотне ярдов от корабля.

— Старт! — рывкнул Бехрент.

Они взлетели в тот же миг, когда другой крейсер коснулся площадки. Беннинг впился глазами в изображение, скользившее на большом изогнутом экране; он словно пытался предугадать свою судьбу — жизнь или смерть. Он смотрел на дворец, на удаляющуюся планету, когда услышал резкую команду Бехрента:

— Огонь!

Дворец, посадочное поле, резко очерченные формы только что приземлившегося корабля — все внезапно озарилось ярчайшим светом. Фокус этой яростной вспышки

пришелся на хвостовую часть крейсера, потом свет ослабел и исчез. Их собственный корабль мчался так быстро, что в течение нескольких секунд огромное здание дворца превратилось в точку и пропало из вида.

— Сделано! — ликующе воскликнул Рольф. — Команда невинна, но теперь они не смогут преследовать нас!

«Звездное пламя» летел через теневой конус планеты, и Беннинг слышал из радиорубки голос оператора:

— Очистить проход восемнадцать — чрезвычайный случай, очистить немедленно... Очистить проход восемнадцать, проход восемнадцать...

Они вырвались из тени в ослепительное сияние Ригеля. Огромное бело-голубое солнце осталось позади; они мчались в открытый космос, а мимо проплывали светлячки внешних планет.

— Удрали — с Теренией на борту! — вскричал Рольф и с силой хлопнул Беннинга по плечу. — Мы им покажем, что Старая Империя жива!

— У капитана в мыслях нет радости, — шепнул Сохмсей.

Перед этим Бехрент ушел в радиорубку и теперь возвращался с невеселой усмешкой на изборожденном морщинами лице.

— Я бы не стал праздновать сейчас победу, — угрюмо заметил он. — Внешние патрули уже предупреждены и держат нас в лучах радаров.

— Проклятье! — взревел Рольф. — Пойдем прямо на заслон — там ведь только легкие крейсера!

— Погоди, — прервал его Беннинг. — Радиус действия наших орудий больше, чем у них, верно? Если мы поставим перед собой огневой барьер, они не смогут ответить и будут вынуждены убраться.

— Все зависит... — начал Бехрент, но вдруг замолчал, потом одобрительно кивнул головой: — Стоит попытаться. Им не сообщили, почему нас нужно задержать, иначе они пошли бы на все. Но в такой ситуации... Не закончив, он подошел к микрофону внутренней связи, вызвал пост управления огнем и стал отдавать приказы.

Крейсер шел вблизи скованной льдом внешней планеты; до нее оставалось около миллиона миль. Скорость корабля была такой, что этот мир казался грязно-белым кегельным шаром, стремительно катившимся по экрану.

Заговорили орудия. Лишь слабое содрогание корпуса отметило их залп — снаряды не выбрасывались взрывча-

тыми веществами, они обладали собственными двигателями. Беннинг увидел яркие вспышки, разорвавшие темноту впереди и по сторонам — танцующие искры на фоне бесчисленных звезд. По мере того, как корабль мчался вперед, огненные искры, несущие смерть, двигались вместе с ним.

— Патрули убрались! Все чисто на два парсека! — доложили с поста наблюдения, и Бехрент резко бросил в микрофон:

— Полный вперед!

— Они трусили! — воскликнул Рольф. — Я знал, что им не хватит смелости сунуться в пекло...

— Тяжелые корабли, линейные крейсера и вспомогательные средства приближаются к нам со ста четырех направлений, — продолжал доклад офицер-наблюдатель.

Наступила мертвая тишина. Бехрент повернулся к Беннингу, улыбка торжества на его лице погасла.

— Имперский флот получил приказ... Эти корабли не уступают нам ни в скорости, ни в радиусе действия орудий.

ГЛАВА 9

В пустоте, в безграничном пространстве, где миллионы миллионов звезд кажутся только серебристой рябью на поверхности океана тьмы, мчались с невероятной скоростью крохотные металлические зерна, отмечая свой путь всплесками пламени. Вскоре они достигнут одно из зернышек, окружат его смертельным кольцом, и мрак межзвездной бездны на миг озарится яркой вспышкой. Если только...

Беннинг сказал:

— Терения — единственный козырь, который есть у нас.

Рольф кивнул.

— Если мы сможем убедить их, что захватили ее. Сохмсей, приведи девушку и Джоммо.

— Нет, погоди, — остановил Беннинг аррака. — Тебе и Кишу лучше держаться в стороне — она приходит в ужас от вашего вида, и это может осложнить дело. Я пойду за ней сам.

Он направился к корме, в коридор, где стояла охрана, и жестом приказал открыть дверь. Потом, вспомнив ненависть, пылавшую в глазах пленников, вытащил из-за пояса тяжелый пистолет.

Из каюты появилась Терения, следом за ней — Джоммо. Девушка выглядела усталой, вокруг рта залегли горькие складки, но гордость не покинула ее. Посмотрев на оружие в руках Беннинга, она презрительно улыбнулась.

— О, да, — произнес Беннинг, — я осторожен. Очень осторожен. А теперь идите вперед.

— Куда?

— Узнаете. А сейчас — вперед!

С монархами не разговаривают таким тоном, и Беннинг почувствовал легкое удовлетворение, когда ее глаза гневно сверкнули.

Они подошли к рубке. Джоммо первым перешагнул высокий порог; Терения последовала за ним, но споткнулась и, падая, схватила Беннинга за руку. Секундой позже он понял, что это не случайность. Из всех сил цепляясь за его кисть, девушка закричала:

— Пистолет, Джоммо! Хватай его!

Все случилось так быстро, что люди в рубке не сразу поняли, что происходит; арраки же по приказу Беннинга покинули командный отсек. Но Джоммо отреагировал мгновенно и стремительно повернулся. Надежда мелькнула на его лице.

Но Беннинг рывком поднял легкое тело Терении и швырнул прямо в Джоммо. Он знал, что ученый не даст ей разбиться, даже с риском упустить подходящий момент, и оказался прав. Джоммо поймал девушку, и оба снова очутились под прицелом пистолета Беннинга.

— Хорошо придумано, — сказал он. — Я восхищен твоей храбростью. Но на вашем месте я бы не пытался больше выкинуть что-нибудь в этом роде.

Их взгляды обожгли Беннинга ненавистью. Мог ли он осуждать за это своих пленников. Если бы так... Тогда все было бы намного проще.

К месту схватки начали сбегаться люди; подскочил Рольф с потемневшим от гнева лицом.

— Значит, ты не хотел пугать ее видом Сохмсея? — с иронией спросил он у Беннинга.

Беннинг покачал головой.

— Похоже, без них не обойтись. — Он подозвал арраков и повернулся к Терении: — Они не причинят тебе вреда, если ты будешь вести себя поспокойней.

Бехрент, который вглядывался в огромный экран, пересек рубку. Лицо капитана оставалось невозмутимым, но голос звучал хрипло:

— Нужно поторопиться. Мы почти в досягаемости их орудий... Там полная эскадра линейных крейсеров. Из радиорубки доложили — они требуют остановиться.

Глаза Терении сверкнули, и Беннинг понял, что должен проявить твердость.

— Сейчас, Терения, — сказал он, — ты пойдешь в радиорубку и прикажешь крейсерам убираться прочь.

— Нет!

Беннинг посмотрел на Джоммо.

— Тебе лучше уговорить ее, и побыстрее. Ваши жизни висят на волоске.

— Ты не сможешь убить ее! — быстро сказал Джоммо.

— Не смогу? Может, ты и прав. Ну, а что ты думаешь о других?

— Обо мне, например? — сквозь зубы процедил Рольф.

Джоммо заколебался, и Терения воскликнула:

— Ты не сделаешь этого, Джоммо!

На лице ученого застыло выражение мрачного упорства.

Задние экраны внезапно озарились ослепительными взрывами, бушующее пламя заставило потускнеть звезды. Казалось, в небесах позади корабля встала огненная стена — чтобы тут же разлететься осколками сверкающих искр.

— Они начали пристрелку, — сказал Бехрент. — Мы можем открыть ответный огонь, но сила на их стороне, и долго нам не продержаться.

— Терения, тебе придется остановить их, — со сдержанной яростью произнес Беннинг. — Я пойду в радиорубку и подготовлю все для передачи. Ждите. — Он быстро вышел в коридор и, вернувшись через минуту, взял Терению за руку. — Сейчас ты отправишься со мной и скажешь, чтобы корабли прекратили огонь. Я полагаю, тебе ведь не хочется погибать вместе с нами?

Терения рассмеялась. Она выглядела почти счастливой.

— Ты умрешь не сейчас и не здесь, — с торжеством произнесла она. — Тебе придется сдаться.

— Джоммо, уговори ее, и советую поторопиться, — сказал Беннинг.

Снова видеозэкраны озарились ужасным пламенем; на этот раз ближе, так близко, что огненная стена закрыла весь небосвод.

— Терения... — начал Джоммо.

— Разве ты не видишь, — воскликнула она, — что они уже побеждены! Они не могут заставить меня повиноваться!

Бехрент отходил к экранам, но сейчас снова вернулся. Он недоуменно произнес:

— Только что эскадра уменьшила скорость. Корабли по-прежнему следуют за нами, но на значительном расстоянии. Их батареи прекратили огонь.

— Этого не может быть! — закричала Терения. — Ты лжешь!

Беннинг удовлетворенно улыбнулся.

— Они подошли довольно близко, и моя маленькая хитрость удалась. Во всяком случае, стрельбы больше не

будет. Они теперь знают, что императрица у нас на борту.

— Но им стало известно об этом только сейчас, верно? — спросил Рольф.

Беннинг кивнул, усмехнувшись.

— Я приказал нашим техникам подключить внутреннюю связь к передающей радиостанции. Голоса Джоммо и Терении слышали на каждом корабле.

Джоммо вскрикнул; его голос был хриплым от ярости. Во взгляде Терении смешались удивление и гнев, но она ничего не сказала. Беннинг указал пистолетом на дверь.

— Теперь мы пойдем обратно. И не пытайтесь придумать уловку похитрее прежней.

— Я провожу вас, — проворчал Рольф.

Пока они шли по коридорам корабля, девушка молчала; она не произнесла ни слова и тогда, когда ее втолкнули в каюту. Но Джоммо, которого поместили в соседний отсек, заговорил раньше, чем Беннинг и Рольф покинули крохотное помещение.

— Мы можем заключить сделку, — сказал он Беннингу. — Освободи Терению, отошли ее в спасательной шлюпке — и я верну тебе память.

Беннинг расхохотался. Он подумал, что теперь, наконец, понял этого человека.

— Нет, Джоммо.

— Рольф может подтвердить, что я никогда не нарушал слова.

— Я верю. Но еще больше я верю в то, что на этот раз ты слова не сдержишь и не дашь нам добраться до Молота. Не так ли?

Джоммо промолчал, но брошенный им взгляд был достаточно красноречив.

— Пока еще у тебя есть время, — заметил Рольф, — но скоро ты сделаешь все, что мы захотим — причем с радостью.

— Я?

— Да, ты. Потому что мы идем в определенное место — в скопление Лебедя. Мы идем к нему — и внутрь.

Насколько мало сказанное Рольфом значило для Беннинга, настолько же много — для Джоммо. Это было совершенно очевидно. Лицо ученого внезапно побледнело.

— Значит, Молот там?

— Да. На одной из планет самого грозного скопления в Галактике. На какой именно, я не знаю; и тем более не знаю, как безопасно добраться до нее. Корабль погибнет,

если мы попытаемся войти в скопление... Но один из нас знает все.

Джоммо перевел взгляд на Беннинга.

— Все знает Валькар. Так?

Рольф кивнул.

— Да, все знает Валькар. Конечно, сейчас он ничего не помнит, но когда память вернется к нему, мы все будем в безопасности. Ты, я... Терения...

Задохнувшись, Джоммо поднял руку к горлу, потом прошептал:

— Проклятье!..

И столько горечи послышалось в этом коротком вскрике, что Беннинг был потрясен. Они с Рольфом молча вышли и заперли дверь.

— Пусть поразмышляет, — сказал Рольф, бросая внимательный взгляд на Беннинга. — Я думаю, Кайл, что сейчас тебе нужно пойти в свою каюту и выспаться. Тебе, похоже, необходимо отдохнуть.

— Спать? Теперь? — удивился Беннинг. — Ты полагаешь, что я смогу заснуть, зная о преследующих нас крейсерах, об этом дьявольском скоплении впереди, о...

— Пока ничего не случится, — резко прервал его Рольф. — Корабли для проверки свяжутся с Ригелем, убедятся, что Терения в самом деле у нас, и будут сопровождать «Звездное пламя». А до скопления Лебеда долгий путь. — Он помолчал и значительно добавил: — Вспомни, тебя ждет нелегкое испытание.

Снова ледяное дыхание смерти коснулось Беннинга. В глубине души он сознавал, что предстоящая трансформация пугает его. Он не хотел, чтобы Джоммо уничтожил разум Нейла Беннинга.

— Входи, — Рольф отворил перед ним дверь каюты. Веткан потянулся к стенному шкафчику, вытащил бутылку. — Вот что нам надо! Вино поможет тебе расслабиться.

Беннинг взял протянутый бокал и машинально выпил. Тревожные мысли кружились у него в голове. Он думал о Терении, о себе, о страшном скоплении Лебеда. Потом, откинувшись на подушки, он обменялся несколькими словами с Рольфом и незаметно уснул.

И увидел сон.

Во сне он как бы стал двумя разными личностями. Он был, безусловно, Нейлом Беннингом — и в то же время, Валькаром, чья неясная зловещая фигура, облаченная в дикий одежды, все росла, становилась больше и боль-

ше, тогда как Нейл Беннинг превращался в гномика, в тварь размером с мышь. И гигант Валькар изгонял Беннинга прочь, навсегда, навеки. Его окутывала тьма, он исчезал, растворялся в ней, погружаясь в небытие.

Сон пугал, и Беннинг обрадовался, когда проснулся.

Рядом с постелью его пробуждения ждал Сохмсей, терпеливый и недвижимый, как статуя. На вопрос хозяина он заметил:

— Ты спал долго, господин. Очень долго. Рольф сделал так с помощью порошка, который положил в твое питье.

— Выходит, он дал мне снотворное? — возмутился Беннинг. — Он не имел права...

— Все правильно, господин. Тебе нужно было отдохнуть, потому что теперь тебе долго не удастся поспать.

Что-то в тоне аррака заставило Беннинга вздрогнуть.

— Сохмсей, — медленно и тихо произнес он, — ты обладаешь способностями, неизвестными людям. Можешь ли ты предсказывать будущее?

Аррак покачал головой.

— Господин, не больше, чем ты или Рольф, могу я видеть сквозь стену времени. Но иногда через трещины в стене... — Он сделал паузу. — Мы, как и люди, видим сны. Возможно, это тоже был сон...

— Все равно, расскажи мне! Расскажи, что ты видел!

— Господин, я видел небо в огне.

Беннинг поднялся с постели.

— Что это могло значить?

— Я не знаю. Но, несомненно, скоро мы узнаем все. — Сохмсей подошел к двери и отворил ее. — А сейчас иди, господин. Тебя ждут в командной рубке.

Беннинг направился туда далеко не в радужном расположении духа. В рубке у переднего экрана стояли Бехрент и Рольф; они выглядели так, словно безуспешно пытались заснуть, не прибегая к снотворному. Они кивками приветствовали Беннинга, а когда он присоединился к ним, Рольф, положив руку ему на плечо, указал на другой экран.

И там Беннинг увидел ясно очерченное гигантское звездное облако, ошеломляющее, невообразимое великолепие солнц — алых, золотых, изумрудно-зеленых, жемчужно-белых, голубых. Оно раскинулось в бесконечности, как мантия самого Бога, и становилось все больше и больше, по мере того, как корабль приближался к нему. В некоторых местах звезды образовывали сгустки, светящиеся пятна, и каждое такое пятно окружало черное облако, поглощавшее

свет. Казалось, мрак пытается пожрать звезды.

— На Земле, — тихо произнес Рольф, — это скопление, по-видимому, называют «Америкой» из-за его формы. Как странно звучит сейчас это название!

— Хотел бы я снова оказаться там, — совершенно искренне ответил Беннинг.

Бехрент, не отрываясь, смотрел на сияющий звездный поток. Для него в этой картине не было ничего удивительного и прекрасного; облако бросало вызов капитану — вызов, на который он не мог ответить. И он это знал.

— Звездный шторм, — задумчиво сказал Бехрент. — Вихрь, крутящий светила, планеты и пыль, которые сталкиваются и разрываются гравитационными полями... Самое бешеное скопление в Галактике. — Он повернулся к ним: — И Молот там?

— Да, — ответил Рольф. В голосе его сейчас звенел металл. — Молот там.

При виде этого ужасающего зрелища Беннинг почувствовал благоговейный страх перед таинственным оружием древних Валькаров, покоившимся среди звездных водоворотов и стремнин. На что похож этот Молот, это странное устройство, о котором в Галактике помнили девяносто тысяч лет? Помнили — и боялись...

В ушах его опять прозвучали слова Сохмсея: «Господин, я видел небо в огне», — и такие кошмарные видения предстали перед ним, что ему едва удалось избавиться от наваждения.

— Молот там, — свирепо повторил Рольф, — и мы идем туда. Валькар проведет нас.

Беннинг, внезапно почувствовав себя слабым и разбитым, повернулся к смуглому великану:

— Пожалуй, пора еще раз поговорить с Джоммо.

Однако, шагая по коридору позади Рольфа, он знал, что все бесполезно. Ни Нейл Беннинг, ни Кайл Валькар, ни оба они, вместе взятые, не сумеют провести крейсер через эти звездные джунгли. Невозможно, немыслимо!

Они вошли в каюту, и Джоммо встретил их яростным взглядом попавшего в капкан зверя. Однако Беннинг почувствовал: что-то в нем изменилось. Железо начало гнуться.

Рольф молча шагнул к стене и нажал кнопку. Откинулась панель с видеоэкраном; зрелище звездного шторма впереди потрясало.

— Не пытайся испугать меня, Рольф, — с легким презрением произнес ученый. — Я уже видел это.

— Зачем пугать такого храбреца, — возразил Рольф; никогда еще его лицо не выглядело таким застывшим и мрачным. — Я просто делаю то, что должен делать, — ты же знаешь. И ты знаешь — если я сказал, что мы идем в скопление, мы там будем. В своих расчетах можешь принять это за константу.

Джоммо внимательно посмотрел на Беннинга.

— Если я сделаю то, что ты требуешь, получим ли мы с Теренией свободу?

— О, нет, не сразу, — насмешливо ответил Рольф. — Ваш флот все еще тащится сзади, и мы тут же окажемся в их власти. Нет, пока мы выберемся из скопления, придется вам погостить здесь.

— Он не хочет этого. Он боится, — внезапно сказал Джоммо, бросив на Беннинга быстрый взгляд.

Беннинг знал, что ученый говорит правду; ненависть обожгла его. Джоммо был слишком проникательным! Он судорожно сглотнул и постарался успокоиться.

— Я не боюсь, — его голос не дрогнул, — и хочу напомнить тебе, что у нас мало времени. С каждой секундой мы приближаемся к облаку.

Наступило молчание. Наконец Джоммо решительно махнул рукой.

— Я не могу допустить, чтобы Терения погибла. Я все сделаю. — Повернувшись к Рольфу, он добавил: — Но если получится не совсем так, как ты рассчитывал, не принимай близко к сердцу.

Лицо Рольфа помрачнело еще больше, хотя это казалось невозможным.

— Слушай, Джоммо! Всем известно, что ты умеешь играть с разумом человека, как ребенок с мыльным пузырем. Постарайся не умничать! Если память полностью не вернется к Валькару — без всяких изъяснов — клянусь, вы с Теренией долго не проживете!

— Обещаю, — кивнул Джоммо, — все будет, как ты сказал. Однако я знаю о человеческом мозге побольше тебя. И думаю, ты не ведаешь, что творишь.

Он встал, внезапно превратившись из беспомощного пленника в ученого — спокойного, педантичного, уверенного. Он сказал, какое необходимо ему оборудование и сколько понадобится энергии. Выслушав его, Рольф кивнул и вышел. Беннинг остался, его сердце бешено колотилось. Ему не нравилась скрытая угроза, прозвучавшая в словах Джоммо; ему вообще не нравилась вся эта история.

Аппарат, доставленный Рольфом на борт, выглядел совсем просто. Тысячи человеческих жизней и тысячи лет развития технологии в далеких звездных мирах воплотились в этот прибор, но Беннинг, в своем невежестве, видел только кубический ящик с верньерами и странными круглыми шкалами на лицевой стороне и устройство, похожее на массивный яйцеобразный металлический шлем. Джоммо взял в руки этот колпак и указал Беннингу на кресло. Беннинг молча уселся; ученый опустил огромный шлем ему на голову и щелкнул тумблером.

Поток энергии обрушился на Беннинга; она даже не отважился строить догадки о ее природе. Возможно, то были электромагнитные волны какого-то вида, неизвестные науке Земли. С громовыми раскатами, которые слышал только он один, излучение вливалось в мозг; Беннинг чувствовал, что разум его стремительно вращается над невероятной бездной. Боли не было. То, что он испытывал, было хуже, чем боль, — безумие скорости, ослепляющий свет, за которым надвигалась стена мрака, свистящий водоворот, крутившийся в его черепе; казалось, он достаточно велик, чтобы засосать и поглотить Вселенную. По кругу, по кругу, все быстрее и быстрее, скользя и проваливаясь, барахтаясь в струе энергии, что несла его, срывая барьер за барьером... Они таяли, исчезали... и вдруг калейдоскоп воспоминаний замелькал перед ним.

Руки Сохмсея, обнимающие его; лицо Сохмсея, очень большое, склонилось над ним; он сам, очень маленький... по щекам текут слезы, саднит разбитая коленка...

Женщина... Терения? Нет, не Терения... У нее золотые волосы, ласковое лицо... Мама... Давно...

Сломанное запястье... но сломано оно не при падении с яблони в Гринвилле — это было одним из фальшивых воспоминаний, которые рушились, исчезали под натиском настоящих. Он повредил запястье во время неудачной посадки на одну из планет Алгола.

Руины... Багровый Антарес в небе; он, полуобнаженный подросток, бегает наперегонки с арраками среди поверженных статуй Катуума, играет со звездами, выпавшими из их рук.

Ночи и дни, холод и жара, еда, сон, болезни и выздоровления, похвалы и наказания, учеба. Ты — Валькар, запомни это! И ты будешь править снова! Воспоминания за двадцать лет. Двадцать миллионов взглядов, поступков, встреч...

Терения. Совсем девочка, моложе его — прекрасная,

насмешливая, ненавистная... Терения в дворцовом саду — но это не зимний дворец, а громадное суровое здание в столице... Она обрывает лепестки пурпурного цветка и хохочет над ним — потому что он, Валькар, никогда не сядет на трон.

Прекрасная Терения. Терения в его объятиях... Она смеется, когда он губами щекочет ее шею... Ее глаза, внезапно ставшие серьезными, когда он поцеловал ее... Терения, не подозревавшая, как он ее ненавидел, как глубоко ранили его гордость детские насмешки, как неистово он жаждал ее сокрушить.

Терения, верившая в то, что он говорил, верившая в его любовь, — это было легко, потому что кто же мог не любить Терению? Она открыла ему двери в хранилища древних архивов, где таился потерянный, забытый ключ к тайнам Валькаров...

Воспоминания о звуках и цветах, о прикосновениях к шелку и женскому телу, к коже и металлу, к неразрушимо-моу пластику страниц древних, древних книг...

Развалины тронного зала под открытым небом. Задумчивое озеро, звезды, ночная тьма и профиль отца, озаренный факелами... Могучий человек с глазами орла, далекий, мрачный... В ту ночь отец рядом с ним; его рука указывает на звезды.

Он показывает скопление Лебедя и говорит:

— Сын мой, Молот Валькаров...

Воспоминания, воспоминания — ревущие, грохочущие слова и мысли!

Слова, поступки, знания, факты... а потом — пустота, провал. Словно завеса опустилась в лаборатории Джоммо. Одна жизнь кончилась, и началась другая. Валькар умер, на свет появился Нейл Беннинг.

Теперь, через десять долгих лет, Валькар родился вновь. Но Нейл Беннинг не исчез — как и те десять лет, которые он прожил. Эти года теперь принадлежали им обоим.

Валькар и Беннинг закричали вместе, как один человек:

— Я вспомнил! Я вспомнил — о, Боже, я знаю, что такое Молот!

ГЛАВА 10

Он очнулся.

Теперь он знал, кто же он. Он — Кайл Валькар. Но он также по-прежнему Нейл Беннинг. Воспоминания Беннинга, настоящие воспоминания последних десяти лет не покинули его, и они оставались гораздо более яркими и живыми, чем память Валькара о двадцати предшествующих годах.

Невозможно в один миг отбросить свое «я», забыть десять лет жизни. Он продолжал думать о себе как о Нейле Беннинге.

— Кайл! — голос Рольфа, хриплый от волнения. — Кайл!

Беннинг открыл глаза. Шлема на голове уже не было, и он увидел встревоженные глаза Рольфа, склонившегося над ним. Чуть поодаль стоял Джоммо; лицо его было бесстрастным.

— Кайл, ты вспомнил о Молоте?! — Рольф почти кричал. — Где он? Как туда добраться?

Беннинг почувствовал, как его охватывает ужас. Да, он вспомнил, вспомнил слишком хорошо. Он вспомнил слова отца, его руку, скользившую по звездной карте, что висела на стене разрушенного дворца.

«...желтое солнце по соседству с тройной звездой, чтс сразу за дальней границей мрака. Только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит твой корабль...»

Да, он вспомнил путь. И не только его. Он вспомнил то, о чем предпочел бы забыть — тайну Молота, о которой во всей Галактике знал только он.

Часть его, оставшаяся Нейлом Беннингом, содрогнулась. Это было ужасно! Нет, человек не мог задумать и создать такое оружие, способное разрушить основы мироздания, уничтожить Галактику...

Не следует думать об этом, нельзя, не нужно... иначе его

мозг не выдержит! Может быть, у него просто разыгралось воображение? Даже Валькары древности, шагавшие по Галактике, подобно богам, даже они не отважились бы на попытку овладеть такой мощью!

Рольф встряхнул его за плечи.

— Кайл, очнись! Мы подходим к скоплению, остались считанные минуты, и все зависит от тебя... ТЫ ВСПОМНИЛ?

— Да... Я вспомнил... Достаточно, чтобы провести корабль через облако... я так думаю...

Рольф поднял его на ноги.

— Тогда идем! Тебя ждут в рубке!

Беннинг, еще чувствуя слабость, с трудом поспевал за Рольфом. Они шагнули в командирский отсек; мириады солнц пылали на переднем экране, и корабль затерялся среди них, как пылинка в пчелином рое. Значит, пока его разум блуждал в стремнинах и водоворотах прошлого, «Звездное пламя» достиг окраин скопления, понял Беннинг. С каждой минутой опасность возрастала; он должен действовать немедленно!

К счастью, пятно тьмы, о котором говорил отец, находилось неподалеку. Мрак, за ним — тройная звезда, рядом с ней — желтое солнце, где на одной из планет скрывалось э т о — нечто, настолько ужасное, что...

Нет. Сейчас не время трепетать от ужаса. Потом, после — если останешься жив, если достигнешь той планеты, где...

НО ЧТО ЖЕ ТЫ БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ ТОГДА? В ТОТ МИГ, КОГДА ТВОИ РУКИ КОСНУТСЯ МОЛОТА И...

Бехрент смотрел на него. На него глядели Рольф, техники, офицеры; странные отблески играли на их лицах, залитых светом скопления.

— Корабль в вашем распоряжении, — тихо сказал Бехрент.

Беннинг кивнул. На миг та его часть, что была Нейлом Беннингом, сжалась от ужаса, но разбуженный Кайл Валькар знал, что делать. Он бросил взгляд на окружающие корабль звезды, потом — на экран, по которому неслись строки символов и цифр — данные о полете. Офицер, склонившийся над пультом, поднял глаза на Беннинга; на его лбу выступили крупные капли пота.

— Встань, — резко приказал Беннинг и занял место пилота.

Его руки легли на клавиши панели управления. Он чув-

ствовал, как в памяти всплывает прошлое... умершие навыки, позабытые знания, потерянное умение — все возвращалось к нему. Его пальцы ожили, ощущая каждую клавишу — словно сердце огромного корабля внезапно дрогнуло и сильно, мерно забилося под его ладонями.

Он знал, что делать, он снова стал Валькаром. Он опять был молод и на бешеной скорости вел свой корабль меж пылающих солнц Геркулеса, мчался через туманность Ориона, исследовал дикие, опасные миры... Все, что годы тренировок дали ему, — хладнокровие и мгновенную реакцию, способность выбирать единственно верное решение — все вернулось... Все, чему он учился, чтобы когда-нибудь попасть сюда и...

Нет! Не думай об этом! Веди корабль вперед! Сохрани его! На тебе долг, и время умирать еще не пришло. Твоя смерть охранит настоящее, но не будущее. Валькары создали это, и их древний долг — на тебе.

И к тому же, здесь Терения. Ты отвечаешь и за ее жизнь! Сохрани корабль! Веди его вперед!

«Звездное пламя» мчался вперед — крошечная пылинка, устремившаяся в горнило Скопления. Там, вдали, за звездами на границе скопления, корабли имперских сил замедлили ход и неподвижно повисли в пустоте. В сотнях командных рубок сотни капитанов бессильно наблюдали, как маленькая блестка уходит с экранов их радаров, теряясь в звездном водовороте.

Под руками Беннинга — под руками Валькара — напряжение силового поля, что создавали двигатели крейсера, то нарастало, то уменьшалось, непрерывно компенсируя притяжение чудовищных светил, пылавших зелеными, красными, золотыми огнями, кружившихся в диком танце за иллюминаторами. Лишь пульсация генераторов и биение человеческих сердец нарушали тишину; корабль плыл в гравитационных потоках, как листок в стремнине меж огромных зловещих скал, грозивших разломить его в пыль.

Постепенно звезды смещались, редели и перед ними открывался провал тьмы — черное облако, глубоко врезавшееся в середину скопления.

Валькар вспоминал. Трехмерные координаты с поправкой на время, на миновавшие девяносто тысячелетий... Повороты по спирали, отходы назад — сложная паутина окольного пути в скоплении, каждый шаг которого навсегда отпечатался в его памяти...

Он слышал, как Рольф пробурчал:

— Понятно, почему никто до сих пор не проник сюда! Даже просто войти в скопление — самоубийство, а путешествовать в нем — самоубийство вдвойне!

Корабль вышел к дальней границе темного провала; новые солнца вставали впереди, и среди них — тройная звезда, красный гигант с двумя спутниками, изумрудно-зеленым и сапфирово-синим. А там, за тройной звездой, — желтое солнце.

«... только приближайся с зенита, иначе пыль изрештит твой корабль...»

Звезда типа G при нормальных условиях должна иметь по крайней мере одну планету земного типа. И такая планета вращалась вокруг желтого светила. Беннинг направил к ней корабль, размышляя о жестокой иронии случая, — эта звезда, затерявшаяся в глубинах страшного скопления, так напоминала Солнце, а зеленая планета, плывущая вокруг своего светила, была так похожа на Землю...

Корабль погружался в атмосферу, как камень в воду; под ним проплывала поверхность планеты, оцетинившаяся горными пиками.

Скалистый хребт остався позади. Сразу за ним раскинулось древнее плато, стабильная геологическая формация — настолько, насколько вообще что-нибудь может быть стабильным в этой изменчивой Вселенной. Плато было ровным и пустым, а в центре его стояло сооружение.

Беннинг посадил крейсер рядом с ним. Он чувствовал себя старым, как время, и таким же усталым. Искра всеобщего возбуждения пробежала по кораблю, послышались взволнованные голоса людей, избежавших гибели. Бехрент, Рольф, техники, офицеры столпились вокруг Беннинга. Он поднялся, встряхнул головой и жестом велел очистить путь. Рольф начал что-то выкрикивать, лицо его светилось торжеством, но Беннинг посмотрел на гиганта, и тот умолк.

— Возьми Джоммо и Терению, — приказал ему Беннинг. — Они проделали долгий путь и имеют право увидеть его конец. Он повернулся и пошел в одиночестве по коридору к воздушному шлюзу — в одиночестве, не считая своей двойной тени, — обоих арраков. Он приказал открыть люк и шагнул наружу, вдохнув свежий воздух девственного мира — мира, где никогда не появлялся человек.

За исключением одного случая.

Беннинг двигался по бесплодной равнине. Солнце высоко висело в чистом голубом небе, на котором видне-

лись пятнышки небольших облаков. Именно такое небо, подумал он, было в тот день на Земле над Гринвиллом. Он содрогнулся, воздух вдруг ледяным холодом обжег горло. Перед ним, под лазурным небом и плывущими облаками, возвышалось мрачное и могучее сооружение, тысячелетия назад созданное человеком.

— Конечно, человеком, — негромко сказал Сохмсей, эхом отзываясь на мысли Беннинга. — Какое еще существо способно додуматься до такого?

Беннинг повернулся к нему.

— Теперь я понимаю, что означает небо в огне. — Лицо Беннинга было совершенно белым; тяжесть Вселенной легла на его плечи — миров, звезд, планет, жизнь людей и нелюдей, всех существ в Галактике.

Сохмсей склонил голову.

— Ты знаешь, что делать.

Из корабля в сопровождении Джоммо и Терении появился Рольф; они направились к Беннингу. Свежий ветер трепал их волосы и развевал одежду.

Лицо Беннинга исказилось, словно в агонии, и он шагнул к Молоту.

Тот вздымался к небу, возвышаясь на платформе величиной с Манхэттен — по крайней мере, такой она показалась ему. Чем-то Молот походил на орудие, чем-то на... Нет, он ни на что не был похож. Это был первый и единственный звездный Молот — начало, эксперимент, осуществленный в тайном месте, где было достаточно материала для его создания и откуда он мог достичь...

Беннинг поднялся на платформу по лестнице, изготовленной каким-то волшебником из сплава металла с керамикой; казалось, она могла просуществовать дольше, чем сама планета. Платформа тоже была сделана из материала, на который не повлияли ни выветривание, ни коррозия. Внутрь Молота вела дверь из металлокерамического сплава, и за ней располагались пульта управления и могучие механизмы, черпавшие энергию из магнитного поля планеты.

Повернувшись к Сохмсею, Беннинг резко приказал:

— Не впускай их сюда!

Аррак посмотрел на него.

Что светилось в его странных глазах? Любовь и вера — или отвращение и ужас? Беннинг не знал. Горло его болезненно сжалось, руки тряслись, как у паралитика.

Сейчас, теперь! Восстанут ли Старая Империя и трон

Валькаров под сенью знамени с изображением пылающего солнца? Или он отдаст на милость Джоммо и Терении не только себя, но и Рольфа, Бехрента и всех остальных?

Беннинг положил руку на грудь, нащупывая на тунике сверкающий драгоценными камнями символ — пылающее солнце. И внезапно рванулся в тишину комнаты, прямо к рычагам древних машин, таивших в своих недрах мощь Молота.

Он помнил все, что тысячелетиями передавалось от отца к сыну, что было записано в древних книгах из архивов. Эти знания горели в его мозгу, вытравленные жгучей кислотой честолюбия и алчности. Он помнил все, и руки его работали быстро.

Вскоре он вышел из помещения и спустился по лестнице вниз, где его ждали Джоммо, Терения, Рольф и оба аррака — пятеро свидетелей конца мира.

Рольф начал задавать вопросы, но Беннинг сказал:

— Потом.

Он смотрел вверх.

С колоссального указательного пальца Молота сорвалась длинная молния темно-красного цвета. Она метнулась к ярко сиявшему в небесах желтому солнцу и исчезла.

И больше ничего.

Беннинг почувствовал, что ноги его становятся ватными. Он понял ужас совершившегося великого святотатства. Он сделал то, чего никогда не делал ни один человек — и ужаснулся. К нему повернулся Рольф, его лицо горело нетерпением. Терения и Джоммо выглядели расстроенными и недоумевающими.

— Что, он не работает? — спросил Рольф. — Молот, он...

Губы Беннинга пересохли. Не обращая внимания на Рольфа, он смотрел на пятно, возникшее на желтом диске, — темное пятно, подчеркивающее яркость солнечного пламени. Оно росло — и в сердце Беннинга рос ужас.

— Он работает, Рольф. О, Боже, он работает...

— Но как?! Что...

— Молот, — хрипло сказал Беннинг, — этот Молот разбивает звезды.

Они не сразу поняли его — так чудовищно это звучало. Но стоило ли удивляться? Ведь он сам едва мог поверить...

Он должен объяснить им. Теперь от этого зависит жизнь или смерть.

— Звезды, практически любая из них, потенциально нестабильны, — с трудом начал он. — Их ядра служат топкой, в которой идет реакция синтеза гелия из водорода. Ядро окружает массивная оболочка более холодной плазмы с высоким содержанием водорода. Гигантское давление внутреннего ядра удерживает более холодную оболочку от коллапсирования.

Они слушали, но их лица были бесстрастны; они еще не поняли — а он должен заставить их понять — или погибнуть.

Беннинг закричал:

— Молот выбрасывает рассекающий луч — ничтожный в сравнении с массой звезды, но этого укола достаточно, чтобы открыть путь энергии ядра на поверхность! А без давления, создаваемого этой энергией, оболочка...

Понимание, смешанное с благоговейным страхом, появилось на лице Джоммо.

— Оболочка обрушится внутрь, — прошептал он.

— Да! Да! И ты знаешь, что будет потом!

Губы Джоммо двигались с видимым усилием.

— Холодная оболочка, рухнувшая на сверхгорячее ядро... это приведет к появлению Новой...

— Новой?! — Рольф, наконец, понял, и по его глазам было видно, как это ошеломило его. — Значит, Молот может превратить любую звезду в Новую?!

— Да!

На несколько секунд ужасающая реальность этой мысли сковала Рольфа.

— Господи, Молот Валькаров... он может уничтожить звезду и все ее планеты...

Но Джоммо уже оправился; он пытливым взглядом смотрел на Беннинга.

— Ты ударил из него по этой звезде? И она станет Новой?

— Да. Коллапс, должно быть, уже начался. У нас в запасе несколько часов, не больше. Сейчас я предпочел бы отойти подальше от этой системы.

Теперь Рольф понял все. Он смотрел на Беннинга так, словно увидел его впервые.

— Кайл... Молот... Мы не можем взять его, он слишком огромен... Значит, он погибнет вместе с планетой?

— Да, Рольф.

— Ты уничтожил Молот?

— Да. Когда этот мир погибнет — через несколько

часов, — вместе с ним погибнет и Молот.

Беннинг ждал яростного крика, упреков, может быть, даже смерти. Ведь то, что он уничтожил, было жизнью Рольфа, жизнью, отданной служению Валькарам, жизнью, которую поддерживала надежда достигнуть Молота, вложить власть в руки древней династии. И все пошло прахом — все горькие годы адского труда, поисков и борьбы...

Широкие плечи Рольфа понуро опустились. Его массивное, сразу постаревшее лицо стало печальным. Голос великана звучал безжизненно и тускло, когда он произнес:

— Ты должен был сделать это, Кайл.

Сердце Беннинга дрогнуло.

— Рольф, ты понял?

Рольф кивнул — медленно, тяжело.

— Древние Валькары зашли слишком далеко. Боже, не удивительно, что Галактика восстала против Старой Империи! Уничтожать звезды... это слишком ужасно, это неправильно!.. — После секундного молчания он с трудом добавил: — Но нелегко отказаться от мечты...

Терения смотрела на Беннинга широко раскрытыми изумленными глазами, и краска волнения вспыхнула на ее подвижном лице. Она шагнула вперед и схватила его за руку.

— Кайл Валькар, — нерешительно произнес Джоммо, — не отказался бы от такой мечты. Но ты сейчас другой человек — землянин. Вот единственное, на что я надеялся, восстанавливая твою память.

Сумрак сгущался над ними, словно голубое небо задержали вуалью. Беннинг посмотрел вверх.

Желтое солнце выглядело угрожающе. Оно потускнело, коричневое пятно расплывалось на поверхности светила — облачко, служившее предвестником бури. Лица людей посерели в меркнувшем свете. Сохмсей и Киш, нечеловечески спокойные, молча ждали. Зловещая громада Молота теряла четкость.

— У нас мало времени, — с трудом выдавил Беннинг. — Может быть, меньше, чем я рассчитывал. Нам лучше убираться поскорее.

Они поспешили к кораблю. Внезапно страх охватил Беннинга — страх, которого никогда еще не приходилось испытывать человеку. Вот-вот взорвется звезда, и планета, по которой они идут сейчас, сгорит в расширяющейся оболочке умирающего светила, как бабочка в пламени камина.

Они уже бежали к кораблю. Беннинг, едва сев за пульт,

рванул крейсер вверх с сумасшедшей скоростью. Усилием воли он справился с дрожью в руках; теперь от него снова зависела жизнь людей на борту. Он вел корабль все дальше и дальше, а желтое солнце все сильнее туманилось, тускло и...

— Не смотрите! — крикнул он. — Светофильтры на экраны! Светофильтры, быстро!

Гигантская волна неистовой энергии хлестнула по силовому полю, и корабль вышел из повиновения. Беннинг, яростно нажимавший на клавиши, мельком увидел звезды, что в безумном хороводе мчались по затемненным экранам. Корабль вращался; наконец в поле зрения показалась оставленная ими желтая звезда.

Она росла — космический огненный цветок, разворачивающий свои смертоносные лепестки. Она заставила поблекнуть сияние скопления, а темный провал вдруг вспыхнул отраженным светом. Казалось, вся галактика содрогнулась, пытаясь защититься от нестерпимого блеска взрывающейся звезды.

Звезды, которую убил он...

Корабль продолжало крутить и бросать, словно лодку в бурю, и страшное зрелище исчезло.

Тройка звезд, зеленая, красная и голубая, возникли в опасной близости; крейсер несло прямо на них. Беннинг ударил по клавишам, направляя корабль вверх, но его закружило, рвануло обратно, и снова он пытался подчинить себе эту крохотную песчинку, игрушку титанических сил... Снова и снова...

Ему казалось, что он обречен вечно сражаться с пультом, с обезумевшими и бесполезными символами на экранах, с мощью разрушенной звезды, которая словно стремилась дотянуться и уничтожить человека, погубившего ее, — как она уже уничтожила свои планеты и Молот.

Медленно, медленно создание Беннинга стало воспринимать что-то помимо клавиш под пальцами; он понял, что самые сильные волны энергии уже прошли, что корабль практически обрел устойчивость и удаляется от внушающего трепет пожара, охватывающего небо позади них.

Рольф заговорил с ним, но он не услышал ни слова. Рольф схватил его за плечи, закричал прямо в ухо — но Беннинг по-прежнему оставался недвижим. Девушка коснулась его плеча, но и для нее он оставался слеп и глух.

Наконец он все же услышал голос — голос древних, древних времен, всего лишь шепот... но этот шепот проник

сквозь броню, которую не могли пробить крики других.

— Все свершилось, господин. И корабль в безопасности.

Беннинг медленно повернулся и увидел мудрые и любящие глаза Сохмсея. Он перевел взгляд на видеоэкран. Крейсер мчался через окраины скопления, и впереди открывались широкие просторы свободного космоса.

За его спиной встревоженно шевельнулся Бехрент, готовый взять на себя управление. Беннинг понял — люди боялись, что разум его не вынес напряжения.

Он поднялся, и за пульт сел Бехрент.

Беннинг обвел взглядом бледные лица вокруг и посмотрел на кормовой экран. Там, позади, далеко позади, он увидел за дальней границей тьмы великолепный погребальный костер.

— Кайл... — хрипло сказал Рольф, — Кайл, послушай...

Беннинг не слушал. Он убил звезду, и теперь на нем бремя страшной вины... ему было невыносимо видеть их лица и слышать их голоса. Он прошел мимо них, миновал коридор, шагнул в каюту и закрыл иллюминатор, чтобы не видеть там, позади, дела своих рук.

Он сидел, ни о чем не думая и не пытаясь думать. Крейсер мчался вперед. Казалось, прошли долгие годы, прежде чем открылась дверь и вошла Терения.

— Кайл! Кайл!

Он поднял взгляд. Ее лицо было бледным и странным; казалось, вся ненависть, весь гнев куда-то исчезли. Он вспомнил, что должен поговорить с ней.

— Терения... Рольф и Хорк и все остальные...

— Да, Кайл?

— Они шли за мной. А я обманул их, уничтожил их единственную надежду...

— Они должны понять, что ты не мог поступить иначе! Ты сделал это для всей Галактики!

— Я знаю... Но я был их вождем! Слушай, я хочу сделать тебе предложение. Ты и Джоммо перейдете на корабль вашего флота, который поджидает нас. Я пойду с вами. Но всем остальным — полное прощение.

— Пусть будет так, Кайл.

— Терения, скажи об этом Рольфу сама.

Девушка вышла из каюты. Когда она вернулась, с ней были Рольф, Джоммо и Сохмсей. Рольф быстро глянул на Беннинга и вздохнул.

Терения заговорила с ним, и брови Рольфа сдвинулись.

— Пощада нам и смерть Валькару? Нет!

— В своих мыслях она не желает ему смерти, — шепнул Сохмсей.

— Нет, — сказала Терения. — О, нет!

Беннинг посмотрел на нее. Он в первый раз за все это время увидел ее глаза... в них было то, что показалось ему невероятным.

— Могут ли минувшие годы, может ли человек из прошлого вернуться обратно, Терения?

В глазах показались слезы, но голос остался твердым.

— Человек из прошлого — нет... только не Кайл Валькар... Его я не смогла бы полюбить снова, но...

Джоммо вздохнул.

— Ну, что ж... — Он отвернулся с опечаленным лицом, потом поднял голову и протянул Беннингу руку. — Я ненавидел Валькара. Но я сделал его другим человеком и думаю, что с этим человеком я мог бы сотрудничать.

Рольф изумленно смотрел на них.

— А я-то думал, что в лучшем случае вы отправите его обратно на Землю!

— Оставим пока Землю, — сказала Терения. — Когда-нибудь Империя придет туда с дружбой, и ждать осталось не так уж долго. Но не сейчас. — Она повернулась к Беннингу. — Добро пожаловать, если пожелаешь, к себе домой, в Империю. Не в Старую Империю, не в Новую Империю, но просто — в Империю!

— Клянусь небесами! — воскликнул Рольф. — Так значит, Валькар все же может сесть на трон?

Прежняя гордость вспыхнула в глазах Терении.

— На трон — нет! — Но на ее лице, обращенном к Беннингу, было написано волнение.

Он взял Терению за руку. Еще рано говорить о любви — пока они были незнакомцами друг для друга — ведь он не тот человек, которого она когда-то любила. Но, может быть, он, Беннинг-Валькар, сможет завоевать то, что завоевал и отбросил Валькар.

Какой далекой казалась теперь Земля и годы, проведенные там! Эти годы изменили его — и, как он думал, не в худшую сторону. Но здесь, в сияющих звездных просторах, была его родина, его будущее, его любовь. Он возвратился домой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Нахмансон «Док» Смит — летописец галактических цивилизаций	3
Кровавое Око Сарпедиона (пер. М. Нахмансона)	9
Звезды Империи (пер. М. Нахмансона и Т. Старшиновой)	119
Железная Немезида (пер. М. Нахмансона)	191
В глубинах пространства (пер. М. Нахмансона и Т. Старшиновой)	213
Пираты Космоса (пер. М. Нахмансона и Т. Старшиновой)	261
Э. Гамильтон. Молот Валькаров	297

Литературно-художественное издание

Э. Э. «ДОК» СМИТ

КРОВАВОЕ ОКО САРПЕДИОНА

Э. ГАМИЛЬТОН

МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ

Литературный редактор М. Нахмансон

Подписано к печати 17.09.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 16,8. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 387.

АО «Спикс». Отпечатано в типографии им. Котлякова
195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

Санкт-Петербургское издательство «Спикс», желая почтить память недавно скончавшегося замечательного американского фантаста Айзека Азимова, публикует приведенное ниже завещание писателя — его последнее обращение к читателям, к тем, кто так любил и почитал его. Этот материал, впервые увидевший свет на страницах «Журнала фэнтези и научной фантастики» («The Magazine of Fantasy and Science Fiction», посмертная публикация в августовском номере за 1992 год) был переведен на русский язык и любезно предоставлен нам Вениамином Липмановичем Каном. Итак, последнее слово Айзека Азимова:

ПРОЩАЙТЕ, ПРОЩАЙТЕ...

Всем благородным читателям, дарившим меня любовью более, чем тридцать лет, я должен сказать последнее «прости».

Я написал триста девяносто девять эссе для этого журнала («Журнал фэнтези и научной фантастики»). Мне доставляло огромное удовольствие писать эти статьи, ибо мне всегда разрешали говорить именно то, что я хотел сказать. И теперь я с ужасом обнаружил, что не в состоянии написать четырехсотую статью.

Я всегда надеялся умереть, оставаясь в упряжке, упав лицом на клавиатуру своей пишущей машинки — так, чтобы нос попал между парой клавиш. Увы, этому не суждено сбыться!

По счастью, я не верю ни в рай, ни в ад, так что смерть меня не страшит. Мне, однако, жаль мою жену Дженет, мою дочь Робин, моих редакторов Дженифер Брель, Шейлу Вильямс и Эда Фермана — все они будут несчастны, если со мной что-нибудь случится.

Я беседовал с каждым из них отдельно, настаивая, чтобы они восприняли мою смерть — когда произойдет неизбежное — как можно спокойнее. Я прожил долгую и счастливую жизнь и не жалею о ее конце. Теперь я прощаюсь с моей дорогой женой Дженет, с моей прекрасной дочерью Робин и со всеми редакторами и издателями, которые относились ко мне гораздо лучше, чем я того заслуживал.

Я прощаюсь также с благородными читателями, которые всегда были так добры ко мне. Они позволили мне сохранить любовь к чудесам науки и дали мне силы и возможность писать мои статьи.

Так что — прощайте, прощайте...

АЙЗЕК АЗИМОВ

Айзек Азимов скончался в больнице шестого апреля 1992 года в возрасте семидесяти двух лет.

